

Для поклонников
«ХРОНИК СЕМЬИ КАЗАЛЕТ» Э. ГОВАРД

ХЭРРИЕТ ЭВАНС

18+

САД УТРАТ
И НАДЕЖД

«НИКТО НЕ ПИШЕТ НАСТОЛЬКО ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
СЕМЕЙНЫЕ САГИ ТАК, КАК ЭТО СДЕЛАЛА ЭВАНС».

IRISH TIMES

Annotation

Соловьиный Дом – место, где всегда была счастлива семья Хорнер. Здесь Эдвард Хорнер, всемирно известный художник, написал свою знаменитую картину «Сад утрат и надежд». Он сжег ее перед смертью, ничего не объяснив любимой жене Лидди.

Спустя годы правнучка Эдварда, Джульет, окажется на пороге Соловьиного Дома. Что скрывает эта земля, на которой цвели яблони, строились планы и разбивались сердца?

- [Хэрриет Эванс](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Хэрриет Эванс

Сад утрат и надежд

Моей Марте

*«Будущее еще
не написано;
прошлое сожжено
и кануло в
небытие».*

*Надпись на
табличке картины
«Сад утрат и
надежд», сэр
Эдвард Хорнер,
1873–1919*

Harriet Evans
The Garden of Lost and Found

* * *

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2019 Venetia Books Limited

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление/ ООО «Издательство
„Эксмо“», 2020

Пролог

1

1918. Июнь

До конца своей жизни Лидди будет гадать, могла ли она остановить Неда. Ах, если бы она чуть раньше обратила внимание на его настроение – он был таким странным после их возвращения из Лондона, если бы она поняла, что задумал совершить ее супруг, когда потратил все до последнего пенни, чтобы выкупить «Сад утрат и надежд»... Если бы она не сидела за письменным столом, глядя в пространство – если бы она была внимательнее и *видела* больше вокруг себя, могла бы она вмешаться и остановить Неда? Но когда Лидия Дайзарт Хорнер пришла в мастерскую мужа, было слишком поздно. Она не сумела спасти из пламени самую знаменитую – и уж точно самую любимую – во всем мире картину.

Был июнь. Лидди зашла в гостиную. Французские окна были открыты в прелестный сад, в воздухе витали ароматы жасмина и лаванды. Удрученно перебирая вечную пачку неоплаченных счетов, она вдохнула полной грудью запах цветов, чтобы он вытеснил запахи пыльных книг и ковров, газовых ламп и бараньего окорока с розмарином – стряпни Зиппоры. В то утро Лидди срезала розмарин и собственноручно выкопала из черной земли несколько кустов молодого картофеля: ровные, золотые клубни. А для украшения стола она выбрала лиловые, темно-красные, розовые цветы: тяжелые розы, сирень и гравилат.

Они приехали в этот дом двадцать четыре года назад, почти день в день, в яркий и полный надежд июньский полдень, когда за домом грустили над речкой ивы, а молодой дубок, который с тех пор вырос и уже возвышался над крышей дома, оделся в свежую зелень. Уставшие от долгой дороги, они почти не замечали буйства пробудившейся природы. Нед помог молодой жене – они были так молоды, почти

дети, – выйти из коляски и понес любимую на руках. Она растянула лодыжку в их прежней квартирке, милом надвратном доме, – как давно она не вспоминала о нем! И никогда после него ей не было так уютно и хорошо, даже теперь. В памяти Лидди до сих пор сохранилось неловкое ощущение – желание привести в порядок волосы – тяжелую массу, упавшую ей на плечи, когда коляска тряслась по неровной дороге, но руки Неда крепко обнимали ее, лицо его светилось от усилий и яростной одержимости, с которой он постоянно жил и которая в конце концов его погубила.

– Лидди, послушай! В кронах деревьев поют соловьи, я слышал их вечером. Я слышал их пение.

Высокий странный дом приветствовал новых жильцов, но никто из людей не владел им по-настоящему, все они просто жили в нем. Золотистый котсуолдский камень с пятнами лишайника сохранял летом прохладу, а зимой ловил солнечный свет. Виргинский плющ закрывал южную сторону дома, лимонно-зеленый весной, малиново-красный осенью, белые кружева гортензии красовались под окнами кабинета и столовой. Вокруг двери были вырезаны совы, над ней белки, а наверху на четырех каменных перемычках гордо красовались четыре каменных соловья.

Они были и на ее кукольном домике, вот почему она поняла, куда привез ее Нед.

Да, те воспоминания. От них у нее перехватило горло и на этот раз – как всегда.

Первые шажки Джона, шаткие, решительные, крошечные по неровным ступенькам, ведущим в Заросли, а там его сестренка пела песенку из «Матушки Гусыни», которую специально переделала для него:

Джон, Джон, сын художника он.
Украл пирожок и прыг за порог.

Морозное рождественское утро, когда Элайза тайком ушла рано утром и вернулась домой, раскрасневшаяся от мороза, волоча за собой плющ и жесткий остролист.

Первый приезд Мэри, ее милое, смуглое лицо в дверном проеме, слезы на глазах, ее медовый, низкий голос: «Я чувствую, что мама здесь, Лидди – она здесь, правда?» Но это было восемнадцать лет назад, и теперь она даже не знала, жива Мэри или нет.

Время работы над картиной – то золотое лето, когда она часами позировала Неду. Дети – эльфы, танцующие в саду с птичьими крылышками, и Нед, безумно старавшийся все уловить, запечатлеть воспоминания, любовь, красоту сада на холсте...

Дребезжание велосипеда в то чугунно-холодное утро, телеграмма, птицы замерзали на ветвях. Все умерли. Она дала деньги мальчишке-почтальону. Совершенно спокойно.

Лидди снились сны, в которых другая женщина сидела за письменным столом, за этим самым, и глядела в сад; ее волосы убраны наверх, как у Лидди. Та женщина была не она, а кто-то еще, но лица ее она никогда не видела.

В тот день она не могла сосредоточиться. Весна выдалась ужасно холодной, и внезапная летняя жара в тот день была особенно желанной. Выронив из пальцев счет от мясника, Лидди сидела и сонно слушала соловьев, а гудение шмеля у оконного стекла лишь усиливало ее дремотное состояние.

И тут она уловила запах. Поначалу слабый, сладковатый запах зимы.

Но по ее распоряжению в доме после Троицы никогда не зажигали огонь. В саду тоже. Садовник Дарлинг знал, что этого нельзя делать, потому что птицы сидели на гнездах. И какой-то инстинкт, некая мышечная прапамять о несчастье заставили ее встать и протиснуться мимо письменного стола на террасу, где аромат роз теперь еще сильнее смешивался с этим запахом.

Это был запах чего-то горелого. Запах пожара.

Лидди побежала к Голубятне, старинному банкетному домику на краю сада, где Нед оборудовал себе студию. Она уже слышала треск горящей древесины, потом что-то расколосось и раздался страшный, почти нечеловеческий крик. Она ускорила шаг, каблук ее маленьких шелковых туфель вязли в мягкой земле, тяжелый темно-розовый шелк платья прилипал к ногам, словно мокрый. Подойдя к домику, она остановилась в дверях и закричала, вскинув над головой руки.

Нед стоял перед оранжевыми языками жадного огня. От пламени летели белые искры, и он хватал их, сжимал, размахивал руками и топал ногами по полу.

– Все! Нет ее! – пронзительно визжал он, маниакально тыча пальцем в огонь. – Нет ее! Нет! Нет! – Его голос был писклявым, птичьим. – Нет ее!

– Дорогой мой! – воскликнула Лидди, громко, чтобы он услышал ее сквозь рев огня. – Дорогой! Нед! – Она схватила его за плечи и хотела повернуть прочь от пламени, но он грубо оттолкнул ее с силой безумного человека.

– Я давно хотел это сделать, – сказал он, но смотрел не на нее, а сквозь нее. Словно ее не было рядом с ним. Его щеки покраснели. – Я уничтожу ее. Магический трюк! Она больше не будет нас преследовать, Лидди! Она больше не принесет нам беду!

От жары у нее болело лицо, но она смотрела раскрыв рот. Она уже знала, что увидит.

«Сад утрат и надежд», обернутый в коричневую бумагу и перевязанный веревкой, стоял на мольберте в студии восемь месяцев, с тех пор как Нед выкупил его. Теперь она увидела, что печать сломана, а из кое-как перевязанной бумаги выглядывали края золоченой рамы. И пока она смотрела, Нед схватил картину и швырнул ее в огонь. Рама мгновенно вспыхнула.

Лидди закричала словно от боли – и бросилась к огню, но Нед оттолкнул ее. Она не отрывала глаз от завернутой в бумагу картины. Золотая рама плавилась, уходила в небытие, исчезала у нее на глазах. Ее дети, рассматривавшие что-то интересное на траве. Их прелестные спины слегка наклонены, крылышки поблескивали золотом в лучах вечернего солнца – Нед изобразил их на холсте с поразительной точностью, и вот теперь они сгорели. От них не осталось ни следа, жадное пламя лизало табличку: «„Сад утрат и надежд“, сэр Эдвард Хорнер, К. А. 1900».

Какой громкий шум! Она никогда не думала, что огонь может так рычать и рыдать!

Лидди обняла мужа.

– Нед, – рыдала она. – Милый, как ты мог? – Она с трудом оттащила его на несколько шагов и приложила ладонь к его лбу. Лоб был ледяной, глаза стеклянные. – Боже милостивый – зачем?

– Он больше не вернется. Я сжег его. Он канул в небытие. Она тоже. Маленькие птички улетели... – Вот все, что он мог сказать.

Лидди прижимала к себе его дрожащее тело, скользкое от пота. Он едва ли сознавал, где он и что совершил. От страха у нее перехватило горло.

– Милый, пойдем в дом, – умоляла она. – Ты нездоров.

Но он снова оттолкнул ее.

– Я здоров. Я здоров.

От густого черного дыма у нее текли слезы. Она закашлялась, и Нед сжал ее руки.

– Теперь нам больше не придется смотреть на них, – сказал он внятно и серьезно. Половина его лица была в тени, на другой, оранжево-розовой, трепетали отсветы пламени. – Этот огонь очистил нас. Да, Лидди, очистил.

Оттолкнув ее, он протянул руку за маленьким эскизом к «Саду утрат и надежд», который всегда висел в углу мастерской. Собрав все силы, Лидди вырвала у него эскиз и выпихнула Неда в сад. После этого она собрала всю одежду и тряпки, какие могла, и вдруг с ужасом поняла, что мастерская может в любую секунду взлететь на воздух из-за хранившегося там скипидара. На полу валялся свернутый ковер. Она набросила его на огонь. От тяжести ее руки оказались над пламенем; она ощутила пронзительную, раскаленную боль, услышала шипение собственной кожи и с удивлением обнаружила, что горят ее собственные руки. Проявив невиданное для нее присутствие духа и совершив некий акт страхования на будущее, которого она не могла предвидеть, Лидия придерживала руками шелковый подол и топтала изо всех сил обеими ногами ковер, закрывший огонь.

В доме поняли, что в Голубятне творится что-то неладное. Послышались крики:

– Голубятня горит! Воды! Несите туда воду!

Пошатываясь, Лидди вышла из домика. Из ее глаз лились слезы. Моргая, она смотрела на свои руки, красные, в ожогах, и не ощущала боли. Зиппора и маленькая Нора появились в дверях кухни и бросились к ней. Фартук Зиппоры трепетал на ветру, когда она вылила таз воды на пламя, выбившееся из-под края ковра. Садовник материализовался из райских кущ сада; он толкал тачку с

металлической ванной, наполненной водой; его старческая, кривоногая фигура быстро приближалась к домику.

– Миссис Хорнер! Мадам! – Нора в ужасе показывала на траву за спиной Лидди. Там лежал Нед с белым как мел лицом. Он открыл глаза, и теперь в них появились проблески сознания. Слабой рукой он подозвал жену, а когда она присела возле него, сказал спокойно своим обычным голосом:

– Лидди, я неважно себя чувствую, птичка моя. Я неважно себя чувствую.

Он находился в мастерской весь предыдущий день, потом ушел на долгую прогулку и не возвращался до вечера. Ужинали они вместе с лордом и леди Кут, и он молчал почти все время за ужином и после, отрешенный, погруженный в свои мысли. Ночью он лег к ней в постель. У них была близость впервые за много месяцев, хотя ей показалось, что он с трудом понимал, кто она такая. Утром она вспоминала его страстный визит, его ласки, и у нее болело за него сердце, хотя за эти годы случилось много всего, что разделило их. Она понимала, что после утраты Джона он был в ужасной депрессии.

В отличие от Лидди, он не очень много общался с Джоном, но несчастье, казалось, потрясло его сильнее, чем ее. За эти последние месяцы он пал духом. Сэр Эдвард Хорнер вышел из моды; много лет прошло с тех пор, как Королевская Академия нанимала охрану и ставила кордоны, чтобы сдерживать рвущуюся на его выставки толпу. Он был все еще популярен, но теперь создавал патриотические картины, прославлявшие Империю. Одним словом, это был уже не прежний Нед Хорнер, восхитивший мир искусства почти тридцать лет назад. И эта затея с выкупом картины...

Она знала, что он возненавидел «Сад утрат и надежд». Теперь ее многие критики высмеивали и называли символом поздневикторианской сентиментальности. В «Панче» даже появилась карикатура: «Эдна! Эдна! Отойди от этой картины. Мы разоримся, постоянно отдавая в стирку твои носовые платки! Ты слышишь меня?» Его это терзало. Но не Лидди. Ее уже ничто не могло ранить.

Она положила на колени его голову. Он что-то пробормотал.

– Теперь он ушел, – сказал Нед. – Это было правильно, не так ли?

– Что?

Но его глаза уже снова смотрели в пустоту. «Скажи мне, – шептала она ему на ухо. – Я люблю тебя. Я буду всегда любить тебя. Не оставляй меня тут одну. Скажи мне, почему ты это сделал».

Но она так и не узнала. Нед больше не приходил в сознание. Он угас через неделю, один из миллионов, умерших от инфлюэнции, от испанки, которая свирепствовала в стране, на континенте, в мире. Она унесла больше людей, чем Великая война. В их деревне она убила десять человек, среди них милую Зиппору, фермера Толли, их соседа на ферме Уолбрук, леди Кут и леди Шарлотту Кут. Старый лорд Кут остался один, два его сына погибли на войне. Позже она узнала, что грипп убил и мисс Брайант. Так что Лидди была свободна. Но совсем одна.

На следующий день после смерти мужа Лидди подмела в Голубятне каменный пол. Огонь оставил темное красно-серое пятно на золотистых плитах. Она даже подумала, не сохранить ли на память золу от картины, но вместо этого смела ее в совок и, стоя на ступеньках, ведущих в Заросли, высыпала ее в сад. Зола разлетелась по буйству июньских красок, словно черно-серый снег, а Лидди стояла и смотрела, крутя в руке маленькую бронзовую табличку.

Табличка уцелела каким-то чудом – все, что осталось от самой знаменитой картины минувшей эпохи. В течение года после ее первого триумфа на Летней Выставке она объехала полмира: Париж, Санкт-Петербург, Аделаида, Филадельфия. Миллионы людей стояли в очередях, чтобы увидеть ее, взглянуть на прекрасный английский сад на исходе дня, на двух детей с забавными крылышками, которые сидели на пятнистых каменных ступеньках и глядели через окно дома на мать, что-то пишущую за столом.

Дети давно умерли. Художник умер, картина тоже. Остались только эскиз и сама Лидия – и Соловьиный Дом среди деревьев, в кронах которых пели птицы и ухали совы.

В детстве она всего боялась и мечтала о собственном доме, спрятанном там, где ее никто не найдет. Где она была бы в безопасности. Потом Нед привез ее сюда, и в первые годы все было чудесно. Изумительно. Лето расцвело и померкло в саду, шелковистый свет золотого сентября сменился туманами и осенней сыростью, потом

темной зимой. Лидди не давал покоя вопрос: ты платишь вот так за былое счастье? Пожалуй, да, это плата.

II

1893, июнь

Хэм, Ричмонд

Далбитти – мой любезный друг!

Не желаешь ли ты поехать со мной вместе и взглянуть на Соловьиный Дом? Я подыскал для нас идеальное жилище – бывший дом приходского священника, 1800 года постройки, там жила в детстве мать Лидди, проблема вот в чем: теперь дом в плачевном состоянии, ни лестниц, ни шкафов, ни окон, ни дверей, только каркас – но все равно прекрасный, с большими комнатами и полно света; в саду стоит банкетный домик, остатки старинного особняка, построенного во времена Елизаветы для вкушения мороженого и прочих лакомств после прогулки по лужайке (теперь на ее месте заросли кустарника) – такая забавная штукавина, но я приспособил бы его под мастерскую. Ты возьмешься перестроить Соловьиный Дом на свой вкус, так, чтобы он стал для нас уютным пристанищем? Поскольку ты понимаешь, что нам нужно место, где я мог бы спокойно работать без помех и городского шума – без болтунов, коммерческих агентов, критиков.

Дом для нашей дочки и других детей в будущем, место с чистым, свежим воздухом, чтобы у нашей малышки Элайзы прошел кашель.

Жилье для моей милой свояченицы – надо позаботиться о Мэри, поскольку ситуация в Париже стала невыносимой, и бедняжка больше не может жить с Пертви – наш старый друг потерян для себя и окружающих, пьянство держит беднягу в крепких тисках, – и Мэри будет жить с нами столько, сколько захочет.

«Построй себе дом в Иерусалиме и живи здесь, и никуда не выходи отсюда».

Мой покойный батюшка, как тебе известно, не был большим приверженцем Священного Писания – но любил цитаты оттуда, как и ты, и эта как раз уместна... поскольку должно появиться место, где моя Лидди сможет быть свободной – ей необходимо бежать из Лондона, бежать от призраков! Они по-прежнему жестоко терзают ее. Чего только не претерпели те трое детей от рук тех, кто должен был заботиться о них! Я каждый день пытаюсь рассеять ужас, который они причинили, хотя постепенно понимаю, что мне никогда не удастся прогнать его до конца. Моя милая птичка. Она любила мать – и ей будет хорошо в этом доме. Наконец-то.

– Дом для нашей семьи, который простоят до тех пор, пока последний соловей не исчезнет из крон деревьев за домом – о, это прекрасное место, невероятно странное, даже мистическое – среди забытых Богом просторов – пока я так и не понял, то ли это Оксфордшир, то ли Глостершир, то ли Вустершир, то ли еще какое-то другое графство! В воздухе, в деревьях там чудится что-то тайное, магическое – впрочем, я увлекся. Приезжай поскорее, Далбитти, – мы хотим видеть тебя, все мы, – и построй нам дом, хороший дом – чтобы мы открыли новую главу в нашей жизни, прекрасную главу!

Твой с каштанами и курятиной —

Хорнер

III

Обнаружен считавшийся утраченным шедевр:

эскиз к всемирно известной картине

выставлен на продажу

Исключительно редкий эскиз к знаменитой картине «Сад утрат и надежд», сожженной ее создателем, эдвардианским художником Эдвардом Хорнером, выставлен сегодня на аукцион. Художник изобразил на нем своих детей, Элайзу и Джона, в саду их... ширского дома. Дети заглядывают в дом, где загадочная женская фигура – общепринято считать, что это Лидия Дайзарт Хорнер, жена художника – сидит за столом и что-то пишет.

От самой картины не осталось больше ничего, кроме нескольких старых фотографий плохого качества. Поэтому «Сад утрат и надежд» обрел почти мифический статус из-за печальной судьбы детей художника и картины. В свое время она стала сенсацией, эта работа, и выдающийся художественный критик Тадеуш Ла Туш называл ее «пожалуй, самым трогательным изображением детства и утраченной невинности, когда-либо запечатленным на холсте». Картина объехала Европу и Америку, и считается, что ее посмотрели около 8 миллионов человек.

Позже она вышла из моды, когда некогда непогрешимый Хорнер с его другими, более шовинистическими работами, такими как «Сиреневые часы» и «Мы построили Ниневию», был отвергнут критиками и публикой. Известно, что Хорнер возненавидел свою самую знаменитую картину и выкупил ее у арт-дилера Галвестона за 5000 гиней, фактически разорившись. Он умер вскоре после этого в первую волну эпидемии испанки.

После того как сгорела картина и умер художник, его репутация немного восстановилась; росла и загадка «Сада утрат и надежд», и с годами картина стала считаться одним из величайших утраченных шедевров. Эскиз к картине написан маслом на коммерчески грунтованном холсте, и под слоем краски видны перо и чернила. Выполнен быстро, изобилует деталями и заметками, которые художник намеревался перенести на картину, и поражает не только мастерством техники и приемами импрессионизма, но и языком классической структуры, за который так ценили Хорнера. В верхнем левом углу эскиза присутствует непонятная искусствоведам деталь – золотая полоса, предположительно падающая звезда, которой нет на фотографиях оригинала картины или эскиза. Эксперты не могут объяснить ее появление, а Ян де Хоэртс, экс-директор британской галереи Тейт, язвительно отозвался о предстоящем аукционе, заявив, что это очевидная подделка. «Хорнер не „делал“ золотых полосок. Это добавил не он. Эскиз скомпрометирован, как и обстоятельства его продажи».

Эскиз размером всего лишь 32 × 25 см продается анонимным коллекционером, который купил его у покойной дочери художника Стеллы Хорнер (родившейся после смерти ее отца). Сегодня его оценили в Даунис в 400 000–500 000 фунтов. Джульетта Хорнер, правнучка художника и эксперт по викторианской и эдвардианской живописи в Даунис, сказала: «Много лет „Сад утрат и надежд“ был самым знаменитым в мире живописным произведением. Миллионы людей стояли в длинных очередях, чтобы взглянуть на него. Его утрата – трагедия, и мы по сей день не знаем, почему Хорнер сжег свою лучшую работу. Так что находка этого изумительного эскиза оказалась для нас приятным сюрпризом».

«Гардиан», 10 мая 2014 г.

Часть первая

Глава 1

Май

Май был любимым месяцем моей мамы! Потому что, по ее словам, сад еще не достиг своего великолетия, но все это еще впереди. Радость предвкушения, так она это называла. Она и сама была удивительно майская. Она умерла в мае, Джульет, ты знала это? И я велела написать на ее надгробье: «Май – лучший месяц, потому что в мае поют соловьи». Так она всегда мне говорила. Они улетают на зиму в Африку – ты помнишь, как я рассказывала тебе? Однажды, еще до войны, я была в Марокко и видела десятки соловьев, певших на минаретах и плоских крышах. Так странно – в феврале, среди пальм, с мерцавшей вдалеке золотой пустыней. И такие простые, невзрачные птички, но как поют!

Они возвращаются в Англию в мае. Впрочем, поют только самцы. Самка выбирает себе партнера по красоте его пения, знаешь ли ты об этом?

А еще в начале мая надо сажать последние летние луковицы и корни. Сажать георгины, сотни георгинов. Ирисы к этой поре почти взойдут, пожалуйста, подкорми их. Приготовь землю. Удали отмершие растения. С наступлением мая я работаю в саду с раннего утра и дотемна. У меня болит все тело, и я никак не могу избавиться от грязи под ногтями. Но я чувствую себя невысказанно прекрасно, лучше, чем когда-либо.

И вот еще что, Джульет: в этом месяце в лесу у ручья цветут колокольчики. Любуйся ими, но если увидишь круг из этих цветов, никогда не заходи в него. Это приносит несчастье. К тебе придет злая фея и проклянет тебя. Вот что, по словам мамы, случилось с одной малышкой.

Запомни: Май – лучший месяц.

Лондон

2014. Май

– Я не хочу мюсли. Я хочу тост.

– Айла, дочка, тостов нет. Поешь мюсли. Ох... блин, почти восемь! Всем надо торопиться.

– Мам, но я ненавижу мюсли. Эти сушеные фрукты! Меня *тошнит*, когда я ем их. Не заставляй меня есть их. Иначе меня *стошнит*.

– О'кей, тогда возьми батончики «Уитабикс». Санди, милый, не надо так делать. Не бросай это на пол. Мэтт, ты можешь остановить его, чтобы он не бросал на... ох.

– Я ненавижу «Уитабикс». От него меня...

– Тогда съешь банан. Би, пожалуйста, ты можешь что-нибудь съесть?

– Знаешь, ма, мисс Робертс говорит, что нельзя начинать день с фруктов, она говорит, что это вредно для желудка.

– Мисс Робертс ошибается. Мэтт! Пожалуйста, не позволяй ему бросать на пол мюсли.

– Господи, Джульет! Я слышу тебя. Не кричи на меня.

Джульет заметила, что ее плечи оказались где-то на уровне подбородка. С тяжелым вздохом она отошла от стола.

– Я не кричу. – Она наступила на маленький игрушечный автобус, но успела поднять ногу, прежде чем он превратился в самокат, ловко сохранила равновесие и ухватилась обеими руками за стул старшей дочери. – Господи! – воскликнула она. – Чуть не упала! Вы видели?!

Никто ей не ответил, только Айла, ее средняя дочка, жалобно посмотрела на нее и протянула пустой пакет ИКЕА.

– Пожалуйста, мама, *пожалуйста, я ненавижу мюсли и я ненавижу «Уитабикс», пожалуйста, не заставляй меня их есть.*

– Ох, дай ей тост, ради бога, – раздраженно сказал Мэтт. Он откинулся на спинку стула и пощелкал радио. – Давайте послушаем какую-нибудь музыку. Я ненавижу по утрам «Радио-4». Правда, дети? Это все равно что пригласить ужасных стариков с гнилым дыханием, чтобы они сидели рядом и орали на тебя, пока ты завтракаешь.

Дети засмеялись, даже Би. Джульет тяжело вздохнула:

– Тостов нет.

Мэтт поднял глаза от своего телефона:

– Почему нет?

– Мы все съели.

– Нам надо приготовить сегодня больше. – Он потряс пустой картонной коробкой. – И апельсиновый сок.

– Я хотю сок, – тихо сказал Санди из своего угла. – Сок, позалуста. Я хотю сок.

Нам надо забронировать летнюю поездку. Нам надо встретиться с Оливией и ее детьми. Нам надо позвонить твоей матери в Рим. Нам не надо спать с другими людьми. Нам надо сделать все эти вещи.

– Ты мог бы зайти в магазин, Мэтт. Между прочим, говорят, что там продают еду.

– Я говорил тебе десять раз, что у меня сегодня важный день на работе. Формирование команды. Благодарю за напоминание.

– Ладно, я зайду в магазин во время ланча, если после аукциона будет время... – Джульетта снова повернулась к приемнику.

– *А теперь послушайте «Размышления о главном» преподобного...*

Мэтт посмотрел на нее, и в его глазах промелькнул гнев.

– Господи, Джульет.

Когда-то она боялась этого взгляда, у нее все сжималось внутри от боли и тревоги, но потом привыкла.

– Хотю сок, – заявил Санди чуть громче прежнего.

– Я просто хочу послушать, может, что-то скажут про аукцион. Генри сказал, что будет в эфире около восьми. – Джульет наклонилась над Санди, кидавшим мюсли в старшую сестру, и остановила его. – Би, дочка, поешь мюсли, ну хоть немного.

Би подняла голову и посмотрела на мать. Под ее темными глазами лежали тени, словно лиловые отпечатки пальца.

– Я не голодна, спасибо, – ответила Би и снова уткнулась в свой телефон; ее тонкие пальчики бегали по дисплею, светившемуся в полумраке кухни.

Джульет ненавидела этот телефон. Она помнила, как эта юная темноглазая персона болтала ногами, барабаня о ножки стула, рассказывала о цыплятах, которые вывелись у них в классе, о занятиях в клубе рукоделия, о новом щенке Молли. «Ах, какое чудесное утро! –

пела она за завтраком и ужином. – Ах, какая чудесная мамочка! У меня чудесный папочка! У меня чудесная сестренка! Все хорошо у меня!»

Когда-то у нее одной имелся ключ, отпиривший душу ее старшей дочери, ее сердце, ее уста. А теперь она даже не была уверена, существует ли такой ключ. Ты можешь быть счастлива настолько, насколько счастлив твой самый несчастный ребенок. Би была несчастна, поэтому была несчастна и Джульет.

– Поешь хоть немножко, миленькая. – Она погладила дочку по блестящим черным волосам и почувствовала, как Би напряглась от ее прикосновения. – Хоть что-нибудь, чтобы желудок не был пустой. Ведь у тебя сегодня физкультура, вспомни об этом и... – Она опустила взгляд: – Господи! Кто этот Фин? Почему он прислал тебе картинку девушки в лифчике?

– Ой, *заткнись*, ма. Оставь меня в покое, черт побери. – Би внезапно вскочила и оттолкнула стул, толкнув Джульет деревянной спинкой. Потом вышла из кухни, искоса взглянув на мать, словно хотела убедиться, что не слишком обидела ее. Этот ее взгляд ранил Джульет сильнее всего.

Айла заглянула в свою тарелку и начала есть мюсли.

– Кое-кто сегодня не в духе, – еле слышно пробормотала она, но продолжала печально поглядывать на дверь, забавно опустив уголки губ. Сидевший рядом с ней Санди ударил кружкой по столу.

– Хотю *сок*.

– Не надо так наезжать на нее, – сказал Мэтт, все еще глядя в свой телефон.

– Но она – там все-таки...

– Подростковые проблемы. Они у нее всегда. – Мэтт пил мелкими глоточками капучино.

– О, – удивилась Джульет, растерявшись еще больше. – Правда?

– Кто-то по имени Фин. Я видел, как она писала.

– Когда?

Он встал.

– Мне пора идти. Кстати, сегодня я поздно вернусь и...

Джульет взяла его за локоть:

– Слушай. Не начинай все снова. Это твое «формирование команды», о'кей? Я хочу...

– Нет. Тссс, секунду. Вот. Слушай.

– *Сегодня в центре Лондона будет продаваться эскиз*, – сообщил Джон Хамфрис с самой лучшей, добродушной, ироничной интонацией. – *Эскиз размером не больше ноутбука будет выставлен в полдень на аукционе. Ожидается, что он будет стоить четверть миллиона фунтов. Да, вы не ослышались, эскиз.*

– Вот заладил – эскиз да эскиз, – пробормотал Мэтт, и Джульет нервно приложила палец к губам. Она неподвижно стояла, держась рукой за горло, и удивлялась, почему при любых разговорах об этом у нее возникало ощущение, будто она стремительно несется с крутой горы. Как-то глупо.

– *Это, впрочем, не рядовой эскиз; он был сделан для картины, которая когда-то была, пожалуй, самой знаменитой в мире. Сейчас ко мне подошел Генри Кудлип из аукционного дома «Даунис», кто проведет аукцион.*

– Который проведет аукцион, – машинально пробормотала Джульет.

– Это твой босс? Шикарный парень? – спросил Мэтт, мгновенно заинтересовавшись. Он повернул Санди на его стульчике и поцеловал. – Эй, малыш. – Он взъерошил его пышные, золотые волосы. В это время из приемника гремел сквозь потрескивание статических помех зычный голос Генри Кудлипа, словно у радиоволн не хватало сил его сдерживать.

– Сок! – Санди заплакал. – Сок, мама, сок, сок!

– *Никто не знает, почему художник сжег «Сад утрат и надежд». Он был не в себе, вот и все. Он был болен. Странный парень.*

– *Но почему картина была так популярна?*

– *Джон, я не могу вам сказать.*

– Эксперты, – фыркнул Мэтт. – Упаси нас бог от таких экспертов.

Джульет улыбнулась. Она стояла, скрестив руки на груди, возле радио.

– *...несомненно оказалась созвучной настроением британской публики, когда была написана... Ее называли самой трогательной в мире картиной, и это было ее уникальным торговым предложением. Взрослые мужчины стояли перед ней и рыдали. Дети художника, запечатленные в момент невинного созерцания в его саду, словно волшебные эльфы... как вы, вероятно, знаете, они оба...*

– Мам, а что случится, если вставить шарик в попку? – заорала Айла, стоя рядом с ней.

– Это замечательно, милая, – шшш, минутку...

– ...умерли через несколько лет, – говорил Генри Кудлип. – *Это действительно медитация на тему детства...*

– Кто умер? – тут же спросила Айла. – Заткнись, Санди!

– Никто. Это было давным-давно, и ты их не знаешь. Не беспокойся, – машинально пробормотала Джульетт и наклонилась к Санди, который лежал на полу, кричал «СОК» и колотил по полу пластиковой чашкой ИКЕА.

– Почему они умерли?

– *Какой ужас. И я полагаю, что все захотят узнать...*

– Потому что их тела стали старыми, а вообще, они жили долго и счастливо. Ешь быстрее, милая...

– *...остались ли от оригинала другие эскизы или изображения?*

– *Увы, нет! – Генри Кудлип сообщил об этом почти с удовольствием. – У нас больше ничего нет, вот почему так важен этот эскиз.*

– *Сейчас к нам присоединился Сэм Хэмилтон, с прошлой недели новый директор оксфордского Музея Фентиман, где находится наиболее значительная коллекция викторианского и эдвардианского искусства. Сэм Хэмилтон, благодарю вас...*

– О, не может быть, – прошипела Джульетт. – Господи. Господи! Проклятье! Сэм Хэмилтон? Классический самодовольный павлин! *Черт побери!* – Ее пальцы дотронулись до горячего чайника: она выругалась, сунула их в рот и поморщилась, но не отошла от радио.

– *Значит, Фентиман намерен делать сегодня ставки?*

– *Привет, Джон, спасибо, что пригласил меня. Нет – боюсь, что этот эскиз немного выходит за рамки наших финансовых возможностей. Это...*

– Почему ты не любишь этого человека?

– Я училась с ним в университете, – ответила Джульетт, забыв про самоцензуру. – Он из Канады. Господи, тот еще тип. Карьерист и всезнайка. Носил всегда только две футболки – одна с Джастином Фришманн, другая с рок-группой Pulp и носки с сандалиями «Биркеншток». И он бросил мою подругу.

– Ма, я ничего не поняла из твоих слов.

– Ничего, не важно. Просто он всегда был высокомерным и одевался как... впрочем, ладно! Нехорошо быть злопамятной, правда? Я уверена, что теперь он абсолютно приятный...

– Как это – «бросил»? Как сделал Адам с Дарси в «Холлиокс»^[1]?

– Почему ты смотришь «Холлиокс»?

– Я никогда не слышал, чтобы ты упоминала его, – сказал Мэтт.

– Я не видела его двадцать лет. Он... ну я не удивлена, что он стал директором музея и закорючился с Генри Кудлипом, чтобы сказать пару фраз на «Радио-4». Одним словом, он... – Она тряхнула головой. – Сэм Хэмилтон. Типичный.

– Любый ценитель викторианского искусства хотел бы владеть им. Нед Хорнер сегодня сильно недооценен из-за успеха и последующей гибели «Сада утрат и надежд» и обвинений, которые сыпались на него в последние годы жизни... он очень огорчился из-за них, как и его вдова Лидди Хорнер, жена художника. Они были замечательной парой, встретились очень молодыми, при чрезвычайных обстоятельствах.

Генри Кудлип перебил его:

– *Между прочим, его правнучка работает в...*

– Мам! – крикнула Би с верхней площадки лестницы.

– Минутку, еще одну минутку, – ой, Санди, тише, милый.

– *Джульет Хорнер, она у нас одна из экспертов по викторианскому искусству.*

– *У вас работает правнучка художника?*

– *Да, в данный момент. Мы всегда спрашивали у нее, нет ли у нее на чердаке и других картин, которые мы сможем тут продать, ха-ха-ха.*

– Они говорят обо мне! – сказала Джульет, пытаясь изобразить восторг, но Санди играл с половинкой луковицы, почему-то валявшейся на полу, а Мэтт явно не слушал. Только Айла взглянула на нее и с улыбкой сказала:

– Конечно, мамочка!

– *Но нет, эскиз стал для нее полной неожиданностью – для всех нас, когда его принес анонимный владелец.*

– *Потрясающе. Что ж, удачи вам сегодня. Это был Генри Кудлип из аукционного дома «Даунис», где продается этот эскиз... Итак, сейчас без двух минут восемь, вторник, 17 мая, и мы переходим к...*

– Что он имел в виду, сказав, что ты работаешь там «в данный момент»? – спросил Мэтт.

– Что? – Джульет уже начала убирать со стола. Коричневые хлопья мюсли уже крепко присохли к мискам.

– Этот парень, твой босс. Похоже, что ты не будешь там работать.

Джульет покачала головой:

– Нет, все нормально. – Но ее сердце громко застучало в груди, и ей показалось, что все слышат этот стук.

– Ты можешь обуть Санди и проследить, чтобы Айла почистила зубы? – Она пятилась от тесной кухни к лестнице.

– Мне пора идти, Джульет. Ты сама знаешь.

Ну хоть один раз! Ты можешь хоть сегодня помочь Айле почистить зубы, лентяй!?

Наверху узкой лестницы Джульет снова тяжело вздохнула, испытывая легкое головокружение, и постучала в дверь спальни Беатрис.

– Дочка, ты звала меня? Кажется, пора идти в школу.

Би сидела на полу возле кукольного домика, согнувшись, как запятая, и грызла свой большой палец. Она закуталась в толстое шерстяное одеяло. Когда-то оно накрывало диван в Соловьином Доме, и сама Джульет тоже любила кутаться в него, когда грустила или была уставшей.

– Я не хочу идти туда.

– Я знаю, что не хочешь, но до каникул осталось два дня. Потом мы будем развлекаться.

– Развлекаться? Говно собачье.

– Не ругайся. – Джульет погладила нежный, гладкий лоб дочери, мягкие волосы на висках, но Би тут же отпихнула ее руку. – Би, милая, ты можешь хоть чуточку рассказать мне, что случилось, и тогда я...

– Ничего. Ничего не случилось. – Би выпрямилась и открыла дверь домика, висевшую на огромной петле, которая обхватывала дымовую трубу. Аккуратными пальчиками собрала валявшиеся внутри дома фигурки и аккуратно расставила их в коридоре: двух детей, их гладкие деревянные руки не пострадали за сто лет; девочка была в крошечном платье с оборками и с крылышками из ветхой серебристой ткани, натянутой на поржавевшую проволоку, мальчик в свободной

белой рубашке и зеленовато-синих бархатных штанах до колена, которые увеличивали его крошечную фигурку.

Кукольный домик был когда-то подарен Элен, матери Лидии Хорнер, прабабушки Джульет. Согласно семейной истории, его сделал местный ремесленник для детей викария, когда они поселились в новом доме. Домику было лет сто семьдесят пять, не меньше, и бабушке никогда не приходилось напоминать Джульет об осторожности, когда девочка играла: Джульет и сама понимала. Кажется, в нем были и другие куклы, взрослые. Она смутно их помнила, но они куда-то делись, как и ее любимые плюшевые медведи, шляпки и книжки.

Бабушка хранила кукольный домик в Голубятне, куда редко заглядывала. По ее словам, в детстве она не любила играть в него. Зато Джульет и ее лучший друг Эв возились с домиком часами, перетаскивали его на траву, придумывали разные истории и разыгрывали их с куклами: катастрофы, пожар, банкротство, предательство, любовь – всякую чушь из дешевых книжек, ворчала бабушка, когда убирала домик с поляны, закрывала его дверцу и прогоняла детей из Голубятни, чтобы они вымыли руки и пили чай или по настоянию взрослых занимались чем-нибудь скучным.

Джульет рассеянно погладила чешуйчатый узор крыши. Она залезла на крышу настоящего Соловьиного Дома, когда была жива ее бабушка. Когда это было? Терракотово-коралловая черепица периодически требовала замены, и, когда это случалось, бабушка вызывала из Тьюксбери за большие деньги двух кровельщиков. На первом этапе они несколько дней сооружали леса. Дело было опасное, конструкция получалась пугающе шаткой. Один из кровельщиков, Лоренс, занимался этим с шестнадцати лет; его отец в отрочестве знал мастеров, которые сделали крышу по чертежу, придуманному Далбитти, выложили глазированную черепицу так, что она, казалось, мерцала на солнце. «Получилась не крыша, а панцирь. Он заставлял их делать и переделывать, пока не остался доволен результатом».

Как-то раз кровельщики пришли из паба, куда ходили на ланч, и спросили у Джульет, не хочет ли она залезть с ними на крышу. В те годы она ничего не боялась. Для нее это был лучший в мире дом – конечно же, она захотела побывать на его крыше!

Она помнила до сих пор, как карабкалась по шатким лесам, и у нее было ощущение, что она лезла вверх по гигантскому скелету. Потом стояла на высшей точке крыши, глядя оттуда на дом и сад – на две длинные гряды, которые они называли Зарослями; на самом деле это были хитроумно посаженные цветы, огромное множество цветов. Узенькая дорожка между ними вела к яблоням, айвовым деревьям и шелковицам, а оттуда к маленькой речке, границе их владений. Слева виднелась Голубятня со стеклянной крышей, бывшая мастерская Неда; теперь там стало темнее из-за высокого раскидистого дерева. Ей казалось, что крыша Соловьиного Дома шевелилась и расползалась под ее ногами, будто живое существо, широкая спина саламандры. Справа, далеко внизу, работала на овощных грядках бабушка, ее спина в синем комбинезоне круглилась подобно обручу. Мама и отец сидели с книгами в ржавых полосатых шезлонгах справа от Зарослей. За ее спиной, на деревьях, отделявших дом от церкви, кричал вяхирь. Какое же это было лето? И она вспомнила, хоть прошло так много времени. Это было лето Королевского бракосочетания, 1981 год. Джульет смотрела по телевизору церемонию вместе с Эвом.

А дверь в воспоминания, открывшись, повела ее дальше по тем дорожкам – и Джульет внезапно вздрогнула. Приезд старика, крики... Джульет вспомнила, как показывала ему кукольный домик, там, в Голубятне.

Она не возвращалась мыслями к тем дням много лет. Королевская свадьба, гремевшая из телевизоров и радио. Бабушка в бешенстве прогоняла старика. Орала на маму с папой. Джульет и Эв прятались в саду, словно маленькие птички. На следующий день все переменялось, и она с родителями уехала из Соловьиного Дома, прямо после завтрака. Джульет проплакала всю дорогу. Тогда-то она и подумала в первый раз, что ей нужно жить с бабушкой, а не с родителями. Что ее сердце принадлежит ей, а не им... Джульет помнила, как она дышала на стекло и писала на конденсате «Соловьиный», как рыдала, как ее ляжки липли к пластиковому сиденью тряского «Рено». В прошлом году на уроках религии им рассказывали про Рай. Джульет, грешным делом, всегда представляла себе Рай как сад возле Соловьиного Дома.

Но ее дети никогда его не видели, да и она сама не была там ни разу после бабушкиной смерти... Да, сегодняшний день обещает стать очень странным... Джульет заморгала, обнаружив, что Би все еще

методично передвигала фигурки по дому, и, возвращаясь к реальности, дотронулась до ее плеча:

– Это опять Ами? Хочешь, я поговорю с кем-нибудь?

– Нет. Нет, пожалуйста, не надо. Не говори *ничего*. – Би со стуком захлопнула дверцу кукольного домика; послышался стук упавших в нем фигурок. Она прижала пальцы к глазам. – Не надо, ма, пожалуйста, не надо.

– Не буду, доченька, не буду. Но ведь если кто-то делает тебе пакости...

– Она не делает. Вернее, иногда... – Би вздохнула. – Обещай мне.

– Что за парень этот Фин? Папа сказал, что Фин тоже твой друг...

Одно из сообщений от Ами, которые ей удалось на днях прочесть, прежде чем ее застигла за этим Би, было таким:

«Расскажи им про Фин, детка, или я сама это сделаю! Расскажи им, что вы с Фин собирались сделать! Lool* *Громко хохочу»

– Нет. Господи, пожалуйста, ма. Я знаю, ты пытаешься мне помочь, но лучше оставь меня в покое, пожалуйста. *Пожалуйста*. Я сама разберусь. Мне не нужна твоя помощь. – Би встала и вышла из комнаты.

С тяжелой душой Джульет заправила постель дочки и, аккуратно свернув, убрала ее пижаму под подушку. Потом взяла ее любимую игрушку – старого кота Мога с серым свалевшимся мехом, поцеловала, надеясь, что ее любовь магическим образом передастся и дочке, и посадила на середину кровати. *Я так люблю тебя. Только не знаю, как тебе помочь*. Она уже опаздывала, но не могла удержаться, снова открыла домик и поставила фигурки на ноги, прислонив их к полкам. Закрыла дверцу и, опираясь рукой на крепкую трубу, встала и спустилась вниз следом за дочерью.

Мэтт с важным видом сообщил, что может отвезти Санди в детский сад, поскольку это ему по пути. Би настояла, что сама доберется до школы, поэтому Джульет везла в школу только Айлу. Поскольку Айла лишь чуть-чуть испачкала каблук в свежем собачьем кале возле их двери, и поскольку Джульет посчастливилось сунуть

руки в карманы еще до того, как услышала знакомый звук краденого мопеда, вслед за которым появлялся юнец с полосой прыщей ровно по линии челюсти и выхватывал из твоих рук телефон, и поскольку они прибыли в школу не последними, как обычно, она расценила это утро как весьма успешное.

– Наверно, сегодня мы будем проходить Египет, – с надеждой сообщила Айла, когда они подходили к классу «Чеддар». – Куда Клеопатра *дела* змею, которая укусила ее маму? Правда, куда она ее *дела*?

– Джульет, этим утром я слышала по радио твое имя! – воскликнула возле двери класса Кэтти, приятная мама из новеньких, которую Джулия мысленно отнесла к племени Приземленных. – Как интересно, значит, это будет сегодня?

– Что будет сегодня? – тут же спросила другая, поспешно пряча выбившуюся прядь волос под шарф. – О, конечно, твой аукцион. Надеюсь, он заработает миллионы. Не забудь, мы с тобой всегда были хорошими друзьями. Всегда. Даже когда ты проходила через фазу комбинезонов.

– Кто заработает миллионы? – спросила Айла, подбегая к Джульет. – А у меня в сумке лежит яблоко?

– Мой аукцион, о котором говорили сегодня утром по радио. Нет, я не получу ничего, Зейна, и ты прекрасно это знаешь, так что мне без разницы, принесет он пятьсот тысяч или пять миллионов.

– Он не потянет на пять миллионов, уверяю тебя, – заявил один из отцов, плотный мужчина в футболке с картой Сити.

– Да, конечно, – согласилась Джульет.

Зейна покачала головой, изображая в шутку возмущение.

– Я все-таки буду неподалеку, если тебе понадобится адвокат, и мы докажем, что ты имеешь право на долю от выручки как единственная наследница. Кто бы там ни был продавцом и покупателем. Справедливость для Джульет!

Другие мамы засмеялись.

Папаша с Сити направился прочь, качая головой, словно все они были толпой глупых женщин, и не важно, что среди них были юрист, эксперт по викторианскому искусству, врач. Его жена, маленькая, темноглазая, по имени Тесс, наклонилась и поцеловала на прощание

их дочку, а потом странно взглянула, закатив глаза, на спину уходившего мужа.

Джульет поцеловала Айлу в щечку:

– Пока, доченька.

Айла задержалась в дверях класса и оглянулась. Ее глаза сердито сверкали, щеки пылали.

– Мамочка, ты забыла про мое яблоко, ты не ответила мне, как всегда, ты не обращаешь на меня внимания и слушаешь только Би. Я тоже человек. Пока.

– Ой, доченька, просто Би... – пробормотала Джульет и шагнула к ней, но Андреа, помощница учителя, твердо сказала:

– Спасибо, мамочка! Не беспокойтесь!

– Что за драма сегодня, Джульет? – спросила Тесс своим низким, чистым голосом.

– Ой, ничего особенного, – удрученно ответила Джульет. – По радио сообщили об аукционе и... в общем!.. Просто один из трудных дней.

Хотя, если честно, так бывало каждое утро.

Тесс пригладила волосы.

– Роберт считает, что весь этот аукцион – фуфло. Говорит, что эскиз не подлинный.

Джульет даже не знала, как и реагировать на эти слова – *твой муж по доброй воле носит костюм в полоску шириной в два дюйма, а как-то сказал мне, что братья Кэнди с их выставленным напоказ богатством были приличными людьми, если узнать их получше*, – и вместо этого изобразила на лице выражение, которое приберегала для пенсионеров в красных штанах – они являлись в «Даунис» с мутноватым, темным пейзажем и утверждали, что это точно Констебль, они, мол, провели тщательные исследования. На что она всегда серьезно кивала: «Мммм. Верно. Ммм».

– Все это так романтично, правда? – Кэтти улыбнулась. – Я читала об этом в газете. Ты помнишь ту работу?

– Нет. Он сжег ее...

– Я имею в виду эскиз. Ведь твоя бабушка жила в том доме, правда? Ты помнишь его? А она – одна из тех детей, что изображены на картине? О, это как замок Мэндерли или нечто подобное!

Глаза Кэтти выпучились от восторга, а Джульет подумала, что, может, она ошиблась в своей оценке и ее, пожалуй, стоит перенести из племени Приземленных в племя Скрытых Чудаков, к которому новые члены добавлялись с пугающей частотой.

– Да, я очень хорошо помню тот дом. В моем детстве эскиз висел в ее кабинете. Я не помню, что с ним случилось, маленькие дети не обращают внимания на такие вещи. Вероятно, он был продан после смерти бабушки.

– О! Конечно! Ты будешь что-то делать сегодня на аукционе?

Джульет нахмурилась:

– Мой босс хочет, чтобы я сфотографировалась для прессы рядом с эскизом. Потому что, мол, семейные связи и все такое. Я отказалась.

– Почему, детка? – воскликнула Дана (йогическое племя Безработных-По-Собственному-Выбору). – Ой, как жалко, что ты отказалась.

– Я сама не знаю, – Джульет пожала плечами. В ее голове прозвучал голос Генри Кудлипа.

– *У вас работает правнучка художника?*

– *Да, в данный момент.*

– Я чувствую себя чуточку странно. – Она не сказала, что ее кабинет находился на первом этаже и несколько раз в день она, почти непроизвольно, выползала из него и смотрела на эскиз, висевший в помпезном холле «Даунис», смотрела с такой жадностью, что после этого ее глаза болели, словно от ветра с песком. Пыталась навсегда запомнить детали – золотой дом, выпуклая крыша, на которой когда-то стояли ее ноги, те дети...

Маленькая девочка, Элайза ее звали, с серебристыми крылышками, блестящими на солнце. Казалось, она собиралась повернуться к зрителю, словно знала, что на нее смотрят – но знала ли она, что с ней случится потом? Каким было выражение ее лица на большой картине? И взгляд внутрь дома. Восьмиугольный кабинет, обрамленный книгами, женщина пишет там, в центре дома, ее лица мы не видим, пышные волосы падают на спину – была ли это сама Лидди? Бумага на полу, поваленная свеча – они что-то означали или это просто виноват ветер, ворвавшийся в открытые французские окна? И золотая молния в небе, словно падающая звезда, рассыпавшая искры на землю возле дома, – ее нет ни на одной фотографии большой картины.

Почему художник не нарисовал ее там? Или это была комета, принесшая несчастье? Или просто случайность, пролитая на эскиз краска, и художник ловко обыграл эту оплошность – Джульет знала, что он делал так и раньше, в картине «Первый год», когда Элайза, тогда только что научившаяся ползать, дотронулась ладошкой, испачканной в желтом хrome, до угла почти готового полотна. *«Картина стала еще лучше благодаря ей. Думаю, она станет художницей»*, – писал он Далбитти.

– Кто там живет теперь? – спросила Джема (адвокат/племя Бегунов). Джульет заморгала. Все мамы устремили на нее взоры.

– О, какая-то немолодая пара купила его после смерти бабушки. Я не была там много лет.

Четырнадцать лет. Би тогда была совсем крошечной. Джульет потеряла глаза, окинула взглядом круг любопытных мам и взглянула на часы:

– Так. Пожалуй, мне пора.

Она, Зейна, Кэтти и еще несколько женщин пробормотали «пока» и поулыбались. Зейна похлопала Джульет по руке и странно посмотрела на нее:

– Слушай, милая. Я надеюсь, что у тебя все пройдет хорошо. Позвони мне после этого, о'кей?

Джульет посмотрела вслед подруге – та торопливо уходила, знакомым резким движением закинув на плечо кожаную сумку-портфель. Потом повернулась и пошла по загазованной дороге, где на повороте возле Хита запах свежескошенной весенней травы смешивался с вечной вонью от сточных труб.

Когда она направлялась к метро, ее мозг устало перебирал утренние события – Генри по радио и тот факт, что сегодня был последний день, когда она могла, когда хотела, выскочить в холл и посмотреть на маленький эскиз, лицо Би после вопроса, обижает ли ее Ами, воспоминание о подъеме на крышу Соловьиного Дома, о Королевском бракосочетании, печальную улыбку Айлы и прохладную, твердую ручонку в ее ладони, отвратительное пренебрежение к ней Мэтта, сочившееся из него, словно запах фекалий или сточной трубы, ни больше ни меньше, и, наконец, ровное тепло дружбы Зейны – иногда Джульет хотелось просто положить голову на плечо подруги и выплакаться всласть. Но она никогда не сделает этого, не сможет.

Смешно даже думать об этом. Как любила говорить бабушка, ты просто продолжай идти дальше.

Глава 2

Джульет всегда любила аукционы. У ее бабушки была слабость к необычным вещам и брик-а-браку, и однажды она заставила девятилетнюю Джульет тащить в Соловьиный Дом большую стеклянную вазу с лежавшими в ней двумя плюшевыми хорьками, а сама оставила своего лучшего друга Фредерика мучиться на безжалостной жаре с тяжелой каракулевой шубой, якобы принадлежавшей офицеру русской императорской армии. В шубе были блохи, и после этого Фредерик (и сам любитель и знаток антиквариата) отказался ходить с ней на другие распродажи.

Открыв дверь в аукционный зал, Джульет сразу увидела Генри Кудлипа, говорившего с Эммой, его испуганной помощницей; та прыгала с ноги на ногу, словно газель, которой надо срочно пописать. Вокруг них роились такие же гламурные девочки, двигали стулья, уверенными движениями ставили стаканы и бутылки с водой на стенд возле трибуны, раскладывали аукционные листы и каталоги. У дальней стены зала стояли стулья, лежали телефоны и наушники для тех, кто будет принимать ставки дистанционно от суперважных заокеанских покупателей, потому что в наши дни именно там скрываются большие деньги.

Позади аукционной трибуны был установлен большой экран, через проектор проецировалось сообщение:

Даунис

17 мая 2014 г.

ПРОДАЖА ВИКТОРИАНСКОГО, ПРЕРАФАЭЛИТИЧЕСКОГО & ЭДВАРДИАНСКОГО ИСКУССТВА

Это было напрасной попыткой сделать вид, будто и другие картины, развешанные гламурными сотрудницами на передвижных

экранах, хоть чего-то стоили. Все понимали, что в этот день продавалась лишь одна картина, вернее, эскиз. Он был там, в передней части большого зала, купался в лучах чистого весеннего света, лившегося из высокого купола, такой крошечный, так оскорбленный массивной золоченой рамой с завитушками. Эскиз к картине «Сад утрат и надежд». Новая обстановка придавала ему, как показалось Джульет, новую энергию. Уверенные и точные мазки, напряженность, переданная через маленькие детские фигуры. Эскиз был написан разными кистями – жесткой свиной щетиной намечен лишайник на стене, мягким сободем написано небо, мелкие детали нацарапаны ногтем, который Нед всегда оставлял длинным для таких целей, тонкость различных лессировок добавляла глубину ступенькам и самому дому с гостиной, где что-то писала сидевшая за столом женщина. Сейчас золотая звезда, плавной дугой падавшая с неба, нежно мерцала. Ах, какой же большой была картина, если даже этот эскиз был так близок к совершенству!

Я буду скучать по тебе, маленький. Жалко, что ты не мой. Джульет нахмурилась. Она рекомендовала выставить эскиз на аукцион без этой помпезной рамы, которую сняли с другой картины такого же размера, – еще одна довольно отчаянная попытка Генри Кудлипа и «Даунис» повысить интерес и рыночную стоимость эскиза – трепетной, технически совершенной работы, но все равно эскиза – за счет рамы, словно она была всегда вместе с ним.

Внезапно Джульет подумала, что ей надо было бы накануне привести в аукционный дом детей, чтобы они посмотрели на эскиз. Как же ей не пришло в голову? Ведь это их история, а Нед Хорнер их прапрадед, и кто знает, где окажется эта работа после сегодняшнего дня. В кабинете американского миллиардера, коллекционирующего изображения детей на викторианских и эдвардианских картинах? В новом Лувре в Эр-Рияде, доступном только для богачей в одежде от-кутюр? Или в банковском хранилище в Швейцарии? Для историков и коллекционеров викторианского и эдвардианского искусства Нед Хорнер, как она знала, был спорной фигурой; одни любили его смелый, энергичный, реалистический ранний период, кто-то – его поздние работы с их бурным патриотизмом, с сентиментальными солдатами, но миф «Сада утрат и надежд», пожалуй, объединил тех и других.

Оглядевшись по сторонам, она поняла, что этот аукцион стал громким событием: у стены стояли телекамеры, толпились журналисты, взволнованные топ-менеджеры «Даунис» столпились в дверях зала заседаний и глядели на разворачивавшуюся сцену и, конечно, на хлопочущих молодых женщин. Она была когда-то одной из них – не такой гламурной, но в такие дни, как этот, всегда в центре событий; тогда она была стройной, носила красивые платья и замшевые босоножки, и у нее было время каждый день красиво укладывать волосы. Теперь же ее длинные «тициановские» волосы были наспех собраны в пучок, из которого постоянно выбивались пряди, отросшая челка щекотала ресницы; длинную расклешенную юбку с узором из павлиньих перьев она нашла в секонд-хенде и решила объявить ее винтажной находкой – к насмешливому удивлению Зейны («она ведь из лавки Сью Райдер, которая там, у метро», с удовольствием сообщала она всем каждый раз, когда Джульет таинственно отвечала. «Эта? О, винтаж...»): Сейчас ее мало заботила собственная внешность. Ей лишь хотелось, чтобы не было так очевидно, что она плохо подходит к интерьерам «Даунис».

Генри Кудлип поправлял манжеты и приглаживал волосы. Тяжелый твидовый пиджак, который он всегда носил, был слишком жарким для этого майского дня, бархатный воротник намок по краям от пота. Джульет слышала, как он отдавал распоряжения своим громким, трескучим голосом. «Ох, какой же ты идиот», – часто думала она со злостью. Словно почувствовав на себе ее взгляд, Генри резко повернул голову и подозвал Джульет.

– Ну это твой последний шанс, Джульет, – сообщил он, весело потирая руки. – Ты точно решила?

Джульет холодно кивнула ему и вдруг спохватилась, что утром ей было некогда почистить зубы. Она заколебалась и украдкой провела языком по зубам, надеясь, что сделала это незаметно.

– Извини. Я с радостью расскажу о картине, но не хочу стоять рядом с ней и позировать для фото.

Генри продолжал тереть ладони и нацелил на нее пальцы, словно изображал акулу.

– Лорд Дауни просил передать тебе, как много это будет значить для компании, если ты сфотографируешься рядом с картиной.

– Я эксперт, Генри. – Она чувствовала, как в ней пробуждался и закипал гнев. – Ты это знаешь. Мне надо было бы вести этот аукцион, говорить о картинах. Не потому, что я правнучка Неда Хорнера, а потому, что это моя работа. Клиенты знают меня, а я знаю свою работу...

– Джульет, нам требуется лишь твое приятное фото рядом с картиной, – сказал он, оскалив зубы в широкой улыбке, и она знала, что он в ярости. Его круглые, бледно-голубые глаза впились в нее. – Ты должна понимать, что это добавит нотку личного интереса к истории картины. – Тут он дотронулся до ее волос. – Вот так. – Он вытащил розовато-золотистую прядь, уже немного выбившуюся из пучка, и она упала ей на плечо. Казалось, никто вокруг не заметил такой вольности. – Вот так. Давай же, Джульет...

Хотя такое случилось не в первый раз, Джульет была ужасно поражена и не знала, что и сказать – как о его поступке, так и о самом физическом контакте. До нее никто не дотрагивался, кроме Айлы и Санди, если они падали или если она желала им доброй ночи. Она воскликнула «О!», шагнула назад и наткнулась на пюпитр, приготовленный к аукциону и стоявший рядом с картиной. Он закачался и, словно в замедленной съемке, упал на серую бязь стенда, на котором стояла картина, резко ударив по золоченой раме.

Генри с воплем метнулся вперед, когда край пюпитра отколол деревянную завитушку, и успел оттолкнуть его в сторону, прежде чем острый угол вонзился в полотно с благоговейно застывшими детскими фигурками. Картина слетела с крючка и с громким стуком упала на пол.

Немолодая элегантная леди, стоявшая в дверях, в ужасе повернула к ним лицо. Джульет подняла эскиз, счастливая, что прикоснулась к нему. Генри наклонился над рамой, злобно чертыхаясь вполголоса – краснолицый, с безумными глазами, дурацкий.

– Черт возьми... Какого хрена, что ты наделала, проклятая дура... Ох, дьявол...

Покрывавший его налет дружелюбия исчез, обнажив его натуру. Джульет подняла пюпитр и поставила на безопасном расстоянии от картины. Потом огляделась по сторонам – какая-то журналистка и мужчина с короткими седыми волосами из третьего ряда обратили внимание на случившееся, но журналистку тут же отвлек телефонный

звонок, и она, кажется, даже не поняла, в чем дело. Зато мужчина со слабой, довольно странной улыбкой взглянул на Джульет, потом на картину. Джульет посмотрела в его зеленые глаза и, последовав за их взглядом, на маленький шедевр, который держала в руках.

– Это ты виновата. – Генри поднял золоченый кусочек рамы.

– Я... – начала было Джульет, но замолкла и не стала извиняться. – Нет, Генри, я не виновата, – заявила она, к собственному удивлению. – Ты дотронулся до меня. Не надо было этого делать.

– Что ты несешь? Какого хрена? – злобно захохотал Генри. В это время возле них возникла маленькая фигурка леди Дауни.

– Господи! Шо тута происходит? – ужаснулась она.

– Ничего, леди Дауни...

– Не мели глупостей, – буркнула она, сжимая и разжимая руки; старинные гранаты и аметисты посверкивали на ее костлявых пальцах. – Боже МОЙ, Хенри, ты испортил картину?

– Нет, нет... – Генри пригладил волосы. – Нет, с ней все нормально – абсолютно нормально, дорогая леди Дауни...

– «Дорогая»! Не подлизывайся, негодник. Расколошматил раму. Что ты могёшь сказать в свое оправдание, Хен?

– Я... я... – залепетал Генри и повесил голову.

– Рама все равно была чужая, – спокойным тоном сообщила Джульет. Леди Дауни медленно повернула к ней голову и смерила ее взглядом. – Мне она не нравится. Она не подходит для этой картины.

– Кто вы такая?

– Я Джульет Хорнер. Специалист по викторианскому и эдвардианскому искусству, леди Дауни.

– В таком случае, – сказала леди Дауни, – интересуюсь спросить, почему картину выставили в этой раме?

– Ну, – ответила Джульет, – некоторые сотрудники решили, что эскизу требуется для внушительности традиционная дубовая рама с золотыми листочками. Но я была против. Раму взяли из галереи Голдсмита, где в ней висел небольшой римский пейзаж Фредерика Фортта. Эскиз к «Саду утрат и надежд» никогда не знал рамы. Он был написан на подрамнике. Если снять подрамник, можно увидеть мазки, которые делал художник, пробуя разные цвета. – Она протянула руку к картине и очень осторожно показала сгибом указательного пальца на ее край: – Вот эти заросли кустов, анютины глазки на ступеньках –

художник пробовал краски в этом углу, где холст завернут. Это ценный источник для понимания большой картины. На мой взгляд, эскиз нужно выставить без рамы, таким, как он всегда и висел. Я бы сделала так, если бы это зависело от меня.

– Если бы это зависело от тебя, – ядовито возразил Генри, – если бы не было защитившей картину рамы, то, скорее всего, она была бы безвозвратно испорчена.

– Ты сам прекрасно знаешь, Генри, что я не виновата, – вполголоса заявила Джульет и в упор взглянула на него. Внезапно ей стало наплевать на все.

Она боялась Генри все три года, когда он пришел к ним и как-то раз заявил ей, что ненавидит работающих мамаш. «Конечно, я шучу, милая моя, но они никогда не думают о работе». Она боялась его, когда сообщила о своей беременности и попросила разрешения работать четыре дня в неделю и уходить в четыре часа, а он ответил, что он позволил бы ей работать и три дня, но все же придется работать четыре. И она боялась его, когда шесть месяцев назад он поцеловал ее на рождественском корпоративе «в честь праздника»: засунул ей в рот толстый мокрый язык и сказал, что ей надо подтянуть фигуру и что у нее была фантастическая грудь, когда она вышла на работу после родов, но в остальном она сейчас «некондиционный товар». Она боялась его, потому что он иногда поглядывал на нее – особенно на ее волосы – и облизывал толстым языком свои жирные губы. Он обращался с ней как с раненым зверьком – трепетным, бледным, усталым, неуверенным в себе, он, сильный и ловкий самец, преследовал ее, загоняя в ловушку. Хотя она знала гораздо больше его, была квалифицированнее и гораздо опытнее, а он оказался тут лишь потому, что был крестником леди Дауни и учился в нужной школе.

Передумала бы Джульет рожать детей, если б знала, какова жизнь работающей мамы, ведь она и ее подруги медленно тонули в носочках и резиновых игрушках для ванночки, покрытых черной коркой, от неотвеченных приглашений в гости и пластмассовых игрушек «Свинки Пеппы»? Нет, конечно, потому что жизнь без детей была для нее немислимой, а сам факт их существования снимал все вопросы. До рождения детей она бы не поняла тот новый, ужасный сексизм, охватывающий тебя, когда ты становишься матерью; он затянул ее в пучину, из которой она не могла выбраться. Но она точно знала одну

вещь вот уже четырнадцать лет: она от всего устала. Устала быть виноватой, устала растить девочек, устала от болтовни по телефону, от подруг, от итальянской бабушки детей, покупающей для Санди футболки с надписью Uomo di Casa^[2]. Устала от разбитой посуды, пролитого сока и бесконечного, непрестанного страха. Перед мужчинами, которые орут на тебя, когда твоя коляска с младенцем загораживает им дорогу, перед косыми взглядами женщин, когда твой ребенок орет благим матом перед кассой в супермаркете. Однажды она пыталась поговорить об этом с матерью, но Элви Хорнер буквально выскочила из комнаты, как всегда делали родители, когда возникали неприятные эмоции. И хотя любая газета или сайт убеждали в обратном, Джульет точно знала: это совсем не было связано с тем, как сильно она любила своих детей, зато всецело связано с материнством.

Джульет со всей силы прижала палец к переносице, когда леди Дауни обратилась к Генри Кудлипу:

– Шо, права она насчет рамы? Так ли это важно? Она ведь эксперт, да?

– Да, – ответил Генри после некоторой паузы и перевел взгляд на золоченую деревяшку в своей руке. – Мы можем снять раму.

– Я бы так и сделала, – сказала леди Дауни. – А тебе придется как-то объяснить это залу, но, как говорится, это твоя проблема, не моя. – Она повернулась на высоких коричневых каблуках и ушла.

– Вообще-то... пора начинать, – с тревогой сообщила Эмма. – Я открою главные двери?

Генри Кудлип покрутил на пальце кольцо с печаткой.

– Подожди пять минут. Вот. Возьми это, – он вырвал картину из рук Джульет. – Грэм может убрать раму. Быстро. Быстро! – рявкнул он. Выпучив глаза, Эмма схватила маленький эскиз и засеменила прочь, так, словно она бежала на автобус с Ковчегом Завета. – Так. Джульет, – сказал Генри, – я хочу поговорить с тобой позже. У меня в кабинете. Спасибо. – И он повернулся к ней спиной.

Джульет поняла, что не в силах остаться и смотреть, как будут продавать картину. Она бросила на нее прощальный взгляд, когда ту выносили из зала.

– Прощай, – еле слышно прошептала она и в последний раз посмотрела на фигурку во французском окне, на ее прямую спину и нежный профиль.

Так что вместо этого Джульет смотрела аукцион в своем офисе по внутренней трансляции и видела, как маленький эскиз ушел за 1,25 миллиона фунтов неизвестному покупателю после нескольких минут лихорадочного поединка. Глаза Генри буквально вылезли на лоб, когда он пытался уследить за всем. Из предварительного брифинга Джульет знала, что покупателем, скорее всего, станет Джулиус Айронс, австралийский нефтяной миллиардер, коллекционер предметов искусства конца девятнадцатого века – она и до этого продавала ему картины. Он был закрытым и сухим, как кость, и, не проявляя ни малейшей страсти к работам Милле, или Лейтона, или Альма-Тадема, хватал все, что всплывало на рынке. Этот эскиз был ценным приобретением, хотя не самое дорогое произведение подобного рода, какое можно было купить. Повесит ли он его в своем кабинете над камином, чтобы любоваться на него холодными зимними вечерами, или передаст в «Тейт», где он займет место рядом с «Офелией» и «Апрельской любовью» и другими шедеврами того времени? Она сомневалась. Эскиз пойдет в подвал хранилища. Если бы это была законченная картина, ее бы не позволили вывезти из страны: тут сыграл бы свою роль экспортный запрет. Но это был эскиз. Просто маленький эскиз.

Джульет грызла карандаш и в миллионный раз гадала, кто же ее продавец. Мелкий дилер из маленького городка принес ее в галерею, действуя по поручению «анонимного клиента». Клиент фанатично избегал идентификации, и Джульет знала, что это значит. Конечно, картина была кошерной – ее подлинность подтвердили три независимых эксперта, не считая Джульет, – там наличествовали характеристики позднего периода творчества Хорнера. Живой белый фон, который он использовал для особой яркости даже на эскизах, свобода форм, поразительно уверенная кисть, гениальная композиция, которая показывала так много и все же оставляла у тебя вопросы. И фигуры – никто со времен Хогарта не мог так точно передать характер и настроение, даже тут – сразу было видно, что маленькая девочка командовала, а ее брат был послушным помощником.

Где был эскиз все эти годы после смерти бабушки? Отец получил от нее в наследство две картины, Джульет знала об этом; он и мама уехали во Францию на вырученные деньги. Но эскиза там не было.

Когда умерла бабушка, отец приехал из Франции и вместе с бабушкиным другом Фредериком очистил дом. Сейчас Джульет пожалела, что не знает подробностей, но тогда она только что вернулась на работу, Би болела – вирусная инфекция и острый ларингит, ничего такого уж серьезного, но все-таки было страшно, ездили ночью с дочкой в больницу и все такое. Когда она вынырнула на поверхность, прошло два месяца, отец вернулся во Францию, в доме уже поселились другие люди.

Джульет достался кукольный домик. На большее она и не рассчитывала, потому что поссорилась с бабушкой за год до ее смерти и ушла, заявив, что никогда к ней не вернется, а потом отчаянно рыдала на лужайке возле дома, уткнувшись в плечо Мэтта.

Она помнила, как рассылный, работавший на Фредерика, приехал холодным осенним вечером к ней в дом на Далси-стрит. Он помог Джульет осторожно поставить домик в детской у малышки Би, когда та спала. Водитель ворковал над ней, но она не проснулась.

– Хороший будет для нее подарок, когда она проснется, – сказал он и ушел, хотя она уговаривала его выпить чашку чая. – Нет, я должен вернуться сегодня в Годстоу. Мистер Фредерик хотел, чтобы я рано утром был у него. – Мысль о том, что он поедет назад по М40 и увидит Соловьиный Дом, наполнила ее такой отчаянной ревностью, что она даже удивилась. – Он просил передать вам, моя дорогая, чтобы вы не терялись и поддерживали с ним связь. Просил навещать его.

Но она, конечно, этого не сделала. Жизнь шла своим чередом, и что теперь могло позвать ее туда? Она сравнивала свою жизнь с разбегавшимися кругами на воде пруда – в центре ее главная задача: каждый день кормить, одевать троих детей, присматривать за ними. Фредерик находился где-то далеко на внешнем крае, где вода почти спокойная. Когда-нибудь она, конечно, съездит к нему на ланч, может, вместе с Мэттом, через пару месяцев, в годовщину их свадьбы. Если она соберется. Когда-нибудь...

Внезапно открылась дверь, и Джульет вздрогнула. Взглянула на экран и обнаружила, что он пустой, потом на дверь и увидела Генри Кудлипа. Он потирал ладони и опять нацелил на нее пальцы, похожие на акулу.

– Так, Джульет. – Он лягнул дверь, захлопнув ее, прислонился к ней спиной, потом резко оттолкнулся. Она вскочила на ноги и тут же отругала себя за это. Надо было остаться сидеть, скрестив руки, с усмешкой, пока он ходил между дверью и книжным шкафом, потирая руки. Надо было ткнуть пальцем в пятна от пота, расплзавшиеся на груди его розовой рубашки. Надо было...

– Слушай, мне надо поговорить с тобой.

– Верно.

– Боюсь, что это серьезно. Я разговаривал с лордом и леди Дауни насчет утреннего недоразумения.

У Джульет исчезла вся бравада, словно выпустили воздух из воздушного шарика. Теперь она не могла встретить его взгляд.

– В отделе будет реорганизация. Я полагаю, что это не является для тебя особым сюрпризом, но, к сожалению, мы с тобой должны поговорить о твоём будущем, моя дорогая. Лучше ты сядь.

– Да, – пробормотала Джульет и рухнула на стул. – Да-да, конечно.

Глава 3

Джульет пошевелила ногой сухие листья на церковных ступеньках. Откуда мертвая листва в мае? Она ускорила шаг, хотя туфли натирали ей пятки. У нее пересохло в горле. Ей хотелось поскорее оказаться дома, забиться в свою нору. Нечищенные зубы казались мохнатыми. Она почистит их первым делом, как только придет домой, так почистит, что кровь пойдет из десен.

– Наши дороги разошлись, – так назвал это Генри, словно это было их обоюдным решением. – Нам уже не интересно друг с другом, не так ли? Весьма печальный факт.

– Ты не слишком опечален, – сердито огрызнулась она. – Ты облапошиваешь меня, чтобы провести это через кадры? Ты сказал, что реструктурируешь отдел и моя должность становится лишней, и тут же предлагаешь мне работу с гораздо меньшей ставкой и понижением, поэтому я не могу ее принять...

– А ведь могла бы, моя дорогая, мне хотелось бы этого. – Генри разглядывал свои ногти. – Я несколько недель работал с менеджерами по персоналу, пытаюсь разработать для тебя восхитительную программу...

– Генри, ты прекрасно знаешь, что она не восхитительная. Она оскорбительная. Ты хочешь, чтобы я согласилась на меньшее жалованье и сокращенный рабочий день, а сам передашь все, что было эффективным в моей работе, кому-то другому. Это чушь собачья. – Она смеялась над Джеммой, мамашей из школы, когда та долго негодовала, после того как в прошлом году с ней произошло то же самое. Даже спрашивала, не заболела ли та паранойей.

Джульет вспомнила это, проходя по пустому парку, и ее щеки запылали от стыда.

– Итак, ты отказываешься от этого предложения? – спросил Генри бесстрастным голосом, и его жирные щеки дрогнули от непонятных эмоций.

Джульет захохотала и всплеснула руками от возмущения; в ней снова бурлил гнев.

– Я не сказала этого. Я лишь сказала, что это не честно. Если бы я не пришла к тебе на выручку, когда речь шла о той чертовой раме,

проблемы с работой появились бы сейчас у тебя.

– В том-то и дело, милая моя. – Генри прислонился к стене. – По моему, ты забыла, что твоя работа – оценка и продажа викторианского и эдвардианского искусства. Ты должна была делать это, а не комментировать выбор рам или выбор покупателей.

– А что там с «Садом утрат и надежд»? – внезапно спросила Джульет. – Айронс купил эскиз, да? – Генри лишь прищурил глаз. – Он просто спрячет его в банковском хранилище в Женеве и будет ждать, когда на него вырастет цена. Неужели это не беспокоит тебя, Генри? Что эскиз к одному из величайших и утраченных шедевров британского искусства будет до окончания времен собирать метафорическую пыль в каком-нибудь бронированном подвале?

– Это. Их. Деньги, – Генри с улыбкой покачал головой. – Ты каждый день опаздываешь, ты абсолютно неорганизованная, ты неуклюжая и опрокидываешь предметы, а еще постоянно споришь со мной. И я бы не возражал против этого, если бы ты знала свою работу. Но клиенты не любят, когда им говорят, что они недостойны владеть какой-то картиной. – Джульет стала что-то возражать, но он поднял руку, словно вел аукцион: – Ты знаешь, о чем я говорю.

– Я сказала это только тому типу, который хотел повесить Лейтона в своей ванной комнате, потому что влажность испортила бы картину, – сказала Джульет и стиснула челюсть.

– Та картина стоила пятнадцать миллионов фунтов. Шейх Маджид аль-Касими был готов заплатить и двадцать, – сказал Генри. – Знаешь, какая это комиссия? Да пусть он хоть задницы своим скакунам подтирает этим Лейтоном...

– Это произведение искусства! – воскликнула Джульет. – Неужели тебя это не заботит?

– Меня заботит мое жалованье. – Генри Кудлип засмеялся. – Если он покупает картину, она становится его собственностью, и его дело, как он ею распорядится. В тот день ты стоила нам слишком дорого. И во многие другие дни тоже... Смотри, милая моя. Может, тебе имеет смысл пересест в другую лодку? Пойти работать в музей, например. Вот галерея Уолкера набирает сотрудников, ты слышала?

– Генри, это работа популяризатора искусства. Там набирают группы шестнадцатилетних подростков, человек по тридцать, они тихо сидят, а ты рассказываешь им о какой-то картине.

– Ох, если тебе это не нравится, что ты скажешь насчет музея Фентиман? Я часто слышу, как Сэма Хэмилтона называют молодым Тёрком. У него свой, свежий взгляд на искусство. Может, такой молодой и динамичный...

Джульет не выдержала, ей надоело слушать этот треп.

– Сэм Хэмилтон мой ровесник. Мы учились вместе в колледже.

– О, неужели? – удивился Генри. – В общем, подумай насчет моего предложения, дорогая, подумай хорошенько.

– Мой адвокат свяжется с тобой, когда я ознакомлюсь с условиями, – сказала Джульет и в который раз мысленно поблагодарила того, кого надо благодарить, за то, что много лет назад Зейна получила специальность – трудовое законодательство. Она помогала Джульет и раньше, когда в «Даунис» пытались перевести ее пенсионные отчисления с текущей зарплаты на меньшую из-за двух отпусков по рождению ребенка, мотивируя это тем, что она долго не была на работе и ее трудовой стаж не может считаться непрерывным. Зейна тогда добилась справедливости.

Но теперь Джульет сомневалась, что даже Зейна сможет что-то сделать. С «Даунис» им не справиться. Богачи будут по-прежнему покупать у них произведения искусства, а Джульет ничего не остается, как принять смехотворное выходное пособие, предложенное ими, и выметаться. Конечно, она не сказала это Генри. Просто улыбнулась ему и вышла из офиса, громко хлопнув дверью, потом выскочила из здания и сбежала по ступенькам на майское солнце.

Бесцельно проблуждав целый час, оглушенная гулом автомобилей, Джульет подошла к церкви Мэрилебон. Остановилась и посмотрела на огромный классической портик. Тут венчались Нед и Лидди. У нее висел в рамке над кроватью рисунок церкви, сделанный Недом Хорнером.

Как забавно, что она очутилась возле нее именно сегодня. Раньше она никогда не ходила домой пешком. Среди дня у нее никогда не было времени. Время ланча она тратила на учителей и воспитателей, на вызов сантехника, на покупку подарков ко дню рождения или колготок, на заказы в онлайн-супермаркете «Окадо». Она смотрела на слонявшуюся в Риджент-парке молодежь, на загоравшие на солнце парочки: когда-то она тоже была такой, как они, правда? Как-то раз, когда Айле было три года, а Санди несколько месяцев, она увидела

себя в магазинной витрине и сначала не узнала. Потом с ужасом поглядела на свое отражение, какая она на самом деле: раздраженная, потная, толстая, неуклюжая, постоянно увешанная сумками, пакетами...

Благоухание майских цветов наполняло воздух. Джульет замедлила шаг. Она старалась не думать слишком много: это как с больным зубом – если нажмешь на него, тебя пронзит боль. Она убеждала себя, что все к лучшему, хотя под ложечкой закручивался страх, почти до тошноты. Она уже давно была несчастна на работе. Возможно, несколько лет, но ей никогда даже не приходило в голову уйти с нее: у нее не было такой роскоши, как выбор. Три года назад, когда она была беременна Санди, Мэтт открыл собственный бизнес – консультации по маркетингу. Когда-нибудь он раскрутится, но пока объем заказов был невелик и все висело на волоске. Он работал гораздо больше, чем она, на ней лежала забота о детях, но основным добытчиком все равно оставалась она.

Надо настроиться на позитив. Джульет повернула лицо к солнцу и закрыла глаза. Она откроет собственное дело, станет независимым оценщиком или экспертом, будет консультантом для Музея Виктории и Альберта или для галереи «Тейт»... Ее подруга Дарил делала это для Лондонского колледжа моды и в куче других мест, и она тоже найдет... *что-нибудь.*

Но никто не готов платить фрилансеру. Смогу ли я убедить всех, что я чего-то стою? Как я объясню, почему меня сократили? Со стыдом и печалью она подумала о детях. Как она гордилась всегда своей работой. И что она скажет Мэтту: Джульет даже слегка споткнулась. Он так разозлится... тут она остановилась. Нет, не разозлится – будет доволен. И она неожиданно села на скамью у входа в Театр под Открытым Небом. По ее лицу полились слезы, потому что она на самом деле знала причину. Их отношения делались все более токсичными, и Джульет знала, что он будет рад ее неудаче. Ее муж.

Как глупо плакать. Джульет прижала ладони к глазам. Ее бабушка твердо верила в правило «шаг за шагом»... Когда Джульет боялась чего-то или тревожилась, бабушка всегда говорила: продолжай идти вперед. Просто продолжай ставить одну ногу перед другой. Но Джульет обнаружила, что не может сейчас это делать: слезы текли по ее щекам. *Ох, перестань, пожалуйста,* уговаривала она себя. Но это

было бесполезно, все равно что уговаривать малыша в разгар истерики. К своему ужасу, она обнаружила, что не может остановиться. Впервые за много лет, даже десятков лет она вообще не могла себя контролировать.

Наконец она выплакалась и больше не могла; к тому же она привлекала к себе удивленные взгляды. Один пожилой мужчина даже подошел к ней и спросил, все ли в порядке. Через несколько минут Джульет встала, чувствуя себя выжатой насухо и одновременно отсыревшей и опухшей, как всегда бывает после долгих рыданий. И вдруг поняла, что, вообще-то, немного повеселела. Ей выплатят жалованье за шесть месяцев. Солнышко светит. Завтра ей не надо идти на работу. Дети нуждаются в ней, и она будет жить ради них. Они вместе испекут капкейки. Она наладит отношения с Би. Она постарается, чтобы у Айлы в сумке всегда лежало яблоко.

Она вышла из парка через Камден-Маркет и ровным шагом направилась по Кентиш-Таун-роуд, наблюдая, как удлиняются к вечеру тени.

Она почти дома. Забавно, но ей никогда не хотелось жить в этой части мира – она выросла в Северном Лондоне и хотела перемен. Но у Мэтта была тут работа, еще он болел за «Арсенал», а она была беременная, и его квартирка была мала для троих, не говоря про кукольный домик, – вот они в конце концов и оказались в террасном доме на Далси-стрит. Жизнь – такая штука. У тебя не бывает выбора, но тебе кажется, что ты могла бы выбирать, когда была моложе. Ты оказываешься в чужих тебе местах, рядом с чужими людьми, живешь чужой жизнью, не своей... Ей не нравился последний отрезок Кентиш-Таун-роуд с его вечными пробками, но наконец она свернула на свою улицу, и ее усталые ноги зашлепали по серым потрескавшимся камням мостовой.

Далси-стрит лежала в тени – солнце уже спряталось за домами. На ней никого не было, только вдалеке щебетала птичка. Тут Джульет увидела возле своего дома автомобиль с включенным мотором. Сидевшая за рулем женщина опустила голову, но Джульет видела свет от ее телефона и недовольно нахмурилась. Она терпеть не могла такие автомобили на их узкой улочке, где вонь от выхлопа висела потом в воздухе бесконечно долго. Жившая напротив нее Зейна регулярно без церемоний стучала по ветровому стеклу машины, остановившейся

напротив ее дома, и заявляла: «Вам известно, что закон запрещает стоять с работающим мотором?» Если с ней спорили, она тут же цитировала постановление – Зейна знала такие вещи. Она знала все...

До автомобиля осталось метров десять, и Джульет размышляла, не набраться ли ей смелости и сделать то же самое. Но тут открылась дверь ее собственного дома, из него вышел Мэтт, держа что-то в руке. Женщина оторвалась от телефона и подняла голову.

Это была Тесс. Она наклонилась вперед и открыла пассажирскую дверцу.

Мэтт обошел машину спереди и сел в нее. Он поцеловал Тесс в губы, а потом, словно спохватившись, взял ее лицо в ладони и поцеловал еще раз. Ее волосы были бесхитростно откинута от лица, словно порывом ветра, и даже не пошевелились во время поцелуя.

Мэтт первым прекратил объятия и защелкнул ремень безопасности. Тесс что-то сказала, положила телефон на приборную доску и провела рукой по волосам. Мэтт улыбнулся ей и взглянул на себя в зеркало заднего вида. Тесс взялась за руль, и автомобиль промчался мимо Джульет, наблюдавшей за этой сценой из-за фургона, словно шпионка. Он снова взревел в конце улицы, свернул, и наступила тишина.

* * *

Джульет отперла дверь, перешагнув через почту. Конечно же, Мэтт не поднял ее. Тут же ей показалось смешным, что она об этом подумала – он никогда не поднимал почту, если приходил домой первым, словно это должен делать кто-то другой. Счета, муниципальные газеты, извещения, рекламный листок концерта и сверху письмо, адресованное ей и надписанное аккуратным, с петлями, почерком. В верхнем левом углу написано: «Лично».

Она прошла на кухню и выбросила почти всю почту в контейнер для бумажного мусора.

– Я разобралась с почтой, – любила говорить Айла, когда пыталась помочь по хозяйству; она брала с коврика конверты и рекламу и бросала их прямо в мусор. – Все готово.

Джульет налила себе чашку чая, но поставила на стол, чтобы он остыл. Выглянула из узкого кухонного окна на скудный садик за домом с недавно посаженными цветами, неухоженный и некрасивый не из-за недостаточного усердия, а из-за набегов белок, лисиц, кошек и детей. На зеленой, как болотная ряска, террасе стоял облезлый пластиковый грузовичок, когда-то красный, а теперь бледно-розовый и только с одним колесом. Летние цветы, которые она с надеждой сажала каждый год, не пережили зиму в этом сыром и темном дворике, от них остались лишь бурые стебли.

Мэтт делал так и раньше, за год до рождения Санди. С коллегой по работе. Джульет знала, что ее звали Лейла и что жила она в Брайтоне. Ей было двадцать семь, и у нее была кошка. Их связь продолжалась два месяца, и он злился на себя. Он пошел на консультацию к психологу – они оба пошли. Джульет просто сидела, пока Мэтт говорил, что она эмоционально недоступная, что у нее голова в облаках, и думала, когда же она встанет, заорет на него и выцарапает ему глаза. Но, будучи Джульет, она просто пожала плечами и помирилась с ним. В результате у них родился Санди и скрепил печатью сделку, которую они заключили в надежде, что их жизнь наладится. Вот только со временем стало очевидно, что не наладится.

Тишина в пустом доме нервировала ее. Джульет заморгала, возвращаясь к реальности, и взяла в руки адресованное ей письмо в голубовато-зеленом, как утиное яйцо, толстом конверте. Взвесила его на ладони. Оно было на редкость тяжелым.

Она праздно подумала – интересно, Тесс всегда ненавидела ее, или теперь ненавидела больше, потому что трахалась с ее мужем, или она всегда ненавидела ее, а интим с ее мужем был добавкой к ее ненависти. Может, на философском уровне Джульет была с ней неразрывно связана... Где же они трахались? Тут, в доме? Может, ей надо поговорить сегодня с ним и сказать, что ей все известно? И он тогда уйдет от них этим же вечером? А дети – что они скажут им?

У Джульет закружилась голова, она оперлась о стол, и тут ее с десятиминутным опозданием пронзило. Мэтт. Тесс. Ее семейная жизнь. Мэтт. Тесс. Ее работа.

Она посмотрела на свои руки. Они казались пятнистыми из-за черных клякс перед ее глазами, словно она слишком долго глядела на солнце. Джульет повозилась с конвертом, кое-как открыла его, моргая.

Она не заметила, как из конверта выскользнул ключ, и вздрогнула, когда он упал к ней на колени. Она взглянула на него; это был непримечательный, тонкий, тускло-золотой ключ от навесного йельского замка. Она вынула из конверта тонкую прозрачную бумагу и рассеянно развернула ее. На самом деле она думала о руке Тесс, открывающую дверцу для Мэтта, о волнении на ее лице, когда он поцеловал ее так, словно она принадлежала ему и он не хотел уступать ее никому.

Джульет перевела взгляд на свернутую пополам тонкую бумагу с написанными от руки строчками, и тут у нее подогнулись колени. Этот почерк она не видела много-много лет, а когда-то он был повсюду: на поздравительных открытках, на каталогах луковиц, на листочках со списком продуктов. Почерк перенес ее в кухню Соловьинного Дома. Она прочла последние строчки.

*Ты была мне очень дорога.
Любящая тебя бабушка.*

Джульет обвела взглядом пустую кухню, словно ожидала кого-то увидеть. Что это? Шутка? Или призрак? *Любящая тебя бабушка.* Слова прозвучали словно с далекой планеты, сквозь статические помехи и жестяную музыку, далеко-далеко. Но в кухне никого не было. Тонкий листок дрожал в руках Джульет. Она развернула его и стала читать.

Дорогая Джульет.

Я умерла, не бойся, что это письмо тебе написал призрак.

Если ты читаешь это письмо, значит, эскиз был продан. Раз он продан, тогда я могу сказать тебе, что я планировала сделать для тебя.

Соловьинный Дом теперь твой. Ты имеешь право вступить во владение им в любое время.

Я запланировала, что это должно быть так. Задолго до смерти я отдала твоему отцу две картины в счет наследства, и он согласился. Вероятно, ты помнишь, как он продал их, чтобы

финансировать переезд во Францию. Бумаги на дом находятся у местных юристконсультов, которые свяжутся с тобой. Если ты откажешься от этого дома, сообщи им, его продадут, а деньги разделят между тремя благотворительными обществами.

Я столько всего планировала для тебя, а ты меня бросила, когда позволила себе забеременеть от этого молодого человека, который, я знаю, не может дать тебе счастье. Я буду всегда любить тебя. Я пишу это, не зная, сколько лет твоему ребенку и присоединились ли к нему другие.

Меня давно беспокоило, что ты не знаешь полную правду обо всем и что я должна все исправить. Этот дом был счастливым! И я была в нем счастливой много, много лет. Ты тоже была, не так ли? Разве мы не радовались жизни все те летние месяцы? Ты, моя дорогая, осталась одна-единственная.

Ты была мне очень дорога.

Любящая тебя бабушка

Стелла Мэри Хорнер.

Письмо выпало из пальцев Джульет и плавно упорхнуло на пол. Она наклонилась за ним. Кровь прилила к ее голове – она резко обернулась, на этот раз точно уверенная, что кто-то стоял за ее спиной и смотрел на нее.

Но там никого не было. Конечно же, никого. Бабушка умерла четырнадцать лет назад. Джульет была на похоронах. Она – конечно же – видела бабушку накануне похорон, одетую в ее лучшее пестрое шелковое платье и зеленовато-голубые туфли, которые она так любила.

Джульет положила ключ в карман, встала и вышла из дома. Целый час она бродила по Хиту, пока не пришло время забирать детей, что она и сделала в порядке возрастания: сначала Санди из детского сада, потом Айлу. Потом они пошли по дороге и встретили шедшую из школы Би. Тротуар был узок для всей их компании, грузовики грохотали по Хайгейт-роуд. На подходе к дому Би остановилась и

стерла с лица Айлы грязное пятнышко, и Джульет внезапно подумала о картине, которая стояла у «Даунис», запертая, и ждала нового владельца. А потом они пили чай, купались, укладывались спать.хлопоты поглотили Джульет, и она почти забыла, каким был у нее день, до того как она забрала детей, – забыла про картину, увольнение с работы, письмо и даже про Мэтта.

Наконец, оставшись одна, Джульет сидела с нетронутым бокалом вина в маленькой передней комнате, смотрела какую-то комедию по телевизору и вдруг поняла, что уже какое-то время она ждала перемен. Она словно стояла на палубе корабля и ждала, когда он разобьется о скалы. Что ж, теперь это случилось, сказала себе Джульет, выключила телевизор и сидела, глядя на пустой экран. Корабль разбился.

Что же будет дальше? Что будет дальше, зависело от нее. В этом все и дело. Все зависело от нее.

Она повесила ключ на шею и уснула с ним; она спала так крепко, что даже не слышала, как вернулся Мэтт.

Глава 4

Июль

Разве можно не любить июль, Джульет? Ведь июль – твой месяц даже по своему названию. Мой отец написал в июле «Сад утрат и надежд». Эскиз – это все, что у меня есть, но на нем видно, что изображенный на нем сад почти не отличается от нынешнего. Только теперь стало не так много розовых и синих гортензий и меньше рододендронов, потому что их цветы слишком недолговечные. Мама рассказывала, как когда-то она встретила на выставке работ мужа с королевой Марией. Ее величество сказала ей, что художнику удалось написать рододендроны в цвету, и это удача, ведь они так быстро облетают.

Да, очень долго июль был моим любимым месяцем! Фактически большую часть моей жизни. Пока не явился Он – после этого я не знала ни мгновения счастья. Это случилось в июле... Ну а теперь к делу. Я очень надеюсь, что ты сумеешь вырастить душистый горошек. Пожалуйста, срезай соцветия каждый день; наверху, в Птичьем Гнезде, лежит, надежно завернутый узкий коричневый кувшинчик; по-моему, он идеально подходит для этих цветов. Если этого не делать, они перестанут цвести. То же самое с розами. Розы прелестно цвели в тот день, когда пришел Он, и я запомнила это. Ну вот, опять я о неприятном.

Я придумала, как использовать большую плантацию лаванды возле террасы. Вот что надо делать. Суши лаванду в бельевом шкафу, повесь ее пучками. Собери почки, положи их в миску из термостойкого стекла и залей растительным маслом – подсолнечным или виноградным. Не оливковым. Осторожно нагрей на водяной бане два или три часа. Процеди масло, когда оно остынет, и перелей в стеклянные бутылки с плотно прилегающей пробкой. Лавандовое масло хорошо помогает при солнечных и других ожогах, порезах – лаванда прекрасный антисептик.

Еще ты можешь делать лавандовые мешочки. Ткань возьми в Птичьем Гнезде. Ты, конечно, знаешь, что там хранится все старое. Там спали в старину дети. Там старые подушки, занавески, детская одежда, мебель: старинные предметы из того славного времени, когда Далбитти придумывал все для великолепного нового дома. Когда я родилась, мебель уже была потертой, а какие-то вещи мама просто не могла видеть. Вот она и убрала их наверх. Я любила подниматься в Птичье Гнездо, ложилась на пол и смотрела на нарисованные на потолке звезды, слушала соловьев. Я открывала сундуки, в них хранились жизни тех, кто жил в этом доме до меня.

Я делала для тебя много лавандовых мешочков, Джульет. Чтобы в детской хорошо пахло. Я посылала их тебе после твоего ухода, ты помнишь? Ты никогда мне не отвечала. И вообще, Джульет, июль – это твой месяц.

Лондон

Через два месяца

У дверей класса «Чеддер» столпились с праздничным видом родители и опекуны. Тусклую июльскую жару шевелил свежий ветерок; он приятно охлаждал щеки людей, рассеянных по строгому викторианскому зданию школы.

Джульет, толкая кресло-коляску с Санди, торопливо подходила к школе и в который раз полюбовалась стрельчатыми готическими окнами старинного здания. Сколько часов она провела на этой площадке, в спешке привозила сюда Би, потом Айлу или прибежала по вечерам в Детский клуб? Обычно одной из последних. Теперь она присоединилась к когорте активных мамаш, которые торчали в школе с понедельника по пятницу. Иногда они были единственными взрослыми, с которыми она разговаривала за весь день.

Она терпеть не могла опаздывать, и все же это случалось с ней часто. Она с огорчением подумала об этом, когда автоматическая дверь начальной школы закрылась за ее спиной. На миг Джульет увидела себя в зеркале: потное чучело в стоптанных эспадрильях, облезлой

футболке и одной из ее длинных юбок с карманами – униформе, в которой она проходила половину лета. Это было плюсом ее нынешней ситуации: теперь она могла одеваться так, как хотела. Ее золотисторыжие волосы отросли, но ей было плевать, она каждый день завязывала их на затылке. Она позволила Би подстричь себе челку в ванной, со смешанным результатом – одна сторона получилась классно, другая неровной, потому что Айла рассмешила сестру в самый критический момент. Джульет обнаружила, что ей это тоже безразлично. Она не считала это важным, как и много других вещей. Запыхавшись, она подошла к дверям класса и присоединилась к толпе родителей.

– Куда вы собираетесь поехать на каникулах?

– Я забронировала дом в Умбрии на две недели...

– Ой, как чудесно.

– Да, пожалуй. Я сделала это давным-давно, а после этого в «Гардиан» написали про отдых с детьми и...

– Нет, место с вигвамами возле бассейна? Ах, Джуд, восхитительно.

– Да, да. А что у тебя, Джемма?

– Мы поедem на несколько дней в Уитстебл, а потом на Иль-де-Ре. Мы взяли в прокате велосипеды – Эш говорит, что он и пытаться не хочет, но я думаю, что я с детьми смогу...

– О, роскошно.

– А ты, Тесс?

– Понятия не имею. Возможно, Маргас-Винъярд. Там у Роберта друзья. – Тесс похлопала пальцами по телефону.

– О, какое чудо, мне всегда хотелось побывать в той части мира, – улыбнулась Кэтти. – Как стильно, Тесс.

Тесс слегка улыбнулась.

– Вообще-то, мне не слишком хочется туда ехать. Может, мы и передумаем. – Она сжала пальцами переносицу и пошевелила челюстью. Джульет мгновение смотрела на нее, упиваясь ее яркой, но хрупкой красотой, ее лицом, сбросившим на долю секунды маску. Но, к счастью, заметила, что Санди уронил на пол бутылочку с водой. Присев на корточки, она подняла ее, потом нарочно долго возилась, вынула из сумки бутылочку сока и положила на дно коляски, освободив место. *Только не спрашивай меня, что мы будем делать.*

Но Кэтти повернулась к ней:

– Джульет? А у вас какие планы? Как всегда, потрясающие? Очередная затея Мэтта – спортивные каникулы с каким-нибудь экстримом?

– Нет, – ответила Джульет, вставая, и стала толкать коляску взад-вперед, словно желая успокоить Санди. Малыш очнулся от созерцания птички на крыше дома школьного зрителя, выпрямился в коляске и завертелся, натягивая ремешки.

– Отстекни меня! Отстекни! – заканючил он. – Не! Не! Отстекни!

– Вы поедете к твоим родителям во Францию?

– Нет, вообще-то, мы ничего не планируем. – Джульет продолжала покачивать Санди.

– Совсем ничего? – Диана вытаращила глаза. – Но ведь шесть недель – это очень долго.

– Э-э – ну нет. – Джульет пожала плечами, наклонилась и погладила Санди по головке. Ей было невыносимо смотреть на всех. – Просто... я не работаю и...

Кэтти похлопала Джульет по плечу:

– Чутьочку тяжелый у тебя год...

– *Хотю кусать! Санди голёдный! Позялуста!*

Дейна кивнула, спохватившись:

– Ой, извини, Джульет. Я совсем забыла. Конечно, у вас не получится.

– Хм-м. Ничего страшного. – Джульет кивнула и встретила взглядом с Зейной. Та ничего не сказала, лишь медленно покачала головой. Джульет знала, что она хочет сказать. *Не подбивай меня на это. Весь план абсолютно безумный.*

Джульет поспешила переменить тему:

– Попрощаемся с сырными классами.

– Да уж, – сказала Зейна. – Больше не будет недоразумений по Ватсапу насчет того, у кого какое сырное имя.

– Ну а мне нравился «Чеддер», – заявила Луиза. – В классе было много европейских сырных имен. По-моему, приятно, что мы проявили уважение и к английским сырам.

Последовало неловкое молчание.

– Вообще-то, это нечестно по отношению к тем, кто не переносит лактозу, – сказала Дейна. – У них это не отражено в названиях классов.

– А как ты предлагаешь? – усмехнулась Тесс. – Не могли же они назвать класс «Гадость, сделанная из сои для людей с придуманной болезнью», верно?

– О, – с облегчением сказала Луиза, когда Дейна открыла рот и собралась что-то ответить. – Смотрите, они выходят.

В дверях подготовительного класса появилась мисс Лейси и встала, держась рукой за косяк.

– Спасибо вам всем за поддержку! – Она обвела глазами группу. – Желаю чудесных каникул!.. Мама Айлы здесь? Могу я поговорить с вами?

Зейна подтолкнула Джульет, глядевшую куда-то в пространство:

– Джу. Она зовет тебя.

Джульет поставила коляску на тормоз и вышла вперед, стараясь не наткнуться на кого-то из ребяташек, мчавшихся мимо нее с печеньем в зубах, держа в руках картинки, книжки и осьминогов с развешивающимися бумажными щупальцами. Возле окна лежала куча кардиганов, бейсбольных кепок и носков, накопившаяся за месяцы учебы. Джульет повернулась к Санди и помахала ему. *Я сейчас вернусь, сынок!* – негромко крикнула она.

– Э? – тут же встрепенулся Санди. – Э, мама? *Мама?*

– Здравые, – сказала Джульет. – Что-то случилось?

– Ничего, – ответила мисс Лейси. – Вот только... ну давайте зайдём на секунду в класс?

– У меня там сын в коляске...

– Это ненадолго. – Когда Андреа, помощница, отпустила последних детишек, мисс Лейси прошла мимо нее в прохладный класс. – Буквально на пару слов. Сегодня Айла была очень грустной. Сегодня она с Манди просто зашла в туалет. У нее ужасный запор.

– Бедняжка. У нее так бывает, если она...

Мисс Лейси продолжала говорить, не слушая ее:

– Дело вот в чем, мама. Она сказала, что не рада летним каникулам. Что ей хочется остаться в школе.

– О, – отозвалась Джульет, поглядывая на Санди, яростно оравшего за дверью. Зейна безуспешно пыталась отвлечь его.

– Я просто подумала, нормальная ли у вас обстановка дома... – Мисс Лейси деликатно замолчала и посмотрела на Джульет своими простодушными карими глазами поверх больших, круглых очков.

– Нет. Просто Айла действительно любит учиться, – возразила Джульет.

Мисс Лейси смерила ее строгим взглядом:

– Даже если ребенок любит учиться, все равно ему хочется быть вместе со своей семьей. Он должен радоваться каникулам. Мы считаем странным, если это не так. Это свидетельство...

– Да, конечно, – поспешно согласилась Джульет. – Я уверяю вас, в нашей семье все нормально и ничего плохого не происходит. – Но, может, сказать ей больше? Ледяной ужас пополз по ее спине в виде холодной змейки пота. – Я потеряла в мае работу. Наша жизнь стала немного сложнее. – Это было так. – И мне приходится, ну я стараюсь как-то исправить положение.

– Понятно, – Мисс Лейси кивнула с сочувствием. – Сложное время. Я бы не стала вам говорить, но сегодня она мне сказала, что не хочет никуда уезжать.

– Что?

– Она сказала, что не вернется в школу в следующем триместре.

– Удивительно! Почему она так сказала?

– Я не знаю, – ответила мисс Лейси и перевела взгляд на настенные часы. – Может, она слышала какой-то ваш разговор с мужем?

– Возможно. – Джульет почесала голову.

– Если дома тяжелая обстановка и папа с мамой ссорятся – ребенок быстро это понимает, – сказала мисс Лейси. – Может, вам надо поговорить с ней, заверить, что все хорошо. Что вы никуда не уезжаете и просто немного поспорили с папой насчет... – Она махнула рукой в воздухе: – Ну, из-за чего там спорят родители... Из-за денег, работы, домашних дел, из-за места, куда поехать в отпуск.

– Да, – невозмутимо согласилась Джульет, – из-за всего этого. Извините. Послушайте, я поговорю с ней. Дело в том...

– Вот и Айли! – веселым тоном воскликнула мисс Лейси. – Привет, Айла! Все в порядке?

– Я не могу покакать, – сообщила Айла вполголоса. – Я старалась, старалась, и мне больно, и я чувствовала, ма, что уже вылезает, но очень жесткое, и больно. Может, я случайно съела что-то твердое, как кусок кирпича, и не заметила. – Ее маленькое личико было бледным, под глазами круги.

Джульет прижала Айлу к себе.

– Пойдем домой, доченька. Ничего страшного.

– Но как там. Я знаю, я потрогала пальцем и...

– Ладно! – чуть громче сказала Джульет. – Доченька, мисс Лейси сказала, что ты была сегодня чуточку грустной. Не огорчайся. Я купила тебе книжку с наклейками.

Лицо девочки озарилось улыбкой:

– Египтян?

– Да.

– Только египтян, больше никого, ни вавилонян, ни израильтян, никого? Только египтян?

– На обложке написано «Древние египтяне». Если бы вавилоняне пробрались к ним, я бы сказала тебе.

Айла залилась веселым смехом.

– Ой, мамочка, здорово. Ой, здорово.

Мисс Лейси ходила по классу и подбирала валявшиеся ручки и обрезки цветной бумаги.

– Мама объяснит тебе, что все это твои фантазии и вы никуда не переезжаете, – сказала она и, подойдя к Айле, накрыла ее маленькую головку своей ладонью. От нежности этого жеста у Джульет защемило сердце. – Желаю тебе весело провести лето, малышка.

Айла кивнула и позволила Джульет взять ее за руку. В дверях она оглянулась.

– Но это не мои фантазии, – сказала она. – Я слышала, как мама разговаривала с мамой Ясмин об этом. Она сказала... – Айла набрала в грудь воздуха, словно актер в школьном спектакле перед большим монологом, и выпалила: – Я принесу тебе документы, чтобы ты взглянула на них и подтвердила, что там не закладная. – Она остановилась и вполголоса пробормотала, словно вспоминая точную фразу: – Я не знаю, что это за слово. Но она сказала так: «Когда-нибудь я проснусь, посажу их в машину, не говоря ни слова, и мы уедем туда. И я больше сюда не вернусь».

Мисс Лейси убирала в коробку бумажные салфетки, но тут остановилась и с тревогой повернула лицо к Джульет.

– А, это! – сказала Джульет. – Мы говорили о том, что поедем куда-нибудь вместе с Ясмин, Навалом и Зейной, потому что наш папа работает!

– Это правда?

– Да! Просто... ну за городом есть очень красивый дом. Зейна все знает о нем. Вам он понравится. – У Джульет дрожала рука. Наверняка что-нибудь случится, сейчас в нее ударит молния – за ложь. Но – невероятно! – ее объяснение, казалось, убедило дочку. – Давай пойдем сейчас в парк, туда, где качели и горки? – предложила она. – В честь окончания учебного года я хочу тебя порадовать.

– Кроме книжки про египтян?

– Да, кроме нее.

– Ой, мамочка! – Айла вздохнула от счастья, по-детски трогательно. – Как чудесно! – Она сжала ручки. – До свидания, мисс Лейси!

– До свидания, Айла, лапушка, – ответила мисс Лейси, – мне было... – Она повернулась к Джульет, собираясь что-то сказать, и Джульет замерла, ожидая неизбежного, потому что все люди хотели говорить об Айле, о ее способности прочесть что угодно, даже когда она была маленькая, о ее умении обращаться с числами, о знаниях, которые она получила где-то – но где? – о знаменитом инженере Брюнеле, или Тутмосе, или Фриде Кало. – Мне было поистине приятно познакомиться с тобой. Берегите ее, – негромко добавила она, когда Айла выбежала из класса к Зейне, Ясмин и Санди.

Джульет заморгала от смущения и отвернулась от кроткого взгляда мисс Лейси. Эта молодая женщина, казалось, знала правду, знала, что Джульет – отрицательная особа с черным сердцем.

Я делаю это ради них.

* * *

В первый день каникул Джульет вынырнула из сна в 2 часа ночи, потому что Мэтт выключил свет в холле, а Айла проснулась и испугалась темноты, потом в 3 часа ее разбудил Санди, потому что спальный мешок стал ему слишком мал (она просила Мэтта, чтобы он уложил его в другой спальник, побольше, но поняла, что он не слушал ее, а ей надо было проверить). После этого она лежала без сна, пока за плотными занавесками не забрезжил рассвет. Рядом с ней похрапывал Мэтт. Если она осторожно дотронется до его руки, он страшно

разозлится. Много лет назад, когда они познакомились, она могла лягнуть его, чтобы он не храпел. Иногда он вздрагивал от своего храпа, просыпался и поворачивался к ней, их полусонные тела соединялись, будили друг друга и медленно, с удовольствием снова уплывали в сон. Так было много лет назад. После рождения Санди все изменилось. Мэтт заявлял, что устал оттого, что она будила его, когда он храпел, из-за этого он не высыпался и ему было тяжело работать днем.

Скоро я это исправлю, сказала себе Джульет, устало моргая. У Би тоже закончилась учеба, и теперь все трое детей были в ее распоряжении. Она не рассчитывала, что Би будет все время рядом с ними, но заставила ее дать обещание, что они проведут один день вместе. Сегодняшний день. Я поставлю в саду мольберт, и мы все будем рисовать на нем пальцами. Я поведу их в кино. Мы пойдем на ланч в «Вагамаму» в честь каникул. После обеда мы испечем сами печенье. У нас получится прекрасный лондонский день. Они будут вспоминать его.

Она пошевелила пальцами ног, натянула одеяло под подбородок и попробовала уснуть, но ничего не получалось. В пять тридцать снова проснулся Санди; Джульет, с горячими от усталости глазами, увела его вниз и начала готовиться к замечательному первому дню каникул.

– Можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

– Нет, милая. Ешь свои оладьи.

– Я ненавижу оладьи. Я хочу «Чериос». Можно я что-нибудь посмотрю в твоём айпаде?

– Нет. И нет. А теперь послушайте. Сегодня у нас будет веселое утро. Би, положи свой телефон.

– Нет.

– Би... – Джульет просто вырвала телефон из руки дочери. Би вскинула голову и зашипела:

– Госсподи, ма. Не забирай никогда у меня мои вещи, о'кей? – Она вскочила и потянулась за телефоном.

би дрочит себя линейкой в классе я видела это
под столом грязная сучка
я тоже видела это вчера loool
ты чертова свинья Би

линейка наверняка воняет тухлой рыбой
мне пох#й но мне сидеть рядом с ней
вонючая уродина и сучка
Что говорит Фин? Фин?
Ты игнорируешь рыбную вонь пока что?

Джульет пришла в ужас.

– Господи, Би...

– Отдай мне телефон. – Би выхватила его из рук матери.

– Би. Кто пишет тебе это? – Джульет наклонилась к дочери и вытянула шею, чтобы увидеть ее лицо, снова уткнувшись в телефон.

Би подтянула колени к подбородку. Слово живое существо, спрятавшееся в панцирь. Слово ребенок, каким она когда-то была внутри нее и хотела распрямиться. Айла смотрела на эту сцену с бесстрастным лицом. Джульет положила ладонь на согнутую спину дочки и почувствовала торчащие позвонки. Она провела по ним пальцами: один, второй, третий.

– Дочка, пожалуйста, скажи мне.

– Просто ребята.

– Это Молли?

Би подняла голову.

– Ребята из школы.

Джульет сделалось муторно, словно от удара под дых.

– О'кей. Я поговорю с твоими учителями, когда начнется учеба. Я напишу электронное письмо...

Би вскочила со стула.

– Если ты это сделаешь, я уйду, – крикнула она. Айла взяла листок бумаги и принялась лихорадочно что-то рисовать, напевая себе под нос. – Обещаю. Я, блин, убегу, и ты никогда меня не найдешь. Ты и все остальные.

– Би, милая. – Джульет оттолкнула от себя стул и с трудом раскрыла рот. – Послушай меня, доченька! Они не смеют так обращаться с тобой. О'кей? Все очень просто. Хорошо, что я увидела это. – Она ухитрилась оттеснить дочь в угол кухни и положила руки ей на плечи, но при этом ее не покидало чувство, что она поймала ее, но не может ей помочь. – Я поговорю с их родителями, я поговорю в школе – я все улажу, обещаю тебе.

– Ты. Меня. Не. Слушаешь. – В черных глазах девочки горела злость. Санди заревел и уронил на пол чашку с мюсли. Би оттолкнула мать и протиснулась мимо нее.

– Слушай, ты многого не знаешь. Я сама должна это уладить. Не ты. Ты не знаешь *ничего*.

– Но они не имеют права так обращаться с тобой!

– Ма! Ты сначала разберись со своими проблемами, а потом беспокойся обо мне! – Би раскрыла рот и улыбалась – жутко, зловеще. – Ты – ты погляди на себя! – Джульет посмотрела на старомодную юбку в сборку и стоптанные сандалии «биркеншток». – Ты не имеешь, блин, ни малейшего представления, что происходит в твоей собственной жизни... – Би подавила рыдание. – Оссттвь меня в покое! Оставь меня в покое! – Она попятилась. – Я пойду гулять.

Айла оторвалась от рисования и подбежала к старшей сестре:

– Но Биииии! Я думала, что мы с тобой поиграем сегодня. Я написала на листочке, погляди...

Джульет видела, как ее старшая дочь мучительно скривила губы, пытаясь сообразить, что ей делать. Вот он, ад жизни в семье, с людьми, которые тебя любят! Би закусила губу и оттолкнула от себя Айлу.

– Отстань от меня! Сегодня у меня нет времени.

Круглое, милое личико Айлы застыло и превратилось в маску почти комичного смятения, глаза наполнились слезами.

– Я ненавижу тебя! – закричала она. – Дура косматая! Троглодитка!

Джулия остановила младшую дочку.

– Би, милая, ты ведь обещала, что побудешь с нами...

– Господи, ма, ты просто смешная. Папа прав. – Она, пятясь, отступала по коридору. – Просто... *оставь меня в покое!* – За ней захлопнулась дверь.

Как же ей помочь? Что же делать? Мысли Джульет метались и кружили по одним и тем же знакомым дорожкам. Она взяла телефон, села за стол, чтобы послать сообщение учительнице, но сообразила, что у нее нет электронного адреса новой учительницы, да к тому же она предаст Би, если так сделает. Она протерла глаза.

Где же сейчас ее любимая девочка? Отправилась в Хайгейт, чтобы молча сидеть в кафе с хохочущими, томно тянущими слова девчонками

и играющими в крутых мальчишками? Бродит по Хиту? В слезах сидит где-нибудь? У Джульет защемило сердце. Раньше она пыталась ходить за ней, быть рядом с ней всюду, но тогда ее застенчивая, замкнутая Би начала хитрить. Она пыталась незаметно и с любовью направлять ее, но это тоже вроде не работало, что стало видно по недавним отзывам учителей. «Беатрис умная девочка, но учеба не главное для нее, и мы должны совместными усилиями преодолеть дефицит усердия, который проявился во время этого важного учебного года».

Ой, Би... с твоими густыми, темными волосами, когда-то кудрявыми, и с маленькими ручками, в которые ты весело хлопала, с твоими темно-карими, как у бабушки Стеллы, улыбающимися глазами... Как все это ужасно, как ужасно, что я не могу достучаться до тебя...

Черное отчаяние снова нахлынуло на нее, и она выпрямилась, опираясь на спинку стула. Айла что-то яростно царапала на бумаге, не поднимая глаз. Джульет обошла маленькую темную кухню, сунула мисочки в посудомойку и захлопала в ладоши. Сейчас она немного скорректирует планы и выйдет с младшими, чтобы быть дома, когда Би вернется – она надеялась на это...

– Так, друзья. Давайте одеваться. Мы порисуем пальчиками потом. А через полтора часа начнется кино.

Айла подозрительно взглянула на нее:

– Какое кино?

– «Миньоны». – Би завизжала от восторга. – *Круто*.

Санди захохотал.

– Круто, – повторила Айла и обняла мать за талию. – Спасибо, мама, Я ЛЮБЛЮ «Миньоны».

– Отлично, – сказала Джульет. – Так, давайте одеваться, времени у нас полно, но все равно – лучше не опаздывать.

– Нет! – воскликнула Айла с радостной, но чуть тревожной улыбкой. – Мы не опоздаем! Молодец, ма!

Но они, конечно, опоздали. И в кинотеатре отказались оплатить билет, который ей дали, когда она водила Айлу на «Синдереллу», а фильм отменили.

– Штрих-код показывает, что билет уже просрочен, – повторял администратор, а Джульет старалась не взорваться, но разговаривала

ехидно и грубо. После третьего похода Айлы в туалет Джульет уронила свой мобильный в унитаз. Во время сеанса телефон постепенно нагрелся так, что жег руку, и сам собой отключился. В полдень в кинотеатре, с его хилым кондиционером, стало жарко и душно.

«Вагамама» стала очередным испытанием. Коляска Санди, отягощенная сумками, дважды опрокидывалась и при этом один раз ударила другого ребенка, и его отец смотрел на Джульет как на убийцу. Ни Санди, ни Айла не стали там ничего есть, а Джульет подвели ее усталые, дрожащие пальцы, и она уронила коробочку с соевым соусом на свои потные джинсы. Когда она убирала сдачу, маниакально улыбаясь официантке, и подбирала влажными салфетками большую кучу упавшей на пол еды, она думала, что зря истратила эти 38 фунтов, ведь дома могла бы побаловать детей чипсами, и они съели бы их с большим удовольствием.

Уходя из дома, она сунула в карман железнодорожную карточку «Семья и друзья», а не «Ойстер», и не могла заплатить за автобус, и их не пустили, потому что не сработал бесконтактный валидатор. Потом пошел дождь, Айла промокла, сняла худи с капюшоном и бросила в грязную лужу. Снова опрокинулась коляска вместе с Санди, когда Джульет пыталась очистить рукавом дочкин капюшон, и лишь потом сообразила, как глупо это делать под проливным дождем. Кажется, Айла снова вляпалась в собачью кучку, потом Джульет не могла найти свои ключи, и какой-то мужчина негромко ругнулся «мать твою», когда был вынужден сойти с тротуара, который она заблокировала с детьми, роясь в сумке. Ей хотелось крикнуть ему вслед: «Мы задержали тебя на три секунды, козел!» Броситься за ним и двинуть его по роже, пнуть его ногой. Тут она поймала себя на таких мыслях. Лондон. Жара, грязь, люди, нервозность всего.

Они сделали капкейки с глазурью из сливочного сыра и масла с сахаром, но сливочный сыр был какой-то не такой, слишком жидкий, словно желтоватая творожная смесь с лимоном. Глазировка не держалась на кексах, которые слишком долго пеклись в духовке и стали твердыми, как пемза. Санди отказался их есть, Айла бубнила и бубнила:

– Можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

Было всего 3 часа дня, но Джульет устроила чаепитие раньше обычного. Дети не хотели есть куриные наггетсы, потому что она забыла, что у них были цыплята на ланч в «Вагамама», хотя они там тоже отказались их есть. Лисица, подылавшая от парши или какой-то долгой болезни, повадилась лежать в их крошечном дворике. Вонь от нее проникала через открытое кухонное окно. Санди обжег руку о сковородку с чипсами. Он орал и визжал, и его голос стучал в голове Джульет.

Она разрешила ему смотреть мультики про Свинку Пеппу, а сама стала делать уборку, потея от жары, а когда заглянула в гостиную, обнаружила, что Санди там всюду натошил. Он отгрыз угол книжки про кота Мога, жевал его, с упоением глядя на экран. Его стошнило горохом, кукурузой и кусочками моркови, хотя Джульет не помнила, что он ел что-то из этого за последние двадцать четыре часа. Айла случайно лягнула Джульет в лицо, когда переодевала худи и футболку, а потом они снова сидели перед телевизором, и Джульет спохватилась, что у нее будут мокрые трусы, если она немедленно не забежит в туалет.

Она сидела на унитазе, терзаясь виной, что они так и не рисовали пальцами, что она крикнула «ох, Айла, ты охренела», когда дочкин башмак ударил ее по щеке, тревожилась за Би, потому что не могла позвонить ей, и наслаждалась освобождением мочевого пузыря. Даже попыталась улыбнуться и сказала себе, что когда-нибудь посмеется над этим ужасно нелепым днем. Из гостиной донесся крик; судя по нему, Айла сидела верхом на Санди, потом Джульет уловила запах гари, но все писала и никак не могла остановиться, только сжала челюсть и пыталась снова повторить: «Мы все когда-нибудь посмеемся над этим днем».

Когда в семь часов вернулся домой Мэтт, Айла и Санди сидели голышом в саду в маленьком надувном бассейне. Джульет лежала в шезлонге, опустив ноги в холодную воду, и отрешенно глядела в пространство.

– Вижу, вы расслабляетесь, – сухо заметил Мэтт и прошел в кухню.

Джульет встала и пошла за ним.

– День получился долгим.

Мэтт снял мотоциклетный шлем, методично выложил ноутбук, айпад и телефон, потом развязал свои специальные мотоциклетные башмаки.

– Правда? Чем же вы занимались?

– Ходили в кино и «Вагамама», потом вернулись домой и пекли кексы... – Она замолчала и улыбнулась. – Впрочем, все звучит довольно приятно, когда рассказываешь об этом.

На блестящем виске Мэтта пульсировала жилка.

– Да... – Он наполнил кувшин холодной водой и стал своими аккуратными, точными движениями убирать чашки. – Не сомневаюсь, что это был ад.

– Мой телефон сдох, между прочим. Я уронила его в унитаз.

– Но ты ведь только что его купила, – сказал Мэтт, включая кофейную машину. Он старательно избегал повышать голос, она слышала это по его тону и нервничала еще больше. И злилась.

– Я не нарочно швырнула его в унитаз, потому что он новый. Так вышло. Трудно смотреть за тремя детьми.

– Ну, допустим, за двумя. Где Би?

– Я... я не знаю.

Мэтт кратко взглянул на нее, наливая воду в кофейную машину.

– Как это – не знаешь?

– Ну, она ушла сегодня утром. Я увидела на ее телефоне нехорошие сообщения. – Джульет потеряла лицо. – Мэтт, ее просто травят. Пишут такие вещи... просто ужас.

– Например, какие?

Джульет оглянулась на надувной бассейн.

– Я потом тебе скажу. Она выскочила из дома, потому что я хотела написать об этом в школу. До сих пор не вернулась, и я не могла связаться с ней – без телефона. Ты можешь ей позвонить?

Он сердито сверкнул глазами.

– Ее весь день не было, а ты даже не подумала мне написать?

– Как я могла это сделать?

– У тебя есть ноутбук, – сказал он со злобным сарказмом. – Ты забыла про свой ноутбук?

– Они забрали его, Мэтт. Прислали за ним курьера. Две недели назад. – Она уперлась руками в бедра и снова оглянулась на детей. – Если бы ты слушал меня, ты бы знал. Я говорила тебе.

Та же самая заезженная колея – что она чокнутая, что он никогда не слушает, но теперь в них было что-то усталое, автоматическое, словно каждый из них был рад обвинить другого.

Мэтт молот кофе, наклонился над кофемолкой и нажимал на кнопку. Звук напоминал дрель.

– Так, значит, теперь у тебя нет возможности общаться с внешним миром.

– Никакой.

– Как же ты намерена искать работу?

Джульет хотелось рассмеяться. Он задавал ей вопросы как работодатель, не как партнер.

– Ну... я не могу. К тому же мы ведь решили взять Санди из детского сада, и я теперь почти все время с ним. Ты пытался смотреть за двухлетним ребенком изо дня в день с утра и до вечера? Я знаю, что нет, так что позволь мне объяснить. Это трудная работа.

– Конечно, я смотрел за ним, он ведь и мой ребенок. – Он тщательно, аккуратно насыпал ложечкой кофе в фильтр, потом вставил его в кофейную машину, включил ее, взял маленькую кружку для эспрессо с полки и аккуратно поставил под фильтр. – Они мои дети. Разве что, конечно, ты прислушалась к желанию твоей бабки и позволила этому черномазому парню тебя обрюхатить. Ей бы это понравилось, не так ли? Ох, как было бы всем хорошо, вы бы остались там все вместе! Счастливая развязка! Честнее слово, жалко, что я появился откуда-то.

Она вытаращила на него глаза:

– О чем ты говоришь, черт возьми? Что ты придумал? Какое отношение ко всему этому имеет Эв?

– Ох, твоя семья считает, что я недостаточно хорош для тебя. Ты сама это знаешь! Как сказала твоя бабка, эта очаровательная старая кошелка: «Я надеюсь, что она образумится». Как жалко, что ее не было на свадьбе! Мне так не хватало ее.

Джульет оставила без внимания его слова. *Он пытается обвинить меня.* Психотерапевт говорила об этом в тот раз. Джульет старалась игнорировать нарастающую в ней волну гнева.

– Слушай, Мэтт, я ни в чем тебя не обвиняю. Я просто говорю, что на уход за двумя детьми у меня уходит все время. Я должна смотреть за ними...

– Мама, Санди плавает в бассейне!

– Санди! – крикнула Джульет, выскакивая из кухни. Санди вынырнул, потрянул светлой головой, отчего его волосы слиплись в плавник, и сел в воде. – Не ДЕЛАЙ этого. Не опускай голову под воду.

– БОЛЬШАЯ ЖЕЛТАЯ РЫБА, – крикнул Санди.

– Слушай, Санди, – твердо сказала Айла. – Не будь таким глупым. Ты глупый мальчик, правда, Санди? Маленький и глупый, с попкой вместо головы...

– У меня был очень длинный день, – неожиданно сказал Мэтт, когда кофейная машина начала реветь и выбрасывать горячий пар в уже покрывавшийся пузырями потолок. – Я немного посижу в гостиной.

– Ты можешь сначала позвонить Би? – спросила Джульет. – Трубка стационарного телефона сдохла.

– Господи, Джульет.

– Что?

– А ты не можешь? Я ведь сказал – у меня был длинный день. – Он обвел жестом запущенную кухню. – Ты не могла даже чуточку убраться? Вынуть посуду из посудомойки?

– Ты шутишь? – Джульет рассмеялась и отошла на шаг. Она знала, что он не шутил. Или шутил? – Слушай, Мэтт. Ты понимаешь, что на самом деле происходит? – спросила она и чувствовала, что вот-вот сорвется.

Мэтт бесстрастно смотрел на нее, только под его левым глазом пульсировала жилка.

– Ты что имеешь в виду?

Сейчас. Я скажу ему, что я все знаю, сейчас.

Но тогда ты не сможешь уехать.

Джульет покачала головой и опустила глаза, словно озорной ребенок. На ее глазах кипели слезы.

– Кажется, ты рада, что все идет наперекосяк. Ты слишком многого требуешь от меня. Ты все запустила. Это твоя жизнь, они твои дети. Хватит ждать меня, Джульет. – Он деликатно и ловко сжал пальцами ручку кофейной кружки и проглотил ее содержимое. – Ты позвони ей. Удели ей хоть чуточку внимания. – Оставшись на кухне одна, Джульет почувствовала, как что-то лопнуло у нее внутри, как будто она летела в самолете и у нее сначала заложило уши, а потом все

прошло. *Ты позвони ей.* Новый визг из бассейна опять заставил ее выскочить на улицу. Она ударилась пальцем о порожек, и на секунду у нее перехватило от боли дыхание. Но потом она пошла дальше. Обнаружила, что может идти. Ведь надо просто идти.

Глава 5

Когда Би вернулась – около девяти вечера, – она прошла в кухню и села к столу, а не стала протискиваться мимо хлама, накопившегося в холле, в свою комнату.

– Привет, – сказала она. – Я вернулась.

– Ох, слава богу, – сказала Джульет, вставая из-за стола. – Доченька, где же ты была? – Она не сказала ей, что и сама только что вернулась. Что искала ее два часа и обошла Хит, Суэйнс-Лейн и многие кафе Хампстеда.

– В разных местах. С ребятами. – Би кивнула ей, чтобы она села, и скованными движениями сняла с плеч рюкзаки. Пока Джульет смотрела на нее и не знала, что сказать, ее дочка осторожно размотала и сняла провода наушников с лямки рюкзака и стала наматывать их на телефон.

– С Финном?

– Какое-то время. – Закончив наматывать провода, она убрала телефон, не глядя на мать.

– Кажется, он приятный мальчик. Ты не хочешь пригласить его...

– О господи, ма... Просто... не надо... – Би поморщилась, скрестила на груди руки и опустила голову. – Я не могу избавиться от этого, – проговорила она так тихо, что Джульет еле расслышала ее. – Куда бы я ни пошла.

Джульет подошла к ней и обняла.

– Ты сможешь. Только расскажи мне, доченька. Тогда я все...

– Ты! – перебила ее Би. Ее голос был тихим. Она не кричала. Она даже улыбалась, и это было еще хуже. – Ты всегда, всегда говоришь, что все будет хорошо. Ма, ты никогда не слышишь, что происходит на самом деле. Даже понятия не имеешь. – Она была бледной и безнадежно усталой.

– Милая моя девочка... – Джульет крепко обняла ее, и Би поморщилась. – Что у тебя с рукой?

– Ничего. – Би высвободилась из ее рук.

– Они тебя ударили?

– Нет. Нет, они ничего мне не сделали. – На ее маленьком личике отразилась паника, смешанная со злостью.

В груди Джульет закипел гнев и потеснил мучительную тревогу последних часов и дневную усталость. Вдалеке зазвонил телефон.

– Послушай, я все исправлю, обещаю тебе.

– Ничего ты не исправишь, – вздохнула Би. – Ты всегда так говоришь. Например, когда я была маленькая и порвала костюм Девы Марии. Или когда все кексы упали на пол. Или когда я неправильно отправила мой доклад. Ты не можешь ничего исправить. Я не могу тебе сказать, в чем дело. – Она отошла от матери и покрутила головой, отыскивая свой рюкзак. Торопливо схватила его. – Я пойду наверх.

– Но Би...

– Джульет? – Мэтт появился из гостиной. – Кто-то хочет поговорить с тобой. Вроде снова заработала стационарная сеть.

– Привет, па, – спокойно поздоровалась Би, уходя.

– Привет, красавица. – Мэтт ущипнул ее за щеку. – Сегодня я скучал без моей красивой дочки.

– Ты хочешь сэндвич с арахисовым маслом? – спохватилась Джульет, взяв трубку у Мэтта; их пальцы соприкоснулись. У нее дрожал голос, ей было плохо.

– Нет, спасибо, – ответила Би, прижимая к телу рюкзак.

– Он говорит, что он из транспортной фирмы. Он звонит тебе для подтверждения заказа, – сказал Мэтт, когда Би ушла.

– Из транспортной фирмы?

– Так он сказал. Зачем он звонит сюда?

– Алло? – сказала в трубку Джульет. – Да? О нет, не я. Нет, вы звоните не той Джульет. Нет, я не знаю ее. Да, я уверена. О, я не знаю ничего об этом! Я узнаю и позвоню вам завтра, хорошо? Как странно. До свидания.

Она нажала на «отбой» и улыбнулась Мэтту, почти ласково.

– О чем шла речь? – с любопытством спросил Мэтт.

– Даже не знаю, – ответила Джульет. – В «Даунис» иногда обращаются к ним по текущим вопросам; вероятно, они позвонили не той Джульет. Я сейчас пообещала, что позвоню в «Даунис», узнаю и сообщу им.

– Почему ты должна этим заниматься? Почему тебя должно заботить, отправили ли что-либо в «Даунис»?

Она поймала себя на том, что смотрела на него, на его коротко подстриженные виски, пронзительные серые глаза, на улыбку,

игравшую на его губах.

– Ты прав. Меня не должно это волновать. Слушай, тебе не пора ли позвонить матери?

Мэтт обычно разговаривал по телефону с матерью в пятницу вечером. Когда умер его отец-англичанин, мать снова уехала в Италию. Десять вечера было самым удобным временем для звонков, с учетом разницы на час из-за другого часового пояса. Милая Луиза с ее экстравагантными подарками, любовью к внукам, с преувеличенной реакцией на все: неприязнь, ужас, интриги... Джульет было грустно думать, что она прощалась с ней, с улыбкой Мэтта, когда он разговаривал с матерью... это были приятные мелочи, которые скрашивали их совместную жизнь...

– Ах да! Ты... Сейчас я позвоню ей.

Джульет пошла наверх на подгибавшихся от усталости ногах. Задержалась на миг возле двери Айлы и сжала холодный металлический ключ, висевший на шее, словно талисман, волшебная палочка, которая могла перенести тебя куда-нибудь, словно детей из какой-то дочкиной книжки. Все-таки сейчас она еще могла все бросить, отказаться от своего плана. Могла остаться здесь, остаться в его жизни – это было не так плохо. Би проходила через ужасную полосу жизни, но ведь так часто бывает в процессе взросления, не так ли? А Санди и Айле вообще все равно, где жить, это точно.

Тут она вдруг ясно поняла, словно увидев себя со стороны, что ей не так важно, спал Мэтт с кем-то или нет. Дело было в другом. Их совместная жизнь осталась в прошлом, их брак изжил себя. При мысли об этом Джульет задрожала от ужаса и горя. Все было позади. Мэтт уже не мог причинить ей боль.

Вот почему я чувствую себя виноватой, подумала она. Мне плевать на него. Я не уважаю его. Когда-то я любила его, очень любила – о боже, много лет я считала, что нас свела судьба.

Но я ошибалась. И, может, бабушка была права. Как бы то ни было, я его больше не люблю.

Тут в ее памяти неожиданно всплыла фраза:

«Будущее еще не написано; прошлое сожжено и кануло в небытие».

Надпись на табличке, оставшейся от рамы «Сада утрат и надежд».

«Прошлое сожжено и кануло в небытие».

Джульет нерешительно постучала к старшей дочке и тихонько отворила дверь.

Би сидела на полу и играла в кукольный домик. Она сняла худи, а когда Джульет вошла к ней, съежилась, скрестив на груди руки. Джульет села рядом с ней на корточки и вдруг обратила внимание на дочкин рюкзак – он был грязный и весь покрыт отпечатками подошв кроссовок. Кто-то долго топтал его. Джульет посмотрела на Би и увидела, что у нее все руки покрыты синяками, а ладони грязные. Она ласково взяла дочку за руки.

– Би, милая, ты должна рассказать мне все. Что случилось? – Она осторожно провела пальцами по синякам. – Я серьезно тебе говорю. Хватит молчать. Расскажи мне.

– Они топтали мой рюкзак, а потом толкнули меня на землю и пинали ногами по плечам. О'кей? Достаточно подробностей?

Джульет тихонько подвинулась к дочке и погладила ее по плечу.

– О'кей, – тихо сказала она. – О'кей, милая. Тебе... больно?

– Это? Вообще-то, не очень. Ма, ты ничего не понимаешь. И не пытайся понять. Они всегда одержат верх. – Она взяла одну из фигурок и поставила ее на крышу.

– Нет, неправда, – возразила Джульет. – Они озлобленные, ужасные, но дело в том, что они не одержат верх. Обещаю тебе. Честное слово. Ох, девочка моя любимая. – Она погладила Би по волосам. – Давно это продолжается?

– П-полгода, – тихо ответила Би. – Вообще, чуточку дольше, но совсем плохо полгода.

– Ты можешь мне рассказать? Что они делали? Доченька, я обещаю, даю тебе честное слово, что я ничего не предприму, если там нет ничего противозаконного.

Бесцветным голосом Би начала перечислять:

– Подкладывали мне в рюкзак презервативы, много. Оставляли дерьмо у нашей двери, ты думала, что это собаки, нет, это кто-нибудь из них. Писали обо мне гадости все время. Поливали меня грязью в чатах. Фоткали меня, подловив на чем-нибудь, и рассылали всем. Наверняка шлют даже сейчас, когда мы сидим тут с тобой. Как я сижу в уборной или ковыряю в носу... Молли и Ами притворились, будто им интересно взглянуть на кукольный домик, сфоткали его и... и... – она всхлипнула, – тоже выставили все. Вот кухня в кукольном домике

Би, миниатюрные тарелки и крошечное зеркало... вау, она лузер, блин... Вот такие вещи, сотни раз в день на Snapchat Mum, и это *все время*, и все смеялись... Подкладывали мне на стул всякую гадость, ковыряли по очереди в носу и, проходя мимо меня, вытирали соплю о мое плечо, а я сидела и ничего не могла сделать. Мой телефон пищит *все время*, и я знаю, что это кто-то из них... и я позволяю им все это делать, потому что вынуждена, иначе они расскажут... – Она снова заплакала от боли и унижения.

– Расскажут что?

– Ничего. *Ничего*. Я не могу тебе сказать. Ничего. – Она тряхнула головой, вытерла один глаз и сказала усталым, тихим голосом:

– Мама, можно я буду играть?

Джульет смотрела, как ее старшая дочка передвигала деревянные фигурки перед кукольным домом.

– Я обещала тебе, что все исправлю, – услышала она собственный голос и провела пальцем по чешуйчатой крыше, потом вздохнула. – Что, если я скажу тебе, что мы уедем? Уедем и больше не вернемся.

– Ах, – уныло отозвалась Би. – Если бы так.

– Я серьезно. Начнем все снова, в другом месте, но это место ты уже знаешь.

Би повернула к ней лицо. На ее щеках блестели серебристые дорожки слез.

– Ты что имеешь в виду?

Джульет, все еще сидевшая на корточках, встала на колени и взяла холодную, грязную руку дочери.

– Я делала так много неправильных вещей. Боюсь, что так бывает со всеми родителями. Ты стараешься все сделать хорошо, потом глядишь по сторонам, видишь, что у тебя все не так, как надо, и ты даже не понимаешь, когда и с чего все началось, а ты начинаешь злиться на себя, и все становится еще хуже. А этот мой план – ох, господи, может, он тоже неправильный. Хотя не думаю. По-моему, Би, нам нужно изменить нашу жизнь. Я говорю с тобой абсолютно честно и откровенно. Все плохо, у всех нас.

– Как же папа? – спросила Би.

– Ну дело и в нем тоже, – ответила Джульет со вздохом, наклонила голову и сморгнула слезы, которые упали на домик, на ковер, потому что внезапно подумала о том, что любила его когда-то.

– Из-за его романа с Тесс?

– Что?

– Я все знаю, ма. – Джульет увидела, как изменились очертания ее личика, как появились впадины на щеках, когда она сжала челюсти. Я... я... – Би вздохнула. – Месяц назад я взяла его телефон, чтобы вызвать «Убер», и прочла их переписку.

– Что ты сделала?

Би подняла глаза на мать. У нее побелело лицо.

– Не сердись на меня...

– Доченька! Я не сержусь на тебя. Господи! Ох, милая моя. Ты знала.

– Он писал, что любит ее. И все такое. – Би снова опустила глаза. Джульет ласково погладила ее по руке.

– Ох, Би. Доченька, как мне жалко, что ты узнала об этом. Почему ты ничего мне не сказала?

– Я не хотела быть доносчицей... Да и как я могла бы сказать тебе? – Би покачала головой. – Я думала, что ты не знаешь, и злилась на тебя за слепоту. – Она положила голову на плечо матери. – А она такая шлюха, ма. Я терпеть ее не могу. Даже когда вы с ней дружили, она вызывала у меня отвращение.

– Мне тоже она уже не нравится, – сказала Джульет. – Но, в общем, ты знаешь. Ну и ладно. – Она потерла спину дочки.

– И что, папа любит ее?

– Не знаю. Я не могу спросить его об этом, пока – не могу. Надеюсь, что любит. Теперь у меня собственные планы, потому что я не думаю, что теперь мы сможем жить вместе.

– Конечно. – Би выпрямилась.

– Вот я и хотела обсудить их с тобой. Гляди. – И Джульет похлопала по кукольному домику. – Вот этот дом. Он принадлежит мне.

– Конечно, без вопросов.

– Нет, я имею в виду... этот дом. В реальной жизни. Теперь он мой.

– О чем ты говоришь? Я ничего не понимаю.

Джульет убрала волосы с глаз дочки.

– Настоящий дом. И теперь он мой. Я подумала, что мы можем завтра туда уехать. – Она снова дотронулась до крыши домика,

непролитые слезы жгли ей глаза. Большая дымовая труба, служившая опорой для петли, внезапно распахнулась, и перед глазами Джульет появились любимые фигурки – младенец в колыбели, собачка, стулья. Витая лестница, большое окно на втором этаже, Птичье Гнездо наверху, которое закрывалось на крючок, и там можно было хранить конфеты, книжки, игрушки...

Би, как все девочки-подростки, редко сразу реагировала на происходящее, но вдруг удивленно спросила:

– Что ты имеешь в виду? Как это мы можем уехать завтра? Правда?

– Да. Правда. Мы уедем утром. – Джульет поцеловала дочку и схватила ее за плечи. – Ты сможешь начать все заново и забыть про тех девиц.

– Ты сошла с ума! – воскликнула Би одновременно со смехом и испугом. – Ты хочешь, чтобы мы сбежали?

– Нет, не сбежали. Мы никуда не убегаем, – спокойно сказала Джульет. – Просто что-то случилось – даже не одна вещь, а четыре или пять разных вещей. И я считаю, что нам надо уехать из Лондона и начать жизнь заново. Возможно, потом ты будешь винить меня за это всю жизнь, а может, это будет лучшее решение, которое я делала за всю мою жизнь. Видишь ли, я поняла, что мы пришли к такой точке, где нужно что-то менять. Менять то, что мешает нам жить нормально... – Джульет задыхалась от слез, которые с трудом сдерживала. Она закашлялась. – Может, тебе это покажется безумием, но для нас лучший выход – это поехать туда. Поверь мне, доченька.

Глава 6

Улица была пустая, ее уже накрыла пыльная, выгоревшая на солнце лень летних отпусков. Жители разъехались. Поцарапанная и побитая красная «Шкода» стояла с открытыми дверцами возле дома.

– Ты с ума сошла, – сказала Зейна и подула на волосы, убрав их со лба. – Только помни, что у тебя есть шанс переменить решение. Ты приедешь туда и сразу возвращайся в Лондон. Будешь к чаю, и Мэтт даже не заметит, что вы уезжали.

– Нет, я не вернусь, – ответила Джульет, складывая в машину последние сумки. Было раннее утро, и ее сторона улицы еще лежала в благословенной тени. Мэтт уже уехал. Он прислал ей сообщение:

Сегодня велотур в Хит. Вернусь в 7. Пжлст
сдлй уборку & купи еды если я не прошу слшк
многого.

– Нельзя же так, – сердито говорила Зейна. – Проснулась утром и решила переместить свою семью в какой-то заброшенный дом у черта на куличках, потому что захотела сменить обстановку. Ты ведь говорила, что хочешь его продать. Ты не была там давным-давно и даже не знаешь, каким образом тот дом внезапно стал твоим!

– Слушай, ведь ты видела бумаги. Там все чисто. Дом действительно мой.

– Это еще не означает, что ты поступаешь нормально! – прошипела Зейна над крышей «Шкоды».

– В моей ситуации вообще нет ничего нормального, – ответила Джульет. – Теперь все будет нормально, либо этого не будет никогда. Я осталась без работы. Но благодаря твоей гениальной помощи я получила очень приличное выходное пособие. Еще раз спасибо!

– Я рада этому, сестренка.

– Мою дочь жутко травят и бьют, она видит много дерьма; что-то в ее ситуации я понимаю, что-то нет. И, наконец, вишенка на торте – у моего мужа начался бурный роман с мамашей из школы.

– Что?

– Да-да.

Зейна обошла вокруг машины и встала рядом с Джульет на тротуаре.

– Кто это? О боже. *Кто?*

– Тесс, – прошептала Джульет.

– Ни хрена себе! Конечно. О! Господи, ну и шлюха.

– Вот так и Би ее назвала. – Они обе рассмеялись, словно там было над чем смеяться. Потом Зейна покачала головой:

– Ох, Джу. Сочувствую.

Джульет протянула Санди его кролика:

– Вот, возьми, сынок. – Она захлопнула дверцу и повернулась к Зейне: – Я не говорила тебе об этом, но у него был роман с какой-то девчонкой в офисе, когда он открыл собственное дело. Я была беременной Санди. Ей было двадцать с чем-то. Он уволил ее. Это разозлило меня больше всего, именно это, прямо в глотке застряло, что он уволил девчонку. Мне надо было понять еще тогда, что я не так уж сильно расстроилась из-за той связи, как могла бы. Может, это был для меня знак, что наши отношения накренились.

– Надо было сказать ей, чтобы она пришла ко мне. Я бы ей помогла, – сказала Зейна, и Джульет снова рассмеялась, они обе, и потом обе одновременно вздохнули. – Ох, блин, – спохватилась Зейна после паузы. – Подруга, извини, мне правда жалко.

– Тебе нечего извиняться. Но ты понимаешь меня, правда?

– Ну... ОК... А как будет со школами? Разве у Би не начинается выпускной год?

– Она может начать учебу в сентябре в местной школе. Я уже навела справки. Школа для девочек, и хорошая, правда хорошая. Там есть место для Би. И, послушай, многие дети меняют школу. Если мы останемся, – спокойно добавила она, – я испорчу им жизнь. Не сразу, так... постепенно.

– Ох, милая моя, не испортишь.

Но Джульет нервно кивнула:

– Мы испортим. Я живу как в ловушке. Словно стены с каждым днем все теснее сдвигаются вокруг меня. Мне нужен простор. Нам нужен свежий воздух. Детям нужно расправить крылья, слушать сов, лепить пирожки из травы и глины, им нужно уехать из этого токсичного дома и от супертоксичной ситуации в семье. Нам всем это необходимо. Я не могу тут остаться, Зе. Правда не могу.

– Ты никогда не рассказывала мне про этот дом, – с легкой обидой сказала Зейна, – и вдруг оказалось, что твои дети должны туда ехать, чтобы слушать сов.

Джульет захохотала. Но она понимала, что невозможно описать притяжение Соловьиного Дома и что всегда, все годы – от ее юных лет, когда она в ботинках до колена сидела в барах, до замужества, когда она гуляла с детскими колясками по Хит до «Бутс» и обратно, – Дом непрерывно сидел где-то в ее сознании. Что она думала о нем каждый вечер, переносилась к нему мыслями, ходила по его комнатам и засыпала только тогда, когда ощущала себя внутри тех толстых стен.

– Ты все поймешь, когда увидишь его. – Джульет откинула волосы со лба. – Если мы не уедем туда сейчас, то никогда уже не уедем. – Би? – крикнула она. – Ты готова? – Она открыла водительскую дверцу и повернулась к подруге. Зейна неловко поправила свой кардиган. – Мне так жалко, Зе.

Зейна кивнула, ее глаза наполнились слезами.

– Я думала, что мы проживем тут всю жизнь и будем ковылять друг к другу в гости, когда нам будет по восемьдесят лет.

– Я тоже так думала. – Джульет горько вздохнула.

– Вот я не дам тебе теперь рецепт шашлыка из барашка.

– ОК, справедливо. – Джульет улыбнулась и смахнула слезы со своих щек. – Мо... может, вы приедете к нам, когда мы там устроимся, и ты приготовишь его?

– Ма... – пропищала из машины Айла. – Можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

Зейна подошла и уткнулась в волосы Джульет.

– Обязательно приеду. Ох, Джульет. Я люблю тебя, подруга. – Ее голос звучал приглушенно.

– Ты понимаешь меня, правда? Пожалуйста, скажи, что понимаешь хоть чуточку.

– Понимаю, странная штука, но я понимаю. – Зейна крепко обняла ее, и Джульет прижалась к ней на секунду, но ей хотелось стоять так много часов. Зейна всегда все делала лучше всех.

– Я напишу тебе, – прошептала она. – Би! Иди скорее, Беатрис! Пора ехать!

И внезапно Би материализовалась на пороге дома с почищенным рюкзаком на спине, в лиловых кедах «конверс» и помахала телефоном.

– ОК, ма, – сказала она и прыгнула в «Шкоду». – Пока, – прощбетала она в окошко Зейне, а та послала ей воздушный поцелуй.

Когда они отъехали от дома, свет на солнечной стороне улицы наполнил машину. Джульет не видела из-за солнца Зейну, но, когда они сворачивали на магистраль, Зейна, неистово махавшая рукой, стала на миг видна.

Старые дороги на ничейной земле возле Северной Окружной, огромная ИКЕА, где Джульет провела бесчисленное количество несчастливых часов, экзотические задворки Уэмбли, китайский супермаркет, куда она всегда собиралась съездить, индуистский храм в Нисдене... Она не ездила по этой дороге с Рождества, когда была на конференции в Бирмингеме, а до этого еще много лет, но все равно все было знакомым.

Би сидела рядом молча, сгорбившись, скрестив руки, не глядя в телефон, и ее прежнее хорошее настроение пропало. Он нее волнами исходил слабый запах арники; это Джульет, к недовольству Би, настояла на том, что надо натереть ей плечо. Позади них Айла мирно спорила с Санди, потому что хотела прочесть ему книжку, а ему было неинтересно.

– Дети! Давайте я поставлю «Аббу»? «Супер-Трупер» всегда приятно послушать, – сказала Джульет с наигранным весельем.

Все молчали.

– Ма, можно я что-нибудь посмотрю на твоём айпаде?

– Нет. И не надо читать Санди эту книжку, раз ему она не нравится.

– Я только стараюсь быть заботливой старшей сестрой. Проявлять заботу очень важно. Так всегда говорила мисс Лейси...

– Я знаю, доченька, но только, по-моему, сейчас он не хочет слушать.

– Куда мы едем?

– В один особенный дом.

– Зачем?

– Чтобы жить там.

– Зачем?

– Потому что я хочу, чтобы вы увидели его. Там очень приятно.

– Там есть египтяне?

– Нет.

– А вавилоняне там есть, ма? Только не говори мне, что там есть вавилоняне. Я их не люблю...

– Я обещаю тебе, что там нет вавилонян.

– Ну, мне все-таки не хочется туда ехать.

– Там полно интересных вещей. – Джульет поглядела в зеркало заднего вида на серебристый «БМВ», едва ли не прилипший к ее бамперу. – Там яблони, клевый верхний этаж с красивыми платьями, если они еще там, а еще... Господи, какой идиот.

– Кто?

Но Джульет замолчала, уходя от серебристого лихача, пытаясь сменить ряд, и в этой тишине заговорила Би.

– Мама увозит нас от папы, и мы будем жить в какой-то дурацкой развалине в чужом месте, где мы никого не знаем, – объявила она, прижав пальцы к больному плечу. – В доме полно летучих мышей и призраков, там умерли какие-то дети, и мы никогда не вернемся в Лондон, потому что она бросила папу и у нее в голове какая-то идиотская идея о том, что ей надо найти себя.

Снова тишина.

– Спасибо, Би! – в бешенстве воскликнула Джульет.

– Ма, она правду сказала? – прошептала Айла. – Вы с папой больше не будете жить вместе?

– Это не совсем так, – ответила Джульет, все еще пытаясь сменить полосу.

– Ой, правда? – Би громко захохотала, совсем как Мэтт.

– М-мммммм... – заплакала Айла. – Что она сказала? Я не хочу уезжать от Ясмин. И Славки. И Бонниииии... – Она разрыдалась.

– Би, – сказала Джульет, свернув на соседнюю полосу и позволив серебристому наглецу обогнать их, после чего тот с хохотом показал ей средний палец. – Перестань. И не ври. Я думала, что ты со мной.

– С тобой? Это не политическое направление, блин, – едко ответила Би. – И ты не суфражистка. Ты озлобленная старуха, которая злится, потому что папа... – Она замолкла.

– Вчера вечером ты говорила...

– Вчера я была расстроена. Сегодня я передумала. – Она снова скрестила руки.

Джульет ругала себя. Полгода назад всех родителей из класса приглашали к школьному психологу, и они выслушали лекцию о

быстром и пугающем развитии психики подростков с двенадцати до шестнадцати лет. Им сказали, что мозг четырнадцатилетнего ребенка проходит через огромные гормональные и логические перемены, связанные с взятием на себя риска, необходимостью усвоения информации, выработки собственной позиции и идентичности, поэтому подростков не надо даже заставлять выбирать на собственный вкус мороженое, не говоря уж о том, чтобы взваливать на их плечи стресс от взаимоотношений в группе и экзаменов, поэтому тот, кто обрушивает на подростка стресс, связанный с кардинальной переменой в жизни, просто преступник. А Джульет решила, что для Би отъезд из дома, от отца будет чем-то вроде увлекательного приключения в духе фильма «Тельма и Луиза». И вынудила ее дать согласие. Да ее следует просто в тюрьму посадить как преступника.

– Прости меня, доченька.

– Плостиии, – внезапно повторил Санди.

– Ма, а про тебя и папу – это правда? – спокойным тоном спросила Айла. Последовало долгое молчание.

– Да, доченька.

– Ну это как в той дурацкой книжке «Разные дороги», где папа и мама больше не хотят жить вместе?

– Что? Ох, милая. Да, примерно так. – Джульет лихорадочно искала глазами место, где можно было остановиться.

– О, п-п-п-онятно.

Джульет посмотрела в зеркало заднего вида на дочку и сбавила скорость, отчего ехавший за ней вэн громко засигналил. По красным щекам Айлы лились слезы.

– Айла, доченька. Послушай меня. – Джульет вытерла с виска струйку пота. Как же она позволила случиться такому? – Мы любим вас. Папа остался дома. Ты очень скоро его увидишь. У мамы новый дом. Сегодня мы едем туда. Мы чуточку там поживем. Жизнь там другая, но я думаю, что вам она понравится. Я надеюсь.

– Я хочу остаться в нашем доме. С папочкой.

– Хотеть папика, – заявил Санди, ничего не понимая, но, почувствовав общее уныние, он тоже заревел. Би с удовлетворением оглянулась на брата с сестрой.

– Ты разорвала пополам нашу семью, потому что злишься на папу. Ты ревнуешь.

– Нет, не ревную. Слушай, – сказала Джульет, еще крепче вцепившись в руль, словно в спасательный круг. – Мы можем вернуться в любое время.

– А как насчет папы? – спросила внезапно Би. – Что ты сказала ему?

– Не беспокойся, я все ему объяснила. Он... Би, он вас любит. Он все понимает.

Новая ложь. Они проехали Аксбридж, и А40 превратилась в автомагистраль. Дома стояли не так тесно, стало больше света, небо и земля начали – ну, совсем чуточку – открываться. Надо ехать дальше. Уже не так далеко.

Дорогой Мэтт.

Прости, что я делаю это в письме, но мне не хотелось делать это по электронной почте или по телефону, и я не могла сказать тебе это лично. Как ты всегда говорил, я трусиха. Я уезжаю от тебя и забираю с собой детей. Я объяснила это Бо, и она согласилась поехать со мной на лето и попытаться испробовать мой план. Если ей не понравится, она вернется в сентябре в Лондон и будет жить с тобой.

Соловьиный Дом теперь принадлежит мне, он снова вернулся ко мне, и я объясню это, когда мы поговорим, хотя я и сама не очень понимаю. Я хочу жить здесь и хочу, чтобы дети росли здесь. Би необходим новый старт. И всем нам тоже. Я уже навела справки – Айла и Би могут в сентябре пойти в местную школу. Как видишь, мне пришлось все планировать.

Я знаю, что у тебя роман с Тесс. Знаю об этом уже два месяца. Ты любишь ее или относишься к ней так же плохо, как ко мне? В последний раз было просто клише. Я нашла в твоём телефоне ту девочку, те снимки, ты клялся, что все позади. Я поверила тебе. Забавно, но на этот раз я действительно надеюсь, что ты любишь ее. Хотя на самом деле это действительно не имеет значения, не

так ли? Я могла бы остаться с тобой, потребовать развод, позволить детям провести еще год в этом несчастливом доме, где ни в одну из комнат никогда не заглядывает солнце, могла по-прежнему посылать Би в мир, где ее унижают и бьют каждый день, а мы с тобой вели бы унылые позиционные бои за место под солнцем. Но у меня не было сил на это.

Ты больше не любишь меня, не любишь уже давно. Так что я не беспокоюсь, что ты будешь скучать по мне. Я знаю, что ты будешь скучать по детям. Ты сможешь поговорить с ними сегодня вечером и вообще в любой вечер. Я знаю, что ты их любишь.

Очень важно, чтобы ты понял одну вещь: это не я оказалась снова глупой идиоткой. Это ты сделал меня несчастной. Я-то считала, что материнство лишило меня уверенности в себе, пришибло и ввергло в уныние, но это не так, все дело в нас. Даже если бы не было Тесс. Временами, заходя в дом, я ощущаю в воздухе что-то неприятное, гнилое, мертвое. Я не хочу, чтобы дети росли в такой атмосфере.

Я не думаю, что при нашей встрече мы были такими людьми, какими себя считали, и, пожалуй, все началось с того вечера. Но я любила тебя, Мэтт. Ты сделал мою жизнь интересной. Ты повысил мою самооценку. Ты сравнил меня с героиней викторианского романа, перенесшейся в наши дни, а потом ты сказал, что хочешь быть рядом со мной всю жизнь. Ты помнишь? Как мы гуляли по Камдену, потом ели карри и шли домой, и была Ночь Костров. После этого я много недель вспоминала тот вечер. Но мы постепенно превратились в тех, кто мы сейчас, и у нас уже все плохо. Лучше уж нам больше не лгать друг другу. В

самом деле. Удачи тебе, Мэтт. Спасибо тебе за детей.

Джульет.

Глава 7

Когда они доехали до длинной прямой дороги, начинавшейся от деревни Годстоу, у Джульет болели руки, потому что она слишком крепко сжимала руль. Она уже забыла, какая неровная там дорога; «Шкода» запрыгала, потом ее слегка занесло на зеленом тенистом берегу.

Мимо нескольких домов для бедняков, которые Далбитти построил через год после того, как они поселились в доме. Мимо маленького почтового ящика, устроенного в стене, из которого, как говорила ей бабушка, Санта-Клаус сам забирал письма. Мимо старинной церкви и кладбища, где под полуденным солнцем надгробья казались серебряными. Ее прадед Нед и прабабка Лидди были похоронены там в одной могиле. Рядом с ними покоились их дети, ангелочки со сложенными крыльями. Было время, в ее детстве, когда к воротам был прибит щит, указывавший многочисленным посетителям дорогу к могиле знаменитого Хорнера, чтобы сотни пар ног не вытаптывали нежные лишайники в других частях кладбища. Но уже много лет этого нет – о Неде Хорнере забыли все, кроме коллекционеров, до минувшего мая, когда на аукционную продажу был выставлен его эскиз. Джульет и Эв развлекались, направляя поклонников Хорнера не в ту сторону. Первую монету-фунт, которую она увидела в своей жизни, им подарил американский турист за то, что они провели его к знаменитой могиле.

За церковью нужно было свернуть к дому круто вправо; она никогда этого не делала на «универсале» и немного застряла, маневрируя назад и вперед. Ей посигналил забрызганный грязью черный вэн «Мерседес», и Джульет сердито посмотрела на него. Вэн поравнялся с ней, и сорокалетний мужчина с короткими, подернутыми сединой волосами опустил стекло.

– Что такое! – сердито обругала его Джульет. – Дайте мне минуту!

– А-а. Я лишь хотел спросить, не нужна ли вам помощь, – довольно резко ответил он с легким шотландским акцентом.

– О... – Джульет открыла было рот, но вэн уже резко сорвался с места и уехал в облаке пыли. – Лужи с грязью! – с восторгом

воскликнула Джульет, когда «Шкода» медленно ехала по разбитой дороге. – Гляди, Санди, какие лужи!

Но Санди спал с высохшими дорожками слез на покрасневшихся щеках, Айла молчала, грызла большой палец, крутила пряди волос и бесстрастно глядела в окно. Би яростно тыкала пальцами в телефон.

– Тут даже нет приема, господи. *Господи.*

Джульет проехала через выбоину, машина резко дернулась, Санди проснулся и стал реветь. Айла беззвучно зарыдала, а Би сгорбилась на переднем сиденье и натянула на голову капюшон. Последний поворот – и дом предстал перед ними.

Ему было две сотни лет, но он мог стоять там всегда, мощный дом из золотистого котсуолдского камня. Он был довольно узким и поэтому казался высоким с его тремя этажами. Крыша сверкала на солнце. Тот, кто построил дом для местного священника, когда дотла сгорел старый викариат, стоявший по другую сторону от церкви, сделал его массивным, прочным, способным выдерживать суровые ветра и зимнюю стужу. А Далбитти, перестроивший дом по просьбе прадеда и прабабки Джульет, разделил дом на комнаты, облицевал их деревом, сделал шкафы, очаги и лестницы, что-то оштукатурил, настелил паркет, короче, превратил дом в великолепный дворец, экзотическое украшение английского ландшафта. Джульет всегда любила этот первый взгляд на дом, на эту смесь разных стилей, на Голубятню, на окна...

Дети медленно вылезли из машины и глядели по сторонам с опаской и удивлением. Из дома донесся стук.

– Там призраки, – сказала Би младшим. Санди остекленел. Айла машинально кивнула и пошла в сторону сада, начинавшегося на склоне под террасой.

– Я хочу чуточку оглядеться, – сказала она и сунула руки в карманы платья-сарафана.

Джульет посмотрела ей вслед, понимая, что Айле нужно немного побыть одной. Потом она с учащенно забившимся сердцем перевела взгляд на дом. Увидела женскую фигуру, которая мыла шваброй пол в столовой, и сказка улетучилась: дом был обитаемым, реальным, принадлежал ей.

Она вздохнула полной грудью, так, словно долго-долго не дышала полноценно. Она ощущала запах роз, жимолости, лаванды – именно

лаванда больше всего напоминала ей о бабушке. *Я в самом деле вернулась сюда*, – сказала она себе, глядя на горизонт, на своих детей, которые печально бродили по заросшим дорожкам.

* * *

– Ох, только я решила убраться в доме, а вы и приехали, – сказала миссис Бидл, двигая по деревянному полу ведро и швабру. Наверху раздался грохот и топот ног – это дети обследовали верхние этажи. Миссис Бидл взмахнула правой рукой: – Я ведь не знала. Никто мне не сказал, когда вы приедете. Если бы я знала, что сегодня, то...

– У нас изменились планы, – ответила Джульет. – Простите. Мы прибыли раньше, чем я планировала.

– О. – Мисс Бидл сокрушенно покачала головой: – Ну не буду тебе лгать, дом, конечно, нуждается в ремонте. Крыша почти прохудилась, черепица падает на землю чуть ли не каждый час, вы и сами услышите. Походит на дождь. В дымовых трубах птицы свили гнезда. Кухню не ремонтировали много лет.

Джульет сунула голову в маленькую темную кухню, длинную и узкую, с маленьким проходом под лестницей, который вел в столовую. Там ничего не изменилось со времен бабушки, вплоть до ручек шкафов.

– Напомните мне, кто были люди, купившие дом после смерти бабушки? Мистер и миссис Уилсон.

Миссис Бидл с любопытством посмотрела на нее:

– Уолкеры. Жили здесь на пенсии. Из Букингема. Приятные такие. Вероника Уолкер ухаживала за цветами в церкви. По-моему, дом был для них великоват. Дело в том, что у них не было детей, а ведь этот дом оживает именно при детях. Но сад они любили. Держали его в таком же порядке, как и при твоей бабушке. Ну, ты сама видишь.

– О да, – сказала Джульет.

– Ты сколько времени тут не была?

– Со смерти бабушки. Пятнадцать лет.

– Вообще не приезжала? А ведь маленькой ты все время жила здесь, я хорошо помню, словно это было вчера.

– Один раз я проезжала мимо, в темноте, – сказала она и вспомнила ту поездку, позднюю обратную дорогу после оценки красивого старинного особняка к западу отсюда, мясистую руку Генри на ее коленке. Она торопилась домой к детям, но все же солгала Генри насчет дороги, чтобы проехать тут, мимо Соловьиного Дома. Но было слишком темно, и она ничего не увидела, даже каменных соловьев на крыше. – А так больше ни разу. Зато теперь я здесь!

– Зимой тут тяжело, – мрачно заметила миссис Бидл.

– О, я уверена, что все будет нормально. Дом крепкий, старинный, он всегда был надежным, – сказала Джульет, стараясь придать своему голосу беспечность. Между тем голоса детей звучали немного громче. Ей хотелось поскорее пойти к ним. – Преподобный Миртл построил его на века. Ведь что там написано над дверью? «Храни нас рать небесная в этих стенах».

Эв любил шутить, что «нас» и «рать» звучит как «насрать». Они не могли войти в дверь без истерического хохота. Ах, то лето, когда Эв до тошноты объелся черникой, когда бабушка возила их на морской пляж, – какой это был пляж? И они нашли там «кошелек русалки» – яйцевую капсулу ската – и морского ежа. Еще они играли в то лето в карты в «пьяницу», а бабушка все больше и больше сердилась на них обоих, особенно на Джульет.

– Перестань принимать все как должное, – крикнула она однажды. – Ты никогда не спрашиваешь меня ни о чем. Вам плевать на все, маленькие поросята. Вы ничего *не знаете*.

Джульет зашла в большой холл и взглянула на широкую лестницу, на световой колодец над головой. Ее ладонь лежала на вырезанной из дерева маленькой белке, украшавшей опорную стойку перил.

Через неделю после гибели картины Нед умер от «испанки». От нее умирали тысячи людей как в стране, так и по всему миру. Покойника положили в Голубятне, и он лежал там до дня похорон, когда гроб перенесли из его мастерской в этот круглый холл, наполненный светом, лившимся из светового колодца.

Лидия, вдова художника, вся в черном с головы до ног, стояла отдельно от всех, слегка отвернувшись, словно не могла выдерживать все это, а когда гроб выносили из дверей, она резко повернулась и откинула с лица вуаль.

– Нед! – закричала она и ударилась спиной о полукруглую стену холла. – *Это было все, что оставалось мне от них. Только это осталось от них. Зачем ты их сжг? Я проклинаю тебя, Нед. Проклинаю!*

По словам бабушки, несших гроб мужчин так поразили слова Лидии, что один или двое оглянулись, гроб выпал из их рук и со стуком ударился о черно-белые плиты пола, и две из них треснули. Один из носильщиков отказался нести гроб дальше и участвовать в похоронах человека, проклятого собственной женой, и поэтому оставшиеся несли гроб втроем, нечетное число.

Плитки, на которые упал гроб, так и остались с бурными трещинами, с годами они слегка расширились. Джульет посмотрела на них. У нее встали дыбом волосы. Фигуры из прошлого, члены семьи, заблудшие души стремились поведать ей свою историю, рассказать о разных вещах.

Миссис Бидл оперлась о швабру.

– Ты знаешь кого-нибудь из нынешних соседей?

– Ну Фредерика. Но я тоже не видела его много лет.

– А, того хозяина антикварной лавки на Верхней улице? Ты встречалась с Джорджем?

– Кто такой Джордж?

– Значит, ты не видела Джорджа, – мрачно сказала миссис Бидл. – А про встречи Союза Фермеров слышала? Знаешь что-нибудь об этом? Они забавные, озорные, придумывают всякую всячину.

– Я ведь не фермер.

– Милая, по-моему, их это не колышет. *Знаешь, их прогнали из «Короны» после того, что случилось вечером в праздник Гая Фокса. Там не было никаких требований и призывов, вообще никаких, и того парня из Германии должны судить.*

– А что случилось в тот вечер? – в ужасе спросила Джульет. – И что за немец?

– Ну раз ты ничего не слыхала, то я не буду сейчас рассказывать. А кого еще ты знаешь?

– Я уверена, что вспомню еще несколько старых лиц. Послушай – а как там поживает Бренда, которая сидела в газетном киоске?

– Умерла.

– Ой. О господи. А Гордон, мясник?

– В тюрьме. – Миссис Бидл многозначительно похлопала по своему носу. – Теперь у нас вообще нет мясника. Там сейчас благотворительный магазин.

– Ой, о господи.

– Там продаются симпатичные открытки и оберточная бумага очень приличного качества... А знаешь, викарий ушел от нас... У него был нервный срыв.

– Это чудесный Леонард? О, он был такой добрый. Как жалко. Надеюсь, у него все в порядке.

– Лайонел, ты его имела в виду? Нет, не он. После него было еще два. Теперь у нас один викарий на семь приходов.

– На семь? – удивилась Джульет. – Как же такое возможно?

– Слушай, милая моя, – сказала с удовольствием миссис Бидл. – Времена теперь другие, не такие, как при жизни миссис Стеллы Хорнер. А ты что думала? Что вернешься в прежнюю жизнь? Не-ет, сейчас многое поменялось. То, что было, давно ушло.

– Да, – согласилась Джульет и посмотрела на треснувшие плитки, черную и белую. – То, что было, давно ушло.

Голос миссис Бидл внезапно помягчел:

– Но все-таки остались люди, которые тебя помнят. Ты была милой девчушкой и целыми днями бегала по саду с мальчишкой Оноров... – Она кивнула ей. – Вот ты кого знаешь! Адайр Онор.

– Мать Эва. Я не видела ее много лет.

– Что ж, она будет рада твоему возвращению. Она такая же чокнутая, как и была. Постоянно сучает по сыну.

– По Эву? Где он сейчас?

Миссис Бидл пожала плечами:

– Я-то думала, что ты лучше меня знаешь.

Джульет покраснела.

– Вообще-то, мы не общались. Но я позвоню ей. Мне будет приятно повидаться с ней.

– Позвони, конечно. Ну вот ты и приехала. Ой, твоя бабка радуется на небесах, что ты вернулась сюда. Как она всегда говорила о тебе! А вот твой бедный отец никогда доброго слова от нее не слышал. – Наступило неловкое молчание. Миссис Бидл решила, что проявила бестактность, и свернула на другую тему: – И что ты собираешься тут делать целыми днями?

Джульет вспоминала Грэнди. Как она раскидывала руки для объятий, когда Джульет бежала к ней в конце дня. Вспоминала ее низкий, твердый голос, читавший сказки. Ее большие руки, достававшие из влажной земли луковицы или клубни картофеля.

– Я... я пока не знаю. В мае я осталась без работы. Мне нужно найти что-нибудь через пару месяцев. А пока я займусь домом, устройством детей...

– Ну на это у тебя уйдет пара недель, – сурово сказала миссис Бидл. – Прости любопытную старуху, но, вообще-то, дел тут невпроворот. А что твой отец? Он не собирается приехать и помочь тебе?

– Собирается, но позже, – ответила Джульет. Беседуя с миссис Бидл, она невольно глядела по сторонам. В доме мало что изменилось. Она вернулась. – На следующей неделе у мамы операция на коленке, и они приедут, когда она поправится.

Внезапно сверху донесся пронзительный визг.

– Боже, что там? – пробормотала она, прислушиваясь к топоту ног.

– Фу! Мышь! Как противно!

– А я люблю мышек! – тихо заявила Айла за спиной старшей сестры. – Не обижай ее, Би! Или его! Отпусти! Может, у нее гнездо с малышами... Перестань!

– Маааааа! – Потолок вибрировал от бегущих ног Санди. – Хотите маааааа!

– Ма. – Би стояла наверху лестницы, скрестив руки и сердито глядя вниз. – Мы видели мышь.

– Ну... – Джульет виновато улыбнулась, словно мышь появилась в доме исключительно по ее недосмотру.

– Я не намерена спать там, где бегают мыши, понятно?

Миссис Бидл сначала тихонько хмыкнула, потом расхохоталась так, что заходило ходуном ее массивное тело.

– Ой, ты смешная. Это Би?

– Что такое? – сердито спросила Би, повернув к ней лицо. На ее щеках горели красные пятна.

– Би, – резко оборвала ее Джульет. – Не груби. Извинись.

– Извините, – пробормотала Би, густо краснея.

– Ладно, ничего страшного, – ответила миссис Бидл и посмотрела на детей. – Послушайте старуху, детки, ладно? Деревенские мыши совсем не такие, как городские. Деревенские мыши не доставят вам неприятностей. Они прибегают сюда с зернового поля. В сентябре их особенно много. Да, деревенские мыши, не городские. Они приятные зверьки. – Дети, насупившись, ушли в гостиную, а она повернулась к Джульет, тащившей сумку через холл: – Когда приедет твой муж?

– Мы расстались. – Джульет поняла, что не может смотреть в глаза миссис Бидл. – Отчасти поэтому я поняла, что могу приехать сюда, когда Уолкеры продали дом.

– О Джульет, извини. – Миссис Бидл положила большую руку на локоть Джульет, и сухое тепло ее ладони, доброта в ее голосе казались почти невыносимыми. Старуха убрала руку и сказала, словно спохватившись: – Вообще-то, они не продали его.

– Нет-нет, они продали его пару месяцев назад.

– Нет. Они арендовали его.

Джульет пожала плечами – мол, какая разница, – но тут же нахмурилась, когда до ее сознания дошел смысл тех слов.

– Что?

– Они не были владельцами. Я точно знаю, потому что они говорили мне об этом. Их просто попросили покинуть дом.

– Что?

– О да. Она, миссис Уолкер, сказала мне об этом на Верхней улице. Она сказала, что кто-то словно наблюдал за ними. Появился как раз вовремя и сказал, чтобы они освободили дом. Потому что они уже не могли справляться с домом и садом... Она сказала, что для нее это огромное облегчение и что они с радостью вернутся на старое место. О, у них где-то неподалеку есть приятное бунгало. Они оставили свой адрес, я сохранила его для тебя.

Джульет опять удивилась:

– Что? Но ведь он был продан после смерти бабушки.

– Теперь ты владелица дома, правда?

– Да. Так мне сказали. – По спине Джульет медленно побежали мурашки. – У меня есть документы на дом. Просто... интересно, кому принадлежал дом. Кто отдал его... мне.

– Не мое это дело, милая моя.

В гостиной раздался крик:

– Ма! Что это за штуки на камине?

– Какие штуки?

Би появилась в дверях:

– Куклы! Такие же, как в кукольном домике.

– Я видела их, – сказала миссис Бидл. – Еще удивилась, кто их туда поставил.

Джульет зашла в гостиную. Там, на большой каминной полке, стояли две куклы. Они были связаны куском бечевки. Обычной кухонной бечевки. Еще они были завернуты в небольшой листок бумаги.

– Куклы из кукольного домика, – прошептала она, и ей вдруг сделалось страшно, хотя она и не понимала причину. – Это Лидди. Это Нед.

– Кто?

– Он сделал их для нее. Когда-то я играла в них. Не видела их много лет...

Изысканная прическа куклы Лидди, аккуратные кольца волос, выцвела и стала цвета платана. Одежда, которой Джульет любовалась в детстве, сохранилась лучше: элегантная блузка из тонкого хлопка и зеленая бархатная юбка, крошечная брошь-камея, подвижные руки и ноги, лицо с крошечными каплями глаз из голубого стекла. Кукле-Неду с остроконечной темной бородкой и кистью в одной руке (щетина выпала из нее давным-давно) повезло меньше: его черный костюм проела моль и он был совсем ветхим.

Джульет знала эти фигурки почти так же хорошо, как собственных детей, но не видела их уже много лет. Сколько же? Тридцать – тридцать пять?

Миссис Бидл извинилась:

– Пойду-ка я заканчивать уборку.

Джульет рассеянно кивнула и дрожащими пальцами развернула листок.

Я опять вернула Неда и Лидди в их дом.

Шум за спиной заставил Джульет вздрогнуть; она уронила фигурки на пол.

– Что это? – спросила Би у нее за спиной. Она подняла фигурки и стала их рассматривать.

– Они из кукольного домика, – ответила Джульет и перевернула записку.

Дорогая моя Джульет.

Я отдаю тебе этот роскошный дом. Оглянись по сторонам.

Знай, что, поселившись здесь, ты продолжишь линию женщин, восходящую к моей собственной прабабке Элен, чей отец построил этот дом. Его звали преподобный Дэвид Миртл.

Он построил новый дом викария на месте старого. Здесь росла его дочь Элен. У нее было трое детей: Руперт, Лидия (моя мать) и Мэри. Я рассказывала тебе, что у Лидди было ужасное детство, когда Элен умерла от оспы. Нед Хорнер выкупил этот дом для своей Лидди, и они жили тут всей семьей. Я родилась через шесть месяцев после смерти отца. Мы с Лидди жили тут одни – но мы были не одни! Джульет, в нижнем конце сада жили эльфы. Они играли по ночам, когда думали, что я спала.

За эти последние месяцы я исписала маленькую тетраточку, прогоняя зимнюю скуку. Ты можешь пользоваться ею как справочником. Она откроет тебе кое-какие секреты этого дома, о которых ты не знала.

Ты была чудесной девочкой, и я любила тебя. Знаешь что? Найди свой собственный путь в жизни, дорогая моя. Он там есть, если ты приглядишься внимательно.

Любящая тебя бабушка,

Стелла Хорнер.

А ниже было написано торопливым почерком:

Я не сошла с ума, Джульет, дорогая моя, хотя и была зачата в безумную ночь, и они хотели довести меня до безумия. Я хочу сказать

тебе то, что думаю. Я думаю, что они солгали мне. Я уверена, что картина не сгорела. Я думаю, что ее украл мальчишка. Я думаю, что она где-то в доме.

– Что она имеет в виду? – Би читала записку, заглядывая через плечо матери. – Какая картина? Какой мальчишка?

Джульет отошла, словно оберегая секрет.

– Не знаю.

На камине лежала старая школьная тетрадь в линейку, исписанная убористым бабушкиным почерком. С нарастающим в душе беспокойством Джульет перелистала ее. *«Март... Все весенние луковицы высажены, Джульет?... Июль... Лавандовым маслом можно лечить солнечные ожоги... подпорки для георгинов. Сорви яблоки. Посади морозостойкие однолетние растения. Почисти Птичье Гнездо».*

Пораженная, она положила тетрадку. Внезапно она словно услышала ее. Увидела ее, стоящую в дверях, подбоченясь, расставив ноги, высокую, стройную, с орлиным носом и широко расставленными темными глазами, с аккуратной короткой стрижкой, где не сбивался ни один волосок.

– С возвращением домой тебя, милая, – говорила она. – Рада тебя...

Духи, призраки, эльфы и все прочие, казалось, заявляли о себе громче обычного, их присутствие сдвигало границу между прошлым и настоящим. Джульет свернула записку, взяла тетрадь, казавшуюся тяжелой от чернил и бабушкиных инструкций, и сунула в карман джинсов. В дверях стояла, скрестив руки, Айла и смотрела на мать.

– Доченька, иди ко мне, – сказала Джульет и обняла ее.

– Я хочу к папе, – сказала девочка очень тихим голосом.

Джульет на мгновение закрыла глаза, потом поцеловала мягкие волосы дочери.

– Я знаю, милая. Папа в Лондоне. Теперь это наш дом.

Она села на корточки. *Теперь я главная. Мне нельзя прятаться ни от чего.* Она снова обняла Айлу и посадила на колени Санди. Потом жестом позвала Би, и старшая дочь села на пол и погладила брата по голове.

– Это Лидди, – сказала Джульет, взяв у Би куклы. – А это Нед.

– Он был художником? – спросила Айла, вынув изо рта большой палец.

– Да. Гранди рассказывала мне про него и Лидди, когда я не могла заснуть. – Джульет смотрела на вырезанное из дерева лицо Неда, на его кисть, на древесный рисунок, который шел почти вдоль его носа. – Я не вспоминала их много лет. – Теперь она поняла, что думает о Неде прежде всего как о художнике. – Я знаю все о них. О Лидди, ее сестре Мэри, как они жили в этом доме.

Входная дверь захлопнулась от внезапного порыва ветра. Санди с Би вздрогнули. Айла не пошевелилась.

– Значит, он жил здесь?

– Да. Они оба. Много-много лет, и у них была счастливая жизнь. Пока не... хотя я точно не знаю. – Джульет встала, держа за руки младших детей. – Давайте достанем из машины сумки и будем пить чай.

– Что с ними случилось потом?

Джульет снова посмотрела на фигурки, потом на сад.

– Вообще-то, я точно не знаю. Бабушка мне не рассказывала.

Глава 8

Май 1891. Хайгейт

– Вы выпьете чаю, мисс?

– Ой, тише-тише, пожалуйста, минуточку, дорогая Ханна! Одну минуточку...

Мисс Мэри Элайза Дайзарт, четырнадцатилетняя барышня с элегантною фигуркой и изящными ножками, привстала на цыпочки и, слегка отодвинув тяжелые шторы из синего бархата с золотыми узорами, смотрела в открытое французское окно гостиной в Сент-Майклс-Хаус на лежавший за ним сад. Ее каштановые локоны, которые ей, в отличие от ее сестры, никогда не нужно было завивать на противных папильотках, падали на плечи и блестели в солнечных лучах. Мэри наклонилась вперед, и ее хрупкая фигурка, казалось, пульсировала от напряжения. Ханна, ее любимая служанка, терпеливо ждала в дверях.

Узкая и прямая дорожка вела от дома в сад, обрамленный подстриженными кустами. Первые розы, нежно-лимонные и ярко-розовые, цвели вдоль дальней стены, грозя нарушить строгие линии сада, к досаде садовника Крэбтри. Мистер Дайзарт устраивал ему взбучку, если видел где-нибудь веточку, торчавшую из низких кустов, их надлежало подстригать в летние месяцы два раза в неделю. Мистер Дайзарт любил порядок. «Сад должен быть укрощен, – говорил он садовнику, щелкая серебристыми ножницами. – Мы властелины земли и неба, Крэбтри. Не забывай об этом».

А вот за украшенной розами стеной властвовала смерть, так как в десяти ярдах от сада начиналось Хайгейтское кладбище; оно существовало там уже пятьдесят лет, но по-прежнему считалось в Лондоне самым престижным местом упокоения. Из задних комнат на втором этаже, особенно из спальни Руперта, брата Мэри, видно было все обширное пространство кладбища – склепы, уходившие в холм, Египетская аллея с величественными каменными воротами и колоннами, украшенными резьбой, неровные ряды надгробий,

пышных и скромных, торчавших из темной земли словно серые зубы. В любое время дня с кладбища доносилось шарканье похоронных процессий, слышались приглушенные рыдания, когда гроб, часто очень маленький, опускали в землю.

Барышни Дайзарт часто прятались у Пертви в его Берлоге от их гувернантки, мисс Брайант. Когда-то она часто лупила Руперта палкой и запирала в темном чулане за его проказы, но в последние годы она обращала на него гораздо меньше внимания. Пертви исполнилось восемнадцать лет, и он учился в Королевской Академии. Он вышел из-под ее власти и мог приходить и уходить, когда хотел. А сестры смотрели из его спальни на похороны и оценивали их пышность по десятибалльной шкале.

Их мать Элен была похоронена на этом кладбище в свинцовом гробу из-за погубившей ее оспы. Поначалу им надлежало ходить к ее могиле каждое воскресенье. Позже они почти перестали ее навещать, и Мэри даже не была уверена, что найдет могилу матери. Отец часто повторял, как им повезло, что мать похоронена тут, в приличном месте, а не на ужасных кладбищах в Сохо или Сент-Панкрас, где ужасная вонь и орудуют похитители трупов. На ее могиле лежал небольшой кусок мрамора с именем и датами рождения и смерти. Рядом с высеченными из камня огромными песочными часами или надломленными колоннами могила матери казалась такой... незначительной. Но это было не так, во всяком случае для них.

Пертви никогда не говорил о матери. Лидди хорошо ее помнила. Она вспоминала, как играла в кукольный домик, сидя у нее на коленях, на ее широкой юбке, пахнувшей лавандой, и мать рассказывала ей о своем детстве и сестре Шарлотте. О церкви рядом с домом. О соловьиных трелях в мае и июне. О том, как они гоняли палкой обручи по периметру их нового дома, и о заледеневших стеклах в зимнюю стужу. Однажды, когда она была маленькая, ее отец, викарий церкви, той, что рядом с домом, подарил ей стеклянный шар – большой, внутри фигурки людей на катке, – за которым посылал в Лондон. Еще мать вспоминала, как однажды лисица оторвала голову цыпленку, как в живой изгороди свернулась в клубок соня, как вокруг будлеи, обрамлявшей огород, летали десятки бабочек. «Да, мы ели собственные яблоки, картошку, курятину и баранину... – рассказывала

мать, а маленькой Лидди хотелось маленького ягненочка. – Когда-нибудь, моя радость, я отвезу тебя туда».

Увы, их мечты были напрасными. Однажды мама и Лидия остановились на Хит, чтобы помочь молодой женщине, звавшей на помощь. Нянька ребенка той женщины билась в припадке на земле. Мама отвела девочку – той было лет тринадцать-четырнадцать – на Хэпмстед-роуд, поддерживая ее за талию, а мать с малышом, рыдая, шли за ними. Потом Мэри часто думала: кто была та леди? Почему сама она не могла помочь своей служанке? Почему именно мама решила им помочь?

Через два дня мама и Мэри заболели, но Мэри выжила. Сначала их лечили вместе, но потом Мэри унесли из маминой спальни. Мама кричала, просила не разлучать ее с дочкой. Мэри помнила это. Сама Мэри едва не умерла, но все же поправилась, и теперь о той страшной болезни напоминали ее оспины на лице.

В детстве Мэри боялась внимания окружающих, чужих взглядов, была замкнутой, а еще ее жалели больше других, ведь она чуть не умерла. Поэтому все считали Мэри самой кроткой из трех детей Дайзарг. И это было странно, ведь ее мать всегда говорила, что Мэри создаст много проблем. «Мэри все перевернет, – вспоминала Лидди слова мамы. – Мэри изменит порядок вещей».

Да и сама Мэри не чувствовала кротости в своем характере. Конечно, она жалела голодных собак, которых Пертви дразнил кусочками мяса, писала письма своей тетке, слушала бесконечные отцовские истории о его учебе в адвокатуре, о том, как его исключили, как с ним грубо обращались коллеги из его адвокатской конторы, как он прозорливо купил долю в производстве карболового мыла, как прозорливо сделал предложение мисс Элен Миртл вскоре после того, как умерла ее тетка и оставила ей и ее сестре львиную долю своего состояния. «Я опередил моих соперников, вот в чем дело», – хвастался он дочери, поглаживая бакенбарды. Мэри подозревала, что отец просто забывал, кто она, когда говорил такие вещи.

Кукольный домик стоял в детской. Мама часто открывала его, и они все вместе играли, зажигали очаг, Ханна подавала хлеб с маслом и джемом. После смерти мамы отец решил нанять для детей гувернантку. Он заявил, что дисциплина им не помешает. Так в их

доме появилась мисс Брайант. Вскоре после этого Лидди нагрубила ей, когда та не позволила ей густо намазать джемом тост, и кукольный домик был перенесен в гостиную; детям теперь позволяли играть в него только по воскресеньям. Все остальные дни недели они лишь с тоской смотрели на него. При этом гувернантка повторяла, что они счастливые дети, раз у них есть такой домик.

Через несколько недель она сожгла другие их игрушки – деревянного попрыгунчика Пертви, тряпичную куклу Лидди и волчок Мэри – и заявила, что им еще повезло, раз у них раньше были эти игрушки, и что они должны научиться не роптать.

Еще им повезло, сказала она, что их покойная мать лежит так близко и они могут молиться за спасение ее души.

(«Такая жалость, – Мэри слышала, как тетя Шарлотта сказала это Ханне в один из ее последних визитов к детям бедной сестры, – они окружены всей этой смертью, как досадно!»)

В тот майский день так многое зависело от исхода этой небольшой прогулки по саду. Стараясь не обращать внимания на шорохи кладбищенских деревьев, наводивших на нее страх даже днем, Мэри напрягала слух, чтобы разобрать, о чем говорила шедшая впереди нее пара.

У джентльмена остались давно позади волнения юности. У него были важные манеры, прямая как палка фигура в черном сюртуке и шелковый цилиндр, его седеющая, навощенная шевелюра переходила в пышные бакенбарды. Это был Хайворт Ронсли, лучший друг отца Мэри еще с учебы в Оксфорде. При ходьбе он наклонял голову к юной фигурке, шедшей рядом, слегка, из-за рискованно балансировавшего пенсне. Это была, конечно, Лидди. Словно гибкий стебелек, она изогнулась и старалась ловить каждое его слово, ее милое личико повернулось к нему, как цветок к солнцу.

Мэри с беспокойством наблюдала за ней. Она обожала сестру больше всего на свете и давно уже поняла, что ей придется покинуть этот дом, чтобы выжить. Если этого не сделать, с ней что-нибудь случится. Она точно это знала.

– Нет, дитя мое, – проговорил Хайворт Ронсли в ответ на какое-то замечание Лидди и после этого взял ее руку в свою, ласково сжав ее тонкие пальцы, облаченные в перчатку. – Ах! Моя невинная крошка!

– Но... – Сестра что-то ответила ему и улыбнулась. Лента, убиравшая от лица ее старательно завитые волосы, слегка сбилась, и локоны упали на щеки Лидди. Мэри похолодела – Брайант наверняка разозлится, увидев такую вольность, но Лидди, казалось, ничего не замечала. Она никогда не боялась наказаний и переносила их легче всех. Всегда, с тех пор как ее оторвали от матери, сломав плечо; оно было почти безжизненным, как у куклы, с восторгом рассказывала им Ханна: «Иссиня-зеленое плечо, руки как веточки, ужас да и только. И ты просто лежала, маленькая, тихая! Плечо-то наверняка страшно болело, но ты никогда не плакала, никогда!»

На только что поглаженном платье Лидди появилось пятно от травы, щека чуточку испачкалась. *Ох, Лидди, накажет она тебя на этот раз.* Мэри отвернулась, не в силах смотреть на сестру. Ведь она наверняка даст согласие, если он сделает ей предложение. А сегодня он сделает его, это точно...

Этим утром они сидели на кровати Мэри и говорили о маме. Мэри накручивала волосы Лидди на папильотки.

– Ей нравился Хайворт? – спросила Лидди, грызя ногти, пока Мэри туго завязывала полоски ткани. – Если это правда, то он мне тоже понравится.

– Да, нравился, но... – Мэри пожала плечами. – Хоть и верно, что он был лучшим другом отца и другом семьи, но, по-моему, это еще не значит, что он станет хорошим мужем для его дочери. Все-таки... – Она замолчала.

– Но это не значит, что он *не* станет им, – сказала Лидди, повеселев, поскольку она все утро нервничала, вздрагивала на любой звук – накануне вечером Брайант обнаружила, что Лидди смотрела в окно, хотя должна была лежать в постели, и после этого у нее так болели и хрупкие ребра, и нога, что она не могла заснуть. Мэри, рассматривая утром ее синяки, вновь почувствовала приступ гнева и стыда и, хотя была почти на два года моложе своей безрассудной сестры, желание защитить ее, потому что Лидди, казалось, сама провоцировала все побои и унижения.

В прошлую зиму она набралась смелости и пожаловалась отцу об этом, отважившись зайти в его кабинет холодным январским вечером. Но он лишь отмахнулся. «Все будет хорошо, моя милая», – сказал он,

словно речь шла о сломанном колесе или разбитой тарелке. Но на следующий день он, вероятно, поговорил об этом с Брайант, потому что на террасе появилась глубокая миска с водой, и она подернулась льдом. Она стояла в таком месте, где Лидди могла ее видеть во время уроков, а вечером гувернантка макнула девочку лицом в эту воду и держала столько, что Лидди потеряла сознание.

Поэтому хотя Хайворту Ронсли было пятьдесят, а Лидди только шестнадцать, хотя он слишком часто облизывал губы и смешно шепелявил, хотя слишком грубо сжал узкую руку Лидди, как показалось Мэри, и хотя после свадьбы он увезет Лидди, ее любимую сестру и самую дорогую в мире подругу, куда-то в Пертшир, где она будет вести хозяйство и ухаживать за его прикованной к постели матерью, Мэри была уверена, что это было для нее безопаснее, чем оставаться в Сент-Майкл-Хаусе с Брайант. Мэри надеялась, что ее страстная, импульсивная сестра не останется равнодушной к мистеру Ронсли, что ей понравится его общество, его доброта, что он будет баловать ее... *О Господи, хоть бы он оказался добрым! Прошу Тебя!* Часто, когда кто-то таращил на нее глаза на улице, или когда ребенок с криком показывал пальцем на оспины на ее лице, или когда люди улыбались ей чересчур ласково, Мэри хотелось остановить их и сказать:

Я рада этим оспинам. Я боюсь, что они, как говорит моя сестра, начнут бледнеть и исчезать, потому что с ними я неприкасаемая. Я защищена от внимания мужчин. Неужели вы не понимаете? Мне повезло, и я счастлива.

Шум и крики в холле резко оторвали Мэри от ее размышлений. Она заморгала, отвернулась от гулявшей в саду пары. Крики сделались громче, и Мэри поспешила к дому, поправив свой кружевной воротник и разгладив руками юбки. По дороге она остановилась и закрыла кукольный домик.

– Господи, Пертви, – сказала она, входя в холл. – В чем дело? Ты потревожишь отца.

– Отец не будет возражать! – заявил ее брат с покрасневшим лицом. Он бросил на нее быстрый взгляд, один из их секретных взглядов, в которых стыд и ужас смешивались с алкоголем; ее сердце пронзила боль, словно на рану капнули лимоном. Но Пертви мгновенно стал снова веселым и обаятельным. Он швырнул на

вешалку свою шляпу-котелок. – Нед! Будь другом, повесь мою шляпу, ладно? И Далбитти тоже!

– Черт побери, Дайзарт! Я тебе не слуга, – воскликнул вышеупомянутый Нед и швырнул шляпу в Руперта. Тот громко загоготал.

– Нед неотесанный и грубый парень, Мэри. Самый главный грубиян! Но гляди, я давно обещал тебе, что приведу его к нам, и, видишь, привел, правда? Нед, возьми себя в руки. Сейчас я вас представлю. Далбитти, ведь ты не знаком с моей сестрой Мэри, верно?

Высокий молодой джентльмен, выпутавшись из шарфа, посмотрел на Мэри, явно смутился, похлопал по жилету длинными пальцами, моргнул несколько раз и протянул ей руку, глядя в ее твердые карие глаза.

– Здравствуйте, мисс Дайзарт. Оч-ч-чень рад познакомиться. Очарован.

– Здравствуйте, – ответила она, стараясь не краснеть, когда он тряс ее руку. Она уже видела его однажды, он заходил к брату перед прогулкой по Хит. Это был Люшес Далбитти, учившийся вместе с ее братом живописи в Королевской Академии искусств, хотя недавно решил специализироваться на архитектуре.

Ей нравился Далбитти, нравилось, что его глаза смотрят прямо на нее, на ее обезображенное оспой лицо, а не блуждают из деликатности по ее плечам и волосам. Ее маленькая рука задержалась в его большой ладони на мгновение дольше, чем следовало, и они глядели друг на друга, словно застигнутые врасплох, но потом Мэри осторожно высвободила руку и еще раз заглянула ему в глаза.

– Я ужасно много слышал о вас, мисс Мэри, – сказал он.

А я знаю о тебе все. Он был из знатной шотландской семьи, и они с Недом часто обсуждали, как они построят собственную Утопию, где все смогут свободно жить и работать.

– Вот только он помолвлен с девушкой, которую знает с рождения, – сообщил сестрам Пертви. – Так что с Утопией пока ничего не получится, потому что он должен жениться на ней, хотя не думаю, что он очень жаждет этого, скорее это страстное желание его отца – объединить их владения и все такое. Так что я продолжу заниматься живописью, и Нед тоже; мы подождем, когда Далбитти

будет готов строить дома. Вы тоже сможете там жить, дорогие сестрички; мы пустим женщин в нашу Утопию.

– Чтобы убирать за вами и штопать вам одежду? Ох, большая радость для нас, – ответила Лидди, не такая снисходительная, как Мэри, к прожекам брата.

Далбитти улыбнулся Мэри, попятился назад и наткнулся на Пертви; тот ударил по плечу своего второго приятеля.

– Мэри, это Нед Хорнер. Я уверен, что ты с удовольствием познакомишься с ним, ведь я только и знаю, что говорю о нем, после нашего знакомства. Сестры жаждут познакомиться с тобой, Нед. – Пертви подмигнул им обоим: – Правда, Мэри?

– Конечно, – ответила она, жалея, что ее брат держал себя довольно вульгарно, и опасаясь, что отец застанет его в таком виде. – Я рада познакомиться, мистер Хорнер.

– Я тоже, мисс Дайзарт. Здравствуйте, – сказал он и с улыбкой пожал ей руку.

Он был светлее и тоньше в кости, чем ее упитанный русоволосый брат, и, по оценкам Мэри, моложе на пару лет. У него были тонкие черты лица, и, хотя он носил костюм-тройку, как и его друзья, его одежда была поношенной и многократно чинилась. Его ладонь, державшая ее руку, была холодной даже в этот теплый майский день, а серо-голубые глаза смотрели пронзительно.

– Для меня огромная честь познакомиться с вами, мисс Дайзарт, – серьезно сказал он, когда они обменялись рукопожатием. – Ваш брат мой лучший друг... – Внезапно он замолк и, отвернувшись, слегка рыгнул.

– Ну вот, он все испортил! – прошептал Далбитти.

– Нед, ты что? – одернул его Руперт. – Не подводи нас. – Он повернулся к Мэри, хмурясь: – Сегодня утром Хорнер продал свою картину. Чарльзу Буту. Чарльзу Буту, Мэри! – Его лицо расплылось в улыбке. – Потрясающую картину, блестящую работу, – нет, не красней, Нед, это правда. – Пертви улыбнулся Мэри. – Под названием «Встреча». Мы видели ее н-на Летней Выставке. Лидди была от нее в восторге, помнишь?

Мэри кивнула, потому что помнила картину – молодые люди стоят на Хит и непринужденно беседуют: две женщины и четверо мужчин. Но больше она ничего не могла вспомнить, хотя ее брат с

сестрой восхищались картиной, самой выставкой, даже ходили на нее еще раз, уже вдвоем. Мэри выставка не понравилась: залы тесные, зрителей ужасно много, толпы возле одной или двух картин в каждом зале, а сами картины такие мрачные, темные, скучные. Старики с усами, заложив руки за спину, разглядывали ее, Лидди, картины, толпу. А вот Лидди все очень нравилось.

– Я хорошо помню вашу картину, мистер Хорнер, – сказала Мэри. – Поздравляю вас.

– Вот почему я привел сюда старину Неда – чтобы он увидел Лидди и она могла бы сама поздравить его. – Мэри в ужасе открыла рот, а Пертви почесал в затылке. – Понимаешь, Мэри, мы пошли к «Локхарту» отпраздновать это событие и выпить за нашу будущую Утопию. Ели цыплят с каштанами. Каштаны и цыплята – деликатессимус! – Он замолчал. – Цыплята и каштаны. Выпили шампанского. Ну и все такое.

– Все испортил! – снова в отчаянии прошипел Далбитти.

– Пертви!.. – прошипела и Мэри, но неугомонный Пертви толкал своего друга Неда через широкий холл мимо отцовского кабинета к столовой.

– Ох, замолчи, Далбитти. Ты пока еще не уважаемый женатый мужчина – так что не веди себя как старый козел. Пойдем сюда, Нед, я притащу что-нибудь выпить! – Он хихикнул.

– Пертви, – снова тихонько позвала Мэри, глядя на удаляющуюся спину брата. – Если отец услышит тебя, он вышвырнет тебя на улицу, особенно после последнего раза. Пожалуйста, милый. Веди себя осторожнее.

Но брат лишь ухмыльнулся ей и махнул рукой. Зато к ней повернулся Нед.

– Я присмотрю за ним, мисс Дайзарт, – сказал он со своей милой кривой улыбкой.

– Наш старина Нед едва не умер от голода прошлой зимой, – недавно сообщил Руперт сестрам, когда они сидели в его Берлоге. Лидди писала, Мэри шила, а Пертви рисовал их; им было хорошо втроем. – Он не захотел принимать деньги от Далбитти, ему ужасно трудно помогать. У него не осталось ни гроша, положение было ужасное. Его мать умерла, когда он был младенцем, отец – плотник и столяр, честный малый, даже слишком честный, потому что слишком

добросовестно все делает за небольшие деньги; я видел его изделия, они прекрасные. Так что видите, откуда у Неда талант.

Лидди, задремавшая у камина, подняла голову:

– Он хороший художник?

– Восхитительный, – искренне ответил Пертви. – Лучший студент в академии, на голову выше всех остальных и самый молодой. Может за несколько минут набросать сцену, которую я не закончу за месяц, и когда ты на нее смотришь, то чувствуешь себя внутри нее. Удивительно, правда. А еще он вырезает ножом из дерева – делает маленькие фигурки. У него всегда должны быть заняты руки, так он сам говорит. Он мало спит, ничего не ест, изнашивает одежду до дыр. Он не такой, как я, совсем не такой; он живет ради искусства. Я люблю его как брата; он удивительный малый.

Тут Мэри услышала, как в глубине дома проснулся отец после своего дневного сна.

– Ханна?

– О господи, – прошептала она.

– Ханна? Боже, боже мой, где моя проклятая палка? Я не могу ее найти! Ханнаааа! – Зазвонил колокольчик, и снизу, из кухни, послышался звук торопливых шагов, отодвигавшихся стульев, и это предвещало скорое появление Брайант.

Но банда из трех шалопаев с веселым видом протанцевала мимо Мэри в сад, они размахивали руками, словно стрекозы на пруду. Мэри испуганно глядела им вслед, когда они мелькали среди квадратных рядов кустарника: высокий, неуклюжий Далбитти, ее собственный милый братец, толстый, похожий на Бахуса, и Нед Хорнер впереди всех – солнце светило на его лицо, рельефно подчеркивая его угловатую красоту.

За спиной Мэри застучали шаги, частые, негромкие, и ее словно окатило холодной водой, хотя у нее пересохло во рту.

– Добрый день, мисс Дайзарт, – раздался за ее спиной низкий голос. – Вы не знаете, где я могу найти мисс Лидию?

– Да, Брайант. Она в саду.

– Я позову ее. От портного привезли платье к чаю на примерку... – Мисс Брайант, маленькая, тощая, похожая на черного дрозда, прошла мимо Мэри, но девушка внезапно тронула ее за локоть:

– Нет, не надо.

Мисс Брайант повернулась, и Мэри увидела вспыхнувший в ее глазах гнев, мгновенно сменившийся холодной вежливостью, и почувствовала во рту металлический вкус.

– Мисс Мэри, я хочу к чаю сделать все дела.

– Она в саду с мистером Ронсли, мисс Брайант. Папа не хочет, чтобы им мешали. Я скажу ей – я передам, чтобы она пришла к вам. Она не опоздает.

Они так и не узнали, потому что никогда не спрашивали у отца, откуда появилась мисс Брайант. Впоследствии Лидди иногда казалось, что она родилась в Уэльсе, потому что в кошмарных снах до сих пор слышала ее голос, и в нем была кельтская напевность. Но Мэри настаивала, что она была кокни, хоть у нее была нормальная речь.

Какие ужасы она пережила в собственном детстве, раз превратилась в такую мрачную особу, они тоже никогда не узнали. Когда она пришла в дом, Лидди не было и семи лет. Уже на второй день она побила Лидди щеткой для волос и с тех пор била двадцать раз при каждой оплошности девочки, если она, допустим, не сразу приходила, когда ее звали, или опаздывала к чаю. Десять раз по попе, десять по голове, и так часто, что у Лидди начались головные боли и она даже слепла от них. Мисс Брайант никогда не оставляла синяков на лице девочки. Из-за болезни Мэри гувернантка не била ее поначалу. Да и потом Мэри как-то реже делала промахи, в отличие от сестры. Ее юбки не рвались, кофты не пачкались, волосы всегда были аккуратно уложены. Не то что у Лидди.

Мисс Брайант повернулась и тихо ушла, а Мэри вышла в сад, приподняв края юбок. Стараясь прийти в себя, она вцепилась в ткань так крепко, что на пальцах побелели суставы. Вероятно, Лидди уже приняла предложение Хайворта Ронсли, выйдет за него замуж ко Дню Всех Святых и уедет отсюда к Рождеству, и Брайант тоже придется уйти из их дома. *Но я все равно буду видеться с тобой, мы с Пертви будем раз в несколько месяцев навещать тебя, и Хайворта, и миссис Ронсли.* – Так она скажет Лидди. – *Мы будем писать друг другу каждый день, а я буду заботиться о Пертви и отце, и у нас все будет хорошо!*

Зайдя за угол, она увидела невероятную сцену – Далбитти и ее брат ходили по краю фонтана, вытянув для баланса руки, а сестра стояла между Хайвортом Ронсли и Недом Хорнером, и у них шла

какая-то серьезная дискуссия. Лидди увидела краем глаза серую юбку сестры и повернула к ней голову. На ее лице играла широкая улыбка. Мистер Ронсли дергал себя за кончик бороды, слушая, что говорил ему мистер Хорнер. Мэри подумала, приуныв, что он не похож на влюбленного, сделавшего предложение своей избраннице.

– Ой, Мэри, милая! – воскликнула Лидди и схватила сестру за руки. Ее пальцы были ледяными, руки дрожали. – Какая чудесная новость, мне не терпится рассказать тебе.

– Что за новость? – спросила Мэри, стараясь увести сестру в сторону, чтобы она успокоилась. Нед Хорнер похлопал Ронсли по плечу, возвращая его к разговору.

Мягкие волосы Лидди упали ей на плечи, кудри, так мучительно завитые, совсем распрямились. Она грызла ноготь.

– Мы с мистером Ронсли так хорошо поговорили про женщин и искусство. Я рассказала ему о картине Элизабет Томпсон, которую видела на Летней Выставке: ты помнишь ее, Мэри, милая? О Крымской войне. Вообще, мне кажется, что если бы нас не прервали, то мы бы...

У Мэри подогнулись коленки, и она опустилась на скамью. Лидди склонилась над ней:

– Милая Мэри, тебе плохо? Принести тебе воды?

– Значит, он не сделал тебе предложение?

Лидди покачала головой. Мэри огорченно вздохнула.

– Мисс Брайант – когда ты освободишься, она хочет, чтобы ты зашла к себе в комнату и померила платье к чаю, его прислал портной.

У Лидди помрачнело лицо.

– Ой, да ну ее, – сказала она, скрипнув зубами. – Я не хочу.

– Надо, – прошептала Мэри. – Дорогая моя, это надо сделать.

– Нет. – Лидди выпрямилась.

– Мисс Дайзарт, – неожиданно сказал Нед Хорнер; сестры повернулись к нему и увидели, что он не отрывал глаз от Лидди. – Вы станете судьей в нашем споре?

– Конечно.

Хайворт Ронсли кашлянул.

– Мистер Хорнер заблуждается, – сказал он и выпятил губы. – И я, знавший вас еще младенцем на руках матери, уверен, что это правда, но вы можете опровергнуть его слова сами, моя дорогая. Вы тоже,

мисс Мэри. Разве не верно, как вы сами признали, что ограниченные способности вашего пола не позволяют вам полноценно воспринимать искусство?

– О! – воскликнула Лидди и даже подпрыгнула, но взяла себя в руки.

– Что до меня, – сказала Мэри после паузы, – я бы не стала доверять такой идее, и меня огорчает, что вы это делаете, мистер Ронсли.

– Дорогая моя, – с легкой улыбкой возразил Хайворт Ронсли, пристально взглянув на нее из-под полуопущенных век, и поправил пенсне на тонком римском носу. – Я опираюсь на факты, а не на цифры, как ваш хитрый старик отец. Общеизвестный факт, что слабость женской конституции мешает женщине-художнице полноценно рисовать тонкими кисточками. Кроме того, сама мысль о женщине как о большом художнике весьма отвратительна, когда думаешь о том, какой *должна* быть ее роль. Тут сразу с нежностью вспоминаешь поэму «Ангел в доме» Патмора Ковентри. – Он покачался на носках, довольный собой. – «Мужчина должен получить удовольствие, но угодить ему – удовольствие для женщины». Как? В мой предыдущий визит мы с вашей сестрой обсуждали как раз этот предмет и сошлись на том...

– Во все нет, сэр, поскольку вы превратно меня поняли в тот раз, как и сейчас! – с жаром сказала Лидди. – Картины Элизабет Томпсон такие же хорошие, как и все прочие на выставке. А на мой взгляд, даже лучше, потому что она проявляет более тонкое понимание человеческой природы. – У нее сверкнули глаза. – Скажите мне, сэр, эта слабость женской конституции, от которой мы страдаем, она физическая или ментальная?

Ее маленькие руки сами собой сжимались в кулаки и разжимались; рядом с ней стоял Нед Хорнер и глядел на нее с изумлением.

– Она права, Ронсли. Как вы ответите ей?

– Я согласен с Хайвортом, – беззаботно заявил Пертви. – Что бы вы там ни говорили, но у женщин просто нет достаточных сил для занятий живописью. Ну для прелестных акварелей их хватает, но не для больших полотен, посвященных важным темам. Войне. Любви. Героизму.

Внезапно он сел на бортик фонтана и вытер нос рукавом, а потом катастрофически громко изверг изо рта воздух. Хайворт Ронсли посмотрел на него с холодным неодобрением.

– Ох, Пертви, ты абсолютный... – пробормотал Далбитти.

– Мисс Дайзарт, пожалуй, вы и ваш брат забываетесь, – заявил Ронсли. Мэри дотронулась ладонью до руки сестры, и внезапно ее гнев прошел.

– Впрочем, вы правы, – сказала она через считанные мгновения и покорно пожала плечами. Словно поняла неизбежное.

Тут, словно ниоткуда, тонкий голосок запел.

О Ронсли, о Хайворт, о Хайворт, это так,

О Рамсворт, о Хайли, о фол-ди-рол-лак!

Хайворт Ронсли резко повернулся:

– Кто это? Кто поет такую чушь? Руперт? Это вы, сэр?

– Это его фамилия, а это, пожалуй, имя!

Но сказать их вместе терпения мне не хватило!

О Ронсли! О Хайворт, о Хайворт, чуды...

– Хватит! – крикнул Хайворт Ронсли сдавленным от ярости голосом; кончик его носа сделался совершенно белым. – Оставайтесь здесь, – резко сказал он Лидди, ткнув пальцем куда-то ей под ноги. – Сейчас я вернусь, и мы с вами решим вопрос, из-за которого я приехал к вам. – Мэри увидела холодную ярость в его взгляде и пренебрежение, с каким он отвернулся от нее. *Он не намерен жениться. И никогда не собирался. Он старая женщина, а не мужчина. Должно быть, папа знал об этом.* Ронсли направился в заднюю часть сада, и Мэри, к своему ужасу, увидела, как Пертви и Далбитти перелезали там через забор на кладбищенскую дорогу.

– Ужасные, ужасные озорники, – пробормотала Лидди. – Ой... о боже...

Но при этом она улыбалась, совсем чуть-чуть.

Мэри повернулась к ней:

– Дорогая моя, пожалуйста, сходи и узнай, что хочет мисс Брайант.

– Да, сейчас. Пойдем со мной. – Лидди торопливо пошла к дому, ведя за собой младшую сестру. Приблизившись к французским окнам, они слышали за спиной топот ног. Их догнал Нед Хорнер.

– Знаете что, мисс Дайзарт? – проговорил он, тяжело дыша. – Можно я приду к вам снова?

Лидди повернулась к нему.

– Вы мальчишка, – ответила она почти с презрением. – Пертви тоже мальчишка, да еще идиот, и мы с Мэри страдаем из-за его беспутства. Пожалуйста, сэр, не ищите общения со мной, раз вы участвуете в его выходках.

– Но он хороший малый. Он мой верный друг. Он страдает...

Она отвернулась от него и сказала усталым голосом:

– Прощайте, мистер Хорнер.

– Мисс Дайзарт, пожалуйста, позвольте мне...

– Нет, – отрезала она, и в ее голосе прозвучала истерическая нотка, какую Мэри никогда раньше не слышала. – Если бы он был вашим верным другом, вашим и Далбитти, вы бы не позволили ему так пьянствовать. А то у вас только разговоры о дружбе и утопиях. Вы бы помогли ему уйти из этого дома и помочь сестрам. Но вас это не заботит. Ни вас, ни Далбитти, и мы с Мэри вынуждены сами устраивать нашу жизнь.

Нед кивнул, скрипнув зубами, и волосы упали ему на глаза.

– Я клянусь вам, что мы поможем ему, – тихо сказал он. – Клянусь, с этой минуты я буду все делать для этого.

Его слова не произвели впечатления на Лидди.

– Хотелось бы верить, что вы говорите это серьезно.

– Да, серьезно. Даю вам слово. Я... я возьмусь за Руперта. Я знаю, что он страдает. Он мне очень дорог. Лидия – позвольте мне сказать вам – помочь вам – я хотел сказать, что после нашей встречи... – У него дрожал голос. – Вот...

Тут он достал из кармана своего поношенного сюртука деревянную фигурку и протянул ей.

– Я видел вас в тот день, когда вы с братом посетили академию, – прошептал он и поцеловал маленькую фигурку, которая лежала на его ладони. Лидди ахнула. Мэри отошла от них на несколько шагов и смотрела во все глаза. – Вы были в коричневом шелковом платье с кремовой оборкой. Мы говорили о живописи. У вас была тоска в глазах, а на руке синяк. Я это видел. Пертви рассказал мне, что она издевается над вами. Я думал о вас каждый день и сделал для вас вот это. – Он крепче сжал фигурку. – Я... вы мне очень дороги.

Он смотрел на Лидди сияющим, лихорадочным взглядом; Мэри даже отвернулась, неприятно задетая таким проявлением страсти. Лидди стояла, гордо выпрямив спину, и молчала.

– Я знаю, что вы поймете меня. Я... я хочу увезти вас отсюда. Сделать так, чтобы у вас были красивые вещи. Дом. Приятные гости. Пожалуйста. Пожалуйста, позвольте доказать вам, что я могу. – Он впился глазами в ее лицо, ожидая ее реакцию. – Пожалуйста!

Она молча кивнула и накрыла его руку своей узкой ладонью.

До конца жизни Мэри будет вспоминать эти мгновения. Как Лидди и Нед стояли на фоне красной кирпичной стены, обрамленные прямыми линиями подстриженных кустов, соединив руки, словно заключили договор. Сделку.

И потом он ушел, побежал по дорожке к задней стене сада, мгновенно перелез через нее и скрылся из виду. Сестры в изумлении стояли на ступеньках, а голос мисс Брайант, полный ярости, звал ее подопечных. Лидди разжала руку.

На ее ладони лежала фигурка девушки, с улыбкой обернувшейся на чей-то голос, в развевавшемся платье с подернутым рябью подолом, словно он был не из дерева, а из воды. И это была Лидди, ее маленькая, но точная копия.

Глава 9

*Простите меня, дорогой сэр! Простите меня —
Ибо я всего лишь глупая девица,
А у глупых девиц, не в пример вашему полу,
Сердце часто обманывается —
Дорогой сэр! Позвольте мне
Сделать крошечное признание.
Если бы я могла полюбить кого-то — ах — отдать
свое сердце —
То это были бы вы.
Но — увы, этого не случилось, и я вынуждена
сказать — адъё.*

Лидди выжидающе смотрела, как сестра бережно положила листок со стихотворением на бюро.

– Ну как? – спросила она без энтузиазма.

Мэри неопределенно пожалала плечами:

– Ну, знаешь, написано с *чувством*. Мне кажется, что автор был искренним.

– Автор я, Мэри. И ты это знаешь. – Лидди поправила прядь волос, выбившуюся из пучка.

– Да.

– Так что ты *думаешь* об этом? Как о стихотворении? Как о... о произведении?

Лидди проследила за взглядом сестры, Мэри вежливо отвела глаза и посмотрела в окно на осенний день, на взъерошенные ветром лимонные кроны деревьев в Южной роще.

На другой стороне улицы перед постоянным двором остановился кэб; одна из лошадей была старая, смертельно уставшая, с язвами от подпруги на обвислых боках, забрызганных грязью. Лидди пошевелила ноздрями, заморгала и, отвернувшись от печального зрелища, забарабанила пальцами по стене.

– Ой, Мэри. Когда-то я хотела стать художницей, но этим занялся Пертви, и я не сомневаюсь, что он будет делать это лучше. Потом у

меня были планы открыть шляпную мастерскую, помнишь?

– А еще писать музыку. Те песни. Они были очень хорошие.

– Ох, не слишком. Я хочу что-то *делать*. Кем-то стать. – Они обе замолчали, понимая тщетность такой мечты. Лидди печально вздохнула. – Я не думаю, что стану когда-нибудь поэтессой. Во всяком случае, – поправилась она с искоркой юмора, – хорошей.

– Надо быть честной. – Мэри встала, отодвинула стул и взяла свой вышитый мешок с рукоделием. – Вот и все. Перед собой и читателем.

Лидди не смотрела ей в глаза. Потом она пробормотала:

– Хайворт сегодня уехал в Шотландию. Ты знаешь об этом?

– Да. Да, я знаю. И твои планы снова откладываются.

– Я просила, чтобы он взял меня с собой и чтобы ты сопровождала меня. – Лидди крутила перо между пальцами. – Но его мать сочла, что это будет неприлично, ведь мы еще не помолвлены. – От напряжения ее голос звучал почти пронзительно. – Ох, почему он все тянет и тянет!

– Если он все-таки сделает тебе предложение, ты согласишься выйти за него?

– Да, чтобы покончить с этой ситуацией. Я... Другого выхода нет. Я это понимаю.

После того весеннего дня Хайворт написал Лидди.

«...поведение, неподобающее для такой юной особы и моей будущей жены... ожидаю стандарт приличий... отсутствуют кротость и выдержка. Ясно, что я должен пересмотреть мою позицию, а также подготовить вас самым тщательным образом к семейной жизни, если наш союз будет одобрен мной, вашим отцом и Всемогущим Господом, Творцом Всего Сущего...»

Пертви был сурово наказан, отец стал давать ему меньше денег и отменил учебу на последнем курсе Королевской Академии; кроме того, запретил ему видеться с Недом Хорнером и Люшесом Далбитти, чтобы они не подбивали его на пьянство и неприличные выходки. Сестры остро переживали за него. Пертви остался теперь без дела, которое позволяло ему тратить нервную энергию и отвлекало от других

пороков, тем более что живопись была единственным занятием, к которому у него были способности. Сестры считали, что отец поступил невероятно глупо, но не было никакой надежды, что он переменит свое решение. Их отец был как моллюск – он просто закрывал створки, если ему что-то не нравилось.

Далбитти выучился на архитектора и уехал на континент; семья возлагала на него надежды; ясно было давно, что он должен встать на ноги и зарабатывать себе на жизнь, прежде чем жениться. О Неде Хорнере вообще не было ничего слышно после того дня, и в их доме он больше не появлялся.

В дверях Мэри остановилась:

– Ты пойдешь сегодня днем на лекцию в Хайгейтское литературно-научное общество?

– Нет, Мэри... – ответила Лидди, хотя долго колебалась. – Сейчас меня это не интересует. Я немного поработаю, а потом, пожалуй, уговорю Пертви встать с постели и пойти со мной на прогулку в Хит. Ты пойдешь?

– Мисс Мэдисон интересуется всякими сверхъестественными явлениями. Мы с ней договорились вместе пойти на лекцию. – Мэри с сияющими глазами наклонила голову набок и сглотнула, словно из всех сил пыталась себя контролировать. – А ты будь осторожнее!

Лидди кивнула сестре, крепко сжав губы, и взялась за перо, но, когда дверь закрылась, она аккуратно отложила его и побежала к окну. *Надо быть честной.* Кэб уехал, лошадей напоили.

– Вот, хоть немного отдохнули, но ненадолго, – пробормотала она вслух звонким от гнева голосом.

Дрожащими пальцами Лидди надела зеленовато-синюю бархатную шляпку с узкими полями, украшенную перышком сойки, которое она нашла в Хит, и торопливо набросила на плечи тускло-серую шерстяную накидку – потому что в этом году октябрь был холодным и сырой ветер пронизывал до костей. Она посмотрелась в зеркало, пощипала себе щеки, быстро прошла по комнате, собирая свой маленький ридикюль, вынула из него образцы вышивки, спрятала листки со стихами и положила письмо, которое заранее написала крупными, неряшливыми каракулями, из-за которых так часто получала выговор от отца и мисс Брайант. Закончив, с удовлетворением огляделась по сторонам. Это была комната юной

леди, которая вышла из нее на пару минут в поисках... чего?.. Ну шелковой нитки, книжки, потерянной перчатки.

На лестнице раздались шаги – Лидди вздрогнула и, прокравшись в спальню Мэри через соединявшую их дверь, направилась к черному ходу. Отец сидел в своем кабинете. Ханна ушла: это был ее свободный день. Миссис Лидгейт была у мясника, Мэри ушла на лекцию, Пертви громко храпел у себя в комнате. А мисс Брайант нигде не было видно, и это самое главное.

Через минуту Лидди уже переходила улицу, терпкий, сладкий запах древесного дыма смешивался с угольным дымом, запахом навоза и прелых осенних листьев. Она направилась к наемному экипажу, который видела до этого. Он ждал ее.

Лидди погладила дрожащие бока лошади, залезла в кэб, опустив глаза и прикусив губу, потому что сознавала, что предает все свои принципы, которые так рьяно соблюдала! С сокрушенным сердцем она устроилась на заднем сиденье кэба.

– Холодный день нынче, правда? Куда поедем, мисс? – проговорил широколицый возница, накрывая пледом ее колени. Она оттолкнула его руку, стремясь поскорее тронуться в дорогу, уехать от своего дома.

– В Блэкфрайерс – ой, скорее, пожалуйста, к мосту Блэкфрайерс. Как в прошлый раз, сэр.

– Эх, как прикажете, мисс, – отозвался он и угрюмо втянул носом воздух, словно ему хотелось высказать что-то еще по этому поводу. Одна из его лошадей жалобно заржала, он щелкнул кнутом, и они тронулись с места. По щекам Лидди катились крупные слезы, потому что она каждый раз ненавидела эту дорогу, но ничего не могла с собой поделать, как не могла, скажем, перестать вдыхать воздух.

Дорога к югу от мясного рынка Смитфилд была запружена всевозможным скотом – когда она начала ездить этим путем, она видела ягнят, совсем таких, о которых она мечтала в раннем детстве, с белками глаз, вращавшихся на их глупеньких мордочках; они жалобно блеяли, когда их грубо заталкивали в загоны. Теперь, через несколько месяцев, это были уже молодые овцы, пушистые буроватые облачка. Их держали в больших железных ангарах вместе с бычками и козами. Лидди привыкла затыкать уши, проезжая мимо, чтобы не слышать

крики животных, которых вели на убой, да так и сидела пару минут, крепко зажмурив глаза, пока кэбмен орал на скотину и людей, чтобы те дали ему проехать. Потом они ехали вниз к перекрестку Лудгейт; там, пока они пробирались сквозь поток кэбов, повозок и omnibусов, несколько парней возле паба «Собака и Миска» заглянули в кэб и отпустили пару непристойностей, которые Лидди игнорировала. Уличный подметальщик, кудрявый, черноволосый парнишка моложе ее, торопливо заскакивал в транспортный поток и выметал с мостовой пучки соломы и конские яблоки, стараясь не попасть под omnibус. И вот они приблизились к мосту Блэкфрайерс. Поначалу оборванные, грязные женщины, копавшиеся в грязи и отбросах на узких берегах зловонной Темзы, вызывали у Лидди любопытство, пока кэбмен не объяснил ей, что они ищут кожу, стекло, куски дерева – все, что можно сдать за деньги на переработку.

Иногда вместе с женщинами были дети, оборванные, болезненно худые, они сидели на холодном осклизлом берегу, с грязными безучастными лицами. Один раз, сидя в удобном и безопасном кэбе, она видела драку двух женщин из-за какого-то лоскутка, они рвали друг друга на клочки, из уха одной из них, постарше, текла кровь, а другие вокруг них продолжали рыться в грязи, не обращая на них внимания.

Когда они проезжали мост Блэкфрайерс, Лидди зажала нос и старалась не думать о них, о младенце, которого она видела однажды, крошечного, на руках у матери, прислонившейся к стене перед мостом, безучастной, может, спавшей, может, мертвой, а малыш кашлял и жалобно пищал. Тогда она не поняла трагизма этой сцены, она просто проехала мимо и вскоре забыла о них. Она была такой невинной. Она ничего не знала о жизни, вообще ничего.

Она глядела на собор св. Павла и вспомнила, как отец говорил ей, что верхний конец креста на соборе находится точно на уровне двери их церкви св. Михаила в Хайгейте. Как ей повезло, что она росла высоко над зловонным городом, росла с отцом, у которого были деньги, чтобы заботиться о них, его детях. Прежде она не имела представления о реальной жизни. Не сознавала, как ей повезло, раз у нее были мягкие перьевые подушки, и теплый суп на обед, и прислуга, помогающая ей раздеться! Она была, как сказала бы мисс Брайант, невероятно счастливая, не то что множество других людей. Последние

месяцы открыли ей глаза на мир, в котором она жила. Он больше не могла глядеть на вещи прежними глазами, не могла вернуться назад, сложить все увиденное в ящик и захлопнуть его. «Не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе», – сказал апостол Павел. Он изменил все.

Переехав через мост, кабриолет круто свернул вправо и с грохотом поехал по узкой, темной дороге, которая шла к реке. Возница остановил лошадей.

– Вот и приехали, мисс.

– Ой, благодарю, – сказала Лидди, выбираясь сама, прежде чем он предложил ей помощь, потому что не рассчитывала на это. – Вы вернетесь к четверем? Не позже, чтобы меня не хватились.

– На этот раз я не уверен в этом, мисс, – ответил он, жуя корень лакрицы. – Я... мне не нравятся все эти тайные поездки. Может, было бы лучше, если бы ваш отец узнал об этом.

Он повернулся к ней, и она увидела его черные бусинки глаз, широкие челюсти, перемалывающие лакрицу, тяжелое лицо, изрытое оспой.

– Раньше вас это не смущало, и вы несколько месяцев привозили меня сюда, – напомнила она.

– Угу, но сейчас все по-другому, коли вы хотите вернуться, и я не знаю, что у вас за джентльмен...

Лидди топнула ногой и чуть не прикусила язык от раздражения.

– Сэр, вот ваши деньги. Если вы подождете меня, я заплачу вам как за возвращение.

– Три гинеи, – безразличным тоном сказал он, надвинув котелок на лоб.

– Вы сами знаете, что я не могу вам дать столько. – Она одарила его своей самой очаровательной улыбкой, зная, что старые и грубые мужчины вроде этого легко уступают милым юным леди. – Пожалуйста, сэр, вы всегда так добры ко мне. У меня нет других денег, но я буду вам вечно благодарна. – Она посмотрела на него из-под ресниц: – Этого хватит?

Он скрестил руки на груди:

– Пожалуй.

Лидди торопливо пошла по неровному булыжнику и, несмотря на все, улыбнулась, а ее сердце радостно забилось. Потому что она почти

пришла туда, куда стремилась.

Она поднялась по деревянным ступенькам старого доходного дома, прилипшего, как моллюск к камню, к боку одного из больших причалов, нависавших над Темзой. Наверху лестницы она вцепилась в липкие перила и посмотрела через бурлившую грязную реку на простирившийся перед ней город. В ее груди лихорадочно колотилось сердце. Внезапно дверь распахнулась.

Перед ней стоял Нед Хорнер, вытирая кисть о тряпку; волосы всклокочены, рукава грязные. Его глаза, полные страсти, упивались ею, но сказал он кратко:

– Ты пришла.

И, возможно, из-за парней возле паба, или из-за нищих женщин, или из-за лица сестры, слушавшей ее стихотворение, или из-за той разбитой клячи, которая везла ее сюда под ударами кнута, но Лидди прижала ладони к глазам и тихонько заплакала, а Нед обнял ее – в первый раз.

От него пахло грязным углем, потом, а еще к этому добавлялся чистый, металлический и масляный запах краски. Лидди положила ладони ему на грудь и уткнулась в нее лицом, не решаясь поднять на него глаза и наслаждаясь его объятием. Они оба были среднего роста, но он немного выше, и поэтому ее голова удобно лежала на его груди. И – о! – он был такой крепкий, такой сильный! Как ему это удавалось, ведь он такой худой из-за своей полуголодной жизни – деньги уходили у него на эль или портер и на краски, а не на хорошую еду. Обнимая, он шептал ей на ухо:

– Я люблю тебя Лидия. Ты ведь?.. Ты...

Он не договорил свой вопрос, а она высвободилась из его объятий и подняла к нему лицо:

– Да.

Их серые глаза встретились, ее губы чуточку приоткрылись, и он поцеловал ее.

С той самой их встречи в саду она почти постоянно думала о нем. Иногда ей даже казалось, что она медленно сходит с ума от любви к нему. До той поры она знала лишь нежную привязанность, какую испытывали друг к другу она и ее брат с сестрой, и она не понимала, что такое любовь. Его губы были нежными и страстными. Он прижался к ней, его пуговицы вдавлились в ее платье; Лидди казалось,

что она и Нед соединились в одно целое, с головы до ног. Она обхватила ладонями его голову, чувствуя под пальцами его блестящие волосы, завитки ушей. Она отстранилась, заглянула в его увлажнившиеся глаза, ласково убрала волосы с его лица, потянулась к нему и снова поцеловала его. У нее участилось дыхание, к горлу подступил комок. Нед нежно положил ей на грудь левую руку, и она почувствовала, как стучало ее сердце под его ласковыми пальцами.

– Твое сердце, – сказал он, глядя ей в глаза. Другая рука лежала на его собственной груди, и не было в мире ничего, кроме них двоих.

– Как нам хорошо, правда? – спросила она, снова прижимаясь к нему, к его руке. Через мгновение он отодвинулся от нее и повернул лицо в сторону.

– Я не могу – не выдержу. Лидди, мы не должны забываться.

Она посмотрела ему в глаза:

– Но я ничего не боюсь. Неужели ты не понимаешь?

Неизвестно, что могло бы случиться дальше; но за окном закричала чайка, совсем близко, и Лидди вздрогнула. Внезапно распахнулась створка окна, и в полумрак комнаты хлынул зловонный речной воздух. Чары были нарушены.

– Какое жуткое место, – сказала Лидди. – Как мне не нравится, что ты тут живешь.

– Куда же мне деться? – возразил Нед. – Больше некуда.

Она попыталась весело улыбнуться.

– Дорогой мой... – Но она была такая юная и совершенно не умела решать взрослые проблемы. – Но это место – у тебя рваные башмаки – труба дымит – тебе не надоело подражать мистеру Россетти и жить в таких условиях?

Он не улыбнулся ей в ответ и отошел на шаг.

– Я не подражаю Россетти. Я не Далбитти и не твой брат, которых щедро снабжают деньгами родители.

– Неужели ты не можешь продать картину за хорошие деньги, чтобы мы с тобой могли жить вместе? – Она потянулась к нему, но он скрестил на груди руки; волосы упали ему на лицо. – Ведь ты продал «Встречу» за пятьдесят гиней.

– Да, и я был еще больше должен Далбитти и хозяину за квартиру. А еще я должен помогать моей семье. А еще краски и холсты... Я думал, что ты понимаешь.

Она удивленно смотрела на него. Ведь ей казалось, что самое трудное позади и теперь все будет просто.

– Да, я поняла, что ты предпочел жить вот так, хотя мистер Галвестон и мистер Бут сказали, что купят у тебя любую картину, если ты напишешь ее в духе «Встречи». Галвестон сказал, что ты мог бы взять заказ...

– Нет, не возьму! – громко заявил Нед. – Ты не понимаешь меня, Лидди, если думаешь, что я откажусь от моей работы, которая рождается в глубинах моей души, от собственного видения – всего, каким должен быть мир, как ты и я – ты и я... – Он замолчал. – Бут скоро отойдет от дел, а этому шоумену Галвестону я ничего не хочу продавать. Он уговорил бедного Ивлина Пека продать авторское право на «Жаворонков» той железнодорожной компании, и Пек согласился, потому что был на мели, а ему нужно было кормить и одевать трех младших братьев и сестер. А теперь он стал посмешищем. Картины печатают в любой газете, лучшую работу Ивлина! Селедку в нее заворачивают!

– Но что в этом плохого? – воскликнула Лидди, всплеснув руками. – Он был беден, а теперь разбогател! У его сестры есть деньги на доктора, чтобы вылечить ей руки, у всех нормальная обувь...

– Однажды ты назвала меня мальчишкой, – сказал он, и на его глазах блеснули непролитые слезы гнева. – Ты сказала, что я веду себя как ребенок. Что ж, я пытался доказать тебе, что я не ребенок. Что я серьезный художник. Лидди, ты должна понять – я хороший, ужасно хороший. – Тут он схватил ее за руки. – Но я должен стать самым лучшим. А это означает, что пока не будет денег ни на женитьбу, ни на другие подобные вещи.

– Какие это – подобные?

– Семья. Дети. – Легкая краска расцвела на его щеках. – Пока я не сделаю себе имя и пока ты не избавишься от ужасного старика, который хочет увезти тебя и запереть в своей шотландской тюрьме. – Он никогда не мог произнести имя Хайворта Ронсли. – Черт побери, Лидди, ты должна сказать отцу, что не хочешь выходить за него замуж!

– Он уехал, и я не думаю, что нужна ему. Я не понимаю, почему отец поощрял его.

– Вот видишь! Все будет хорошо, если ты честно все расскажешь и твой отец позволит мне встречаться с тобой – неужели ты не

понимаешь? У нас есть лишь одна альтернатива. – Он крепче сжал ее руки. У нее кружилась голова – от торопливой поездки через весь город, от голода, потому что она ничего не ела с утра; все поплыло у нее перед глазами, и она крепко вцепилась в него. – Она в том, чтобы ты вышла за меня замуж – прямо сейчас, Лидди, не откладывая. Убеги из дома, и мы будем жить, как честные бедняки. – Он тряхнул ее за плечи. – Да, Лидди, честные ремесленники. Мы могли бы...

Если бы она тогда согласилась!..

– О Нед. Любовь моя... – Лидди покачала головой. – Моя лучшая школьная подруга, Лора Козенс, вышла замуж по любви за младшего приходского священника и живет в Уэльсе. Я навещала ее в прошлом году. У них вши и блохи, крысы грызут продукты, сама она носит одно и то же серое платье летом и зимой. Я так не хочу, – она покачала головой. – Мы ели репу. Три раза. А ее муж заявил мне, что это удовольствие – жить как честные крестьяне. Я возразила ему, что крестьяне все-таки должны есть, кроме репы, еще и свинину, а он начал рассуждать про Вавилон и Мамону. Мы с Мэри выдержали у них только два дня. Даже Мэри согласилась, что у них ужасная жизнь.

Нед отвернулся от нее, а она, прикусив губу, глядела на него и вдруг заметила, что его сгорбленная спина сотрясается.

– Дорогой... – начала было она, но тут же поняла, что он смеялся. – Я не понимаю, что в этом смешного.

– Неужели не понимаешь? – удивился он, выпрямляясь и вытирая глаза. – Твой прагматизм невероятно бодрит меня, дорогая, – правда, это одно из качеств, которые я люблю в тебе...

Лидди с опаской посмотрела на него; она просто не привыкла, чтобы над ней смеялись, но, когда он произнес слово «репа», она невольно улыбнулась и сама. Он обнял ее за плечи, словно они были друзьями, а не только влюбленными, и они вместе посмеялись. Нед был для нее как солнышко, Лидди наслаждалась его золотистым теплом после угрюмой обстановки родного дома. Он улыбнулся ей и, загнув указательный палец, позвала к себе.

– Мне пора, – сказала она. – Я не могу остаться у тебя...

– Еще один поцелуй, – попросил он и привлек ее к себе. Они поцеловались, и Лидди переполнял восторг от его прикосновений, его губ, от обещания еще больших удовольствий в будущем.

– Я закрываю ночью глаза и вижу нас с тобой в нашем собственном мире, – шепнул Нед ей на ушко. – Ты повелительница этого мира. У нас растут дети – трое детей. Мы невероятно счастливы, Лидди.

– Да, – ответила она и подумала, не совершает ли она ужасную ошибку. Не следует ли ей остаться сейчас с ним, как ей отчаянно хотелось. Да. Она и сама видела тот сияющий дом на горке, скрытый от посторонних глаз. Безопасный, теплый, надежный. И она хозяйка этого дома.

Она вздрогнула, когда губы Неда обдали ее жарким дыханием и слегка коснулись ее ушей. Он погладил ее волосы и отодвинулся.

– У тебя даже ухо красивое. Я хочу нарисовать его. Ты мой соловушка в клетке. – Он посерьезнел. – Я тревожусь за тебя, любимая. Верь в меня, и у меня все будет хорошо. Очень скоро. А пока будь умницей и прогони от себя Ронсли.

– Легко сказать, – мрачно возразила она. – Но если я откажу ему, отец рассердится, и это развяжет Брайант руки. Она и так чудовищная, но пока сдерживается – боится, что я выйду замуж и мой муж будет настроен против нее.

– Как можно быть такой злой? – Нед покачал головой.

– Я тоже этого не понимаю.

– Пертви рассказывал, что она по ночам что-то бормочет сама себе. Он слышал ее голос через стенку.

– Она рассказывала нашему садовнику, что выросла во Флитской тюрьме для должников. Что просила у прохожих еду, любую еду для своей семьи через решетку в стене. Что ей было тогда четыре года. И что она ночью выбралась на улицу, когда тюрьму сносили. – Лидди содрогнулась. – Я верю этому. А иногда мне кажется, что она, по ее мнению, делает все это ради моего блага. Но чаще я подозреваю, Нед, что она просто сумасшедшая и что у нее гнилая душа. Она встает перед зеркалом и прикладывает к себе мамины платья. И при этом у нее жуткие глаза – как у заводной куклы. Ты понимаешь, что я имею в виду? – И Лидди снова содрогнулась.

– Я все понимаю, – ответил он. – Короче, не известно, было ли в ней раньше что-то хорошее... – Он взял в руки свой блокнот, прислонился спиной к подоконнику и стал что-то рисовать. Маленькая бурая пташка, сидевшая за окном, испугалась и улетела.

– Что это? – спросила Лидди.

– Не зли ее, пожалуйста. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Чтобы у нас все было хорошо. Помни про нашу мечту и береги себя. – Серые глаза Неда сурово сверкнули на его добром, мальчишеском лице. – Поцелуй меня, Лидди.

Она снова поцеловала его и снова купалась, нежилаясь в потоке необычайного тепла и страсти. Потом отступила на шаг, натягивая перчатки, и испуганно воскликнула:

– Нед, все это время дверь была открыта.

– Клянусь тебе, нет, не была. Какая досада. Видно, задвижка отошла. Дверь плохая, кривая. – Взяв свой ридикюль, Лидди стояла и смотрела, как он смущенно повернул дверную ручку. – Ой, ладно. Ты приедешь на следующей неделе? Ты ведь приедешь, правда, любовь моя?

Лидди не могла отвести от него глаз: ведь он стоял тут, перед ней, она ощущала его запах, видела его милые серые глаза, тонкий изгиб верхней губы, так романтично взъерошенные волосы. Как могла она не приехать, несмотря на риск? Как могла без него жить? Она дотронулась рукой в перчатке до его обеспокоенного лица и поняла – в ней что-то изменилось, она повзрослела, в чем-то повзрослела.

– Конечно, приеду.

Она спускалась по лестнице одна, не разрешив Неду проводить ее до кэба. За ее спиной хлопнула дверь. Она вышла на улицу, и одна из лошадей заржала. Лидди удивленно подняла голову. Ведь прежде точно было только две лошади? Ну а теперь их четыре. Она протерла глаза, испытывая усталость, и внезапно услышала:

– Садись.

Чья-то рука стальной хваткой сжала ее локоть. Знакомый широколицый кэбмен вел ее к карете.

– Нед! Помоги! Нед! – крикнула она.

Но ее втолкнули в карету. Она наклонилась вперед, подбирая юбки, и обнаружила перед собой бледное, потное лицо ее отца. На грязный двор выбежал Нед Хорнер, он звал Лидди. Отец выглянул из окна кареты и приказал кучеру трогаться, а в подтверждение своих слов постучал по крыше серебряным набалдашником трости.

– Лидди, Лидди, куда тебя везут? – кричал им вслед Нед.

Мистер Дайзарт заговорил, и его голос звучал печально и до странного отчужденно:

– Ох, Лидия. Меня ведь предупреждали, когда ты родилась, что твои серебристо-желтые волосы – знак греха. – Он вытащил из ее пучка прядь волос своими длинными, тонкими пальцами. – Тогда я не поверил им. Но теперь, боюсь, я должен тебя наказать.

– Отец, Нед – приличный молодой человек, он друг Пертви...

Отец стукнул тростью о пол. Он разозлился, Лидди видела это; он не терпел возражений.

– Не перебивай меня.

Лидди повернулась к нему и увидела его странные янтарные глаза, словно желтые щели в полумраке кареты. Он был похож на кота – крадущийся, ленивый, опасный.

– Ты порочное, порочное дитя, – раздраженно прошипел он. – Ты опозорила нас. Мне пришлось взбираться по ступенькам этой грязной лачуги. Надо мне было с самого начала слушать мисс Брайант, когда твоя сестра приходила ко мне со смехотворными сказками о плохом обращении с тобой. И что я получил? Вот этот позор. Я разберусь с тобой дома, моя дорогая.

Тут ветер донес с реки голос Неда:

– Лидди! Лидди, пришли мне весточку!

– Ты разберешься – разберешься со мной? – Лидди схватилась за голову, когда карета содрогнулась и покатила в сторону моста, по мосту через реку, в сторону дома, где все будет кончено. – Ты уже не сможешь разобраться со мной больше, чем мисс Брайант все эти годы. Я не покорюсь. Ты можешь убить меня. – Она засмеялась ему в лицо. – Да, убей меня, и это будет лучше, чем ее жестокое обращение.

– Я не убью тебя, но и не позволю нести такую мелодраматическую ерунду, – холодно заявил мистер Дайзарт. – Но я лишу тебя свободы, и это будет правильно ввиду твоего порочного поведения.

– Я скажу «да» Хайворту, как только он сделает мне предложение! – сказала она отцу, потому что в эту секунду она поняла, что сделает это, лишь бы уйти из постылого дома. – Я заберу с собой Мэри и найду ей в Шотландии мужа! Как мама страдает, глядя на нас с небес. – Она замолкла, потому что ее отец хохотал, раскачиваясь взад и вперед. – Да, я выйду за него замуж, как только появится возможность.

– Она не появится! Ронсли... Лидия, дорогая, ты сильно ошибаешься на этот счет. Старина Ронсли, нерешительный чудак, отправлен мной восвояси к его матери. Я сказал ему, что ты легкомысленная и абсолютно не годишься в жены такому солидному джентльмену, как он. О да... – Отец продолжал смеяться. – Он явно вздохнул с облегчением, понятно тебе, моя дорогая? Я поощрял его ухаживания, будучи уверен, что у него никогда не хватит решимости дойти до дела. Мое дорогое дитя. – Они снова переезжали через реку. Мистер Дайзарт посмотрел на собор св. Павла и снова улыбнулся, словно находил ситуацию забавной. – Никто из вас не выйдет замуж и не женится. Потому что тогда уменьшится моя доля, я честно признаюсь тебе! Ты сама понимаешь, что Мэри никто не захочет взять в жены, слава богу, а Пертви разрушает себя и без моей помощи. Ты была для меня единственной проблемой. Я поощрял ухаживания Хайворта, зная, что он будет держать на расстоянии других претендентов. Теперь ты понимаешь, какие меры я, к сожалению, вынужден принять.

– Мама оставила нам наши собственные деньги! – с горящими щеками закричала Лидди. – Она и тетя Шарлотта получили наследство от их родной тетки! За городом у них был дом! Тот, с соловьями! Он со временем перейдет к нам!

– Твоя мать была глупая, и советы ей давали тоже глупцы. Кроме вопроса о моей доле, все остальное было глупо. Ваш любимый дом, о котором ваша мать беспрестанно ворковала, стоит не больше этого кукольного домика. Да, моя дорогая. Это развалина. Отец вашей матери потерял деньги на неудачных инвестициях и довел дом до плачевного состояния. Он был глупец – ах, посмотри на того парня, моряка, с попугаем! Наследство, которое мать оставила вам, зависит от вашего брака. Если вы не вступите в брак до двадцати пяти лет, оно перейдет ко мне.

– Ты надеешься, что мисс Брайант уморит меня раньше? – спросила Лидди дрожащим голосом. – Ты хочешь моей смерти? Мне все понятно.

Отец вытаращил глаза, и Лидди увидела толстую красную прожилку на белке его правого глаза возле слезных желез.

– Дорогая моя, какой вульгарный язык. К чему истерика! Разумеется, нет. – Он вытер лоб платком. – Итак, мы вернемся домой,

и ты будешь сидеть в своей комнате до тех пор, пока я не увижу, что тебе можно доверять. Мисс Брайант позаботится о тебе. Она тебя ждет. – Он наклонился вперед, и его лицо оказалось лишь в нескольких дюймах от нее. Ей в ноздри ударили его кислое дыхание и соленый запах его пожелтевших волос. – Ты считаешь ее твоим врагом. Дорогая моя, ты сама себе враг и скоро убедишься в этом.

Глава 10

Теперь Мэри испытывала ужас перед вторниками. Ее окутывал страх, подобно ледяному туману, когда она стучалась в дверь Лидди и гадала, в каком состоянии она увидит свою сестру, какую новую пытку придумала мисс Брайант. Поначалу Лидди должна была сидеть каждый вторник несколько часов на стуле с доской, привязанной к ее рукам; когда Мэри увидела ее, она обессилела и не могла говорить, лишь лежала на узкой койке, уткнувшись лицом в жесткий валик. Изредка из ее груди вырывались рыдания, а руки слишком болели, и она не могла даже пошевелить ими, не то что обнять сестру.

Мисс Брайант придумала для Лидди песенку, как бы в шутку, и теперь Лидди должна была ее петь каждый раз, когда гувернантка или Мэри заходили в комнату, а если она не делала этого, мисс Брайант была ее домашней туфлей или лишала на весь день пищи. А зимой, обещала она, не будет угля для печи. Поэтому когда Мэри входила, сестра встречала ее такой песней:

Я ужасно скверная и всегда такой была,
Мысли мои скверные, скверные дела,
Много позора семье я принесла,
Как земля носит таких, как я...

Она монотонно пела это, опустив голову, некоторые слова застревали у нее в горле, когда Мэри смотрела на нее. Мисс Брайант одобритительно кивала:

— Вот, мы видим, что ты можешь быть хорошей, когда постараться!

Отец уехал в Париж, где у него были, по его словам, инвестиции, через неделю после того как он привез Лидди от Неда Хорнера. На этот раз он намеревался прожить там месяцев шесть или даже дольше. Перед его отъездом Мэри умоляла отца не оставлять их с мисс Брайант, но за свое заступничество была наказана: ее заперли в комнате без еды на три дня.

– Я должен убедиться, что ты будешь слушать мисс Брайант, а то кто знает, что еще опять взбредет тебе в голову, – сказал ей отец. – Неужели ты не понимаешь, что Лидия плохо на тебя влияет? Неужели ты не видишь, моя дорогая, что она едва не опозорила на всех? Ронсли теперь не прикаснется к ней... да и никто не прикаснется.

– Нед любит ее, отец... – Это был единственный раз, когда Мэри упомянула его имя, и отец пришел в страшную ярость. До этого лета Мэри считала отца строгим, но порядочным. Теперь она разглядела его истинную натуру. Он был ничтожным скрягой.

– Она не выйдет за него. Она ни за кого не выйдет замуж.

На третий день заточения в своей комнате Мэри полуослепла и впала в протрацию от голода и страха, и перед ней всплыла картина, как Лидди и Нед смеялись в саду, как его пальцы положили деревянную фигурку на ее маленькую ладонь, как у сестры порозовели от смущения щеки, с какой страстью глядел на нее Нед. И когда она проснулась, обливаясь потом в холодной комнате, то подумала: это нечестно. Сестра – причина их несчастий.

Но она отбросила такую мысль, потому что уже понимала где-то в своем подсознании, что ей надо держаться за сестру. Отец и мисс Брайант будут пытаться их разлучить или сломить.

Они уже сломали жизнь Пертви, изгнали его из дома накануне отъезда отца из-за какой-то раздутой истории с девицей, которая работала в шляпном ателье на Крэнборн-стрит и чинила летний капор Лидди. Пертви должен был смотреть в отцовском кабинете, как его имя стиралось из Библии. Мисс Брайант выполняла этот акт, а отец лил крокодиловы слезы. Мэри остро чувствовала, что это неправильно, но из всех отвратительных подробностей этого фарса ее больше всего возмущало, что Библия принадлежала маме, а до этого ее отцу. В нее были аккуратно вписаны имена его детей: Элен Александра Миртл, 1850, и Шарлотта Гвендолин Миртл, 1852. Мама сделала то же самое и записала туда ее детей. Мисс Брайант не имела никакого права стирать их имена.

Но она их стерла. И что они могли поделать?

Итак, по вторникам Мэри было позволено проводить час с сестрой и приносить ей чай. Мисс Брайант держала ее на скуднейшем рационе – тапиока или рис и черствый хлеб, – и Лидди утратила свою юную красоту. Ее кожа стала серой и восковой. Ей разрешалось гулять

раз в неделю в саду, в красном плаще. Она сшила его сама себе из ткани, купленной Ханной, причем ее заставили просить Ханну об этой услуге. На спинке плаща были нашиты черными нитками полоски белого ситца, составлявшие слова «подлая», «лгунья», «тупица». Мэри видела, как плакала Лидди, единственный раз, когда ей пришлось показаться Ханне в этом плаще, а Ханна покачала головой и спокойно сказала:

– Нет, только не для меня, мисс Лидди. Никогда этого не будет. Вы моя дорогая, ваша мать смотрит на вас, как и моя дорогая мама.

Они знали, что это была ложь. Мать Ханны сбилась с пути истинного и кончила свои дни в работном доме, и их мать взяла с собой Ханну, свою служанку, когда приехала из Годстоу к мужу в Лондон. Сестры знали, что Ханна любила их, потому что любила их мать. Мясник Гамбол, их лучший друг в детстве, покачал головой и поскорее ушел, словно не мог видеть мисс Лидию в таком состоянии бесчестия, поскольку мисс Брайант этого и хотела – бесчестия и молчания.

– Милая сестра? Можно мне войти?

Она тихонько открыла дверь, сжимая в руке маленький узелок, который тайком пронесла наверх. Лидди сидела на кровати в ночной рубашке, опустив голову, босые ноги на полу. Каждый раз, приходя к сестре, Мэри замечала, что комната все больше пустела. На прошлой неделе Мэри взяла из своей спальни персидский ковер с узором из роз. Это был ковер их матери, она привезла его с собой из родного дома. Мэри принесла его Лидди, чтобы украсить ее комнату, но ночью, когда она спала, кто-то вернул ковер в ее спальню.

Воздух был спертый, тяжелый от запаха сгоревших свечей. Ставни постоянно закрыты. Поначалу мисс Брайант позволяла открывать их на час, но через некоторое время Лидди перестала это делать.

– Дорогая моя, почему ты не оделась?

– Сегодня не могу, потому что я не съела ужин. В рисе были черви. Я спрятала его под кроватью и солгала мисс Брайант. Вот мне и пришлось сидеть сегодня в ночной рубашке, – уныло ответила она.

– Может, мы прогуляемся по саду?

– Зачем? – Она даже не подняла глаз и не взглянула на Мэри.

– Лидди... – Мэри села рядом с ней на кровать. – Смотри, я купила тебе свежие незабудки, а вот миндальное пирожное. Миссис Лидгейт сказала, что оно должно тебе понравиться. – Она торопливо положила мягкое ромбовидное пирожное на ладонь сестры. Но Лидди уронила его на пол.

– Я не голодная.

Под ее глазами были лиловые круги, уголки рта потрескались. В горле у Мэри, в ее голове и теле запульсировала паника.

– Лидди, дорогая, это угощение для тебя.

– Угощение. – Слово тяжело упало в спертom воздухе комнаты.

– Ты должна. Ты должна посмотреть, что это. – Мэри схватила истощенную голодом руку сестры. – Лидди, пожалуйста...

Но сестра отвернулась от нее.

– Ох, Мэри. По-моему, тебе лучше уйти. Я сейчас не в себе, больше чем когда-либо. – Она слабо улыбнулась, и это было хуже всего. – Я заслужила все, что мне приходится терпеть, и мисс Брайант говорит, что отец будет доволен переменами во мне, когда вернется, а это уже скоро – и я больше не навлеку позор ни на кого из нас. Но иногда все это трудно переносить, и я лучше буду тут все время одна. Мне больно видеть, как ты приходишь и уходишь, скучать по тебе... – Она вздохнула и едва не заплакала – только всхлипнула. Потом разжала руку, и Мэри увидела фигурку, которую ей подарил Нед Хорнер, крошечную деревянную Лидди, какой она когда-то была, беззаботной, смеющейся...

До их слуха донесся какой-то звук; Лидди снова крепко сжала пальцы и сунула деревянную фигурку под матрас.

Поначалу Мэри рассказывала ей все свежие новости – в Хайгейтском литературно-научном обществе была интересная лекция о весенних цветах, а еще она слышала, что трамвай опять перестанет ходить из-за ремонта рельсов, к недовольству и насмешкам местных жителей. Преподобный Мэндер прочел восхитительную проповедь о любви к ближнему. (И все же Мэри отметила, что преподобный Мэндер ни разу не поинтересовался, почему перестала приходить в церковь старшая дочь мистера Дайзарта, его соседа. Как легко люди отворачиваются от того, чего им не хочется видеть.)

Лидди притворялась, что ей интересно, но через пару месяцев она во время рассказа Мэри стала отворачиваться и грызть ногти, и Мэри

догадалась, что для нее слушать обо всем – еще одна попытка.

Поэтому сестры молча сидели в затхлой комнате. Мэри протянула руку, хотела погладить Лидди, но та легла лицом к стене.

– Прости, Мэри. Сегодня я что-то устала, – сказала она, и Мэри почувствовала, что эти минуты самые мрачные из всех, что были до этого. Лидди, всегда излучавшая радость жизни, бурлившая энергией, словно ручей или соловьиная трель, превратилась в восемнадцать лет в пустую оболочку себя прежней. В деревянной фигурке под матрасом было больше жизни, чем в ней.

Мэри повернулась к двери, но потом, опустив глаза, отдала ей то, что осталось в узелке.

– Дорогая моя, я купила тебе бумагу и перья. Тебе надо писать. Напиши несколько стихотворений.

Последовало долгое молчание, потом Лидди все-таки ответила сестре:

– Она найдет их. Она обшаривает всю комнату. Мне приходилось прятать фигурку в лифе, а сейчас негде, ведь я в ночной рубашке. Она найдет ее, и мне придется ее сжечь. Каждую неделю она заставляет меня выбирать что-то, чтобы это сжечь. Чтобы я поняла, что не должна привязываться сердцем к земным вещам. На прошлой неделе это были несколько маминых писем ко мне, когда папа возил ее в Париж.

Мэри схватилась за спинку плетеного кресла.

– Вот и сожжешь потом написанное. Но сначала напиши. – Она снова подошла к сестре и потянула ее за руку. Теперь Лидди лежала на спине и глядела на Мэри; ее бледное, нездоровое лицо было безучастным. – Она не должна заполучить твой разум, Лидди. Не должна. Запомни это. Это твой величайший дар!

Но Лидди лишь пожала плечами и снова отвернулась к стенке. Но все же свернула листки бумаги в комочки и сунула в узкую щель между тонким матрасом и стеной. После этого она уже не произнесла ни слова, и Мэри, подобрав с пола пирожное, ушла и тихонько прикрыла дверь.

За дверью она вдохнула свежий воздух и почувствовала слабый аромат лилий, запах пчелиного воска, которым натерли лестницу, и ветра, веявшего в окно ее собственной спальни. Еще она испытала облегчение, что ушла из той комнаты, и ей стало стыдно. Им даже не

приходило в голову, что дверь была не заперта, что Лидди могла бы выйти из комнаты, когда хотела, – так запугала их мисс Брайант.

Мэри спустилась вниз с намерением нарвать цветов и попросить у мисс Брайант позволения оставить букетик под дверью у Лидди. Сад возле дома медленно вплывал в весну, возле расцветавшей сирени жужжали первые пчелы. Его окружала высокая стена, но сквозь ажурные железные ворота Мэри увидела двух элегантных всадниц. Они скакали в боковых дамских седлах, блестящих под весенним солнцем; младшая из двух вежливо улыбнулась Мэри, вытаращившей на них глаза. Как всегда, шрамы и оспины на ее лице вызвали у незнакомки шок и замешательство, но на этот раз Мэри не улыбнулась, устраняя неловкость, а ответила на досадное любопытство холодным, суровым взглядом, полным злости на эту бестактную особу и ее подругу, на этот свежий, весенний день и на собственное чувство надежды, злости на все, потому что все это была ложь. Мэри повернулась спиной к калитке и пошла домой.

– Мисс... – Чей-то голос окликнул ее с улицы; она остановилась и взгляделась сквозь железные узоры на медленно шедшего к ней человека.

– В чем дело? – резко спросила она. Сегодня в ее сердце не было места для милосердия.

– Мисс... мисс Дайзарт, пожалуйста, вы можете уделить мне минутку?

Судя по голосу, это был молодой человек, но шел он, с трудом волоча ноги. Великоватая шляпа с широкими полями скрывала его лицо. Мэри вздрогнула – неужели это ее любимый Пертви, которого она не видела уже несколько месяцев! Она подошла к калитке, боязливо оглянувшись перед этим – у мисс Брайант были глаза – и шпионы – по всему дому.

– Уходи, – громко сказала она. – У нас ничего нет для тебя.

Парень приподнял поля шляпы.

– Мэри...

Мэри с удивлением увидела, что это Нед Хорнер, но такой худой и бледный, что она с трудом его узнала.

– Нед?

– Скажи мне, – он схватил ее за руку сквозь прутья, – она еще жива? Или та женщина уже убила ее?

Его лицо было еще более худым, чем у Лидди, если такое возможно. Да и весь он был просто ходячий скелет. Его пиджак был довольно респектабельным, хоть и грязным, но вот брюки держались на веревке, башмаки развалились, и Мэри видела в них пальцы, лиловые, в гнойниках, а на одном из них не было ногтя. Под глазами Неда были мешки, щеки ввалились. Мэри старалась изо всех сил не показать свой шок.

– Нет, еще нет. Она живая. Нед, дорогой, – прошептала она как можно тише. – Как мне грустно видеть тебя в таком состоянии.

– Я шел из Блэкфрайерс весь день и всю ночь. Я сейчас слабый – приходилось останавливаться и отдыхать – сейчас я не могу долго идти. – Он закашлялся. – У меня боли в груди, но теперь уже стало лучше. – Его глаза лихорадочно блестели.

Мэри смотрела на него сквозь железные узоры.

– Нед, дорогой. Принести тебе еды? – Что еще могла она сделать? Пригласить его в дом? Это был ее христианский долг, а также безумие. – Подожди здесь, я сбегаю в дом за супом...

Но он яростно тряхнул головой:

– Я... я ничего не хочу. Я не хочу навредить ей. Мне надо, чтобы ты передала ей записку. В тот последний раз мы поспорили, потому что она считала, что я не хочу отказываться от моих идей и писать то, что хочет видеть публика. А ведь тогда мы могли бы пожениться и жить вместе. Она... – Тут его сотряс приступ кашля, и он вцепился в железные прутья, чтобы устоять на ногах. Мэри сжала его костлявые руки. Когда он откашлялся, на его грязном носовом платке виднелись капельки крови.

– Ты очень болен, – сказала она. – Ох, Нед...

– Все будет нормально. – Он одарил ее тенью улыбки. – Честное слово, Мэри. Передай ей, что я снова пишу картину. Она будет продана за тысячи гиней, и мы будем богатыми. Ты веришь мне?

Она ласково улыбнулась, словно успокаивая малое дитя.

– Да, Нед.

– Мэри, я говорю правду! Она называется «Соловей», и на ней изображена Лидди – мне не нужны эскизы, все из памяти: она держит механическую птицу, которая поет целый день, они заключены в

ловушке комнаты, она и соловей, он в клетке, а она свободная, правда, ее разум благословенно свободный... В последнюю нашу встречу мы говорили о заводных куклах, и это натолкнуло меня на идею – «Император и Соловей», ты знаешь эту историю? – Он снова закашлялся и на этот раз, казалось, не мог остановиться, словно и сам стал механической игрушкой, умевшей повторять только резкие движения.

Мэри, потрясенная, открыла калитку, уже не боясь, что ее увидят. Но он попятился.

– Нет! – воскликнул он, пятясь от нее.

Мэри протянула к нему руку.

– Нед, дорогой, – растерянно сказала она. – Я хочу помочь тебе, но боюсь, что не смогу! Тебе нужен доктор, теплая постель и суп и... и... – Она в отчаянии ломала руки. – Но где же твои друзья? Почему они не помогут тебе? Где Далбитти?

Он остановился и закрыл глаза. Словно маленький мальчик, оставшийся один на свете.

– Далбитти все еще в Германии. Я не могу дергать бедного парня, у него и так много хлопот.

– Далбитти добрый, – возразила Мэри. – Он поможет тебе. Разве вы не обещали помогать друг другу?

Нед улыбнулся, и Мэри узнала в нем прежнего, доброго и страстного Неда.

– Пожалуй, да, пожалуй, я напишу ему, – ответил он. – Он будет рад услышать, что я виделся с тобой, Мэри. Он спрашивает про тебя каждый раз, когда пишет мне. Знаешь, «каштаны и цыпленок» – вот наш сигнал, просьба помочь.

Слегка смутившись, Мэри спросила:

– А где твой отец?

– Увы, отец ужасно болен, бедняга, и его дни сочтены. – Он печально вздохнул. – Ты должна понять одно – я приду за Лидди. Ты передашь ей это? Ты позаботишься о том, чтобы она не умерла? Расскажи ей про соловья... и однажды я приду за ней. Когда... когда поправлюсь.

Она снова протянула к нему руку, но Нед покачал головой.

– Прощай, милая сестра, – пробормотал он, торопливо зашаркал к «Фляжке» и вскоре скрылся из виду.

Мэри повернулась и пошла в дом. На пороге она замерла и оглянулась на цветы. «Я ничего не сорвала для Лидди. Вместо этого я расскажу ей о Неде».

Но тут же она вспомнила желтые белки глаз, ввалившиеся щеки Неда, кровь на платке, его лихорадочное состояние и медленно прикусила кончик пальца. Она поняла, что сестре станет еще хуже, если она расскажет ей подробности своей встречи с Недом: его утверждение, что он снова пишет картину, когда у него нет денег на хлеб, не говоря уж о холсте и красках. Возможно, что и его земные дни уже сочтены.

Скрепя сердце Мэри решила, что ни слова не скажет сестре о Неде. Но будет молиться за него, ведь его душа, несомненно, скоро окажется на небесах. Так она и делала, каждый вечер. Прошло еще шесть месяцев, и от него не было слышно ни слова.

Глава 11

1892. Сентябрь

Отец вернулся десять дней назад – но Лидди пока еще его не видела. Ее ужасно расстроил отъезд Мэри в Лайм к кузине. Лидди умоляла не бросать ее, но Мэри, странное дело, заупрямилась. «Мне необходимо сменить обстановку, Лидди. Дорогая моя, пожалуйста, постарайся понять, что для меня эта ситуация такая же тяжелая, как и для тебя». И Лидди поняла, что пришел момент, когда началось отчуждение, от нее все отвернулись и старались держаться на солнечной стороне жизни, подальше от тени несчастливого дома. Ни слова, ни одного слова от Неда. Пертви уехал в Париж продолжать занятия живописью; по словам Мэри, на этом настоял Далбитти. Мэри покидала ее не в первый раз, чтобы дышать морским воздухом, побыть с милой тетей Шарлоттой, посещать балы. Ей даже позволили купить новую шляпку и перчатки. Для этого мисс Брайант ходила с ней в «Маршалл» и «Снелгроув».

Мисс Брайант была за эту поездку, значит, Лидди будет почти все время вдвоем с ней в доме. Гамболл и Лидгейт были уволены мисс Брайант во время отъезда отца из соображений экономии. Ханна уехала навестить сестру.

Когда Мэри зашла утром перед отъездом попрощаться с сестрой, она сказала:

– Дорогая, я ненадолго. Вот и отец скоро вернется...

Лидди лежала на узкой кровати, обернув старое вытертое одеяло вокруг своего худенького тела. Обе сестры катастрофически похудели. Мисс Брайант твердила об этом, насильно открывала Лидди рот и запихивала в него жесткую, вонючую тапиоку.

– Тогда поезжай, – сердито воскликнула Лидди, с трудом удерживаясь от рыданий. – Наслаждайся свободой, в отличие от меня. Я знаю, что тетя Шарлотта будет рада тебя видеть...

– Я бы не поехала, – ответила Мэри, борясь со слезами. Они не смели плакать, боялись, что мисс Брайант увидит их слезы и отлупит

их по щекам, повторяя, что у таких, как они, счастливых детей нет причин для слез. – Мне надо поехать, Лидди. Я не могу тебе сказать, для чего, – добавила она, понизив голос.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. – Мэри покачала головой; в ее глазах светилось отчаяние. – Ничего из этого не выйдет, вообще ничего. Я уверена, что...

– Пожалуйста, поговори с тетей Шарлоттой о нашей ситуации, ладно, Мэри?

– Попробую, но я как-то не знаю, как заговорить с ней об этом. А еще я боюсь за тебя, ужасно боюсь, что если я это сделаю, то все станет еще хуже, ведь мы так близко... – Она кашлянула.

Угасшие серые глаза Лидди снова сверкнули на нее:

– Так близко к чему?

– Мне так не хочется уезжать от тебя. – Мэри поцеловала сестру, ее теплые губы коснулись холодных щек Лидди. – Милая сестрица, будь сильной, не падай духом и отбрось сомнения... – Она сняла с себя теплую пеструю шаль, в которую ее когда-то завернули, когда она заболела, и протянула ее сестре: – Вот, возьми мамину шаль. Она согреет тебя.

Лидди потрогала пальцами мягкую, тонкую шерсть.

– Нет, спасибо. Я не мерзну. Нет, я сказала тебе... – потому что Мэри совала ей шаль. – Отстань от меня!

Мэри отошла, комкая шаль в руках.

– Тогда... Представь себе, что ты в Берлоге, у теплого камина, Пертви поджаривает нам хлеб и все хорошо и уютно. Думай о нас троих, как мы любим друг друга. П-потому что я увижу тебя снова, обязательно увижу... – Она прижала ладонь к губам, тихонько всхлипнула и выскочила из комнаты. Лидди повернулась на бок и уставилась на пустую стену.

Через два дня после отъезда Мэри вернулся отец. Когда он зашел к своему единственному оставшемуся в доме ребенку, Лидди сидела на кровати, надев на голову конический колпак, который сделала сама, раскачивалась и пела свою песню.

Я ужасно скверная и всегда такой была,
Мысли мои скверные, скверные дела,
Много позора семье я принесла,
Как земля носит таких, как я...

Мистер Дайзарт остановился в дверях и смотрел на дочь. Он ничего не сказал ни про песню, ни про изможденную фигурку дочери, слипшиеся волосы, запах в комнате, рваную ночную рубашку, почти уже неприличную на вид. Он постоял две минуты, потом торопливо сказал:

– Я вернусь завтра, дорогое дитя. Сейчас я устал.

Лидди, казалось, даже не заметила его уход, потому что продолжала петь, когда он спускался по лестнице, чтобы найти мисс Брайант.

На следующий вечер он снова вернулся и протянул Лидди халат, который принадлежал Мэри, и тарелку с сыром и бисквитами из собственных запасов.

– Ну, Лидия, – проговорил он и осторожно уселся в середине пустой комнаты на хлипкое плетеное кресло. – Мисс Брайант сказала мне, что ты начинаешь исправляться, и я рад этому. Потому что ты...

БУМС!

Что-то тяжелое ударилось в оконное стекло. Мистер Дайзарт чуть не свалился с кресла. Лидди застыла с кусочком сыра возле рта. Отец и дочь встревоженно переглянулись.

– Что это было?

– Не знаю.

– Тогда открой окно, – буркнул он, а сам отодвинул кресло подальше от окна. – Погляди, что там.

Лидди колебалась. Она вообще не открывала окно много месяцев. Она не могла признаться отцу, что мир за окном наводил на нее ужас, таким тотальным был контроль мисс Брайант.

– Лидия. Ты слышишь меня? – Отец повысил голос. – Открой окно, бога ради.

Крепко сжав в кулаки свои маленькие руки, Лидди подбежала к окну и распахнула его. Сладкий сентябрьский воздух хлынул в затхлую комнату. Еще не стемнело.

Лидди посмотрела вверх, по сторонам, потом опустила глаза и что-то увидела. Она смущенно заморгала, хотела что-то сказать, открыла рот и тут же закрыла.

– Отец, я вижу внизу мертвую птичку – мертвую или умирающую, не знаю точно. – Она замерла, потрясенная звуками и запахами улицы. – Как ты думаешь, могла она так удариться?

– Несомненно. Глупые существа, ударяются о стекло. Ладно, Лидия, закрой окно и сядь. Птица умрет, – сказал отец и посмотрел на свои ноги. – Эти ботинки меня доконали; видишь рубец? Хм. Ну, теперь слушай. Ты понимаешь, моя дорогая, что тебя необходимо было наказать?

– О, – ответила Лидди, пытаюсь сосредоточиться. – Я понимаю, что мисс Брайант считает меня тяжелым испытанием для себя, и мне жалко, что это так. Я обещала исправиться. – Она опустила глаза. – Я много страдала от ее рук, и она может сказать тебе, что я все вытерпела.

– Это хорошо, потому что ты должна делать то, что она говорит и что говорит твой отец, каждая девушка должна так делать. В конце концов, затраты на твою еду, воду и одежду, да еще на приданое...

– Да, отец, – кротко сказала она, запахивая халат младшей сестры и глядя на его подагрическую ногу, темно-красную шелковую подкладку его фрака, на его румяное, пышущее здоровьем лицо. Но в ее груди учащенно застучало сердце; оно словно очнулось после долгих месяцев бездействия и стало качать кровь во все части ее тела.

И внезапно она услышала голос Мэри, вспомнила, что говорила ей сестра со странным выражением лица, так сердившим ее. *Будь сильной, не падай духом и отбрось сомнения...*

– Сейчас я оставлю тебя, но я рад, что принес тебе эти маленькие подарки и увидел тебя в состоянии раскаяния. – Отец очень медленно поднялся с кресла. – Дай мне палку, дорогая.

Лидди протянула ему коричневую трость с серебряной рукоятью, и он покрутил ее в руке точно так же, как, по семейной легенде, сделал много лет назад, когда увидел в Гайд-парке их мать. Глядя, как он крутил трость и с вальяжным видом прошелся комнате, Лидди подумала о своей любимой матери и впервые удивилась, почему она купилась на его дешевые трюки. Сейчас отец напомнил ей фокусника из Ковент-Гардена, знавшего лишь один трюк – как спрятать за ухом

крошечную птичку. И неожиданно ее пронзил разряд ярости от того, что ее умная, мудрая мать выбрала этого пустого человека.

Только она это подумала, как отец взял ее за подбородок своей холодной, гладкой рукой и, распахнув на ней халат, потрогал грязную и заношенную ткань ночной рубашки. Лидди задрожала, а он спокойно сказал:

– Я велю Брайант принести тебе одно из твоих платьев, чтобы тебе было во что одеться. А не в это тряпье. Впрочем, что-нибудь скромное. Признаю – это стыд. Ты должна привлекать взгляд любого мужчины, моя дорогая, должна быть пухлой маленькой птичкой, созревшей для земных радостей. Чтобы они хотели тебя заполучить, любой из них, но они не получают тебя. Никто не получит. А вот сейчас тебя никто не захочет.

Он слегка содрогнулся, и Лидди увидела, как в уголках его рта скопилась слюна.

– Отец... – Она выскользнула из его пальцев, сделав вид, что хотела взять его за руки. – Дорогой отец, спасибо.

– А. Ладно, – хмыкнул он.

– Могу я надеяться, что скоро опять побуду в твоей компании? Мэри... Мэри сказала, что ты был ужасно одиноким после того, как изгнал Руперта. – Она наклонила голову и с улыбкой взглянула на отца.

Он нахмурился.

– Значит, тебе известно, что Руперт вернулся? Поэтому ты упомянула его? Поэтому?

Она мгновенно испугалась и покачала головой:

– Нет, отец, клянусь, я ничего не знаю.

– Этот паршивец вернулся из Парижа и говорит, что хочет меня видеть. Я встречусь с ним, потому что я добрый отец и умею прощать, но его имя удалено из Библии раз и навсегда, и я сказал, что он больше никогда не переступит порог нашего дома... – Он подозрительно посмотрел на нее: – Ты точно ничего не знаешь об этом, а?

Лидди тряхнула головой:

– Нет, отец. Прости.

Мэри ничего не говорила ей о возвращении Пертви – значит, она тоже ничего не знала? Тут Лидди вспомнила про удар по оконному стеклу, и ее глаза с испугом метнулись в ту сторону.

– Сейчас мы с мисс Брайант обсуждаем, можно ли тебе позволить в ближайшие несколько месяцев выходить из комнаты, – сказал мистер Дайзарг. – Конечно, это не тюрьма, Лидия, дорогая. Это твой дом! – Он широко раскинул руки в маленькой комнате, и Лидди почувствовала, как ее сердце наполнялось ненавистью к нему, настоящей ненавистью, густой, черной, ядовитой, словно нефть. Она улыбнулась.

– Спасибо, отец, – сказала она. – Я буду весьма признательна.

– Я передам ей и скажу, что я доволен тобой. В конце концов, ведь я твой отец. – С этими словами он вышел из комнаты и стал, кряхтя от подагрической боли в ноге, спускаться по ступенькам. Зная, как он не любил, когда кто-то видел его в такие минуты, Лидди осторожно закрыла дверь своей спальни.

Она услышала, как отец что-то крикнул с лестницы – его голос был теперь еле слышен, так, лишь верхние тона, но показался Лидди довольным. Потом она застыла, когда ему ответил голос мисс Брайант, чистый и пронзительный, проникавший в любую щелку.

– Нет, сэр. Я согласна. Она исправляется. На мой взгляд, во всяком случае, она стала менее истеричной.

Лидди знала, что мисс Брайант в курсе, что Лидди слышала ее слова и что Лидди понимает, что гувернантка осведомлена об этом. Она дождалась, когда затих стук трости и удалились голоса. Тогда она повернулась к окну и осторожно открыла его. На карнизе лежал маленький, как ей показалось, камень, завернутый в коричневую бумагу.

Она поняла, что удача наконец-то была на ее стороне: удача, что она не выдала себя и ничего не сказала отцу, удача, что она научилась так легко лгать, удача, что кто-то бросил камешек с такой точностью, хотя уже догадалась, что никто, кроме Пертви, не был способен на такое.

Пертви!..

Лидди схватила камешек и замерла, напряженно прислушиваясь к голосам отца и мисс Брайант. Надорвала коричневую бумажку, размотала ее по спирали, и на ладонь выпала маленькая деревянная фигурка: мужчина с кистью в руке, шляпа набекрень, улыбка на лице, другая рука на бедре. Лидди показалось, что от фигурки струилось тепло.

Она стала срывать оставшуюся бумагу – но вдруг заметила, что на ней что-то написано. Тогда она положила ее на пол и разгладила.

Моя любимая птичка.

Вот и вторая фигурка, в пару к твоей Лидди. Жених или даже муж. Я вложил в нее всю мою любовь к тебе. Она залог того, что мое сердце всегда будет с тобой.

Милая моя птичка, у нас появился единственный шанс, и поэтому я пишу тебе в огромной спешке. Скорее всего, наши планы обречены, но все равно надо что-то делать. «Не говори, что бой бессмыслен...» Если тебя после этого на всю жизнь прикуют на цепь, знай, что я люблю тебя и что твои брат с сестрой тоже любят тебя. Знай, Лидди, что мы очень любим тебя.

Я был очень болен несколько месяцев – это смешно, но я не могу жить без тебя. Лидди, умер мой отец; он оставил мне 80 фунтов. Его смерть, хотя я ужасно горюю по нему, можно сказать, спасла меня, потому что ко мне приехали с вестью о его кончине, нашли меня еле живого и отвезли в больницу... После этого обо мне заботился Далбитти; он вернулся из Европы; это лучший друг, о каком можно лишь мечтать.

Я написал картину, где изображена ты, как я и говорил. Лидди, дорогая, она была на Летней выставке и пользовалась большим успехом. Теперь мистер Галвестон говорит, что хочет приобрести ее для своей галереи, а это значит, что он заплатит мне 70 гиней. Картина называется «Соловей». На ней ты, моя Лидди.

Пожалуйста, извини, что я затронул финансовые вопросы в письме, где я клянусь тебе в любви, но у нас, как нам известно, необычная ситуация; теперь у меня есть в общей сложности

150 фунтов, а в придачу сердце, полное любви к тебе, как и в первый раз, когда я увидел тебя.

У меня готов план твоего побега, и он включает в себя наш брак, любимая. Но у нас есть только один шанс, и мы испытаем судьбу завтра. Дорогая моя Лидди, завтра все решится.

Ибо завтра утром (в четверг 10 сентября 1891 года) мисс Брайант будет вызвана из дома – ты это увидишь. Наши планы тщательно продуманы. Пожалуйста, жди у окна, пока не увидишь, что она ушла. Твой отец встречается завтра с твоим братом. Пертви вернулся в Англию по моей просьбе, сначала – чтобы доставить тебе это письмо, потом – чтобы отвлечь твоего отца. Ты подожди, пока не уедет отцовская карета.

В отсутствие твоего отца и мисс Брайант ты сможешь беспрепятственно выйти из дома в 10.30 утра. Я буду в полдень в церкви Святой Троицы на Мэрилебон. Там будут также Далбитти, Пертви и Мэри, если она успеет вернуться из поездки, которую придумала, чтобы в случае провала остаться вне подозрений. Я буду ждать внутри храма. У меня на руках документ. Наши имена вписаны там черными чернилами. Сейчас я вижу его перед собой, когда дрожащими руками пишу тебе эти строки. Пожалуйста, скажи, что ты придешь и что мы с тобой поженимся!

Я чувствую твой страх сейчас, когда ты держишь в руке деревянную фигурку, и понимаю, что тебе ужасно страшно. Будь храброй, дорогая моя Лидди, пожалуйста, прояви храбрость и приди в церковь. Я не могу забрать тебя сам, мы сошлись на том, что риск слишком велик. Приди в церковь Святой Троицы, и мы поженимся.

Приходи завтра – придешь? Как бы меня ни терзали сомнения – чертово перо, оно оставляет такие бледные линии, – я сильный, Лидди. Обещаю

тебе, что я буду сильным как ДЕРЕВО и буду защищать тебя от житейских бурь. Я даю тебе сейчас это обещание на грядущий момент и на годы вперед. Будущее еще не написано; прошлое сожжено и кануло в небытие. Так и должно быть.

Навеки преданный тебе —

Н.

Лидди отбросила от себя это письмо. Ее била дрожь; поначалу она подумала, что от восторга, но потом поняла, что от неистовой ярости. Оттого что они выманивают ее из этой комнаты, где она наконец-то чувствовала себя комфортно, где о ней заботились, хоть и ограничили ее свободу. Отец даже позволил ей снова надевать платье.

Она порвала письмо на мелкие клочки и рассеяла их, словно снег, над огнем, потом ползала по полу при мерцавшем пламени и подбирала улетевшие, чтобы не осталось улик. Она не станет сердить мисс Брайант, не то что глупый Пертви или обманщица Мэри, лгавшая, что скучает без нее.

Остатки письма вспыхнули, словно динамит, и серыми хлопьями упали на решетку. Лидди заползла на кровать, где на матрасе до сих пор оставались вмятины от массивного отцовского тела, свернулась в клубок и думала, думала, слушая стук своего сердца. Конечно же, она никуда не пойдет. Иначе она предаст мисс Брайант, понимавшую ее испорченную натуру и пытавшуюся ей помочь.

Потрескивал огонь, и этот звук острым кинжалом вонзался в ее мозг. Лидди накрыла голову подушкой и запела единственную песню, которую смогла вспомнить; знакомые строчки несли с собой какое-то утешение.

Я ужасно скверная и всегда такой была,
Мысли мои скверные, скверные дела,
Много позора семье я принесла,
Как земля носит таких, как я...

Глава 12

– Друг мой... – Люшес Далбитти дернул Неда за рукав. – Знаешь, давай мы подождем внутри церкви, как ты и говорил? – Нед не слушал его. – Ведь ты написал ей, что будешь ждать внутри церкви. Она знает об этом. – И он с беспокойством взглянул на Мэрилебон-роуд, словно ожидая увидеть там четырех всадников из Апокалипсиса.

Нед выдернул руку и продолжал глядеть из-под массивного церковного портика на вход в Риджентс-парк и Йоркские ворота. Мэрилебон-роуд была забита кэбами, автобусами, телегами, всадниками; среди потока затесался даже автомобиль «Даймлер». Джентльмены в цилиндрах важно шли в сторону Сити, дети тянули за руки нянек. Недалеко от портика парень жарил фундук, и едкий запах долетал с ветерком даже до входа в храм.

– Я хочу увидеть ее как можно раньше, если она придет, – спокойно ответил Нед.

– Если придет... Хорнер... – пробормотал Далбитти, и на его добром лице появилась озабоченная улыбка. – Она уже опаздывает на час. Давай подождем внутри, а? Здесь холодно. Еще не хватало, чтобы ты снова заболел. Ведь ты знаешь, что я никудышная сиделка.

Он насильно отвел Неда в огромный пустой храм, и они, задрвав голову, полюбовались великолепной зеленой с белым лепниной и высокими витражными окнами под высокими сводами. Далбитти ударил друга по плечу:

– Посмотри на лепнину, Нед, весьма недурна... – Далбитти не договорил, услышав шум, и они оба оглянулись на дверь. – Ой, что это?

Но это был всего лишь воробей, летавший в портике.

Нед тяжело вздохнул и закрыл глаза, держась за край скамьи. Далбитти с тревогой покосился на него и сказал, успокаивая:

– Она не торопится, правда? Но наверняка придет...

– Милый мой Далбитти. – Нед сжал его руку. – Ты замечательный друг.

Далбитти лишь пожал плечами:

– Ты сделал бы для меня то же самое, мой дорогой. Я так рад, что могу тебе как-то помочь.

– Почему ты уезжал так надолго? Больше так не делай!

Длинное доброе лицо Далбитти исказилось гримасой.

– Не уеду. Знаешь, я жалею, что уезжал.

– Как там она? – негромко спросил Нед.

– Пожалуйста, не спрашивай меня, мой дорогой друг, – ответил Далбитти. – Пожалуйста, не надо.

– Ну, приятель, ты так интересуешься всеми моими делами. Вот и позволь мне помочь тебе тоже.

– Только не в этом вопросе, – сказал Далбитти. – Я дал согласие на помолвку, и я один должен пройти через это.

К ним торопливо подошел викарий.

– Мистер Хорнер? Ах, доброе утро. – Он соединил кончики пальцев и грустно улыбнулся. – Я должен срочно идти к прихожанину, который серьезно болен. Могу я спросить, когда вы ждете невесту?

Нед беспомощно пожал плечами; Далбитти чувствовал отчаяние, исходившее от него, словно пар из кипящего котла.

– Я не знаю, сэр – мы надеемся, что она может появиться в любой момент! Она получила письмо с адресом...

Снаружи послышались шаги; голос крикнул его имя, знакомый голос – Нед и Далбитти обрадовались.

– Я здесь!

Дверь со скрипом отворилась, и оба приятеля поникли, разочарованные.

– А, Дайзарт, – спокойно сказал Нед. – Привет, дружище.

– Я не опоздал? – воскликнул Пертви. Он стащил с рук перчатки, живо огляделся по сторонам и схватил Неда за руку: – Где моя сестра, мистер Хорнер, мой дорогой друг? Ну, мой отец проглотил наживку, я признался во всех моих грехах и особенно подробно рассказал про милашку, которая работала в сырной лавке на Пигаль, он даже порозовел и засопел, грязная скотина... – Пертви снял шляпу. – Значит, ее еще нет? В самом деле? – Его лицо помрачнело. – Ой, я встретился с отцом в клубе в одиннадцать, у нее было полно времени, чтобы добраться сюда... Нед, старина... Неужели она передумала? Неужели ты не сумел ее убедить? – Только теперь он заметил викария. – Доброе утро, падре. Вы готовы соединить браком два любящих сердца?

Викарий кашлянул.

– Простите, джентльмены, мою озабоченность. Но вы мне сказали, что причина такого бракосочетания – деликатная ситуация в

семье невесты и недавняя утрата. – Нед сердито сверкнул глазами на Пертви. – И я буду всецело рад, если мы совершим церемонию. Но если имеет место принуждение...

– Нет! – поспешно отозвался Нед. – Ни в коем случае, сэ, вы можете быть уверены в этом!

– Моя сестра очень любит мистера Хорнера, сэ, – искренне сказал Пертви. – Я сожалею, если дал вам повод думать иначе. Просто она медленно ходит. Скорее всего, она увидела в парке что-нибудь и задержалась...

– Да, наверняка, – слабым голосом подтвердил Нед, хотя ему впервые показалось, что он питал ложную надежду и теперь пришло время в этом убедиться. И это было хуже всего. – Она увидела где-нибудь уток или джентльменов, продающих птиц в клетке, – да, наверняка. – На секунду он почти поверил, что так оно и есть, ведь Лидди в самом деле могла часами бродить по парку или в саду, постоянно обнаруживая что-то новое; ребенком, спасая на дорожке кладбища перевернувшуюся божью коровку, она упала и больно поцарапала себе руку. Пертви рассказывал ему об этом еще до того, как Нед увидел Лидию; но с того момента он уже немножко полюбил ее.

Пожалуйста, приди. Пожалуйста, приди. Пожалуйста, приди. Пожалуйста, приди.

Его желудок был пустой, но тяжелый, словно налитый свинцом. Едкая кислота подкатывала к горлу.

– Нед... – раздался тихий женский голос. – Дорогой Нед...

Все оглянулись, и Далбитти пробормотал еле слышно:

– Она здесь – милостивый Господь, спасибо тебе за это. О... ох, нет.

Маленькая фигурка нерешительно заглянула в дверь, лицо девушки озарилось радостью, когда она увидела брата. У Неда упало сердце, и он подумал, что его в самом деле может стошнить от волнения.

– Мэри, дорогая, – воскликнул Руперт, обнимая сестру. Она поцеловала его в щеку и со слезами на глазах прижалась к нему. – Моя дорогая сестрица, ты пришла! Я даже не смел надеяться, что увижу тебя.

– Я сказала тете Шарлотте, что отец заболел, и приехала утренним поездом. Да простит меня Господь. Но я не могла сказать ей правду, а сама сходила с ума от волнения. – Она схватила Неда за руку и устремила на него свои карие глаза. – Дорогой Нед. Где она? Ой, Пертви... – Она всхлипнула. – Я так скучала по тебе, ужасный мальчишка.

– Я тоже скучал, дорогая сестрица. – Он снова обнял ее. – Ой, да ты просто красotka. Твои шрамы исчезли. Куда они делись?

Она робко взглянула на брата и сжала его руки, лежавшие на ее плечах.

– Не шути так со мной, Пертви!

– Я не шучу. Ты действительно красавица. Правда, Далбитти?

Далбитти взглянул на Мэри.

– Любой человек видит, что вы красивая и всегда были такой, – спокойным тоном ответил он.

– Но ее оспины, – сказал Пертви чуть громче, чем следовало. – Они остались у нее после болезни с детства, правда, Мэри? А теперь почти исчезли, дорогая сестрица, за этот год, пока мы не виделись. Вот чудо какое. Теперь ты можешь выйти замуж! Любой мужчина будет счастлив взять тебя в жены!

Мэри нахмурилась и закрыла глаза после слов брата. Далбитти подошел к нему:

– Слушай... Пертви...

– Понял, – отозвался Пертви, и опять слишком громко. Викарий посмотрел на него, на его покрасневшее лицо, на неопрятный вид и снова вынул часы из кармана.

– Где же Лидди? – спросила Мэри, оглядываясь по сторонам. – Она еще не пришла?

Нед уныло покачал головой.

– Ты уверен, что бросил записку в нужное окно? – строго спросил Далбитти.

Пертви рассмеялся.

– Уж в этом можешь не сомневаться. Я достаточно натренировался за много лет. Мы бросали друг другу записки, когда нас за что-нибудь запирали в комнате. Я прятался за перилами «Фляжки», пока не увидел, что она выглянула из окна и взяла записку.

Я видел, как она держала ее в руках. – Он повернулся к Неду: – Честное слово, дружище.

– Видно, что-то случилось, – еле слышно прошептала Мэри, и Нэд увидел, что она побледнела и дрожит.

– Здесь найдется стул для мисс Дайзарт? – спросил он у викария.

– Пока вы ждете, она может сесть на скамью. – Викарий положил часы на ладонь и щелкнул крышкой. – Двенадцать тринадцать, джентльмены. У вас есть время до двенадцати тридцати, потом я буду вынужден просить вас уйти. Я срочно нужен в другом месте. А это заключение брака, на мой взгляд, представляется мне немного странным и несерьезным, хотя, впрочем, я предпочитаю не вникать в суть дела.

Он ушел, оглянувшись на их маленькую группу, и снова Неда поразила огромность пустой церкви.

– Может, кто-нибудь пойдет в парк и поищет ее?

– Нет! – воскликнула Мэри, побледнев еще сильнее. – Ведь если она явится, а кого-нибудь из нас не будет на месте, у вас не будет свидетелей, и вам придется идти на улицу. Она так опаздывает, и времени почти не остается. Вдруг мисс Брайант или отец узнают, где мы, и придут сюда! Они могут это сделать, ох, могут!

– Не могут, – возразил Нед. – Ты ничего им не говорила? Дайзарт, ты тоже ничего не сказал отцу, правда?

Краткое молчание.

– Руперт? – спокойно спросила Мэри. – Дорогой, ты ничего не сказал отцу про наш план, правда?

– Если и сказал, что с того? – сердито воскликнул ее брат. – Он был чертовски недоволен. Потому что он сказал мне перед этим, что переделал завещание нашей матери так, что мы теперь никогда не вступим в брак. Представь себе, Мэри! Он сидел и смеялся надо мной, когда я попросил увеличить сумму, которую он мне выплачивает. То, что он тратит на нас, – всего лишь крошечная порция того, что он нам должен! Он сказал, что отныне не даст никому из нас ни пенни. Сказал, что у него все планы продуманы. И я не выдержал. Он сидел в клубе в новом шелковом жилете, держал бокал с мадерой, вокруг него стояли усмехавшиеся слуги, охраняли его, словно я какой-то опасный разбойник, а не его родной сын. А ведь это деньги нашей матери, не его! Я разозлился, Мэри. Я сказал ему, что его план не сработает и

даже если не будет денег, кто-то из нас все равно женится или выйдет замуж. Прости.

Далбитти выругался и отвернулся; Мэри схватила его за руку.

– Ох, какой злодей... ох, Пертви... – прошептала она и без сил опустилась на ступеньки храма. Далбитти подошел к ней и бережно поставил на ноги.

– Он чудовище, Мэри. – На глазах у Пертви стояли слезы. – Я не хотел, чтобы он считал себя победителем! Я не мог ему это позволить! Я сказал ему, что он проиграл. Я сказал – ох, милая Мэри, не плачь. Ты поедешь в Париж и будешь жить у меня, тебе не нужно возвращаться к ним, это точно. Я не сказал, где они венчаются, не беспокойтесь. И тогда он сказал... ох...

Он замолчал.

– Что? – в ярости спросил Нед.

– Ну он сказал, что она ни за что не придет. Он сказал: «Ты не видел свою сестру много месяцев, правда? Ты найдешь ее очень изменившейся. Очень изменившейся». – Пертви достал из жилета носовой платок и прижал его к губам, потом к лицу.

Викарий снова подал голос с хоров в другом конце церкви. Звук отразился от сводов и прозвучал как ружейный выстрел. Нед зажал уши ладонями, но тут же уронил руки.

– Знаете, я так и думал, что она может не прийти, – сказал он слабым голосом. – У меня было такое предчувствие как раз перед твоим приходом, Мэри. Она не смогла. Прошло слишком много времени.

Мэри рыдала, уткнувшись в рукав Далбитти.

– Возможно, ты прав, – сказала она. – Не надо мне было покидать ее. Наверно, у нее просто не хватило сил.

Нед склонился к Мэри:

– Уезжай в Париж с братом, Мэри. Они не накажут Лидди. Наоборот, пожалуй, они станут добрее к ней. Может, для тебя будет лучше, если ты перестанешь с ней видеться... – Он горько вздохнул. – Я искренне сожалею, что причинил вам боль – всем вам, я хотел освободить ее, сделать ее счастливой... – Он замолчал. – Далбитти, успокой Мэри. Поговори с ней.

– Ах, мой дорогой друг... – Далбитти вздохнул и повернулся к Мэри. – Мисс Дайзарт, дорогая Мэри. – Его глаза, обычно спокойные и

добрые, яростно сверкали. – Огромная радость видеть вас омрачена возможной неудачей. – Он обнял ее за плечи, поддерживая. Она повернула к нему лицо. – Мисс Мэри, – ласково сказал он, когда Пертви подошел к Неду, чтобы утешить его. – Дорогая...

– Нет, – ответила она. – Не надо, пожалуйста, дорогой мистер Далбитти.

– Мне хочется, чтобы я был для вас Люшес. – Он улыбнулся.

– Ой, у меня не получится. Для меня вы всегда будете Далбитти. – Она попробовала улыбнуться, но ее лицо сморщилось от горя, как у маленького ребенка.

– О, – тихо прошептал он. – Мне невыносимо видеть ваши страдания, вот и все. Я большой осел.

– Что вы? Ничего подобного! – Она улыбнулась ему сквозь слезы. – Просто сейчас я могу думать только о ней.

– Так не должно быть, – возразил он; она посмотрела на него, и у нее между бровей залегли две маленькие морщинки. – У вас должна быть ваша собственная жизнь с ее заботами и ваш собственный дом.

– Знаете, я никогда не думала об этом, – призналась она.

– Мэри, когда они поженятся, вы станете им не нужны. – Его низкий голос звучал спокойно, и Мэри невольно прислонилась к груди Далбитти, но тут же отпрянула.

– Я знаю. Знаю. Я найду другую причину, можете не сомневаться. – Она снова оглянулась на дверь в мучительном ожидании. – Боже милостивый. Какая у нас свобода? В одном я уверена, – добавила она почти яростно, – я никогда не выйду замуж. Никогда.

Далбитти стоял неподвижно, но поддерживал Мэри под локоть, чтобы она не упала.

– Джентльмены, – объявил викарий, и его голос снова прозвучал очень громко в пустом храме. – Боюсь, что я больше не могу ждать. Я и так задержался на целый час. Я нужен больному.

– Ох, нет! – Мэри снова зарыдала, прижав ладонь к губам. Все молчали, раздавленные огромной неудачей.

– Все кончено, – спокойно проговорил Пертви.

– *Вы здесь?* – Из другого конца церкви донесся тихий голос.

Нед застыл.

– Вы здесь? Да, здесь. Я не решилась зайти через главный вход, а прошла через сад в боковую дверь.

Вот она и пришла – с букетиком маргариток и красных ягод. Потом он не мог вспомнить, где она их нашла. Она шла к нему, ее каблучки громко стучали по каменным плитам, и вдруг остановилась и посмотрела на свои громкие туфли, смущенно заморгав, словно обстановка была для нее непривычной. Конечно, так оно и было.

Нед обнаружил, что он не в силах пошевелиться.

– Лидди! – закричал Пертви. – Ты здесь! Все будет хорошо! Замечательно! Замечательно!

Мэри улыбалась и рыдала, вцепившись в руку Далбитти, Далбитти и сам мог лишь взволнованно бормотать:

– Боже милостивый... В самый последний момент... Боже милостивый...

– Как я догадываюсь, это юная особа и есть мисс Дайзарт? – осведомился викарий. Лидди сжала его руку, заглянула ему в глаза и улыбнулась с таким обаянием, что он мгновенно смягчился.

– Я пришла, – сообщила она, и тут Нед бросился к ней по длинному церковному нефу, и эта дорога показалась ему самой длинной в его жизни. Наконец он подбежал к Лидди и взял ее за руку, как бы опасаясь, что она могла опять куда-то исчезнуть.

– Прости меня, любовь моя. – Она улыбнулась ему сквозь слезы. – Прошло время, прежде чем я решилась прийти. Я очень боялась... Все было так неожиданно.

– Прости, – ответил он, качая головой. – Я задал тебе непосильную задачу.

– Так и должно быть, – сказала Лидди.

Он взял в ладони ее лицо. Оно было сероватым из-за того, что она долго не видела солнца, волосы потускнели и были просто зачесаны назад, но глаза сияли, когда она пригладила юбки своего бледно-голубого платья.

– Вчера вечером отец убедил Брайант принести мне одно из моих старых платьев, – усмехнулась она. – Это был ее последний поступок.

В тот день они обвенчались, Нед и Лидди, – без колоколов, без органной музыки и цветов, но в присутствии любимых друзей и родных, впятером. В какой-то момент он посмотрел на ее похудевшее восковое лицо, на яркие голубые глаза, радостно глядевшие на него, на

ее руку, державшуюся за него, и на него нахлынуло ощущение, что впереди у него новая жизнь. Когда они вышли из церкви, Лидди тяжело повисла на его руке. Тревоги и напряжение этого дня лишили ее сил, и она споткнулась. Он испугался, что она не выдержит и лишится сознания, но она прошептала ему на ухо:

– Итак, любимый мой. У нас все только начинается.

Мэри привезла из сада тети Шарлотты лепестки роз и осыпала ими новобрачных. Ноздри Неда уловили их слабый аромат. Парень, жаривший фундук, и проезжавший на коне джентльмен улыбнулись им и приподняли в знак приветствия шляпы. Даже викарий, торопившийся к своему больному прихожанину, помахал им своей черной шапочкой.

– Да пребудет с вами благословение Господне, мои дорогие. Счастья вам обоим на всю жизнь.

– Я думаю, что мы заслуживаем счастья, правда, Нед? – серьезно сказала Лидди.

Часть вторая

Глава 13

Сентябрь

Возле Голубятни растет инжир. Твой прадед Нед посадил его вскоре после их приезда. Он любил инжир, и дерево стало для него символом нового жизненного этапа. Инжир созревает в сентябре, и он восхитительно вкусный с медом и острым сыром.

Мама любила это дерево. В летнюю жару его крона загораживала от лучей солнца стеклянную крышу Голубятни, в которой работал отец, и дарила прохладу. Теперь инжир сильно разросся, и стеклянная крыша кажется темной от густой листвы. Когда плоды начнут падать, Джульет, залезай наверх и убирай их со стекла. И в октябре тоже. Только будь осторожной и не упади.

Когда он сжег свою картину, стекло потрескалось и выпало. Дерево тоже обгорело с одного бока. Потом мама поставила новое стекло, я была маленькая и помню, как это было, и теперь круглый немигающий глаз смотрит в небо. В Голубятню поставили для меня кукольный домик. Все стало так, словно пожара никогда и не было.

Когда стареешь, то почему-то отчетливо вспоминается детство. События семидесяти-восемидесятилетней давности, давно позабытые и оставшиеся в далеком прошлом, теперь всплывают в моей памяти с хрустальной ясностью. Я непрестанно думаю о них.

Срезай головки подсолнухов. Храни их в сарае, и они порадуют тебя к Рождеству. Я потом объясню почему. А ты тем временем расслабься и жди осень. «Мое любимое время года», – говорят некоторые недоумки. Они идиоты. Осенью все начинает разваливаться. Учти это. Готовься.

- Мамочка?..
- Да, доченька?
- У меня опять неприятность.
- О'кей-о'кей. – Джульет казалось, что она уже проснулась, но, когда она вскочила с продавленного дивана и ее босые ноги встали на

гладкие доски пола, у нее закружилась голова. Подняв тяжелые веки, она увидела стоявшую в дверях маленькую фигурку и поняла, что все еще спит.

– Я нечаянно.

– Ничего страшного, доченька, – ласково пробормотала Джульет, открывая дверь спальни. – Давай переоденься... ох...

– Я переоделась. – На Айле был надет застиранный длинный сарафан, зеленый, с меленькими белыми цветочками. Он был ей слишком мал, а местами испачкан чем-то ржавым. – Я нашла это в комодке.

– Вот и хорошо. – Джульет погладила дочку по щеке, моргая при тусклом свете лампы, горевшей в коридоре. В окно соседней пустой спальни ярко светила полная луна. Джульет оглянулась на свой будильник. Два часа ночи. – Сейчас мы найдем тебе что-нибудь еще.

– Вся моя описанная одежда в стирке.

– Ну что-нибудь еще. Этот сарафан не годится. Он слишком тесен... Айла? Вернись, доченька.

Джульет пошла следом за средней дочкой наверх, в Птичье Гнездо, где устроились девчонки. Только Санди остался на ее этаже, там, где и она сама спала в детстве, в соседней комнате с резным сиденьем под окном. Под крышкой был сундучок, где Санди теперь хранил игрушки, совсем как она когда-то.

Птичье Гнездо всегда предназначалось для детей, но Грэнди поставила там перегородку, разделив его на две довольно большие комнаты. У Айлы окно выходило на Заросли, Голубятню и дорогу. Джульет считала, что Айла еще слишком мала, чтобы ночевать наверху. Она хотела, чтобы дочка спала рядом с ней, в соседней спальне, потому что с ней иногда случались такие вещи, и тогда она будила мать. Но Айла отказалась, сказав, что ей там неудобно. Захотела быть рядом с Би.

Джульет тихонько зашла в ванную и притащила полотенце и ведро с теплой водой, моля небеса, чтобы воюющие краны не разбудили Санди. Потом порылась в бельевом шкафу и вернулась к Айле. Дочка сама сняла пододеяльник и простыню и сидела у окна, поджав ноги.

– Я помыла попку и ноги, – сказала она, – но не нашла простыню.

– Их и нет, – ответила Джульет. – Они в стирке. Прости, доченька. Мне надо было все делать быстрее. Приготовить все назавтра к школе

и остальное... Иди сюда и обними меня. Все пустяки.

– Я больше не хочу спать.

– Конечно, ты нервничаешь, лапушка, первый день в школе и вообще... Но тебе надо еще немного поспать. – Айла пожала плечами. Джульет подошла к ней, но Айла отскочила в сторону.

– Все нормально, спасибо, ма. Я посплю на матрасе.

– Нет, доченька. Пойдем, ты поспишь со мной. – Джульет скомкала мокрую простыню и принялась тереть матрас мокрым полотенцем.

– Нет, *спасибо*, – тут же ответила Айла.

– Бууууу! – скривив губы, пропищала Джульет капризным детским голосом; обычно Айла с Санди покатывались от смеха, когда она так делала. – Уааааа!

Но Айла лишь глядела на мать, и ее огромные серые глаза сверкали в полумраке.

– Я не хочу спать с тобой, ма. Потому что я ненавижу тебя. Ненавижу больше всего на свете.

– Ох, Айла. Слушай, я знаю – ох, доченька... Иди сюда...

– Би права, ма. Ты никогда меня не слушаешь. – Медленно, демонстративно Айла взяла любимую кружку с мумми-троллями, которую ей подарили на день рождения, протянула руку и опустила вниз уголки рта, почти комично, хотя всем было не до смеха. – Ты делаешь вид, что все о'кей, а на самом деле... – Тут Айла разжала пальцы, кружка упала на пол и раскололась на три части. – ...На самом деле НЕТ.

– Я попробую ее склеить, ничего страшного, – сказала Джульет и подняла осколки непослушными от усталости пальцами. – Послушай, Айла, я понимаю – ты переживаешь и скучаешь по твоей старой школе, но не надо бить чашки...

– Заткнись, ма, – закричала Айла так громко, что Джульет вздрогнула. Грудь девочки вздымалась под слишком тесным зеленым сарафаном, ее круглое, словно луна, личико было воплощением горя, нижняя губка дрожала. Она схватила фотографию, которую Джульет поставила в ее комнате, – где они впятером снялись прошлым летом в Лондонском зоопарке, – и швырнула ее. Рамка с треском ударилась об угловые полки. – Я б-буду б-бросать все, пока т-ты не уйд-дешь, – заявила она. – Я б-буду, ма, я б-буду. Почему ты не привезла простыни,

когда ездила без меня в Лондон к папе? Раз у тебя нет новой простыни, тогда уйди и оставь меня в покое, пожалуйста. Я ненавижу теб-бя и буду это повторять.

Она уже плакала, и слезы лились по маленькому личику. Джульет снова пошла к дочке, широко раскинув руки, словно пыталась поймать цыпленка или овцу. Она обняла дочку, а та вырывалась, била мать, царапалась, раскрыв в ярости рот, и из него вырывался пронзительный вой. Джульет прижала ее к себе.

– Прости, доченька, – прошептала она ей на ухо. – Я знаю, ты обиделась, что я не взяла тебя с собой на прошлой неделе. Но папа скоро приедет и увидится с вами. – Айла зарыдала еще сильнее, она содрогалась в руках матери. – В машине не было места, мне нужно было перевезти сюда много вещей. Папа приедет через две недели. Разве я не говорила вам об этом?

– Д-да, – всхлипнула Айла. Она застыла в руках матери, не обняла ее. – Но ты обещала в-в-взять меня домой! Я скучаю по папочке! Я хочу ув-в-видеть его. И Ясмин, и Славкуууу. Мне тут не нравится. Ма, почему я не могу вернуться домой хотя бы на один день? – Она встала на колени. – Ну, пожалуйста, мама! Пожалуйста! Пожаааалуйста!

В маленьком окошке виднелись начинавшие за садом поля. Стерня, оставшаяся после недавней жатвы, мерцала серебром при лунном свете. Джульет закрыла глаза.

– Папочке нужно разобраться с вещами в нашей квартире.

Айла пошевелила плечами и вдруг испуганно спросила:

– Почему он разбирается с вещами? Он хочет ее продать?

– Я... нет, доченька.

– Я буду послушной. Я просто посплю в уголке в моей комнате. Тихо-тихо. Я не буду ему мешать.

Она уже немного успокоилась в руках Джульет, грызла большой палец и крутила прядь волос. Вид у нее был усталый.

– Завтра ты в первый раз пойдешь в новую школу, – сказала Джульет, стараясь покрепче прижать ее к себе. – Давай позвоним после школы папе и расскажем, как все прошло. А потом подумаем, какое печенье ты испечешь для него, чтобы угостить его в выходные. Помнишь, как ему понравилось шоколадное с изюмом, которое ты испекла на его день рождения?

Айла кивнула и тяжело, прерывисто вздохнула.

– Д-да. О’кей.

– Чем тебя угостить завтра в честь начала учебы? Мороженым? Купить тебе журнал?

– Все нормально, ма, – сказала Айла и слегка оттолкнула Джульет. В дверях мелькнула тень. Джульет вздрогнула, подняла глаза и увидела Би – в ее майке с портретом Кейт Буш, с растрепанной шевелюрой.

– Что с тобой, Айли?

– Моя милая Би, – обрадовалась Айла и зашлепала к сестре.

Би с нежностью похлопала ее по голове и вытерла ей глаза.

– Какое у тебя классное платье. Если хочешь, поспи со мной.

– Да, пожалуйста, Би, – тихим голосом ответила Айла.

– Замечательная идея, – одобрила Джульет. – Если ты не против, Би.

Но девочки уже ушли в комнату Би, словно мать ничего им не говорила. Джульет поглядела им вслед, потом собрала в кучу мокрое полотенце, грязную простынку и захватила разбитую кружку. Заглянула в комнату Би, где валялись старинные наряды из сундуков, зеленые и оранжевые книжки издательства Penguin, которые Би где-то нашла и поглощала одну за другой, и всякие любопытные вещицы, обнаруженные в доме: сине-белая миниатюрная фарфоровая кошечка, серебряная подставка для яиц, сине-зеленая бархатная шляпка с пришитым к ней пером сойки. У Би была древняя душа, которой нравились старинные вещи, догадалась Джульет. Кто пользовался теми вещами? Когда?

Би наклонилась над сестренкой, подоткнула ей одеяло, потом легла сама. В ее усталом смирении было что-то взрослое, и у Джульет сжалось сердце. Она кашлянула. Обе дочери настороженно повернулись к ней.

– Спокойной ночи, мои милые. – Спускаясь вниз, она услышала, как Айла пожаловалась, что не сможет уснуть.

Ласковый голос Би, казалось, плыл следом за Джульет:

– Нет, можешь. Делай как я... Представь себе, что ты вернулась в Лондон. Что идешь на Парламентский холм. Помнишь, как мы пускали там змеев с папой после дня рождения Санди? Вот и иди по той дорожке. Все выше и выше. Считай шаги. Каждый шаг. Закрой глаза. Ты увидишь кусты, детскую площадку справа и дорожку... иди по ней, вот так...

Тихий голос дочки отчетливо был слышен в пустом доме.

Через пару минут она залезла под одеяло, отчаянно надеясь уснуть: после поездки в Лондон на предыдущей неделе Джульет терзала бессонница. Через некоторое время наверху все стихло, в доме тоже, но Джульет так и лежала без сна, с тревожно бьющимся сердцем, судорожно стиснутыми зубами и не могла расслабиться. И так каждую ночь после возвращения из Лондона. В пять она встала со скрипучего дивана и тихонько спустилась вниз.

Солнце уже осветило верхушки деревьев за домом коралловым и жемчужным светом. Джульет сунула ноги в резиновые сапоги и открыла кухонную дверь. Ее окружила утренняя тишина. Она подошла к заброшенному сараю и после нескольких попыток со стоном дернула на себя покосившуюся дверь. Протянула руку мимо армии пауков, достала ржавые ножницы. Не понимая, откуда это знает, она потрясла почти пустой банкой из-под льняного масла и смазала лезвия. Взяла лопату с разболтанной ручкой и вышла в сад. Остановилась возле разросшихся кустов в Зарослях и подрезала ежевику, плющ, шиповник, вьюнок и жимолость. К шести тридцати она устала, но зато теперь свет солнца увидели другие растения – лаванда и какие-то красно-белые цветы, она решила, что это сальвия. Сальвия? А есть ли вообще такие цветы? Писала ли Грэнди что-нибудь о сальвии? Если нет, надо будет почитать про сальвию.

Вот это я хотя бы могу держать под контролем, неуверенно подумала она, опираясь на лопату, покрасневшая, вспотевшая, уже уставшая. Зато она немного повеселела, и это оказалось лучше, чем лежать без сна в постели и грызть ногти. Она подумала об Эве – интересно, где он сейчас. Есть ли у него такой сад, как этот. Вспоминает ли он Соловьиный Дом. Вспоминает ли ее. Как бы ей пригодилась сейчас его помощь.

Глава 14

Когда Джульет внезапно решила в тот июльский день увезти из Лондона детей, хотя перед этим отменила заявку на фургон, она была вынуждена оставить большую часть вещей. Кое-что она захватила – столько, сколько уместилось в машине, но в дождливые недели лета и в начале золотой осени она поняла, что детские книжки и игрушки добавят дому немного уюта. Тем более что с 10 сентября, со среды, у девочек начнутся школьные занятия – у Би в Уолбрукской женской школе, у Айлы в начальной школе в Годстоу, а Санди пойдет в детский сад.

Так что она съездила в Лондон на день, оставив детей под присмотром миссис Бидл. А чтобы привезти как можно больше детских вещей, Джульет даже наняла большой вэн на единственном в Годстоу предприятии – бетонной площадке размером три на четыре за пекарней рядом с мусорными контейнерами.

В одиннадцать часов она приехала на Далси-стрит.

Как только ее ключ повернулся в замке и открылась входная дверь, Джульет заметила перемены в доме. Там пахло по-другому, да и сам воздух показался ей другим.

Медленно пройдя по коридору, Джульет нахмурилась, увидев детские кроссовки. Она не узнала их. На лестнице исчезли фотографии, остались лишь более темные пятна. На двери спальни Би детской рукой было написано прямо на краске:

ЭТО ТЕПЕРЬ МОЯ КОМНАТА – НЕ ВХОДИТЬ!

Джульет протерла глаза – ей начинало казаться, что все это ей снится. Мелькнула мысль: Мэтт все переделал, готовясь к приезду детей. Он купил им новые кроссовки! Тут она зашла в комнату Айлы.

Вещи ее детей лежали в углу в открытых мусорных мешках. Приглядевшись, она поняла, что одежду просто вытряхнули из ящиков, не складывая. Игрушки были свалены в огромные полотняные сумки на молнии, Лего, Дупло и Плеймобил смешались с книжками

«Леди Бёрд», ручками, карандашами, бумагой, красками и маскарадными костюмами. Такое впечатление, что в дом нагрянули грабители и покидали в мешки все, что лежало на полках. Одна дужка запасных очков Би отломилась и валялась среди флакончиков и коробок из ванной. Маленькая стопка первых детских вещей, которые Джульет хранила, не зная, что с ними делать, но рука не поднималась их выбросить (крошечные башмачки и вязаная распашонка – подарок матери Мэтта из Италии), была туго скомкана и засунута в пластиковый пакет. Джульет даже показалось, что она ощущала ярость особы, сделавшей это.

В комнате Санди стояли новенькая икейская кровать, задрапированная свисающими с потолка занавесями в стиле «бьюти», и комод с лестничной площадки, где лежала одежда другого мальчика. Игрушки Санди были свалены в углу и, словно пряча их от глаз нового жильца, накрыты его старым одеялом, которое родители Джульет когда-то прислали из Франции.

Так Джульет обнаружила, что Тесс с детьми перебралась к Мэтту из дома ее мужа.

– Ты сказала, что приедешь в четверг. – Мэтт стоял, вцепившись рукой в дверной косяк. Он приехал с работы после звонка Джульет. От гнева и удивления она почти лишилась дара речи.

Вся дрожа, Джульет сунула ему под нос телефон.

– В среду. Вот мое сообщение. Гляди. *Гляди*. Так – если бы я приехала завтра, всего этого баракла тут бы не было?

– Я хотел позвонить тебе сегодня. Объяснить. Да, я бы тут немного... прибрал. – Он сразу смутился, ходил за ней из комнаты в комнату, смотрел, как она складывала книги и игрушки в мешок для мусора. – Ей нужно было их срочно разместить.

– Ей? Я полагаю, что ты говоришь о Тесс, твоей любовнице? Той самой, с которой ты трахаешься восемь месяцев или больше, я точно не знаю? – сказала Джульет. – Ей хватило времени, чтобы заказать новую икейскую кроватку взамен кроватки нашего ребенка. Или это сделал ты? Но я не думаю, что у тебя было время, потому что на твоих собственных детей его так и не нашлось.

Мэтт ни разу не навещал детей после их отъезда. Он ездил к матери в Италию, а когда вернулся в конце августа, все время твердил, что «для их приезда в Лондон неподходящее время».

– Ты знаешь, что это Тесс. Не прикидывайся.

– Что ж, спасибо ей, что она все упаковала, а то я бы возилась несколько часов. Хотя мне странно – она покидала вещи и игрушки твоих детей словно хлам, а тебя это не волновало. – Теперь они стояли в их бывшей спальне. – Мои вещи меня не волнуют, но это... – Она поискала подходящее слово, держа в руке мешок. – Это так странно. Ужасно.

– Ее детям нужно чувствовать себя как дома, – заявил Мэтт. – Роберт выбросил ее на улицу, когда узнал.

– А как насчет моих детей, Мэтт? Твоих детей? Как я объясню им все это?

– Иди на фиг. Не тебе учить меня, что делать.

Джульет понимала это, с тех пор как она уехала, у нее выработалась мышечная память, она горбила плечи при мысли о Мэтте, о том, что она наделала, уехав; и это говорило ей, что она сделала ошибку. Но все не так. Совсем не так. Она слегка встряхнулась. Она перешла в комнату Айлы, держа маленькую шерстяную шапочку, в которой Би приехала домой из больницы. Дешевый ковер на лестничной площадке был вытерт до основы за годы, когда они стояли перед дверью Айлы и дверью ванной и болтали, кричали, уговаривали...

– Ты изменял мне.

– Слушай! – Он со смехом наклонился вперед. – Изменял я или нет – не имеет значения. Ты увезла моих детей, ничего мне не сказав. Ты чокнутая.

– Господи, – сказала Джульет, отбросила кончик конского хвоста, который жевала, и расхохоталась, сверкая глазами. – Мэтт. Знаешь что?

– Что?

– Ты совершеннейший идиот и козел. – Она видела, как на его лице расплзлось удивление, словно вода на промокашке. – Меня тошнит от тебя. Ты второсортный чувак. И был таким всегда. Боже мой! Как хорошо, что мне больше не надо терпеть тебя рядом и чувствовать из-за этого себя дерьмом. Все эти годы, черт побери. – Она взяла одну из сумок. – Приезжай в последние выходные сентября и переночуй в доме, иначе я расскажу им, что ты сделал. – Она улыбнулась, и ей было плевать, если после ее слов он стал ее врагом. – Господи. Да. Ты полный идиот.

Она повернулась, взяла две сумки и пошла вниз.

– Слушай, я приеду на те выходные, – сказал он, когда она закончила нагружать кузов. – Я... я не мог приехать раньше. Но как ты посмотришь на то, если в те выходные мы встретимся где-нибудь на полпути и я возьму их на день? Как ты считаешь? Мы можем побывать в зоопарке в Уипснейде или еще... – Он потер лицо.

– Нормально. А в другой раз нам придется что-то придумать, как тебе привезти их домой, когда в их спальнях живут чужие дети. – Она в отчаянии засмеялась. – Айла общительная и дружит со всеми, но терпеть не может дочку Тесс. Она считает, что она грубая и нарочно громко пукает.

– Как там они? – неожиданно спросил Мэтт. – Как Би?

– У Би все о'кей. Недавно она даже сказала мне, что ей там нравится.

Мэтт мрачно кивнул.

– Вообще-то, ты с ней никогда толком не разговаривала, – заметил он.

Она с раздражением поморщилась:

– Я постоянно говорю с ней.

– Понятно. – Он удивленно поднял брови.

– Можешь ты мне сказать вот что – знаешь ли ты о ней что-то, что, на твой взгляд, следовало бы знать мне тоже?

– Не думаю, что я должен тебе это рассказывать, Джульет, правда. – Он похлопал по кузову фургона и отошел в сторону. – Ладно, скоро увидимся, пока, – крикнул он, когда машина тронулась с места.

Проезжая по узкой улице, Джульет увидела, как Зейна высунулась из окна с вытаращенными от удивления глазами. Она с трудом переборола себя, ей хотелось остановиться посреди дороги, подъехать к ее дому, просто чтобы обняться с ней, почувствовать, что ее кто-то искренне любит. Улыбнуться ей и сказать: «Ты представляешь, что он вытворяет?»

Она надеялась, что в Соловьином Доме станет уютнее, когда она привезет туда детские вещи, но, даже когда они рассеялись по комнатам, все равно они казались чужими, инородными – пластиковые куклы, Лего и Дупло сразу потерялись, маскарадные костюмы выглядели слишком грубыми. В таком старинном доме были бы уместными более качественные вещи, например, плетеная корзина, а

не хилая икейская картонка. Там, дома – в Лондоне, у всех были такие же игрушки в их тесных квартирах. Там, в Лондоне, все и всё были одинаковыми.

* * *

– Айла, пожалуйста, кушай. Через пять минут надо уезжать.

– Но я не хочу «Чириос». Я ненавижу «Чириос». Я хочу батончики «Уитабикс».

– Ты всегда говорила, что ненавидишь «Уитабикс». Поэтому я и купила «Чириос» в честь первого школьного дня.

– Они слишком сладкие. Меня от них *тошнит*. Да, по-настоящему тошнит, мамочка. Потому что они слишком сладкие.

– Ох. Слишком сладкие. Сядь.

– О'кей, Санди. Айла, тебе нужно хоть что-нибудь съесть. День впереди длинный и тяжелый. Подумай сама, сможешь ли ты играть с твоими новыми подружками, если у тебя будет громко урчать живот.

– Мой... Ж-живот не б-будет урчать, мамочка... – Айла громко зарыдала. – Н-не г-говори так!

– Ох, доченька... – Джульет торопливо бросилась к девочке вдоль длинного стола. – Айла, миленькая, извини, я сказала глупость – Санди, не маши рукой, ты опрокинешь – НЕ НАДО, Санди! – Ох, сынок, мама нечаянно крикнула на тебя – о боже, Мэтт!..

Наступило неловкое молчание.

– Глупая мамочка, – сказала Айла. – Ты уехала от папы. Его тут нет.

Она вытерла нос великоватым красным свитшотом с эмблемой школы – дубом на белом поле. Джульет вздохнула.

Хрупкая Айла не походила на первоклассницу, ей бы ходить в детский сад вместе с Санди.

– Вы увидите с ним на следующей неделе. Он свозит вас куда-нибудь.

– Почему нам надо так долго ждать? Мамочка, пожалуйста, давай съездим домой в эти выходные!

– К сожалению, не получится, доченька.

– Потому что ты увезла оттуда все наши вещи? Я могу спать на полу, честное слово, – сказала Айла, широко раскрыв глаза.

– Доченька, мы не можем там ночевать. – Джульет отгрызла заусенец, оторвав его от ногтя. На его месте выступила крошечная капелька крови и сверкнула в луче солнца, глядевшего в окно. Она вытерла палец об уже загрязнившиеся джинсы. – Просто... сейчас там у папы поселились жильцы. Так что он встретится с вами где-нибудь по дороге в Лондон, и вы с ним весело проведете день.

– Что?

– Хотю играть в кукольный домик.

– Нет, Санди. Кушай тост.

– Не хотю тост. Хотю «Чириос».

– О господи! *Би! Доченька! Ты готова? Мы должны выехать через пять минут!* Айла, лапушка, хочешь еще тост?

– МА, Я НЕ ХОЧУ ТОСТ! – закричала Айла так громко, что даже захрипела. Потом наступила тишина, и слова эхом отскочили от стен столовой. Айла встала и зашагала к двери, стараясь, чтобы ее ноги как можно громче топали по массивному деревянному полу. Джульет выглянула в сад. Там были заметны плоды ее утренних трудов. Надо будет купить какие-нибудь недорогие луковичные. Еще она наведет порядок в сарае. Посмотрит, не остался ли в земле картофель. Потом надо будет сходить в библиотеку и завести на девочек карточки. Купить изоленту, батарейки, новые грабли. И лампочки. Проверить электрический щиток – кажется, там неисправны четыре автомата. Позвонить Онор. Позвонить матери Мэтта. Купить побольше носочков.

Санди все еще сидел за столом, размазывая мюсли по столешнице.

– Все хорошо, малыш? – Она ласково погладила его по непослушным льняным кудрям. Он кивнул, не очень понимая вопрос.

– Хотю слезть, – сообщил он, соскользнул со стула и выбежал в коридор, крича: – Айла! Айла?

Из всех детей только Санди безропотно адаптировался к жизни в Соловьином Доме. Казалось, он не замечал отсутствия отца. Джульет купила ему красные резиновые сапожки, и ему нравилось возиться в саду, смотреть, как она подрезала кусты, подвязывала растения, сажала в землю семена. Он любил забираться в Заросли, не боялся ни мышей в гостиной, ни постоянных дождей, ни одиночества в пустом доме,

населенном, как казалось Джульет, призраками, которые постоянно наблюдали за ними.

Нам всем надо брать пример с Санди, подумала Джульет и посмотрела на часы.

– Уже восемь двадцать! – закричала она. – Эй! В машину! Живо!

К ее удивлению, на лестнице послышался топот, и появилась Айла, раскрасневшаяся и сердитая, а за ней Би, тоже хмурая, босиком, одетая в новую школьную форму. Ее стройная шея и маленькое смуглое лицо с черной кудрявой шевелюрой торчали из синего свитшота, мешковато смотревшегося на ее тоненькой фигурке. Новые нейлоновые брюки, тоже синие, были ей длинноваты. Она остановилась возле лестницы рядом с Айлой, сжимавшей в руке ранец.

У Джульет сжалось сердце.

– Доченьки, вы выглядите замечательно. На вас приятно посмотреть.

Би наморщила нос и потерла лицо – знак того, что она старается не заплакать. Она натянула на ноги черные кроссовки.

– Замолчи, ма. Я похожа на тетку из паспортного контроля.

Айла смерила взглядом сестру и захлопала в ладоши:

– Нет, нет, ты похожа на того дядьку из экологической полиции, который спас морскую свинку и отдал в приют для животных. Ой, они там миленькие, помнишь шиншилл, у них двести тысяч волосков на одном квадратном дюйме, помнишь?

– Заткнись.

– Энни сказала, что в школе у Би никто из девочек не носит брюки. – Энни была внучкой миссис Бидл, и Айла очень прислушивалась к ее мнению. – Они ВСЕ ходят в юбках. Я сказала Би, а она не хочет меня слушать.

– Сейчас никто не носит юбки. Это гендерная фигня. Заткнись, Айла, о'кей?

– Айла, милая, садись в машину. Ты уже опаздываешь. У Би занятия начнутся позже.

– Я не понимаю, почему я не могу остаться дома, блин.

– Потому что мне надо, чтобы ты поехала со мной в Годстоу. Ты познакомишься там с одним человеком.

– С кем?

– Моим старым другом.

– Ну я не понимаю...

– Быстро в машину! Всем! Или я начну ругаться! Живо! – закричала Джульет. Дети вытаращили на нее глаза – две дочки в новой школьной форме, Санди в красных резиновых сапожках. Все трое стояли на солнце возле дома и выглядели совсем как дети из музыкальной семьи Траппов.

– Непривычно, когда мама кричит, правда? – сказала Айла, словно Джульет не было рядом с ними. – Она становится такой ужасной.

– Да, прям трагедия. – Би равнодушно кивнула и уткнулась в свой телефон.

Глава 15

– Я посижу в машине, – заявила Би, склонившись над телефоном, когда Джульет въезжала на парковку на Хай-стрит в Годстоу.

– Нет, – отрезала Джульет, сдвинула на лоб темные очки и схватила бабушкину старую плетеную авоську, которую нашла в кухонном шкафу. – Ты пойдешь со мной.

Она протерла глаза, чувствуя себя слегка обезумевшей или пьяной. С пяти утра она была на ногах и работала в саду. Санди кричал и плакал минут десять в своем новом детском садике, а потом она просто бросила его, оставила на попечение вроде бы приятной женщины по имени Джанет, которую Джульет прежде ни разу не видела, но надеялась, что она не детоубийца. Айла же, что, пожалуй, еще больше терзало материнское сердце, безропотно пошла в класс. Она крепко обняла Би, прижалась к ней, как утопающий к спасательному кругу. А от поцелуя Джульет увернулась.

– Пока, доченька, я надеюсь, что ты...

Айла отвернулась от нее.

– Мой папа подарил мне эти заколки... – сообщила она мисс Фрейзер возле двери классной комнаты. – Он живет в Лондоне. Я увижусь с ним через неделю. Он заберет меня из школы.

Кто-то из родителей уставился на Джульет так, словно она трехголовое чудовище...

– Пошли, – сказала Джульет и, открыв дверцу, ждала, когда Би вылезет из машины. Обняла дочку, такую взрослую в новой форме. – Пора тебе познакомиться с важным человеком.

– Хелло, Джульет, – Фредерик Паскаль посмотрел на нее поверх узких очков и аккуратно положил на стол авторучку. – А! Это, должно быть, Беатрис. Доброе утро, деточка! *Enchante*. – Он медленно встал и поцеловал руки сначала Джульет, потом Би.

– Привет, – неловко ответила она.

– Простите, что мы до сих пор не навестили вас, – сказала Джульет, обнимая его. – Я не знала точно, когда вы вернетесь.

– Мы вернулись домой четыре дня назад. И я тоже ужасно терзался, что не нанес вам визит. Тут все была какая-то суета: за шесть недель жизни во Франции я совершенно разучился управлять

бизнесом. Джордж говорит, что на будущий год мы больше трех недель не осилим. Джордж практичнее, чем я, как ты понимаешь.

– Джордж? О, конечно.

– Мой партнер. Он утверждает, что вы знакомы.

– Не уверена, – ответила Джульет. Старик пристально смотрел на нее; что-то в его взгляде нервировало ее. Она улыбнулась. – Как приятно оказаться здесь снова. Тут вообще ничего не изменилось.

Фредерик кивнул:

– Дорогое дитя. Ты тоже не изменилась. Нет, не протестуй. Ты как была, так и осталась невинной девой с картин прерафаэлитов – в огромном и скверном мире. Да-да, не спорь. – Он обвел взглядом ее растрепанные волосы, грязные, испачканные глиной и кровью джинсы, которые она не успела переодеть, застиранную клетчатую рубашку. Но Джульет все равно была польщена, впервые за долгое время. – Это так, моя дорогая, сейчас ты еще красивее, чем была в двадцать лет. – Он протянул руку под стол, и от этого давно забытого жеста у Джульет сжалось сердце. – Беатрис, – сказал он.

– Да? – Би посмотрела на него.

– Ты можешь посмотреть для меня на эти штуковины?

– Ну, вообще-то, я ничего не понимаю в старинных вещах... – торопливо ответила Би.

– Понимаешь, – уверенно сказала Джульет. – Ты блестяще разбираешься.

– Это предметы для кукольного домика, Би. Твоя мама знает, что я собирал их много лет. У некоторых, правда, не та величина или форма. Но Джульет сказала мне по телефону, что ты тоже любишь кукольный домик и у тебя прекрасный глаз. Я так рад, что домик вернулся в Соловьиный Дом. Поройся в этом ящике и возьми все, что, на твой взгляд, годится для домика, хорошо?

В его голосе прозвучала решимость, и он отдал девочке ящик.

– Конечно, – проямлила она без энтузиазма, но Джульет заметила с удивлением, как сверкнули глаза дочки, когда она заглянула в ящик.

– Большое спасибо, деточка. Я признателен тебе за помощь.

– Скажите, сколько мы вам должны, Фредерик.

Старик махнул рукой:

– Это мой подарок. Я в долгу у вашей бабушки по многим причинам. Когда-нибудь я объясню, почему и как. Но пока помолчу, уж простите.

* * *

Лавка «Паскаль & Со.» на Хай-стрит была узкой и длинной. Уличный шум затихал по мере удаления от двери. В первой комнате продавались ювелирные изделия, на выстланных бархатом лотках лежали украшения, которые носили в мочках ушей, на пальцах и шее люди, которые давно умерли. Джульет когда-то гадала, кто это был. Во второй комнате на полках стояли книги с золотым тиснением. Рядом были выложены гравюры и офорты, их можно было листать и смотреть; на стойке были выставлены старинные зонтики и трости. В глубине магазина виднелась массивная и темная викторианская и георгианская мебель: «Антиквариат, подлинники, не подделка», гласила реклама в витрине.

В пригожую погоду Фредерик выносил на улицу перед лавкой плетеные кресла, перевернутые плетеные корзинки и собачью миску. Сам он сидел в первой комнатке за своей конторкой с грессбухом и кассовым аппаратом, и за тридцать лет существования лавки в ней ничего не изменилось. Фредерик обладал хорошим вкусом, был честным и осмотрительным и благодаря этому заработал себе неплохую репутацию не только среди местных жителей. Лондонские дилеры заглядывали в его лавку по дороге на уик-энд, чтобы взглянуть на новые поступления или посоветоваться.

Фредерик жил в Годстоу с 80-х. Уроженец маленького городка в Бретани, он перебрался в этот забытый богом уголок, повинувшись своему капризу, потому что, по его словам, он любил Англию. Он стал одним из ближайших друзей Грэнди – а в конце концов одним из немногих, с кем она не спорила и не ссорилась.

Когда-то Джульет провела много счастливых минут и даже часов, прыгая вокруг лавки и в крошечном, мощенном камнем садике за домом, и знала это место как свои пять пальцев. Всякий раз, заходя внутрь лавки, она находила там еще что-нибудь чудесное, что ей ужасно хотелось купить. Нежно-голубой дорожный набор с

крошечными хрустальными флаконами для духов и розовой воды, кольдкремом и тальком. Набор фотографических пластинок с викторианским маскарадом. Крошечное издание «Истории Англии» Джейн Остин размером со спичечный коробок и, конечно, мебель для кукольного домика.

Скорее всего, не в Соловьином Доме, а в этой лавке, где Фредерик рассказывал ей об искусстве рококо, или о викторианских камнях, или о посуде от Кларисс Клифф, полюбила Джульет старинные вещи. И именно в этой лавке она, капризный подросток с длинными волосами и в широкой юбке, услышала от Фредерика, что идти вместе с толпой удобно и хорошо, но в конце концов оказывается, что лучше всего идти своим собственным путем. Он, как и Грэнди, учил ее доверять своей интуиции, своему глазу. Без его уроков она, пожалуй, ни за что бы не нашла на блошином рынке в Оксфордшире рисунок Милле, не устроилась бы работать в «Даунис» без всякого опыта работы в аукционных домах.

Фредерик повернулся, луч вечернего солнца, отразившийся в зеркале проезжавшего автомобиля, на секунду осветил его лицо, и Джульет увидела в первый раз морщины вокруг его глаз, обвисшую кожу. Снова обратила внимание, как он медленно ходит.

– Мы приятно провели лето. Две недели жили в Париже, потом в Бретани, в Динаре. Видели твоих родителей.

– Да, они говорили мне. – Джульет позвенела ключами в кармане. – Папа сказал, что вы беспокоились, не совершила ли я ужасную ошибку, перебравшись сюда.

Его губы чуть-чуть раздвинулись в удивленной улыбке.

– Я говорил вовсе не так; это либо твой отец преувеличил, либо ты сама.

– Так вы не отрицаете этого, месье Паскаль, – засмеялась она.

– Отрицаю. – Фредерик накрыл ее руку своей. – Ах, моя дорогая, как приятно видеть тебя после стольких лет. Я очень рад. Я часто вспоминал тебя и думал, как вы там устроились. Все нормально или ты уже сожалешь, что тебе в руки попала эта роскошь?

– О. Ну все это было чуточку странно. – Она помолчала и неуверенно добавила: – Я не хочу нить...

– Пожалуйста. Ты можешь поплакать мне в жилетку. Я думаю, что ты имеешь на это право.

– Ну... – Джульет посмотрела на свои руки. – Мы приехали сюда в начале школьных каникул, не зная тут никого. Мы долго обустроивались, играли в настольные игры. Это было ужасно... – Она кашлянула. – Дети выпали из своей привычной среды. Они явно были... э-э... травмированы переездом и крахом нашего брака.

Она вспомнила, как Айла однажды отказалась есть на ланч макароны, убежала под проливным дождем в Заросли и кричала оттуда: «Я хочу, чтобы ты поняла, как я ненавижу тебя и что мне не нужны твои жуткие макароны!»

– Вообще, теперь все наши вещи здесь, а дом мы изучили внутри и снаружи, сад тоже. Так что все о'кей. Но – мне снились сны о том, как они слетают с катушек. И все время шел дождь. Знаешь, в моем детстве и дождей-то тут почти не было.

– Просто у тебя память избирательная. Я вот помню, как тут все время лили дожди. Это Англия. Атлантика рядом. Я помню, как вы с Эвом устраивали в доме невесть что, когда не могли выйти на улицу, а твоя бабушка не знала, чем вас занять.

– О!

– Память всегда обманчива, моя милая.

Она хмуро кивнула:

– Ох, вы правы. Я думала, что приеду в деревенскую идиллию, но, конечно, получилось все не так. Неплохо, в общем-то, но не так, как я мечтала. – Она грустно улыбнулась. – Кроме того, у нас маловато мебели, а сад превратился в настоящие джунгли. Пока что мы просто привыкали к Соловьиному. Детям было тяжеловато. Санди нормально приспособился, ему два года. Айла ужасно грустит. А Би... – Джульет понизила голос. – Мне кажется, Соловьиный – как раз то, что ей нужно. Но я знаю, что она не говорит мне многих вещей. Вообще, детям тут предстоит еще ко многому привыкнуть.

– К огромному количеству вещей. Я потрясен твоей храбростью, с которой ты справляешься с проблемами. Вот уж не ожидал – молодец!

Ах, как приятно быть искренней! Джульет улыбнулась в добрые глаза Фредерика и поставила локти на стол.

– Знаете, иногда я просыпаюсь утром, слышу шум дождя, понимаю, что надо прожить и чем-то заполнить еще один день, и удивляюсь всему, что я натворила.

– Твои дети что, не играют в игры?

– Не очень. Им нужен wi-fi, – Джульет пожала плечами, стыдясь за своих лондонских детей, которые скорее будут сидеть дома вместо того, чтобы бегать на улице, ловить бабочек, рвать цветы. – Вот я и говорю, если они привыкнут к здешней жизни... – Джульет оглянулась на звук голосов. Би болтала с каким-то незнакомым человеком в конце лавки. Слышался ее смех.

– Они обязательно привыкнут. Только нужно время.

– Да. Но мне хочется как-то заставить их понять одну вещь. Что я сделала это для них, не только для меня.

– Правда?

Она слегка задумалась.

– Я надеюсь на это. Я считала, что делала это ради них. Будучи матерью, ты постепенно перестаешь понимать, что лучше для них и что лучше для тебя. Начинает казаться, что это одно и то же.

– Не все матери так считают, Джульет.

– Что ж, пожалуй, я не образцовая мать. Но я чувствовала, что, вернувшись сюда, я сделаю так... все станет лучше. Вы наверняка меня поймете. Все дело в доме. Знаете? Я выхожу утром в сад с чашкой кофе, вижу бабочек и стрекоз над клумбами, вечерами слушаю пение птиц в кронах деревьев, и у меня оттаивает душа. Тут свободно дышится. Так что я поступила правильно. А дети нашли мои старые маскарадные костюмы, старые книжки; в солнечные дни они часами играют в саду. Они обосновались в Голубятне. – Джульет говорила и кивала сама себе, а Фредерик смотрел на нее. – Одно время я даже думала, что это с моей стороны эгоизм и проявление слабости. Я так испугалась, Фредерик. – Она помолчала. – Все переменялось, когда я решила приехать сюда. Но знаете что? Я чувствую себя так, словно я вернулась домой. И для детей, по-моему, это правильное место. Странно, но я знаю, что это так.

– Здесь и вправду твой дом, – тихо подтвердил он, но в его глазах была печаль. – Как бы то ни было, но это так.

Джульет колебалась, пытаясь понять его.

– Да...

– А как ты сама-то? Ты рассказала мне о них, но не о себе.

– У меня все нормально. Мне грустно. Им всем грустно. Но это приходит волнами. Знаете, когда слушаешь песню о любви. Или крутишь головой и смотришь на электропроводку, я чувствую себя

подавленно. Все взаимосвязано. – Она сцепила пальцы. – Пожалуй, я не жалею, что рассталась с Мэттом. Мне просто грустно. Грустно, что у нас ничего не получилось. Я слышу, как другие пары любят друг друга, по радио, по телику, в Фейсбуке, и мне хочется рыдать от жалости к себе. Разве это не слабость? А потом я злюсь на себя за то, что не смогла поставить себя так, чтобы он уважал меня. За все эти годы. – Она посмотрела на Фредерика, машинально крутя в пальцах прядь волос. – Я потеряла себя как личность в данный момент. Я растеряна. И от этого мне грустно.

Фредерик накрыл ее руку своей. Би о чем-то спорила с незнакомцем в дальнем конце лавки громким от восторга голосом.

– Нет! – услышала Джульет. – Он никогда так не говорил.

– Извиняюсь за бестактность, – сказал Фредерик. – Но ты можешь себе позволить в финансовом плане жить здесь? Твои родители беспокоятся...

– Да, слава богу, мне выдали плату за шесть месяцев, но мне надо как можно скорее начать поиски работы.

– Этот дом требует внимания.

– Внимание! Когда Грэнди оставила мне Соловьиный Дом, он был, вероятно, в лучшем состоянии, чем сейчас. Он абсолютно сжирает деньги... – Она провела ладонью по лбу. – Просто ужасно.

Пришли поквартальный счет за газ и счет за ремонт освещения на кухне и за странно подключенную электрику. Она купила новую садовую мебель, потому что старая сгнила. Она не сомневалась, что у Лидди и Неда стояли на террасе дорогие и добротные дубовые стол и стулья, но она купила по каталогу «Аргос» пластиковый стол и четыре стула мутно-зеленого цвета, загадочно обозначенного как «зеленый барбадос».

– На днях я починила водостоки изолентой. Специальной, темно-зеленой.

– Это весьма впечатляет.

– Да. Но я хочу, чтобы все было как надо, – сказала Джульет. – Я не хочу пластиковую мебель и изоленту. Но потом я сказала себе, что это мой дом и что мне не надо беспокоиться об этой чепухе, что я буду жить там еще годы и годы.

– Ну совершенно правильно. Теперь о другом: у меня есть комод, очень неплохой, и каркас кровати, если тебе нужна новая кровать. Есть

два кресла и стулья к обеденному столу, еще софа. Может, ты окажешь мне огромную услугу и возьмешь все это в Соловьиный? Я вздохну с облегчением, сбыв эту мебель с рук. – Он вырвал листок из блокнота и протянул ей: – Вот тут все. Джордж привезет мебель завтра. Хорошо?

– Джордж?

– Мой бойфренд. Я уже говорил.

Джульет протерла глаза.

– Извините, да, конечно.

– У меня стало ужасно плохо со слухом. Гляди-ка, он уже тут. Джордж!.. А-а, я вижу, он разговаривает с Би. Джордж! – позвал он. – Иди сюда и познакомься с Джульет, внучкой Стеллы, как тебе известно.

Из тени появился угловатый, нескладный мужчина старше Джульет лишь на несколько лет. Его рыжеватые, подернутые сединой волосы были коротко подстрижены, серые как кремль глаза обрамлены густыми черными ресницами. Они поглядели друг на друга.

– Привет, – сказала Джульет. – Мне кажется, что мы где-то уже встречались. Может быть такое?

Джордж ответил ей сухо, со слабым шотландским акцентом, который она уже слышала и раньше.

– Да, я видел вас в тот день, когда вы приехали с детьми в ваш дом. Я проезжал мимо и предложил вам свою помощь.

– Я...

– Вы накричали на меня. Кажется, даже показали мне средний палец.

– О... да... – пробормотала Джульет, все еще всматриваясь в его лицо. – Значит, мы тогда?.. Вы абсолютно правы.

Джордж засмеялся.

– Приятно познакомиться с вами по-настоящему, – сказал он и пожал ей руку. – Очень приятно, что в деревне появилась свежая кровь. А вот эта девочка... – он обнял Би за плечи, – ...она очень славная. Хотя у нее какие-то безумные представления о Боуи.

– Маме нравится АВВА, – с презрением сообщила Би. – Я сама открыла для себя Боуи.

– АВВА – неплохая группа, – возразил Джордж. – А «За день до того, как ты пришел» – вообще одна из лучших песен за последние

тридцать лет.

– Вот, я тоже так говорю! – обрадовалась Джульет. – Господи. Молодец, Джордж. Наконец-то.

Би сверкнула глазами и улыбнулась им.

– Спасибо, что вы позволили мне посмотреть это, – сказала она, возвращая Фредерику ящик.

– Я сделал это с радостью. Надеюсь, ты выбрала там что-нибудь для кукольного домика?

– Я бы с удовольствием...

– Нам пора ехать в твою школу, Би. А перед этим мне надо кое-что купить, – сказала Джульет.

– Вы уже уходите? Так быстро? Вы вернетесь?

– Вы от нас так легко не отделаетесь, – ответила Джульет.

– Я уверен, что вам надо еще о многом поговорить, – медленно проговорил Джордж и посмотрел на Фредерика: – Не так ли, Фред?

– Это может подождать до другого раза. – Фредерик медленно встал и вышел из-за стола, взял Джорджа за руку, переступил с пятки на носок и стремительно выбросил их руки вперед. Джордж с энтузиазмом зааплодировал.

– Он еще выиграт конкурс «Стриктли», вот увидите, он суперский танцор. Слушайте, возвращайтесь быстрее.

– Спасибо. – Джульет, после некоторых колебаний, повернулась к Фредерику: – Я так рада, что вы вернулись и что я повидала вас. Спасибо, что вы выслушали меня.

– Я сделал это с удовольствием, – ответил Фредерик, провожая ее. – Между прочим, тебя искала мать Эва. Онор вернулась с Ямайки. Хочет приехать к вам на чай.

– Я позвоню ей. Она второй человек, которого я тут знаю. Нет, третий, – поправилась она, взглянув на Джорджа.

– Ах, Джульет, ты просто упорно отказываешься запоминать меня, не так ли? А кто такой Эв?

– Мой лучший друг. – Джульет улыбнулась. – Он... ох, я не видела его уже двадцать лет.

– Джордж, это сын Онор Эйдэр. Мы с тобой обедали у них в доме. Вернее, в амбаре. Брайен – ее муж. Юрист. Он уроженец Ямайки. Она там росла...

– А-а, марокканские плитки, – сказал Джордж, щелкнув пальцами. – И потрясающий сад.

– Да-да, это ее дом. Эв – ее сын. Они с Джульет играли в детстве. Ты видел его, кажется, на прошлое Рождество, когда он приезжал сюда.

– О... да, – отозвался Джордж неопределенным тоном. – Я вспомнил его. – Джульет чувствовала на себе взгляд Джорджа и подумала, что он мог заметить, как она порозовела.

Они стояли на улице. Ей кивнула одна из родительниц из класса Айлы, которую Джульет запомнила этим утром, приятная женщина в юбке, возможно, от Boden.

– Привет.

– Привет, – с улыбкой ответила Джульет.

– Я только что заходила в класс, отнесла Эмили ингалятор, – торопливо сообщила она. – Ваша дочка очень весело играла с ней. Я просто подумала, что, может, вам будет интересно это услышать.

– Ой, спасибо большое. – Джульет была готова схватить эту незнакомку за грудки и расцеловать. – Как это любезно с вашей стороны. Спасибо! До встречи. – Все смотрели, как Джульет неистово помахала ей вслед, когда она исчезла в дверях кооператива.

– Четвертая персона, которую я знаю, – сказала Джульет, повернувшись к Фредерику и Джорджу. – Она приятная. Правда, она приятная?

Джордж взглянул на нее, подняв брови.

– В твоей реакции чуточку сквозило отчаяние, – сказал он с легкой улыбкой.

– Да, – поддержала его Би. – Успокойся, ма.

Когда Джордж и Фредерик вернулись в лавку, Джульет услышала голос Джорджа:

– Надо было сказать ей.

Фредерик скрылся за дверью, но она успела увидеть, как он пожал плечами.

Джульет некоторое время смотрела им вслед, а потом, спохватившись, взглянула на часы.

– У нас еще полно времени до начала твоих уроков, – сказала она. Би кивнула, и Джульет с радостью отметила, что лицо дочери уже не такое бледное, как раньше. – Ну и ну, – пробормотала она, нарочито

роясь в сумке, чтобы скрыть нахлынувшие эмоции. – Старина Фредерик. Вот уж никогда не знала, что он гей. Какая я наивная.

– Серьезно? – спросила Би.

– Ну я просто думала, что он асексуал. – Джульет нащупала в кармане ключи. – Знаешь, бывают такие люди.

– Ерунда, так не бывает. Каждый хочет кого-то. – Би грызла ногти.

– Неправда.

– Правда. Желание – врожденное свойство. Это типа биологический механизм.

– Правда? – неуверенно спросила Джульет. – Неужели? – Она просто не могла вспомнить, когда в последний раз испытывала желание. Она хотела много чего, но не близости с другим человеком. Хотела дом с хорошей крышей, которая не течет, сад без колючих зарослей и хороший ночной сон для себя и для детей.

Глава 16

Октябрь

Когда ты в октябре приезжала ко мне на каникулы, помнишь, что мы делали? Мы сортировали яблоки – отбирали красивые, а остальные шли в переработку. Но Эв лопал все подряд. Он был дитя природы, твой Эверетт, сгусток энергии. В младенчестве он никогда не спал. Онор приходила с ним по выходным в семь утра. Зато ты – ты была словно заколдованная принцесса. Ты все время спала.

Собери яблоки. Храни их в деревянных лотках в Голубятне, там темно и прохладно. Следи, чтобы плоды не соприкасались, иначе они побьются. Собери айву с дерева возле ручья. Из айвы, сваренной с сахаром, получается восхитительный джем, который вкусно есть с сыром. Твой ребенок – КАК ТАМ ЕЕ ЗОВУТ – может несколько месяцев есть эти яблоки – у нас сорта рассет и ренет бленгеймский.

Я не помню ее имени, я старая и иногда не помню даже себя. Прости.

Что еще. После первых заморозков убери георгины, срежь их и положи на зиму в оранжерее в песок или золу.

Посади в оранжерее в маленьких горшочках душистый горошек.

Ты должна подрезать сад к зиме садовыми ножницами. Подрезай, не бойся. Летом ты будешь вознаграждена.

С наступлением октября погода переменилась. После почти непрерывных августовских дождей пришло мучительное тепло и наступила золотая осень с ее насыщенной и драматичной цветовой палитрой. Дни заметно шли на убыль. Второго октября термометр на наружной стене дома возле кухонной двери показал 25 градусов. На улице, среди последних подсолнухов, они съели домашнюю пиццу, которую Джульет приготовила на старом гриле. Айла и Санди носились по Зарослям и играли в прятки, а Джульет сидела и смотрела на них, на птичек и на порхавших на лужайке маленьких бабочек-голубянок, формой похожих на сердце. Возле ступенек и изгороди

цвели кружевные ярко-розовые маргаритки, среди зеленоватых и серых камней виднелись кораллово-красные ягоды земляники, последние в этом году. Налились соком румяные яблоки.

Би сидела в Голубятне, куда отнесла кукольный домик, к недовольству Санди – он хотел, чтобы домик стоял в его спальне. Там она делала домашние задания. Глядевшие на север окна все еще достаточно хорошо освещали комнату. На остальных стенах Нед своими руками сделал полки; в Голубятне фактически все сделал он, а не Далбитти. В темном углу стоял старый мольберт, которым он редко пользовался; обычно он писал свои большие полотна на старой деревянной детской колыбельке, прислоненной к стене. Она была забрызгана краской. Вся комната была в пятнах краски – мазках, кляксах и лужицах, затвердевших с годами.

Джульет не последовала совету бабушки насчет подсолнухов; лето было таким ужасным, что они зацвели слишком поздно. Но про инжир она помнила. Би любила инжир и могла съесть сразу штук пять. Все трое детей ловко научились выискивать спелые плоды. У Би в Голубятне стояла целая миска на столе, на котором Нед когда-то держал краски и кисти; его полукруглая сторона точно вписывалась в плавный изгиб стены.

В один из таких теплых дней, когда над пурпурной сальвией слышалось ленивое жужжание пчел, к ним на чай приехала Онор, и ее заставили отнести в Голубятню один из последних даров Фредерика.

– Я не понимаю, почему Джордж не мог вам помочь, – ворчала Онор, дергая на себя крутящееся офисное кресло эпохи 80-х, которое задело ножкой за камень. – Эта дорожка в ужасном состоянии. А-а, я вижу, что георгины и астры у вас сильные. Гляньте-ка на эти желтые. И вон на те красные. Старая хозяйка была бы рада, что Уолкеры их сохранили.

– Да, – согласилась Джульет. Сама она катила маленькую полку на тележке, которую оставил Джордж. – Я совершенно не знаю, что делать с георгинами, а ты знаешь?

– Вот мы и прибыли на место преступления – ой, да тут у вас очень приятно. – Повернув кресло, Онор втокнула его в Голубятню, потом взъерошила свои короткие светлые волосы. – Выкопай клубни, присыпь землей или песком и храни. Милая, мне пора идти. Брайен сегодня уезжает, и я хочу его застать. Привет, Би!

– Привет, Онор. Рада видеть вас снова.

– Когда ты видела Онор? – удивилась Джульет, когда Би с довольным видом села в офисное кресло и начала крутиться.

– О, с Джорджем.

– С Джорджем? Давно?

Онор обняла девочку.

– Что давно? Я сажала георгины? Я их ненавижу. Слушай. Я была очень рада повидаться. Как замечательно, что ты так решила. Я дам твой телефон Эву, можешь задавать ему любые вопросы про сад, если не дозвонишься до меня. Он хочет снова быть с тобой на связи.

– Правда? Как он там?

Онор закатила глаза и покачала головой:

– Он все такой же. Ему необходимо повзрослеть. Хотя в чем-то и чудесно, что он остался большим ребенком. Но его старушка мать считает, что он должен быть более подготовленным к будущему. Уже сейчас. – Она позвонела ключами в куртке. – Когда он летом придет, спросишь у него все, что тебя интересует, но его можно спрашивать о чем угодно, он профессиональный садовник и вообще...

– Фредерик сказал, что это ты научила Эва всему, что он знает.

– Да, но такова участь матери – учить детей, чтобы потом их потерять. – Впрочем, Онор сказала это с улыбкой. – Тудл-лу, Джу, милая, я еще приеду к вам, если пустите. Обними всех твоих детишек...

Джульет смотрела вслед машине. Забавно, что кто-то, например Фредерик, постарел, а Онор казалась точно такой же, как двадцать лет назад, если не моложе. Джульет и то чувствовала себя уже пожилой женщиной. Онор росла тут и в детстве дружила с отцом Джульет. Она работала врачом, всегда искрилась энергией, была открытая, прямая, веселая, и это располагало к ней пациентов. Джульет услышала, как машина выехала на шоссе, и подумала, как мало всего она могла рассказать Онор.

Би все еще крутилась в кресле, когда Джульет вернулась в Голубятню, ее ноги проскребли по каменной полке, которая шла по одной стене студии. На голову она накинула капюшон.

– О, это классно. Спасибо, ма.

– Джордж купил его.

– Он лапушка. – Она снова покрутилась. – Мне нравится Джордж. Знаешь, он видел в Глазго Боуи. Бери инжир.

– Спасибо, немного погодя. – Джульет залезла на высокий карниз антресолей и стала искать буклет, посвященный творчеству Лейтона; там была ее статья, написанная на ее первой работе в издательской группе галереи «Тейт». Она решила, что будет полезно перечитать ее. Даррил, ее старый приятель из «Даунис», прислал ей сообщение, что музею «Фентиман» в Оксфорде, с его коллекцией набросков Хорнера, возможно, потребуется сотрудник. «Место для тебя, пожалуй, идеальное, если бы не тамошний новый руководитель, которого ты ненавидишь. Согласна?» – написал он. Прочитав эти строчки, Джульет поморщилась. Ну, о ненависти нет и речи, это уж чересчур, подумала она. Но то, что она терпеть не может Сэм Хэмилтона, – это факт.

После продажи эскиза к «Саду утрат и надежд» он иногда мелькал в СМИ – на радио, в третьесортной передаче «Что я читаю на досуге», в газетках, где никогда не порекомендуют что-то приличное, например книгу из серии «Вираго – современная классика», которую Джульет пропустила, или забытую ею Джорджетту Хейер. Как и ожидалось, Сэм Хэмилтон сказал, что книга, которую он купил, вероятно, в каком-то претенциозном месте, вроде Микронезии или Еревана, – это перевод новой эпической поэмы итальянского поэта, состоящей из 30 стансов, о смерти Европы, увиденной глазами умирающего быка. Он даже напечатал в «Таймс» в колонке «Вопросы&Ответы» короткую заметку: «Сэм Хэмилтон, новый директор музея „Фентиман“ и в свои 40 лет один из самых молодых директоров художественных галерей в Англии. Разведен, живет один в Оксфорде». На вопрос «Что вас больше всего разочаровало?» Сэм Хэмилтон ответил: «Социальные *media*, заявленные как средства демократизации, но на самом деле распространители нарциссизма и изоляции».

Претенциозный идиот. Твиттер поиздевался над этим заявлением, как и следовало ожидать.

Как и многие историки искусства, Джульет устала от новых директоров, которые приходят в галерею с намерением оставить свой след в приличной, хорошо налаженной работе и делают что-либо идеологически правильное, скажем, перевешивают все экспонаты в алфавитном порядке или по темам. Она не могла понять, каким стал теперь Сэм Хэмилтон, поскольку знала его. Тогда, в Оксфордском

колледже, он казался одним из тех людей, какие подходят к тебе и объясняют, какие они умные. В *Оксфорде*. Но все-таки это был единственный музей в пределах транспортной досягаемости от нее, куда она могла бы ездить на работу, и она была вынуждена написать Сэму... Интересно, думала она при этом, носит ли Сэм Хэм и сейчас майки с бритпоп-группами из 90-х? В маленькой заметке из «Таймс» не было его фотки.

– Ну как, нашла свою книжечку? – спросила Би, снова раскладывая на каменной поверхности свои книги и компьютер.

– Нет, – вздохнула Джульет, осторожно слезая вниз. – Там наверху полно яблок. Ты следи, чтобы младшие не залезли туда и не спихнули их. Поняла?

Би поежилась в своем новом кресле, и ее хорошее настроение испарилось.

– Конечно, прослежу, я не тупая. Ма, можно Голубятня будет моей? Только моей? Пожалуйста!

– Хм... посмотрим. Зимой тут очень холодно, – ответила Джульет, все еще думая о Сэме Хэмилтоне и о грядущих счетах за обогрев при таких старых окнах.

– Я знаю, знаю. Я нашла старый кашемировый джемпер твоей бабушки. Он был упакован в пластиковый мешок, так что ни одна моль не добралась, умно, правда? И мы могли бы... может... мы могли бы провести сюда электричество? Чтобы тут у меня был свет и радиатор?

– Мы посмотрим. Когда у меня найдутся лишние деньги. В Голубятне будет холодно, и ты едва ли захочешь оставлять здесь на ночь компьютер.

Би скрестила на груди руки и нахмурилась.

– Разве ты не говорила, что тут безопасно? Разве не ради этого мы сюда переселились?

– Тут безопасно, точно безопасно, но компьютер может замерзнуть за ночь. Так бывает.

– А-а. Ну тогда я разожгу огонь. Так ведь делали в старые времена, правда?

Джульет с сомнением смерила взглядом старинный золотистый камень дымохода. По сути, Голубятня была задумана как банкетный домик, где гости отдыхали после ужина, ели лакомства и слушали музыку; она единственная сохранилась от величественного

елизаветинского особняка, на месте которого был построен Соловьиный Дом.

– Бог знает, когда трубу чистили в последний раз. Я что-то не помню, чтобы Грэнди вообще зажигала очаг.

– Но разве не здесь был большой пожар, в котором сгорела та картина?

– Да, ты абсолютно права. Но огонь был не в камине. – Джульет показала потертым носком кед «конверс» туда, где стояла, на багровое пятно на каменном полу. – Вот след от огня. На этом месте. – Они молча посмотрели на пятно. – Я как-то побаиваюсь жечь тут огонь. К тому же у нас нет денег на дрова.

– «У нас нет денег на дрова, отец, а малыш Тим ужасно кашляет». Ой, ладно тебе, ма.

Джульет невесело засмеялась.

– Дрова дорогие. Вот надо срубить деревья, распилить, нарубить, высушить. Мы не смогли это сделать из-за дождя... – Би сердито фыркнула, а Джульет мягко добавила: – Знаешь, мне тяжело это говорить.

Би повернулась на кресле лицом к матери.

– В этом дурацком доме мне нравится только Голубятня, но ты, конечно, хочешь отобрать ее у меня.

– Да. Да, конечно. Я и живу только для того, чтобы портить тебе жизнь.

Би крутанулась от Джульет. Спокойным тоном она сказала:

– Ты все шутишь. Ты делаешь вид, что все нормально. Я хочу поговорить с тобой, а ты все превращаешь в шутку. Но мне иногда не до шуток.

– Я вынуждена шутить, иначе...

– Что?

– Я вынуждена. – Джульет снова посмотрела на темное пятно на полу. – Ох, Би. Скажи мне, о чем ты хочешь поговорить. Давай поговорим. О чем угодно.

– Нет, все о'кей. Мне некогда, я занята. Пожалуйста, ма, ты можешь оставить меня в покое? – Она повернула к матери голову и одарила ее веселой улыбкой. – Спасибо. Вот, возьми твою книжку.

Глава 17

Привет Джу. Слышал ты вернулась в гнездо как дела?

Я сейчас на ямайке но летом появлюсь.

Будет здорово повидаться. Эв

Привет Эв. Так здорово получить от тебя письмо!

Твоя мама сказала ты теперь садовник, это так классно! Ты сможешь мне когда приедешь, как ты помнишь тут все заросло...

Напиши мне что ты хочешь знать

Что мне подготовить к зиме? Я тут прочла что мне надо кучировать. Я не знаю что это такое. Еще Грэнди велела срезать георгины но не объяснила как. Короче не знаю что делать к зиме

Мульчировать а не кучировать глупый автокорректор

Не парься насчет мульчирования-кучирования это подождет до будущего года J

Георгины подрежь оставив 3–4 дюйма стебля и храни в прохладном и сухом месте в песке. Что еще?

На Заросли страшно смотреть листья гниют и воняют сейчас почти ноябрь там вся земля в слизи

ОК Отгребь листья сколько сможешь. И на траве, так как листья на траве не пропускают к ней свет. Подрежь листву. Возьми дешевые луковицы, гиацинты / нарциссы / анемоны / крокусы посади всюду где можешь. Оставь землю открытой для

воздуха не накрытой прелой листвой. Честно если ты потратишь 10 мин сажая луковицы ты будешь рада в ян / фев.

до встречи

Что-то из этого я уже сделала, ты мне очень помог, спасибо! Как у тебя дела?

Мэтт и Джульет встретились в заведении, которое тогда именовалось «Бар/Клуб», сразу после новогодней полуночи. Наступил 1999 год. Где-то в глубине клуба громко играл Принц, им подали коктейль «Космополитанс» за 99 пенни, и если кто-то из них и понял, что начало получилось очень даже хреновое, они никогда не говорили об этом. Они никогда не вспоминали, что в баре было оглушительно громко и жарко, что они напились и спали друг с другом в ту ночь, а на следующий день ничего не помнили. Не вспоминали они и то, что по дороге домой кто-то из них сблевал и что на следующий день они не могли вспомнить имена друг друга. Они все переиначили, как водится, приукрасили миф, чтобы он соответствовал тому, что было дальше.

После помолвки беременная Джульет вернулась в тот бар, ядовито-розовое сооружение на Фулхэм-Бродвей, и сфоткала его, а снимок повесила в рамку вместе с обложкой «Таймс» от 1 января 1999 года, где подробно говорилось, что через три года Британия перейдет на евро. Это висело на кухне на Далси-стрит, и они могли потом рассказывать детям, что познакомились там-то и тогда-то.

Зачем им понадобилась такая мифологизация, Джульет потом не могла и объяснить, но Мэтт был одержим символикой и внешним декором: персональными рождественскими карточками, семейными портретами в серебряных рамках. Джульет, росшая в окружении символов и старины, не ставила их ни в грош. С первых дней он смеялся над ее нетребовательным отношением к жизни, но так и было; ей не нужно было ничего из того, что девушке полагалось требовать от ее бойфренда: букеты цветов, подарки ко дню рождения, поездки на выходные. Ей нравился Мэтт; нравилась его внешность; нравилось, как он смотрел на нее, словно никогда не встречал таких, как она. Он наматывал на руку ее волосы и с улыбкой тянул ее к себе; секс был потрясающим, долгим, удивительным, они оба погружались в

блаженство и услаждали друг друга. Он был неистовым, страстным, насмешливым и до смешного традиционным; такого, как он, она еще не встречала, в нем забавно смешались Италия, откуда была его мать, и графство Кент, где он рос. Он обезьянничал, подражая тогдашнему урбанистическому стилю, обожал бритпоп, барахло от Propertyys в духе 90-х – мопед, мужская сумка, твидовая кепка и граммофон. Среди его пластинок была старая, 78-го, где Одри Хэпбёрн пела Moon River. Песня эта звучала в ту первую их ночь и месяцами каждую ночь, когда Джульет оставалась у Мэтта. До сих пор, слушая вступительные аккорды и этот грустный голос, она невольно вспоминала тот странный, счастливый восторг тех первых холодных зимних недель.

Но как-то вечером, вскоре после ее переезда в квартиру Мэтта в Камдене, Джульет посмотрела на фотку «Бар/Клуба», висевшую в крошечной кухне, и, не подумав, сказала вслух:

– Странно, правда? У нас с тобой все не так, как у Гэва с Лайзой или у Тома с Джем.

Мэтт наводил порядок после обеда, аккуратно закрывал упаковку «орекъетте». Джульет смотрела, как он пригладил ее, положил в килнеровскую банку и аккуратно поставил в полку рядом с другими макаронами. Она рассмеялась, когда увидела в первый раз, как он это делал, мало понимая, как это всегда бывает, что прелестное чудачество впоследствии окажется предвестием большой трещины в их отношениях. Джульет считала, что можно просто открыть дверцу, бросить на полку пакет макарон, а если он упадет, то что ж – макароны сухие, не то что мягкий сыр.

Он поднял на нее глаза:

– Ты правильно подметила. Я Мэтт, а ты Джу.

Джульет соскребла остатки еды в мусорный контейнер.

– Ха-ха. Я имела в виду, что у нас нет общего прошлого.

– Что ты имеешь в виду? – Теперь Мэтт убирал травяные приправы, тоже аккуратно. Джульет заворуженно наблюдала за его движениями, потом снова повернулась к раковине.

– Ну или взять другие знакомые пары. Познакомившиеся в университете или через общих друзей. – Она оперлась локтем на стол и посмотрела на него. – У них это как бы неизбежная судьба, они все равно бы встретились. А мы с тобой увидели друг друга случайно. Мы

с Мари не собирались идти в тот бар и попали туда только ради туалета.

Мэтт повернулся к ней и, опираясь бедром о кухонный стол, скрестил на груди руки.

– Теперь мы вместе. Не важно, как мы встретились; мы могли бы встретиться и где-то в другом месте.

– Но забавно, что мы с тобой теперь живем вместе, потому что мне когда-то понадобилось писать, – засмеялась Джульет.

– Заткнись, ладно? – резко сказал Мэтт.

– Ладно. – Больше Джульет ничего не говорила, просто шлепнулась на софу и закатила глаза, скрывая свое огорчение. Погладила свой уже заметный живот, а в маленькую гостиную плыла печальная мелодия «Лунной реки». «Мой черничный друг» – «мой черничный друг» – при этих словах она всегда вспоминала Эва, мальчишку, рвавшего ягоды на лесной поляне.

Она больше не вспоминала об этом, но через несколько месяцев, буквально за день до их свадьбы, она, уставшая и толстая, ехала с работы на автобусе и безучастно смотрела в окно, когда из ее подсознания вынырнула давнишняя реплика их приятеля Гэва. «Лучшая ошибка, которую он когда-либо делал». Она поняла, что Мэтт в тот вечер тоже случайно оказался в баре. И не в тот момент, а уже позже она постепенно поняла причину его нервозности: Мэтт вправду верил, что их не должен был свести тот счастливый случай. Лучше бы они вообще не встретились.

* * *

– Вот – вот гостиная – сейчас она нам не нужна, мы можем прийти сюда после ужина. Ма! Скажи Санди, чтобы он *отстал!* Вот столовая, это звучит шикарно, па, но это не так, не совсем, тут мы едим, а еще играем тут в карты и «Монополию», очень старую версию, но мы насобачились, однажды Айла обыграла нас всех, ты представляешь? Па?

– Правда, па. Правда. Но игры больше меня не интересуют, я хочу танцевать, па. Я хочу стать королевой танцев...

– Заткнись, Айла, ты и потом можешь рассказать об этом папе. Па, погляди в сад, там Заросли, их всегда так называли, ты знал об этом?

– Да, доченька, я видел их еще в то время, когда была жива ваша прабабушка. Я вижу, что тут почти ничего не изменилось, – ответил Мэтт и с улыбкой повернулся к Джульет: – И та комната наверху тоже цела, Спящая Красавица?

– Угу. – Джульет наклонилась и подняла с пола книжку и детские носки.

– Па... – Би тянула его за руку. – Посмотри в окно! Говорят, что та долина тянется почти до Уэльса. Пойдем, я покажу тебе студию Неда – ладно, па? Это там он сжег свою картину, и никто не знает почему. Там я люблю сидеть. Мама скоро проведет мне туда wi-fi, чтобы я могла делать там уроки...

– Би, все дело в том, что тут невозможно...

– Замолчи, ма. Па, пойдем, тебе там понравится...

Мэтт пожал плечами и протянул другую руку Айле:

– Пойдем с нами, красавица? Дети, вы уже пили чай?

– Еще нет, – ответила Джулия.

Мэтт вытянул перед собой руки и сделал круговые движения головой. Санди не сводил с него восторженных глаз.

– В пятницу к вечеру трафик просто кошмарный. Давайте я угощу вас всех ужином? Тут есть где-нибудь паб?

– «Сова и Плющ», чуть дальше по дороге. Прекрасная идея. Знаешь что, ты прими ванну, отдохни и побудь с детьми, а через час я отвезу вас туда.

– Да! – закричали старшие дети, захлопали в ладоши и заплясали по комнате. – Ура! Папа нас угощает!

К ним присоединился Санди, покачиваясь из стороны в сторону.

– Уввваааа!

Мэтт удивленно поднял брови:

– И это я слышу от детей, которые еще недавно утверждали, что им надоела «Вагамама» и «Пицца-Экспресс».

– Деревенская жизнь, – сказала Джульет. – Или скорее жизнь-неизвестно-где-и-без-денег.

– Дети Тесс обедают где-нибудь раза четыре в неделю, – сказал Мэтт. – С нами, потом когда ходят в кино, потом с их отцом и еще с друзьями. С ума сойдешь.

– Им везет, – отозвалась Джульет, довольная, что он первым упомянул Тесс. Возможно, все у них наладится.

– Я знаю, па! Пойдем, ты посмотришь мою комнату...

– Подожди минутку, дочка. Я хочу поговорить с твоей мамой. А ты иди и переоденься. О'кей?

– Конечно! – ответила Айла, и младшие дети выбежали из комнаты, завывая от восторга. Би с головой погрузилась в свой телефон. Мэтт повернулся к Джульет:

– Ты о'кей?

– Абсолютно. – Она улыбнулась ему.

– Я хочу хорошо себя вести в эти выходные, – сказал он. – Не хочу быть мерзавцем. Я ведь подло относился к тебе, Джу. Прости.

– Ты... – начала было она, но потом тряхнула головой: – Все нормально.

– Нет. Нам надо поговорить – о будущем. Ладно? – спросил он. Она кивнула, не глядя на него.

– Да, поговорить надо. Я рада тебя видеть.

– Я тоже. – Он кашлянул. Ох, как все в нем было ей знакомо, его квадратная челюсть, смешная ямочка на подбородке, его привычный запах розмарина, мыла и пота. Он дотронулся рукой до одного из крючков на вешалке.

– Я помню их, – сказал он. – Тогда у меня не было детей. Какая хорошая идея – все эти разные крючки на разных уровнях. Умно.

– Это была идея Неда, почти все мелочи в доме – его придумки, – с гордостью сказала она. – И Далбитти, но большинство идей принадлежали Неду, он лучше знал, что нужно для его семьи.

– То сиденье под окном в детской.

– Это твоя комната. Вернее, Санди, но ты переночуешь там у него.

– Мне понравилось... здорово. Я забыл и о соловьях на крыше.

– Да, – обрадовалась она. – Неужели ты их видел в тот раз?

– Ха. – Он приподнялся на носках. – Ну тогда все отпечталось у меня в памяти, потому что мы приехали, чтобы сообщить ей, что мы помолвлены и что ты ждешь ребенка, правда? – Джульет кивнула, подтверждая. – Мы уехали так внезапно, и я запомнил все детали. Сейчас деревья почти голые, и соловьи на крыше хорошо видны. Они ведь из песчаника?

Она и забыла, что он любил дизайн. Когда-то они ездили на машине и смотрели поочередно интересные дома – дом Эрно Голдфингера в Бродстерсе, Хэм Хаус и единственный загородный особняк Далбитти в Сассексе.

– Да. Вообще-то, все бумаги Далбитти выставлены на аукцион. Там должно быть что-то и о Соловьином Доме. Хотелось бы взглянуть.

– А кто продает их? – Он вежливо улыбался.

– Ой, какой-то музей в Канаде обанкротился, и они все распродают. Так грустно... – Они вошли в холл. – Погляди, в гостиной ряд полок – от пола и по пояса, а выше шкафчики для взрослых, и гляди, вот что мне нравится... – Она замолчала. Мэтт смотрел в свой телефон.

– Тут нет приема, – сказал он, пожал плечами и усмехнулся. Она впервые поняла, что у них нет секретов друг от друга. Ему не надо прятаться, чтобы позвонить Тесс, ей не нужно прятать одежду, которую она складывала в мешки и относила в благотворительный магазин, и другую, которую она тайком упаковывала, и счета, которые переводила. Если Мэтт хотел позвонить своей любовнице, он мог позвонить по обычному стационарному телефону, черт побери. Джульет усмехнулась и протянула ему сумку с принадлежностями для ночлега.

– Я приготовлю тебе ванну. Не спеши. Дети так рады, что ты приехал.

За ужином Санди вел себя образцово, но, когда подали пудинг, он так устал, что уснул и не дождался мороженого. Он так и сидел в детском кресле, его льняные кудри мягко колыхались, когда он клевал носом. В это время Айла писала в тетрадке историю про страшных пляшущих пауков из египетской гробницы, которые завоевывают мир, устроив потрясающее шоу. Би сидела рядом с отцом, положив голову ему на плечо, держала его за руки и слушала разговор родителей. О том, какие планы у Гэва, о Фредерике – приятная беседа людей, у которых много общего.

Потом они шли домой из паба. Джульет выпила три бокала вина, отчасти по настоянию Мэтта; вечер был на редкость теплым и приятным, Мэтт нес на руках Санди. Они сразу уложили его в постель, сняв обувь и штанишки. Мэтт почитал Айле, Би исчезла в Голубятне, а

Джульет завязала волосы шарфом и хлопотала на кухне, слегка опьянев от красного вина. Тонкая золотая полоса на горизонте под темным небом обозначила место, где скрылось солнце. На деревьях за садом размеренно и тревожно ухали совы. Издалека, из другого конца дома, доносились взрывы смеха Айлы, когда Мэтт изображал разные голоса.

Возможно, он такой и с детьми Тесс. Возможно, только у них пятерых вечно ничего не ладится. Возвращаясь из паба, они шли в привычном порядке: Мэтт нес Санди, Джульет шла с Айлой, Би – одна позади них. Может, они все еще были одна семья, хоть и жили врозь? Джульет не была ни в чем уверена при мягком, золотистом вечернем освещении, печальной тишине, среди покоя и красоты, по которым она скучала много лет.

– Привет. – Она вздрогнула и оглянулась. В дверях стоял Мэтт с бокалом вина в руке.

– Как там Айла?

– Я сказал ей, чтобы она пока почитала сама. – Он помолчал; она кивнула, неловко, желая быть вежливой и не зная, как себя вести. – Она стала лучше читать, правда?

– Да, верно. Школа тут неплохая. Ей разрешили ходить во второй класс и выбирать самой книги. Она рассказывает о некоторых людях – там есть девочка Эмили, приятная и любит египтян, что важно, вероятно...

– Все замечательно. Послушай, Джу...

– Да?

– Спасибо, что пригласила меня сюда. Я понимаю, что все еще висит в воздухе... – Он шагнул к ней и поставил бокал на стол.

Она нервно засмеялась.

– Никаких проблем. Правда, Мэтт, – приезжай, когда хочешь. Ты можешь ночевать в отдельной комнате, чтобы там были твои вещи – дети будут рады...

– Ты замечательная мать. Я забыл об этом.

– Сомневаюсь.

– Правда, Джу. – Его глаза горели в полумраке. За окном почти стемнело. – Ты больше разговаривай с ними. Позволяй им быть самими собой, а не такими, какими ты хочешь их видеть.

– Мне приятно это слышать. – Джульет чувствовала, как вино согрело ее и успокаивало. – Правда?

– Да. Господи – да. Ты такая... милая. Я... я скучал по тебе, Джу.

Он положил ладонь ей на бедро, другой рукой обнял за шею и привлек к себе. Словно в трансе, Джульет зеркально повторила его жесты и потом снова вдохнула его запах – геля для волос, лосьона после бритья, розмарина. Мэтта.

Чары разрушились; она отшатнулась от него.

– Извини, – сказала она, пытаюсь оставаться спокойной, не показать, как она расстроена, а просто высмеять его – она знала о болезненном самолюбии Мэтта. – Мы не можем... – Она выставила перед собой ладонь. – Ты сам понимаешь.

– Прости. Угу. Я понимаю, – спокойно сказал он, отошел к столу и взял свой бокал как ни в чем не бывало. Слегка нахмурился и посмотрел в сад. – Би опять в той маленькой студии, да?

– Нет, я загнала ее в постель. Но ей там нравится.

– Вероятно, она чувствует себя чуточку одиноко. Как у нее дела?

Джульет пыталась ответить нормально, спокойно, но у нее лихорадочно колотилось сердце.

– Хорошо. Я постаралась, чтобы она продолжала играть на виолончели. Она очень подружилась с Фредериком, да и с Джорджем тоже. В школе участвует в какой-то постановке. Я стараюсь ее занять.

– Я имел в виду не это. – Он поставил бокал на стол и поглядел на закат. – Как там Фин? Она упоминала в разговоре с тобой это имя? Ты знаешь, виделись ли они?

– Фин? – Джульет провела ладонью по голове и обнаружила, что на границе волос у нее осталась пена после мытья. – О, ты спрашиваешь о нем? Я видела какие-то странные сообщения. Но, честно говоря, по-моему, он исчез с горизонта после нашего переезда.

– Кто? – переспросил Мэтт, словно не понял ее слов.

– Фин. Тот мальчик, с которым она виделась. У нее есть друзья в здешней школе – девочка по имени Джек, еще Бетти и какие-то близнецы... – Джульет помнила всех, кого упоминала Би, полная решимости узнать как можно больше о загадочной, как сфинкс, жизни своей дочери-подростка. – В этой школе другие дети, их круг гораздо меньше, и все знают друг друга – родители тоже приятные. Мэтт, приезжай на ее день рождения и увидишь некоторых из них. Правда,

честно говоря, Фин всегда казался мне нормальным – это Эми и другие девочки были такими жестокими... – Мэтт глядел на нее с непонятной ухмылкой. – Почему ты так на меня смотришь?

И тут Мэтт расхохотался. Громко, раскатисто и странно – и его смех пронесся по старому дому. Потом мрачно усмехнулся.

– Вот о чем я и говорю. Ты позвала меня сюда, хвастаешься дурацкими сиденьями под окнами и своей ванной, словно ты леди этого чертова особняка, а я какой-то бродяга, который случайно сделал тебе троих детей. И ты – ты даже не знаешь, что творится у тебя под носом, блин! – Его слова застали Джульет врасплох; она заморгала, а он снова захохотал. – Ты притащила их сюда, в эту дыру – мне интересно, Джульет, как ты смотрела на этот дом? Сквозь розовые очки твоей сумасшедшей бабки?

– Этот дом не дыра. – Она медленно покачала головой и посмотрела ему в глаза, позволив, чтобы презрение к нему отразилось на ее лице. Она понимала, что нарушает данное себе обещание не вступать с ним в конфликт, но теперь ей было все равно. – Теперь это мой дом.

– О господи! – Он вытер глаза. Его голос звучал на весь дом, словно Мэтт хотел, чтобы дети проснулись и слышали его. – Ты просто сбрендил, честное слово. Теперь для меня кое-что прояснилось. Например, я никогда не понимал, почему твоя бабка любила тебя больше всех. – Он наклонился к ней, сверкнув глазами. – Потому что вы *идентичные*. Ты кажешься такой милой и светлой, а на самом деле такая же, как она, – самонадеянная, упрямая, а голову прячешь в песке как страус.

– Ты ничего не перепутал? *Это ты завел любовницу!*

– Ты сбежала, дорогая моя. – Он засмеялся. – Вот почему это я сейчас диктую тебе условия. Ты забрала детей и *сбежала*.

– Знаешь что, Мэтт, – язвительно возразила Джульет, – тебе придется забыть об этом, иначе тебя ждет большой шок, когда мой адвокат начнет копать под тебя. Ты плющил меня. Мы давили друг на друга, да и на детей тоже. Особенно на Би. – Она тяжело вздохнула. – Ты ничего не понимаешь. Она хотела сюда поехать. Она даже просила об этом.

Мэтт повернулся и захлопнул дверь.

– Ты даже не знаешь главного про нее, – тихо сказал он, возвращаясь к ней; только теперь от него исходила угроза, и она с ледяным ужасом вспомнила, как он может резко меняться, словно хамелеон. – Ты живешь в своем мире фантазий, ты всегда была такой. С розочкой в волосах. Игнорируя то, что происходит прямо у тебя под носом.

Джульет так крепко сжала зубы, что у нее заболела челюсть.

– Би в Лондоне была словно загнанный зверек. Не говори мне, что я не знаю ее, – возразила она с обидой. – И розы в октябре уже не цветут. Не говори глупости.

Мэтт посмотрел на нее и взял в пальцы ее рыжеватый локон. Волосы заблестели при свете.

– Фин – девочка, – сказал он и разжал пальцы, бросив локон.

– Что?

– Фин. Девочка. Она подружка Би, у них все серьезно. Би призналась мне в этом несколько месяцев назад. – Он снова хмыкнул, отошел и раскинул руки, словно факир, завершивший свой последний номер программы.

Джульет вцепилась руками в спинку стула.

– Девочка. Фин... – Она выдохнула воздух и почувствовала холодок под ложечкой. – Да, конечно... – Она прижала пальцы к губам. – *Конечно*. Как я, глупая, раньше не догадалась!

– Вот это я и имел в виду. – Он пристально смотрел на нее.

– Почему ты мне не сказал? Как ты мог... – Она бессильно уронила руки и мрачно сказала: – Я не понимаю тебя.

– Она просила никому не говорить. Вот я и не говорил, к тому же ты живешь в мире фантазий. Ты никогда не говоришь с твоими родителями. Что это такое? Твоя бабка совершенно выжила из ума в старости. А ты даже не знаешь собственных детей. Тебе нельзя доверить их воспитание. Так что нечего мне угрожать адвокатом. Роберт уже нашел мне хорошего адвоката.

– Какой Роберт?

– Супруг Тесс.

– Муж Тесс нашел тебе адвоката?

– Да, а что? И, когда я засужу тебя, тебе придется продать этот дом, а дети вернуться в Лондон и будут жить близко от меня, чтобы я мог видеться с ними. Вот так все будет, Джульет. – Он хотел что-то

добавить, но остановился. – Я не знаю, о чем ты думаешь и какие у тебя планы, но будет так, как я сказал. И ты еще пожалеешь, что выставила меня дураком и увезла их вот так, не сказав мне.

– Я хочу поговорить насчет Би... – начала было она, но он оборвал ее:

– Я устал. Я ехал сюда три часа. Я пойду спать.

Она смотрела, как он поднимался по изгибу лестницы, глядя перед собой, стройный, в темно-синей одежде. И я не могу попросить его уехать, подумала она. Я ничего не могу сделать. Он останется в доме до завтрашнего вечера.

Ночью ей снилась Би в Голубятне, как она играла в кукольный домик, потом как разговаривала с ней, жестикулируя. Снилось улыбающееся лицо Фредерика. Она проснулась и лежала без сна, моргая и глядя в темноту почти до рассвета. Это был последний день перед переводом стрелок. Потом она встала, как часто делала в последнее время, и снова вышла в сад. Подгробла нападавшую за ночь листву. Собрала яблоки и айву и посадила купленные луковицы.

Глава 18

– Чем вы сегодня займетесь, ребятки? Покажите папе какие-нибудь интересные места.

– Здесь? – удивилась Айла, отодвигая от себя сладкую воздушную кукурузу. – Па, у нас тут нет ничего интересного.

Мэтт тихонько улыбнулся, наклонившись над черным кофе.

– Ой, – сказала Джульет. – Конечно, нам трудно соперничать с Лондоном. Пройдитесь с ним по саду, покажите Голубятню.

– Би не любит, когда к ней заходят.

– Ну она наверняка не станет возражать, если туда заглянет папа. Кстати, где она, не знаете?

Айла повернулась к отцу:

– Па, в последнее время она буквально непредсказуемая. Если зайти к ней, можно получить в голову. – Она тут же сконфузилась и прошептала: – Так правильно?

– Абсолютно, – ответил Мэтт, не отрывая глаз от телефона. – Конечно, доченька.

– Почти, – сказала Джулия. – Правильнее сказать – «получить по шее».

– А-а. Ну это вообще бессмыслица. По-моему, надо написать об этом людям, которые составляют словари.

– Да, конечно... – согласилась Джульет. За ее спиной скрипнули доски, и она повернулась, надеясь увидеть смуглую черноволосую Би, но там никого не оказалось; это старый дом шевелился, вздыхал. – Прогуляйтесь с папой по дороге, нарвите черных слив, они сейчас повсюду...

Айла наморщила лицо:

– Гулять по дороге...

– Мама очень любит деревенскую жизнь, правда? – сказал Мэтт детям и положил на стол телефон. – Слушайте, ребятки, у вас есть купальные принадлежности?

– Я хотю плавать, – ответил Санди и просительно взглянул на отца.

Айла осторожно кивнула:

– Да, у нас есть, па. А что?

– Что, если мы съездим... – Мэтт толкнул к ним телефон. – Что, если мы съездим вот сюда! В Уолбрукский аквапарк с пиратским кораблем? У него рейтинг 4,8 на «Трипэдвайзере». – Дети растерянно глядели на него. – Там можно прыгать в воду с пиратского корабля, и еще у них есть машина, которая делает волны!

– Ура! – закричала Айла и, опрокинув миску, бросилась к отцу. – Ура, папочка! Поедем в аквапарк! Все ребята из нашей школы там уже были, только я не была! – В ее больших голубых глазах стояли слезы. – Санди, мы поедем в пиратский аквапарк!

– Уллааа! – закричал Санди. – Я хочу к пилатам!

– Он не умеет плавать! – возразила Джульет, скрестив руки. – За ним надо непрестанно смотреть...

– Я знаю, что он не умеет плавать. – Мэтт подхватил Санди на руки и стал приплясывать. – Мы пойдем в другой бассейн – для маленьких сорванцов, правда, сынок? И будем смотреть оттуда на Айлу, как она прыгает с корабля. А потом мы купим мороженое!

– Ура! – снова закричала Айла.

– Яблоки? – Санди вопросительно посмотрел на мать, и Джульет улыбнулась ему.

– Да, вы возьмете с собой яблоки. Ребята, какой шикарный день у вас получится. Сейчас я соберу ваши сумки.

– Урррааа! – Айла заплясала по кухне.

– А как там Би? – спросил Мэтт. – Пойду и спрошу у нее.

Айла перестала плясать и остановилась в дверях.

– Она сказала, что говорила тебе, что она уедет.

– Нет, – удивилась Джульет и поглядела на Мэтта; тот тоже покачал головой. – Она ничего нам не говорила. Айла, ты знаешь, куда она поехала?

Айла пожала плечами:

– На веле к подруге. У ее вела синие ручки. – Она нахмурилась. – Я правда не хотела снимать с руля резиновые ручки. Я просто хотела их покрутить и посмотреть, а она поступила подло. Она сказала, что я сопливая малявка, и толкнула меня... – Айла театрально всхлипнула и покосилась на родителей, ожидая сочувствия, но родители не реагировали на ее слова. – Я уверена, что она поехала к Джорджу.

– К Джорджу? – переспросил Мэтт.

– Это тот шотландец, который живет с Фредериком. Она *любит* его.

– Когда она уехала?

– Я не могу сказать время. – Айла пожала плечами. – В какое-то время в этом году.

Джульет встала.

– Мне все равно нужно поехать в Годстоу и поблагодарить Фредерика за мебель. – Ей казалось, что она скоро начнет орать благим матом, если не увидит как можно скорее нормального взрослого человека, а не Мэтта. – Я привезу ее домой, если понадобится. Слушайте, сейчас я соберу все, что нужно для купания, и положу яблоки; обещайте мне, что Санди будет все время купаться в нарукавниках. А потом можете есть сколько угодно мороженого. Папочка хочет устроить для вас настоящий праздник, – коварно сказала она и вышла, унося грязную посуду.

Дети продолжали есть, стуча ложками, а Мэтт догнал ее и взял за локоть.

– Джульет, вчера мы с тобой так и не договорили до конца, – сказал он вполголоса и сильнее сжал пальцы. – Я просто хочу убедиться, что ты поняла мое предупреждение. Я подам на тебя в суд.

Джульет стряхнула его руку.

– Ох, подумаешь, напугал. – Она откинула с глаз волосы, зашла на кухню и со стуком поставила посуду в раковину. – Гляди, я знаю, что я самая плохая в мире мать и не имею права растить твоих детей и что удивительно, как они все еще не стали наркоманами и не попали в тюрьму. Только все же хватит бормотать угрозы, как какой-нибудь третьеразрядный злодей, и перестань говорить загадками. Ты полнейший мудака, раз ничего не сказал мне про Би.

– Не обзывайся...

– Мэтт! Ты нарочно скрыл от меня эту информацию. Она наша дочь, и ее ужасно травили из-за ее нетрадиционных отношений с девочкой, а она боялась сказать мне... Ты узнал об этом, но ничего не сообщил мне, чтобы мы вместе подумали, как ей помочь... *ты не сказал мне ничего, чтобы сохранить над ней власть.* Так что ты на себя посмотри.

– Не придумывай, все не так, – пробормотал Мэтт, но прятал от нее глаза.

– Слушай! – Она покачала головой: – Ты сам знаешь, как было ужасно. Я не могла оставаться с тобой. Ладно. – Помолчав, она посмотрела на его бесстрастное лицо и вздохнула. – Замечательно, что ты отвезешь их в аквапарк. Они просят меня об этом с первого дня, когда мы приехали сюда. – Она вытерла руки о полотенце. – О'кей? Мы поняли друг друга?

Мэтт вытер лицо рукавом и помолчал, крутя в руках телефон.

– Извини, я вынужден так поступить... – сказал он, убрал телефон в карман и кашлянул. – Ладно, я не буду говорить загадками. Но я вот что думал все это время. Я не понимаю, как тебе достался этот дом. Тут что-то не так. Как ты могла позволить себе такое приобретение?

– Дом? Мне он достался по наследству. Я говорила тебе.

Он наклонился к ней ближе:

– Что ты нашла? Ты нашла картину?

– *Что?*

– Оригинал «Сада утрат и надежд»? – нетерпеливо спросил он. – Или эскиз? Вот почему ты ушла от «Даунис»? Потому что это была твоя собственность? Так ты заплатила за все это? – Он похлопал себя по ноздре.

Джульет закрутила волосы в тугий узел и заколола, а сама удивленно глядела на Мэтта.

– Что ты несешь? Почему вдруг ты задаешь мне эти вопросы?

– Роберт провел расследование насчет тебя. Он уверен, что ты знаешь больше, чем говоришь. Потому что концы с концами не сходятся.

– Роберт – это муж Тесс?.. О боже мой! – Джульет попятилась и открыла кухонную дверь, впустив в дом порцию свежего и нехолодного октябрьского воздуха, яркого солнечного света и несколько желтых листочков. – Его еще не хватало. Вы трое хотите выяснить, как вам слупить с меня что-нибудь, да? – Она улыбнулась – это было так очевидно.

Мэтт допил кофе.

– Я знаю, что ты врешь.

Джульет снова вдохнула воздух полной грудью. Он был слегка приправлен древесным дымом.

– Господи! Значит, он не хочет платить алименты, и ты не хочешь платить алименты, и вы втроем решили прибрать к рукам чужие

деньги, так? – Она рассмеялась. – Ну прямо-таки современная банда с Лавендер-Хилл, только во главе ее мужик с кофеваркой «Гаджия» и черным «Лендрровером». – В дверях появился Санди и с любопытством смотрел на отца. – Слушай! Извини, что разочарую тебя, но дом мне оставила Грэнди. Ты можешь взглянуть на крышу и водостоки. Позволь тебя заверить, что он в плачевном состоянии и, скорее всего, разорит меня. Эскиз был куплен бездушным миллиардером, который ненавидит публичность и нигде не показывается.

– Вообще-то, он давний приятель Роберта.

– Кто? Джулиус Айронс? – Джульет поняла, что она бы расхохоталась, если бы не беспокоилась так за Би. – Конечно! А как же иначе?

– Джульет, Роберт потрясающий мужик, если узнаешь его поближе. Я и забыл, что ты полна снобизма.

– Мэтт, у тебя с кем любовь, с Тесс или с ее мужем? – Она закрыла дверь и вышла через столовую в холл. Санди плелся за ними. Утреннее солнце лилось на них через световой колодец.

– Ты такая наивная. Думаешь, я тебе поверю, что она оставила тебе дом через пятнадцать лет после своей смерти и что за этим ничего не стоит! Ладно тебе, Джульет!

Джульет понизила голос, чтобы не слышал ребенок.

– Нет, – ответила она с широкой кошачьей улыбкой. – Я думаю, ты согласишься, что я ушла от тебя, потому что больше не хочу быть рядом с тобой. Потому что ты идиот. А в остальном ты и друг миллиардера Роберт можете думать все, что вам угодно.

Она взяла яблоко из ящика, откусила от него и стала подниматься по лестнице вверх.

* * *

– Дж-Джульет? Привет!

– Привет-привет. – Джульет остановилась возле двери «Паскаль & Со» и улыбнулась, пытаясь вспомнить имя окликнувшей ее женщины. – Я Джульет, – зачем-то сказала она через несколько секунд.

Женщина рассмеялась.

– Да. Да, я знаю. Я Джо, мама Эмили.

– О, привет, – сказала Джульет. Она протянула руку и тут же спохватилась, что поступает неправильно, но за последнее время она абсолютно растеряла все социальные навыки. Слишком много времени она проводила, общаясь только с детьми. Она с энтузиазмом потрясла руку Джо. – Айла часто вспоминает Эмили. Она виделась с ней позавчера возле дома престарелых.

– Да, вообще-то, мы живем почти напротив церкви в одном из новых домов на Милл-Лейн. – Джо повесила на руку холщовую сумку. У нее было круглое лицо с острым подбородком и широкая улыбка. – Как вы устроились. Ведь вы живете в старом доме Уолкеров, да? Говорят, что он удивительно красивый.

– Да, – ответила Джульет и после некоторых колебаний пояснила: – Вообще-то, это дом моей семьи. Моя бабушка умерла пятнадцать лет назад, и ее... это было... ну, я просто пытаюсь навести там порядок. – Как объяснить ей все это? Не надо объяснять. Эта женщина просто проявила вежливость. Ей не интересно знать про сожженную картину и развод. Ты тоже говори с ней приятным тоном, просто будь нормальной. – Кстати, мы можем когда-нибудь пригласить к нам Эмили?

Джо взъерошила короткие волосы.

– Замечательно, – отрывисто сказала она. – Эмили будет рада. Может, мы как-нибудь приедем к вам.

– Это будет замечательно. Айла пока не знает никого, и ей немножко тяжело. Ее отец и я... – Она снова замолчала.

Я ушла от ее отца, а он поселил детей его любовницы в спальне Айлы в ее прежнем доме.

Это был дом моей бабушки, у нее все время там были люди. На подоконнике в моей спальне осталось пятно; бабушка всегда разбивала яйцо каждый год 24 июня в День Середины Лета и выливала в стакан белок; и если к концу дня он будет тянуться, значит, ты выйдешь замуж за моряка.

Знаешь, я очень одинока, у меня нет друзей, пожалуйста, подружись со мной.

– Вообще-то, – договорила она, – я бы охотно пригласила к нам ее подружек, чтобы они поиграли.

– Знаешь, что я тебе скажу... – Джо улыбнулась. – По-моему, она молодец. Вчера я была в школе, мы приходим туда читать детям

книжки. И во время ланча возле Айлы сидели четверо детей, и она рассказывала им какую-то историю. Один мальчик даже заплакал.

– Ой, господи!

– Да-да. – Джо усмехнулась. – Он убежал, но тут же вернулся и сказал, что заплакал не от страха, и попросил рассказывать дальше.

– Это похоже на нее. – Джульет рассмеялась.

Кажется, ты очень приятная; давай мы перескочим через тот этап, когда мы ходим кругами вокруг друг друга, и просто подружмся? Тебе нравится rose? А игра «Монстр Мунк»? А ты согласна с тем, что фильм «Мама Миа» искренний, хороший фильм и свидетельство патриархального закабаления женщин, но что его высмеивают люди, которые пишут диссертации о дурацких «Трансформерах»? Тебе понравился «Мама Миа-2»?

К счастью, позади них раздался жалобный крик.

– Маааам! Дай мне немножко денег!

– Я пойду, пожалуй. Это мой сынуля. – Джо усмехнулась и пожала плечами: – Он в «Ко-Опе». Я напишу тебе.

– У меня нет Ватсапа, и Снэпчата тоже. Я никак не могу запомнить, что есть что, – призналась Джульет. – Это выше моего понимания. Как и Мессенджер в Фейсбуке. Я вообще не очень умею общаться с людьми. – Как ты справляешься со Снэпчатом?

– Все очень просто, Джульет. Просто включаю, и все, – ответила Джо. – О, привет, Би.

Джульет повернулась и увидела рядом свою дочь – челка на глаза, велосипедный замок на груди, руки в карманах джинсов. У нее учащенно застучало сердце, и она раскрыла рот, хотя и не знала, что сказать, но, к ее удивлению, Би заговорила первой:

– Привет, Джо. – Она подняла руку и тут же тяжело уронила. – Бен просит денег.

– Привет, дочка, – сказала Джульет слишком громко и неуверенно, словно лишь делала вид, что знает собственную дочь. – Я искала тебя утром! Не знала, куда ты исчезла. Как у тебя дела?

Би взяла челку двумя тонкими пальцами и убрала со лба. Потом подозрительно посмотрела на мать.

– Хорошо, спасибо. О, привет, Джордж.

– Всем доброе утро. – Появился Джордж – ожившая реклама из глянцевого журнала: синяя рубашка-поло, брюки чинос песочного

цвета, бирюзовый блейзер и безупречные кроссовки, никогда не знавшие ни пота, ни тем более деревенской грязи. Он улыбнулся им. – О, здравствуйте, дорогая Джульет, как поживаете? Вижу, вы уже познакомились с чудесной Джо, королевой нашей деревни.

– Доброе утро, Джо, – поздоровался пожилой мужчина, проходивший мимо с грейхаундом, тянувшим за поводок.

– Привет, Джереми! – ответила Джо, весело помахав рукой. – Привет, Таги!

Джульет удивилась:

– Ты всех тут знаешь?

– Очень многих, – ответила Джо. – Привет, Клара! Привет, Джорджина! – крикнула она матери с дочерью, которые шли по другой стороне дороги, и снова повернулась к Джульет: – Они симпатичные. Я не знала ни души, когда мы переехали сюда. Тогда я решила, что должна пересилить себя и познакомиться с людьми. Это было трудно. Слушай, забудь про Мессенджер и Ватсап. Просто пришли мне сообщение, когда у тебя появится время. Ведь у тебя есть мобильный, не так ли?

– Есть, и я напишу, – сказала Джульет и кивнула ей: – Пока, Джо.

Джульет зашла в лавку следом за Би и Джорджем. Дверь громко захлопнулась за ее спиной, колокольчик яростно затренькал.

– Привет, Фредерик. – Би, плавно изогнувшись, сняла с себя велосипедный замок и повесила на вешалку. Потом подошла к старику и чмокнула в щеку. Фредерик поднял голову от массивного гробсбуха в линейку.

– Привет, моя дорогая. Джордж сказал, что ты была чем-то расстроена – я приберег для тебя немного апельсинов... О! Джу! – воскликнул он, увидев Джульет за спиной Джорджа. – Какой приятный сюрприз. Джордж, ты не поставишь нам чайник?

– Я как раз хочу сделать тосты для Би. Она не завтракала, глупая девочка. Еще она хотела мне что-то показать в витрине «Аркур». Для костюма к Хэллоуину, – весело сообщил Джордж. Он скрылся в крохотной кухне в глубине лавки и крикнул оттуда: – Би, на мармите?

– Отлично, спасибо, – сказала Би, идя за ним. – Между прочим, я рассортировала старые «Календари для девочек», – крикнула она Фредерику. – И обувь тоже.

– Превосходно. Ты хочешь выбрать что-нибудь для кукольного домика?

– Да. Спасибо, Фредерик. Пока, ма, – крикнула она, и за ней захлопнулась дверь.

– Би... – крикнула ей вслед Джульет. – Доченька – вернись на секунду, ладно?

– Да? Зачем? – спросила Би, выглядывая.

– Я хочу поговорить с тобой кое о чем.

– О... – Би оглянулась. – Может, попозже?

– Нет... – Джульет подошла к двери и нерешительно взяла дочку за руку. – Сейчас.

Они шли по берегу журчавшего ручья, который огибал край деревни. На кустах шиповника под бледным осенним солнцем горели оранжевые и красные ягоды. Над длинным рядом деревенских домов в небо плавно поднимались серебристые дымы. Джульет сунула руки в карманы: впервые за последние недели стало заметно прохладнее. Она смотрела на дома, на птиц, летавших высоко над деревьями за ручьем.

– Я хотела спросить тебя про Фин. Вчера папа сказал, что это твоя подруга.

Би застыла. Только глаза метались из стороны в сторону, словно у загнанного в угол зверька.

– Он рассказал тебе об этом?

– Да, доченька.

– И что ты сказала?

Джульет набрала в грудь воздуха и выдохнула медленно и плавно. Обняла Би за хрупкие плечи и прижала к себе, но не смотрела на нее. Они продолжали идти.

– Я как раз хотела поговорить с тобой об этом. – Она чувствовала, как от дочки исходила паника, почти как радиоволны. Она ласково сжала пальцами ее плечо, зная, что должна быть деликатной. – Я хотела спросить у тебя, не хочешь ли ты пригласить ее на выходные.

– О!

– Или, если хочешь, поезжай к ней в Лондон. Как хочешь. Только говори мне об этом.

Би не поднимала головы.

– Папа сказал мне, что ты огорчишься и рассердишься. Он сказал, чтобы я ничего тебе не говорила.

Джульет сжала губы и помолчала, пытаясь не сказать что-то лишнее.

– Правда?

– Он – он думал, что так будет лучше. Он сказал, что мне всего четырнадцать лет и что я должна не торопиться и проверить свои чувства. Но я всегда буду такой. Я не могу сказать, что я ненавижу мальчишек. Они мне нравятся. Просто мне никогда не хотелось поцеловать кого-то из них.

Джульет снова пыталась сделать медленный выдох и обнаружила, что не могла.

– Хорошо, что ты понимаешь это, – ответила она как можно осторожнее. – Папа ошибся. Я не расстроилась. Вернее, я расстроилась из-за того, что ничего не знала и не понимала. – Помолчав, она добавила: – Я горжусь тобой, Би. Ты хочешь, чтобы я произнесла речь? Сказала что-нибудь официальное?

– Мам – о господи, ма, пожалуйста, *не надо*.

– Я так и думала. – Джульет остановилась и повернулась лицом к дочери. – Послушай меня. Я должна была догадаться сама. В начале лета я чувствовала, что теряю тебя. Я должна была что-то придумать и изменить ситуацию. Помочь тебе, чтобы ты не так страдала.

– Ты это делала, – сказала Би.

– Но я должна была спросить себя, в чем же дело? Почему тебя обижают? Что ты натворила?

Би смотрела на стаю птиц, летевшую на юг в сторону их дома, черные полосы на пушистом сером небе.

– Но я, вообще-то, ничего не делала. Просто мы с Фин поняли, что любим друг друга, и один раз поцеловались. Но потом об этом узнали все и начали присылать те сообщения. Мы никогда ничего не говорили в классе. Правда, они и до этого придирались ко мне. А тут у них как будто появилась еще одна палка, которой меня можно бить. А мы с Фин спорили, я была уверена в моих чувствах, а она нет; ей нравился мальчик Фрэнк, а я знала, что мне не нравятся мальчики, и это вообще... понимаешь... Честно говоря, я не очень переживала из-за того, что было со мной. – В голосе Би звучало уныние. – Просто мне было невыносимо тяжело, что вы с папой ненавидите друг друга и что

одноклассники отобрали у меня рюкзак и пинали его, и я себя чувствовала последним дерьмом...

– Ох, Би.

– Потом я узнала про Тесс, а потом появилась эта идея переехать сюда, и, знаешь, я подумала, что так будет лучше. Но потом мы приехали сюда, и у меня началась паника. Я была уверена, что мы сделали ошибку. Ты всегда стараешься сделать как лучше, но я иногда не доверяю тебе. Потому что иногда лучше не становится.

На севере небо прояснилось. Джульет смотрела на голубое пятно среди облаков.

– Я и сама пока не уверена, правильно ли мы поступили, перебравшись сюда. Но надеюсь, что я не ошиблась и что мы все будем счастливы. – Она подняла воротник куртки и сделала то же самое на джинсовой курточке дочери. – Я не всегда правильно понимаю ситуацию. Но я стараюсь сделать так, чтобы тебе было хорошо. Защитить тебя. – Она нежно поцеловала Би в лоб. – Расскажи мне о Фин, какая она.

Би потянула за застегнутую пуговицу.

– Ну, у нее крутая прическа – короткие густые каштановые волосы, и летом она покрасилась в розовый цвет. Я видела фотки. Ма, ей очень нравится Кейт Буш. Ты знаешь ее?

– Э-э... да.

– О'кей, ну, перед каникулами она подарила мне майку с ее портретом. Фин говорит, что она великая и что таких, как она, у нас еще не было.

– Мне нравится твоя подружка.

– Да, ма, она правда классная. И умная, и интересная. И знаешь, она не поверхностная, а смотрит вглубь. Она любит драконов. Любит их. И ей нравится, когда я рассказываю ей про кукольный домик и про историю. Все остальные девчонки в школе – ничтожества по сравнению с ней. Они повторяют то, что говорят их парни или другие подруги. Но кому какое дело?

– Кому какое дело?

– Так ты не сердисься.

Джульет решила, что она никогда не станет упрекать Мэтта в том, что он сказал Би. Что она будет делать все, чтобы дети любили их отца. Но что когда-нибудь он все-таки заплатит за то горе, которое он

причинил этой милой, трепетной, страстной и застенчивой девочке. Я пылаю от ярости, думала она, глядя на Би.

– Нет, не сержусь. – Она осторожно проверяла свои чувства, как трогают больной зуб. – Я не думаю, что на это надо сердиться. – Она сжала тонкие плечи дочки. – Пойми меня правильно. Понять себя и потом действительно громко сказать «Я вот не такая, как все» очень непросто. Но когда я услышала, как ты это сказала, и зная тебя... – Она замолчала, потому что внезапно ее сердце настолько переполнилось любовью, что она даже не могла говорить. Ей вспомнились маленькие ножки Би в младенчестве, совсем не пухлые, и ее первая царапина на коленке, кровоточащая полоска на коже, ее история о девочке-трубочисте, которая получила в школе Золотую Звезду... или как до восьми или девяти лет она держала кого-нибудь за руку на перемене, как она редко плакала, даже тогда, с коленкой, только побледнела и морщилась; как она любила фрукты и не терпела вареные овощи, как любила тихонько сидеть, подвернув под себя ноги... Все эти вещи, которые были с ней, влияли на нее... Джульет подыскивала слова, чтобы передать свою любовь. Ей хотелось крепко, до боли сжать Би в своих объятиях. У нее защемило сердце. – Я только хочу сказать, что ты – часть меня. Очень важная часть, но это ничего не меняет. Я горжусь тобой и счастлива, что ты хорошо себя знаешь. Я внятно тебе объяснила то, что чувствую? – Она покачала головой и улыбнулась сквозь наввернувшиеся на глаза слезы: – А то я безнадежная.

– Нет, неправда, мам. Ты хорошая.

– Ну и ладно. Да, я люблю тебя, доченька. Мне нравится то, что ты рассказала про Фин. Давай пригласим ее к нам.

– Да, мам, о да, пожалуйста. – У Би сияли глаза. Она взяла Джульет за руку, и они пошла назад к деревне, к мосту, за которым мимо лавки Фредерика проходила единственная дорога с твердым покрытием. – Я чувствую такое облегчение. А то папа сказал, что ты рассердишься.

– Папа иногда ошибается, доченька. Я очень рада. Ты всегда меня радуешь.

– Би часто бывает у вас? – спросила Джульет, когда дочка поднялась наверх к Джорджу.

Фредерик разбирал в своем кабинете ящик со старыми документами; очки сидели у него на кончике носа. Он махнул рукой на старый стул красного дерева, и Джульет с радостью села, давая отдых уставшим ногам. Она огляделась по сторонам, посмотрела на накопившиеся за десятки лет деловые бумаги, на открытки, приколотые к пробковому щиту на стене.

– Почти каждый день после школы. Она делает тут домашние задания. Джордж кормит ее.

Джульет сняла куртку.

– Я поняла, что ничего не знаю о моей дочке. Она сказала, что обедает в школе и сразу едет на велосипеде домой.

Фредерик ответил ей своим спокойным, ровным голосом:

– Дорогая Джульет. Мы радуемся, что Би нас не забывает. Знаешь, она очень походит на твою бабушку. Такая же живая, страстная, энергичная. И глаза такие же черные, как у Стеллы. Для меня ее появление – абсолютный тоник. Почему ты плачешь?

Джульет прижала ладони к глазам.

– Фредерик, я все испортила. – Она чувствовала, что не может остановиться; слезы катились по ее щекам. – Я не знала, что она из этих. А ты ведь знал, правда?

Фредерик глотнул чая.

– Ты не знала.

– Она сказала тебе и Джорджу, она поделилась с отцом... а я даже не подозревала об этом. А ведь я не спала ночами, пытаюсь сообразить, как сделать, чтобы ей было комфортно.

– Извини, что я ничего тебе не сказал.

– Мэтт сказал мне. – Джульет скрипнула зубами. – Ох, Грэнди, ты была права насчет него, абсолютно права... Он сказал ей, что могут быть неприятности. Представляешь?

Фредерик кивнул:

– Очень даже, потому что так случилось и со мной, с моей первой любовью. Мать сказала мне, что отец умрет со стыда, если узнает.

– Сочувствую тебе.

– Сейчас это уже все в прошлом. Кроме одного – это урок на будущее.

Дверь лавки распахнулась, звякнул колокольчик. Вошла покупательница, женщина средних лет с корзинкой на сгибе руки. Фредерик вежливо кивнул ей.

Джульет потянула за шнурок своей зеленой сумки и еле слышно сказала:

– Я вообще больше ничего не понимаю. Буквально ничего.

– Это уже обнадеживает.

– Боже мой, – ответила Джульет. – Разве что так.

До них донесся веселый смех.

– Джордж замечательный, – сказала Джульет. – На прошлой неделе он починил ей велосипед, ты знаешь об этом? Хотя, конечно, знаешь. И, Фредерик, офисное кресло превосходно встало в Голубятне. И моя новая кровать – спасибо тебе большое. Это замечательный подарок. Что я такого сделала, раз вы оба появились в нашей жизни?

– Тебе не за что нас благодарить, – очень серьезно ответил Фредерик.

– Как это так?

Покупательница рылась в лотке с глазированной плиткой викторианской эпохи. Джульет молчала. На улице стрекотали сороки, шуршали ветки рябины. Наверху мягко потрескивал пол и слышались негромкие голоса.

Впервые за очень долгое время, дольше, чем Джульет могла припомнить, – до ее возвращения в Соловьиный Дом, до рождения детей, до встречи с Мэттом, пожалуй, впервые с ее юности, когда она сидела в саду, болтала ногами и смотрела на стрекоз, кружившихся над ручьем, радуясь теплоте солнца, вдыхая запах спелых яблок и жимолости, слушая негромкое пение Эва, карабкавшегося на дерево, – Джульет ощутила душевный покой.

– Можно спросить у тебя одну вещь, Фредерик? Только обещай, что скажешь мне правду.

Она заглянула в его ясные голубые глаза.

– Дорогая моя, конечно. Ты не доверяешь мне?

– Понимаешь, дело в том, что я где-то видела Джорджа и раньше.

– А-а. – Фредерик медленно закрыл ящик с документами.

– Он был в тот день на аукционе, верно? Это ты послал его? Ты знал про эскиз?

Фредерик тяжело оперся на полки.

– Ну-ну. Да, моя дорогая. Я подумал, что ты узнаешь меня, и послал его. Мы считали, что кто-то из нас должен быть там, потому что это я продавал эскиз...

Джульет заморгала.

– Ты? Значит, она оставила эскиз тебе? Или – дом? – Но он покачал головой. – Уолкеры арендовали его. Значит, кто-то владел им до того, как он достался мне. Она оставила тебе дом. И эскиз?

– Нет. – Он вздохнул. – Не совсем. У нас с ней была договоренность. Она оставила мне эскиз и дом, и я сдавал его Уолкерам после ее смерти. Я все это делал. Арендная плата приносила мне доход много лет. Щедрый подарок с ее стороны. Когда арендаторы решили съехать, мои доходы прекратились. Твоя бабушка так и планировала, что я выставлю эскиз на продажу и передам тебе ключи от дома в тот же самый день вместе с письмом. Она сидела за этим самым столом на следующий день, после того как написала то письмо и записки... О, как видишь, она все продумала. – Его глаза сверкнули. – Продажа эскиза должна была обеспечить меня в старости, эта лавка приносит мне не очень много, а дом перейдет к тебе. Я не уверен, что не мне досталась лучшая часть от этой сделки, но так она хотела. Ах, Джульет, извини – для тебя это шок, – сумрачно добавил он.

– Нет, не шок... – Джульет сцепила пальцы и пыталась правильно сформулировать следующий вопрос. – Но почему она не оставила мне это сразу?

– Ты сама знаешь почему, Джульет. Она считала, что ты была не готова к этому. Она хотела, чтобы ты могла вернуться сюда, даже когда ее не станет, после того как ты уйдешь от мужа, потому что она знала, что так будет... Как бы это сказать? Она думала, что тебе когда-нибудь понадобится этот дом. Смею сказать, что она недооценила проблемы, которые возникнут у тебя после возвращения, но намерения у нее были хорошие. Теперь тебе все понятно?

Он посмотрел по сторонам. Джульет встала и жестом показала ему на стул. Он тяжело сел, сжал ей руку, и она кивнула:

– Да, понятно. – Она помолчала, осмысливая услышанное, и потерла пальцами лоб. – Боже. И она была абсолютно права. Жалко, что я не могу сказать ей, как она была права во многих вещах. Тогда Расскажи мне что-нибудь еще. – Она ласково дотронулась до его руки:

– Фредерик, о, почему она так сильно изменилась к концу жизни? Почему она так ненавидела кукольный домик?

– Как бы тебе это объяснить? Ты представь свою бабушку. Она росла в этом доме одна с матерью. Все, что осталось у них от прежних дней, – эскиз сожженного шедевра. На плитке в Голубятне пятно в том месте, где огонь разрушил мечту ее отца. В сундуке наверху дома шикарные одежды любимых детей, которые были до нее. А еще в доме хранятся письма известных людей, книги и картины с автографами. Но нет денег на новую одежду, и они перешивают старую. Им приходится продать картину, чтобы починить крышу, еще одну, чтобы оплатить ее учебу, потом мать продает эскизы Неда музею «Фениман» в Оксфорде, когда ей исполняется восемнадцать, и посылает ее в университет. И в центре всего этот кукольный домик, который принадлежал ее матери и бабушке и который Далбитти переделал для тех детей перед тем, как в их отношениях произошел разрыв, о чем она наверняка слышала. И она вроде как должна была любить его, играть в него. Я не знал Лидди, – добавил он, немного поколебавшись. – Но знал несколько человек, которые ее знали. Они ее очень любили. Думаю, она была весьма незаурядная личность, пережившая тяжелое детство.

– Грэнди рассказывала мне об этом.

– Верно. Mais Juliette – но Стелла не рассказывала тебе, потому что это было ей слишком больно, что Лидия никогда окончательно не оправилась от детских травм. Да и как она могла оправиться? А все, что было потом... Боже мой, как она перенесла все это? – Фредерик закашлялся. Она дождалась, когда приступ закончится, и сказала:

– Все в порядке? – Она вытащила из сумки бутылочку воды, но он выпил чаю и собрался с силами.

– Да. Прости, я не мог сказать тебе раньше о моей роли в твоём наследстве. Она была очень щедрой, и я получил невероятную прибыль от ее щедрости. Мне кажется неправильным, что я получил доход от эскиза, а ты – нет. Вот почему я присылал тебе те вещи. Чтобы помочь тебе. Получилось, что я как бы твой родственник. Так я смотрю на это, и так наверняка хотела и она. – Он похлопал себя по груди.

– Ох, Фредерик, дорогой мой. Я так благодарна тебе за помощь. Это твои деньги, твое вознаграждение за то, что ты заботился о ней все те годы.

– Все равно мне кажется это несправедливым.

– Нет-нет! – решительно заявила Джульет. – Даже и не думай об этом, все! Тема закрыта! Дело не в деньгах. Теперь я это знаю, и у меня их нет. Может, мне придется продать дом, если Мэтт загонит меня в угол. Но это не имеет значения. – Она улыбнулась. – Для меня важнее всего Би, Айла и Санди.

Он пожал плечами:

– Конечно, ты права. Но все же...

– Можно я задам тебе абсолютно сумасшедший вопрос? – Он кивнул, и Джульет вздохнула. – Ладно. О'кей. Ты веришь в призраков? Вернее, не в призраков. Просто людям – их душам – нужно закончить то, что они не успели... – Она тряхнула головой. – Ой, я и сама не знаю, что пытаюсь сказать.

– Я понял. – Лицо Фредерика внезапно стало серьезным. – В случае Стеллы – да, пожалуй, я тебя понял. – Дверь внезапно захлопнулась, когда ушла покупательница, колокольчик звякнул и замолк. – По-моему, дела с этим домом и с твоей семьей еще не закончены.

Джульет тяжело вздохнула и спросила в наступившей тишине:

– Фредерик, как ты думаешь, Нед Хорнер уничтожил свою картину? Как ты думаешь, он сжег «Сад утрат и надежд»?

– Почему ты спрашиваешь меня об этом?

– Я и сама не знаю. Просто у меня возникает странное ощущение, когда я вхожу в дом. Я изучала его творчество почти всю взрослую жизнь, но никогда не жила в доме самостоятельно. То, что он сделал. Со своей семьей. – Они взглянули друг на друга. – Знаешь, я не могу это объяснить. Но не думаю, что он мог бы так поступить. Просто не думаю. Грэнди тоже не верит. Вернее, не верила.

– Я согласен с тобой и с твоей бабушкой. Иногда я тоже не верю, что он был способен уничтожить ее. В конце концов, там он с поразительной точностью написал своих детей. И он потерял их. Он потерял все. – Фредерик отодвинул от себя чай. – Где же тогда она?

– Не знаю, – ответила Джульет. – В том-то и дело.

Ее слова негромко прозвучали в тишине комнаты, набитой вещами из прошлого.

Глава 19

1893. Март

Разговорчивый кэбмен обещал довести ее до коттеджа, но засомневался, когда они подъехали к Хэм-Коммон.

– Шибко узко у пруда, – заявил он, качая головой. – Грязюка вона какая. Коль я спущусь с горы, лошадки не втащат меня обратно. Ссажу-ка вас тута, и вы пройдете пешим манером. Прогуляетесь по свежему воздуху, пользительно это. – Он помог Мэри выйти из кэба и выжидающе уставился на нее. Она опустила глаза и ту же запахнула старую мамину шаль. У нее не было денег на чаевые, и он уехал, недовольно бормоча. Впрочем, Мэри мгновенно забыла о нем; наконец-то, наконец-то после стольких лет у нее было легко и радостно на сердце.

Там, впереди, всего в нескольких сотнях ярдов ее ждала Лидди, она была там! И хотя эта местность была ей совершенно не знакома, там был дом ее сестры. Значит, ей там все понравится. Над ее головой сиял голубой купол мартовского неба, кое-где еще белели снежные пятна, но на опушке перелеска, обрамлявшего общинный выгон, уже отважно цвели первые нарциссы. Дорога в самом деле раскисла, и Мэри пришлось идти по сырой траве, спотыкаясь и поскользываясь, под ледяным ветром, обжигавшим лицо. Холодная, сырая зима все еще не желала отступить.

Впереди Мэри видела неопрятный деревенский пруд, цепочку крестьянских домов и, немного в стороне, две маленькие постройки из красного кирпича, старинные надвратные дома возле Хэм-Хауса. Та, что слева, была темной, облезлой, с выбитыми окнами. Но в другой обнаруживались признаки жизни; над высокой трубой поднималась черная спираль дыма. Мэри крепко сжала саквояж маленькой рукой в перчатке. У нее щекотало под ложечкой. Сейчас она увидит свою милую сестру, которую любила больше всего на свете. Увидит впервые после ее венчания.

– Заходи, заходи, давай я сниму с тебя пальто – погляди, Мэри, погляди, какая я стала хозяйственная. У нас даже есть вешалки. Их сделал Далбитти – ой, смотри. Милую старую шаль можно повесить тут. Мне нравится твоя шляпка, Мэри, она французская? Черная соломка – шикарно. У тебя побледнели шрамы, сестрица, я их почти не вижу, – не смущайся, это правда! Сейчас мы выпьем чаю, ладно? Увы, свечи так коптят, Мэри, тебе это неприятно? Ты закашлялась. Сейчас я открою окно. Свечка сальная, потому что мы не можем позволить себе восковую, и запах довольно тяжелый. Далбитти прислал пчелиный воск, но мы уже весь израсходовали. Коридор тут довольно узкий – осторожнее, не стукнись о дверь головой – о! Ой, Мэри. Извини...

– Ничего страшного, милая Лидди. – Мэри потеряла ушибленную голову и взяла сестру за руки. – Перестань суетиться, дай мне посмотреть на тебя!

– При таком скудном свете ты все равно ничего не увидишь; увы, дом наш бедный и темный, – ответила Лидди, осторожно выдернув руки. После прихода Мэри она не стояла на месте, а металась туда-сюда и непрерывно говорила. У Мэри заболела голова – она так ждала эту встречу. Она наивно думала, что у них сохранятся прежние отношения. Но разве это возможно? Ее Лидди, раньше сидевшая взаперти в своей комнате в сорочке и шали, превратилась в молодую замужнюю женщину. На ней была прелестная блузка из белого батиста с широкими рукавами и квадратной кокеткой, а на плечах бархатная накидка, украшенная павлиньими перьями и скрывавшая подозрительно располневшую талию. Юбка была из темно-гранатового бархата, маленькие ботинки начищены до блеска. Сестра держалась уверенно, она была у себя дома, жена молодого, перспективного художника, и в то же время она показалась Мэри совершенно чужой и незнакомой. Мэри внезапно занервничала.

– Пойдем и посидим в гостиной, так мы ее называем. Нед посмеивается надо мной, потому что я постаралась создать там уют, но никак не могу заставить его разуваться, когда он приходит с улицы. Он бросает башмаки где попало, а коридор такой узкий, что можно споткнуться. Давай посидим вместе на этой маленькой скамеечке – видишь, как мы устроились рядышком? И огонь еще горит – чудесно. Мы попьем чаю, миссис Л. принесла бутерброды, Мэри, погляди!

В крошечной, темной комнате Мэри увидела очаг. Перед ним на маленьком железном треножнике лежал маленький поднос с бутербродами и чем-то вроде печенья. Полено в очаге слегка дымилось и горело неровным, слабым огнем. Лидди осторожно сняла висевший над ним чайник, отбросила золотистые пряди от раскрасневшегося лица и налила кипяток в большой коричневый кувшин. Этот простой ритуал чаепития растрогал Мэри до слез. Она так соскучилась по нему.

На стенах висели эскизы и картины – Мэри с удивлением увидела там и Далбитти, его долговязая неловкая фигура расположилась на очень маленькой скамейке, той самой, на которой сейчас сидела она. Лидди заметила, на кого смотрела ее сестра, и Мэри опустила глаза и смутилась.

– Это рисунок Неда?

– О да, да, его. Дорогой наш Далбитти, он так нам помогал. Все наши друзья были добры к нам.

Мэри ничего не узнавала в этом доме – ни чайник, ни книги, ни платье Лидди. Она ничего не взяла с собой, когда убежала, – никаких следов не осталось от их прежней жизни. Мы семья без истории, подумала Мэри, потом взглянула на сестру, и ее сердце снова наполнилось любовью и учащенно забилось.

– Лидди, милая, как я рада, что приехала сюда и увидела ваш дом.

– О да, я тоже счастлива – жаль только, что не приехал Пертви. Ты должна рассказать мне о нем. Много ли у него заказов на портреты, водит ли он куда-нибудь тебя и как ты ведешь хозяйство. Расскажи мне про Париж и про все остальное. Почему он не приехал? Ты сказала ему, что я ужасно хочу повидаться с ним?

Молчание. Мэри снова разглядывала комнату, жалея в душе, что она такая маленькая.

– Он рассчитывал навестить тебя завтра. Если будет себя нормально чувствовать.

Сегодня утром она оставила его на съемной квартире опухшего, с подбитым глазом. Он вернулся домой на рассвете и едва мог говорить с похмелья.

– Замечательно! – Лидди захлопала в ладоши. – Я часто думаю о вашем доме, представляю его себе, какой он! Я не уверена, что чай

достаточно заварился, но ничего. Хей-хо! Расскажи мне – Расскажи мне обо всем! – Неуверенной рукой она налила жидкий чай.

Мэри покачала головой:

– Лидди, мой рассказ получится скучным. Я хочу послушать тебя, как вы живете с Недом, как идет ваша семейная жизнь. – Она почти проглотила слово «семейная». – Ты... ты счастлива, дорогая?

– Безумно. Да. – Она протянула Мэри чашку с чаем и серьезно сказала: – Мэри, дорогая моя, ты пойми вот какую вещь. Ты можешь больше не беспокоиться за меня, понятно?

– Как я не могу не дышать, так не могу и не волноваться за тебя, милая сестрица, – возразила Мэри, и от волнения у нее перехватило горло, когда она говорила эти слова.

– Нет, Мэри, я серьезно говорю. Потому что у меня все хорошо. – В глазах Лидди сверкнули слезы. Она прижала к груди ладонь, словно говорила клятву. – Ты одна заботилась обо мне, ты часто спасала меня. Я никогда не забуду, что ты делала для меня. И послушай. Ты видишь, как я счастлива. И я теперь всегда буду счастлива рядом с Недом. – Она повернулась к окну, и неяркий мартовский свет упал на ее гладкую кожу, осветил ее точеный профиль. – Мы всегда знали, что мы две половинки одного целого, и теперь мы соединились... Ах, как это чудесно, дорогая моя. Все чудесно. Наши отношения – я ничего не знала об этом. Как все восхитительно, мы просто очарованы друг другом и тем, что мы можем сделать... – Она дотронулась кончиками пальцев до своих розовых щек, и Мэри почувствовала себя еще более неловко. – Я не хочу проявить отсутствие деликатности, но ты должна меня понять, Мэри!

– Да, – неловко сказала Мэри. – Да, конечно, – я так рада за тебя. Милая Лидди, наверно, ты поняла это в первую же минуту, как только увидела его.

– Нет, не сразу. Но когда мы посмотрели друг на друга в тот день в саду возле нашего дома, когда там был старик Хайворт... Тогда я все поняла. Все было очень просто. Я думаю, – беззаботно сказала Лидди, – так бывает всегда. Между мужчиной и женщиной... Я смущаю тебя, Мэри, потому что ты не можешь знать, о чем я говорю, но, возможно, когда-нибудь ты узнаешь, – нет, я не нахожу слов, чтобы рассказать тебе об этом.

Мэри прикусила губу. Я видела такие вещи, от которых тебя бы стошнило, моя дорогая старшая сестра, подумала она. Я никогда не расскажу тебе о Пертви и его безобразных выходках, о девках, которых он приводил, об их криках... Я всего насмотрелась за месяцы, прошедшие после нашей последней встречи. Не расскажу о безнадежности всего этого. Нет, моя наивная маленькая птичка, я молю Бога, чтобы ты никогда не узнала, как жестока и отвратительна реальная жизнь! Никогда не покидай гнезда! Если ты узнаешь то, что узнала я, мне будет очень больно, потому что ты заслуживаешь только хороших вещей.

– А ты, Мэри? Пертви познакомил тебя со своими друзьями, французскими художниками?

Мэри тихонько засмеялась.

– Он очень занят. Лучше ты расскажи мне, как ты, замужняя женщина, проводишь время? Так, как ты и ожидала, или нет?

– Я ничего не ожидала, даже не задумывалась над этим, и это хорошо! Я гуляю по полю с Офелией, а вечерами жду Неда. Иногда он приезжает с друзьями. Я веду хозяйство. Как видишь, очень плохо. – Она взмахнула руками, обводя ими комнату. Они были красные и обветренные. Услыхав свое имя, в комнату вбежала маленькая собачка, жесткошерстный бордер-терьер, и села возле хозяйки.

– Офелия, – повторила Мэри с удовольствием и легкой грустью, потому что в детстве они мечтали о собаке, и потрепала ее по взъерошенному загривку. – Я рада, Лидди, что у тебя есть компания и что ты весь день не одна.

Беспокойные руки Лидди на мгновение остановились, и она ласково погладила собаку.

– О да, она теперь моя лучшая подружка, и я рассказываю ей все, почти так же, как рассказывала бы тебе, только чуточку больше, потому что ее не смущают мои слова. – Ее глаза лукаво сверкнули, а Мэри улыбнулась и снова потрепала Офелию.

– Теперь скажи мне, как дела у Неда? Он успешно работает?

– Да. После «Соловья» он стал известным и сейчас работает целыми днями над новой картиной для Летней выставки. – Лидди протянула сестре тарелку с бутербродами. – В студии Далбитти на Баронс-Корт. Из Ричмонда он ездит на метро. Он шутит, что похож на биржевого брокера, потому что каждое утро уезжает в Сити. Иногда он

работает допоздна или ужинает с друзьями, и тогда... – ее голос дрогнул. – Но со мной тут Офелия. Он всегда чувствует себя виноватым, если долго не приезжает, и еще он привозит мне лакомства, когда особенно доволен тем, что написал за день. Я не беспокоюсь за него. Он мой любимый Нед. Потом мы пьем чай и уютно устраиваемся в нашем маленьком домике, защищенные от всех ветров... – Глаза Лидди радостно сияли; она грызла ногти на маленькой и обветренной руке.

– Ты живешь как в раю, – с нежностью сказала Мэри. – Но он продал что-нибудь за последнее время?

– Немного. Вернее, после «Соловья» вообще ничего не продал. Только рисунок собаки, который он сделал на здешнем поле и продал ее хозяину. Это было еще до Рождества. Мы так радовались! Жалко, что он так нацелен на высокое. Ведь мог бы написать еще одну картину в духе «Встречи» или «Соловья». Если бы не Далбитти... знаешь, он так нам помогает... Мы даже поссорились с Недом из-за этого перед Рождеством. Он всегда говорит, что у него свои планы, но знаешь... – Она замолчала, потом грустно сказала: – Давай поговорим о чем-нибудь еще. Кажется, Далбитти сказал, что виделся с тобой. Это правда?

Мэри похолодела.

– О да, милый Далбитти, – пролепетала она. – Он приезжал к Пертви в Париж...

Ее брат спал почти весь день, а в дверь барабанили торговцы и какая-то девица, утверждавшая, что у нее украли брошку. Далбитти явился к чаю, совершенно неожиданно, но Пертви, разбуженный Мэри, не пустил его.

Далбитти стоял в дворике перед их квартирой, крутил в руках шляпу, а Пертви злился и орал на него. У него был плохой день. У него часто бывали плохие дни. Мэри видела, что Далбитти пытался уговорить ее брата, а его глаза постоянно устремлялись на нее с ужасом и отчаянием.

Она успела забыть, как ей приятно видеть его длинное харизматичное лицо и темные ласковые глаза. Как он кривит губы. Какие у него быстрые, решительные движения, но при этом он всегда спокойный и собранный – полная противоположность ее бедному брату.

– Вот моя визитная карточка, – сказал Далбитти, озабоченно нахмурив свое доброе лицо, когда Пертви повернулся и направился к их двери. – Пожалуйста, дорогая Мэри – мисс Дайзарт, напишите мне, если ситуация станет тяжелой. Знайте, что вы не одиноки, у вас есть друзья, хоть я не могу помочь бедному парню так, как мне бы хотелось – понимаете... – Он умолк и заглянул ей в глаза.

Их руки соприкоснулись, и он крепко сжал ее пальцы. Мэри задохнулась от волнения, у нее закружилась голова, и она закрыла глаза.

– Вы еще вернетесь сюда? – спросила она.

– Мэри, мисс Дайзарт, боюсь, что нет. Не скоро. Я нужен в другом месте.

– Жалко, мне бы хотелось, чтобы вы вернулись. – Она заставила себя сказать эти слова, самые смелые в ее жизни. Но он просто открыл тяжелую деревянную дверь и, не глядя на Мэри, вышел на улицу.

– Грязная собака, этот Далбитти, ходит тут, вынюхивает, – заорал Пертви, когда она вошла в комнату. Он рухнул в кресло с подголовником. – Теперь у него больше денег, чем мозгов, с тех пор как он победил в конкурсе. Строит дома для отвратительных эстетов и им подобных в графствах вокруг Лондона. Забыл, что такое искусство, страдания, борьба... – Он встал, зашаркал из комнаты, накинув на плечи одеяло, и до следующего дня не выходил из своей спальни.

– Далбитти сказал что-то странное про Пертви, когда приезжал к нам. Может, он все преувеличил, а? Я не совсем поняла, что он имел в виду, а после этого они с Недом заперлись в комнате и о чем-то говорили. Мне тревожно за тебя. – Она повернула к Мэри свое милое личико и подвинулась ближе к ней. Они снова были вдвоем, как когда-то. В сумрачной маленькой комнатке все затихло, звучал лишь ее голос. – Как он относится к тебе? Не обижает?

– Он мой брат, он не должен меня обижать. – Мэри печально улыбнулась. – Однако... ох, милая Лидди, как мне...

Лидди побледнела.

– Что бы ни было, я все пойму.

Мэри была счастлива, что рядом с ней снова была любимая сестра.

– Ох, Лидди, у него черно на сердце, милая моя. Раньше я даже не подозревала об этом, пока не начала вести хозяйство в его доме.

Лидди откинула прядь волос с лица сестры и серьезно сказала:

– Он что – все-таки обижал тебя?

Мэри поставила чашку.

– Обижал? Да, тысячу раз, по-всякому, но он не понимал этого. Ведь как мы росли втроем, Лидди, и я каждый раз стараюсь простить его, когда он тратит деньги на абсент, а не на хозяйство – не ужасайся. – Она радовалась, что может выговориться, и даже дрожала от облегчения. – Если бы я даже владела французским, мне все равно не с кем поделиться этим, ведь я никого не знаю. Я его бессловесная сестра, которая ведет его хозяйство и пускает к нему людей, с которыми он общается. Что это за люди, Лидди! – Она понимала, что лучше бы этого не говорить, но не могла скрыть всю правду от нее или от Неда, потому что знала, что Далбитти все равно расскажет им что-то из этого в свой следующий приезд. А еще она больше не могла носить это все в себе. – Воры, пьяницы, грязные оборванцы и девицы, к которым я не могу чувствовать симпатию, хотя кого-то из них мне жалко.

– Девицы откуда? – спросила Лидди, мало что понимая.

– Ой, дорогая моя. Они, как бы это сказать, не очень порядочные и, знаешь, такие юные. Иногда – вообще-то, он не разрешает мне оставаться дома, когда развлекается, но часто я невольно слышу или вижу. Ведь наши комнаты очень небольшие.

Лидди покачала головой, кудри, обрамлявшие ее лицо, сердито закачались.

– А как там с его живописью? Он пишет Неду и Далбитти, что у него полно заказов! Он писал портрет дочери дирижера Парижской оперы!

– Да, писал и, пьяный, пытался ее поцеловать. Тогда ее отец рассказал всем, что он не порядочный человек. – Мэри прикусила губу. – Это было так некстати, потому что портрет был почти готов, остались лишь мелочи, и он получился очень хорошо – Пертви хороший художник, Лидди, не такой, как Нед, но он прекрасно чувствует лица. А он не смог продержаться лишних пять минут и дожидаться, когда картину повесят в салоне. – Она печально опустила глаза на свои пальцы. – Раньше мне казалось, что ему просто не хватает удачи и он из-за этого пьет. Но теперь я засомневалась. По моему, у него травмирована душа, и это уже не поправить. Он больше

нас с тобой тосковал по маме. Он часто вспоминает ее. Ведь он был ее первенцем.

– Да... – Лидди немного помолчала, прижав к губам ладонь. – Ох, дорогая моя. Все это ужасно. Как же вы живете?

– Он переводит с французского на английский скабрзные рассказы и журнальные сюжеты для какого-то издателя, и тот привозит их сюда. Они ужасные, Лидди. – Мэри с трудом подыскивала слова. – Платят ему очень мало – я не знаю, может, было бы еще хуже, если бы за них платили много, но я не думаю. Он читает их мне – и заставляет меня слушать. Он не знает никакого стыда... – Она закрыла лицо руками.

– Какой он грубый, какой жестокий. – Лидди покраснела от гнева. – Передай ему, чтобы он приехал к нам завтра. Если не приедет, тогда я напишу ему. Он никогда мне не отвечает, но я не отстану и добьюсь своего! Милая сестрица, с тобой нельзя так обращаться. Мы добьемся, чтобы он понял свою ошибку.

Мэри взглянула на сестру, смела с решетки потухшие угли и, открыв окно, высыпала золу на росшие под окном нарциссы. Лидди сильная, ее хрупкое тело держалось на стальном стержне, а Мэри впервые поняла, что сама она не такая.

– Когда он бывает хорошим – о, Лидди! Тогда он снова мой чудесный, любимый брат. Такие перемены меняют всю атмосферу в нашей маленькой квартире.

– Как вы вообще устроились?

– В приятном районе Парижа, недалеко от Аббатства. На Сите, в маленьком, прелестном дворике. – Мэри улыбнулась. – Знаешь, я плохая хозяйка, я так не люблю этим заниматься. Ах, лучше бы я была мужчиной, и кто-нибудь еще вел для меня хозяйство. Меня обсчитывают при покупке хлеба, мясо часто бывает плохое. Я покупаю не самые хорошие свечи и полотно не лучшего качества, потому что не умею требовать все это с продавцов. – Ее глаза наполнились слезами. – Ой, Лидди, я не знаю. На Благовещенье в Сите продавали сахарное печенье и голубей из теста, украшенных разноцветными сахарными полосками. Мальчик играл на аккордеоне, люди танцевали. Все очень мило. Я смотрела на это из окна, мне хотелось спуститься вниз и попросить печенье, одну или две штуки... Но я почти не говорю по-французски, пытаюсь научиться, но так мало вижусь с людьми. Глупо,

но я ничего не могу с этим поделать. Я смотрела на эти красивые сцены за моим окном, так близко от меня. Но Пертви был пьян, и я не могла уйти... – Она опустила голову, но тут же решительно вскинула ее. – Хватит нам говорить о Пертви! Он утомляет меня, даже когда его нет рядом. Он забирает у меня всю энергию. Иногда я вспоминаю о наших планах, которые мы строили когда-то, и о маминых планах насчет нашего будущего – что ты станешь учительницей, а я буду изучать медицину. Ты помнишь?

– Да, помню, – тихо ответила Лидди.

– Но теперь я буду переживать за тебя. Когда у тебя срок? – спросила она, и Лидди вспыхнула и покраснела. – Может, я и старая дева, Лидди, но у меня есть глаза. Твоя фигура пополнела не из-за сладостей, которые тебе приносит Нед. У тебя будет ребенок, и довольно скоро, я угадала?

– Ой, – смущенно сказала Лидди и встала. – Я... я не знаю... я не была у доктора. Нед хочет позвать какого-то доктора по фамилии Трупп, а мне не хочется видеть человека с такой фамилией. И вот еще что. Я хотела поехать в город к старому доктору Форсайту, хоть мне сама мысль о...

– Да-да, я понимаю тебя. И что он сказал?

– Он не ответил на мои письма. Тогда я поехала к нему в Мэрилебон и слышала, как он сказал своей помощнице, чтобы меня не выпускали. – Лидди оперлась о стену, и свет из окна подчеркнул ее увеличившийся живот. – Он лечил нас с детства, а тут даже не захотел меня видеть. Значит, вероятно, отец запретил всем своим знакомым общаться с нами. Как ты думаешь? Неужели Брайант до сих пор командует в доме?

– Не знаю, – спокойно ответила Мэри. – Мне даже думать о них не хочется до сих пор. И еще долго так будет.

– Когда-нибудь они получат по заслугам, не бойся, – сказала Лидди. – Нед не понимает, почему я иногда кричу во сне и не могу остановиться, даже проснувшись. Тот дом. Когда я вспоминаю ту комнату... – Она прижала руку к горлу. – Иногда я, например, слышу конское ржание и вспоминаю тех лошадей, что останавливались возле «Фляжки». Когда мне позволяли открыть ставни, я смотрела на них часами, голодная и замерзшая, навалившись на край подоконника так,

что у меня болели ребра. Теперь я вздрагиваю, когда заржет лошадь, и мне становится плохо. Ну, ты меня понимаешь.

– Да... Ой, Лидди. Не мучай себя!

– Или тапиока. Если миссис Л. готовит тапиоку, мне приходится уходить из комнаты, потому что боюсь упасть в обморок. Мне бывает стыдно за себя – но я не могу объяснить ей причину. – Она засмеялась. – Разве она сможет меня понять?

– Конечно, нет. Я уверена, что это не поймет никто, даже Нед.

В очаге дымил и гасло полено.

– Знаешь, мне хочется узнать, не перебралась ли Брайант в какую-нибудь другую семью; может, она навредила и им тоже. Но нас она не смогла сломить. Знаешь, я часто думаю об этом. Однажды, когда ужасно скучала по тебе и была близка к отчаянию, Далбитти процитировал мне изречение из Корана: «Бог никогда не посылает испытание тяжелее, чем ты можешь выдержать». Этот человек знает все. – У ее ног заскулила собачка. – Тут неприятно, когда дымит дрова, – внезапно сказала она. – Я хочу подышать свежим воздухом! Давай прогуляемся до Хэм-Хауса и посмотрим на реку. – Лидди встала и надела накидку с капюшоном. – Он шевелится у меня в животе, Мэри! Это так странно! – Она распахнула дверь, и Офелия с тьявканьем выскочила наружу.

После сумрачного, затхлого дома их опьянил свежий весенний воздух. Держась за руки, сестры шли к Хэм-Хаусу, поблескивавшему под серебристым мартовским светом.

– Я часто напоминаю себе – я свободна, мы все живы. – Она повернулась к Мэри: – Мы еще посмеемся над Брайант, моя дорогая.

– Я тоже надеюсь на это, – Мэри кивнула и крепче сжала руку сестры. – Можно я приеду и завтра? Мы с Пертви будем здесь четыре дня, а потом вернемся в Париж.

У Лидди помрачнело лицо.

– Только не завтра. У нас гости – Далбитти приедет к нам на чай.

– Я знаю, – робко сказала Мэри. – Пертви сказал мне, потому что он надеется повидать его у вас, если вы не против.

Лидди склонила голову набок. Мэри решила, что она глядела на Офелию, гонявшую вдалеке уток вокруг пруда. Но потом она обратила внимание на ее лицо.

– Милая сестрица, Далбитти женился на прошлой неделе, – сообщила Лидди.

Мэри запрокинула голову и взглянула на верхушки деревьев.

– Я... о, понятно. Какая чудесная новость. – Она грустно улыбнулась. – Пожалуйста, Лидди, передай ему мои поздравления.

– Ох, дорогая моя, – Лидди повернула к ней свое расстроенное лицо. – Нет, я просто убита этим известием и страшно злюсь на тебя! Ох, прости меня, Мэри! Но я хотела сообщить тебе об этом с самого начала. Он признался Неду, что расторг бы свою помолвку и сделал тебе предложение, но только ты ясно сказала ему, что никогда не выйдешь замуж! Но ведь это неправда, а?

– Это правда, дорогая моя.

– Мэри! – Лидди даже топнула ногой от возмущения, забрызгав грязью их юбки. – Господи, какая ты глупая. Ты могла бы стать женой Далбитти!

– Лидди. – Мэри огорчилась, чувствуя, как далеки они сейчас друг от друга – дальше, чем сотни миль от Парижа до Лондона. – Я не такая, как ты.

– Я понимаю, но...

– Ох, моя милая сестра, – мягко сказала Мэри. – Я не могла поступить иначе! Мы едва знали друг друга.

Они вышли к полноводной, стремительной весенней реке. Офелия залаяла, и Лидди взяла ее на поводок.

– Он... он сказал Неду, как с первого взгляда понял, что хочет жениться на тебе.

– Понимаешь, о – я... я никогда не выйду замуж. – Мэри заморгала, скрывая боль, которую ей причиняли эти слова, тяжелую боль в глазах. – Лидди, когда я думаю о домашнем хозяйстве, собаках, детях, чаепитиях – я не могу этим заниматься.

– Это все из-за отца и той ужасной женщины, будь они прокляты. Ты и так этим занимаешься у Пертви, – резко возразила Лидди, и сестры взглянули друг на друга, стараясь понять, что думает каждая.

– Я вынуждена это делать. Без меня он умрет. Он все равно умрет так или иначе, но я помогаю ему жить. Пожалуйста, Лидди, пойми меня, я... я не могу... Я желаю ему счастья. Он лучше всех мужчин на свете.

– Ох, Мэри. Он ужасно несчастный. Он согласился на это ради своей семьи – он их единственная надежда, он обеспечивает мать и братьев с сестрами в Пертшире. Но я видела ее. Роуз. Ой, она совершенно не подходит ему, совершенно, Мэри! – Ее глаза наполнились слезами. – Я всегда думала, как было бы чудесно, если бы мы с тобой, Нед и Далбитти были вместе, а наши дети росли бы где-то рядом. Как было бы чудесно!

– Редко все бывает так, как хочется, – заметила Мэри. С тяжелым сердцем она глядела на грязь под ногами и не решалась добавить что-то еще. Ей вспомнились последние слова матери, обращенные к ней, когда Мэри уносили из ее комнаты, от смертного одра к жизни. Мать тогда взволнованно прошептала: «Никогда не выходи замуж, птичка моя». – Дорогая моя, все это не имеет значения. Давай пройдемся еще.

Глава 20

1893. Лето

Однажды утром на рассвете Лидди разбудил жалобный плач Элайзы. Она вынула дочку из колыбельки и поднесла к груди, глядя с каким-то абстрактным отчуждением, как младенческий рот искал шершавый, влажный, вытянутый сосок, нашел и принялся сосать. Лидди поглядела в окно ее крошечной спальни.

С прошлого лета это был первый по-настоящему теплый день. Над головой сияло синевой небо, на ветвях деревьев набухали почки. Сосущие движения ротика Элайзы убаюкивали Лидди, возвращали ей покой. Она вытерла глаза свободной правой рукой: впервые за много дней, недель она чувствовала себя по-другому и потом поняла, в чем дело. Она поспала. Она поспала чуть больше пяти часов. Не удивительно, что Элайза проголодалась. Она чуточку подвинулась, и возле нее что-то зашуршало. Она увидела, что это было письмо Неда.

Прости, что я уехал так внезапно, но я должен вернуться к работе. Я люблю тебя, дорогая Лидди, и мне жалко, что я сержу тебя. Ладно тебе – я только и делаю, что извиняюсь! Пожалуйста, пойми, что я работаю только ради тебя – я думаю только о тебе и Элайзе. Теперь я продал «Хижину художника» и могу начать работу над чем-нибудь еще. Я хотел сказать тебе до нашей вечерней ссоры, что Галвестон намерен выпустить ограниченный тираж гравюр «Соловья» и заплатил мне двести фунтов. Ты будешь висеть на стенах по всей стране, моя Лидди.

Я понимаю, что материнство – не то, что ты ожидала. Конечно, тебе кажется, что мы живем убогой жизнью в этом домике. Но ты прояви терпение, дорогая, и поверь мне. Разве я не говорил

тебе о моих планах? Я стараюсь только ради тебя. А теперь и ради нашей Элайзы, которая будет расти в красивом доме, полном счастья. Для нее и для ее мамочки я пишу картины и создаю наш рай. Ладно, больше ни слова...

Не сердись – ведь я люблю тебя больше всего на свете.

Лидди сердито скомкала письмо. Элайза вздохнула и пискнула, потеряв сосок. Лидди забеспокоилась. Но малышка тут же продолжила сосать, и Лидди расслабилась и раздраженно швырнула бумажный комочек. Он пролетел через крошечную комнатку, ударился о стенку и закатился под кровать.

Упоминание о «Хижине» задело ее болезненное самолюбие. Нед представил картину на Летней выставке, и публика приняла ее с восторгом. Однако Лидди, хоть и восхищалась картиной, все равно невзлюбила ее. На ней была изображена Лидди в ее побитой молью бархатной накидке с капюшоном; она шла по продуваемому ветрами общинному выпасу, придерживая шляпу с пером; Офелия тянула ее за поводок. На заднем плане виднелся их маленький надвратный дом. Нед замечательно передал ощущение весеннего ветра, свежего воздуха, стремления резвой собачки промчатся по полю. Картина имела огромный успех, даже у напыщенных старых набобов-академиков. Все оценили умение Неда передать характер персонажа и свет.

Но он назвал картину так: «Жена художника. Собака художника. Хижина художника». Словно все это была шутка. Словно они жили только ради него и благодаря ему. Нервно улыбаясь, Нед объяснил ей, что это сатира на английский мужской менталитет. Лидди, уставшая от плача Элайзы, злилась, когда посетители говорили, что ребенку нужна кормилица, сидела в Хэме, никого не зная и ужасно скучая по Мэри. Она заявила, что он ужасно пафосный и что она не намерена быть частью списка наряду с собакой и вполне приличным домом; пускай он маленький и темный, но он никакая не хижина. Нед, терпеливо улыбаясь, снова повторил, что теперь, когда у них родилась Элайза, надвратный дом уже для них не годится и что она сама сотни раз

говорила ему об этом. Что он работает круглые сутки, чтобы изменить ситуацию. Что она несправедлива к нему.

Ох, черт со всем этим! Интересно, чем сейчас занят Нед... Лидди подумала об этом, и знакомая змейка злости проползла в ее душе. Она очень устала – от своей злости на него, от грусти, а больше всего из-за того, что ему, казалось, все это было безразлично. Что-то происходило, она знала это с холодной определенностью. Нед не просто наслаждался холостяцкой жизнью вдали от них, там было что-то еще – и она это чувствовала. Он что-то прятал от нее, что-то очень важное. Это ужасно огорчало ее.

Лидди прижала к себе дочку и, когда весеннее солнце осветило голые ножки девочки, впервые заметила, какие они пухленькие, какие прелестные пальчики, само совершенство, словно крошечные фасолинки. А вот на ее нежных ручках папины пальцы, тонкие и проворные. Любовь, чистая любовь захлестнула Лидди подобно солнечному свету, лившемуся в открытую дверь.

Да, было солнечно, и Лидди не могла оставаться в постели в такой день. Ведь она спала пять часов. Кто знал, когда теперь вернется Нед. Она больше не будет его ждать и сама что-нибудь предпримет. Лидди пошевелила пальцами ног. Сегодня мы погуляем в городе, сказала она и еще крепче прижала к себе Элайзу. И я знаю, куда мы отправимся.

Она села, потому что при этой мысли у нее закружилась голова.

– Да, – сказала она, глядя на дочку. – В последний раз.

* * *

Оказывается, дом был не такой уж и большой. Казалось, он съежился под полуденным солнцем, а его закрытые ставни были похожи на зашитые глаза.

– Вот, – прошептала она, запыхавшись, потому что тащила Элайзу в горку последние несколько сотен ярдов. – Вот он. – Лидди схватилась за прутья калитки и посмотрела сквозь них на свой прежний дом.

В город она приехала на поезде и пересела на омнибус, следовавший мимо «Хилс» по Тоттенхэм-корт-роуд. Когда набитый автобус грохотал по Северному Лондону и лошади теснились на

дороге рядом с другими повозками и кэбами, Лидди крепко держала ребенка, боясь каждой выбоины, каждого толчка, боясь, что отвалится колесо. Теперь она стала чужой в этом городе. Совсем другим человеком.

Где-то в районе Хайгейта Элайза открыла свои огромные голубые глазки и посмотрела на Лидди и на все, что проплывало за окном.

– Это церковь, куда ходила твоя бабушка, доченька. Вон там зоопарк, мы пойдем туда, когда ты подрастешь. Вот это межевой знак, с которого часто прыгал твой дядя Пертви. Ты увидишь дядю когда-нибудь.

Элайза махала кулачком в окно, слегка покачиваясь от тряски. Лидди крепко держала ее, глядела на нее новым взглядом, часто наклоняла голову и проводила губами по идеальной, хоть и слегка бугристой сфере ее шелковистой головы.

Сойдя с омнибуса, Лидди сняла с себя большую шелковую шаль и свернула из нее переноску, как делала миссис Лидгейт, когда гуляла с Элайзой по полю и девочка капризничала. Вот и сейчас Элайза быстро заснула, и Лидди стала подниматься на холм, глядя по сторонам на знакомые картины: «Фляжку», церковь, такие же величественные дома, как и ее... И вот она смотрела сквозь прутья калитки на дом.

Сад был голый, подстриженный кустарник, лаванда и розы исчезли. Исчез с двери и молоток в виде льва, а там, где он был когда-то прибит, остался голый деревянный квадратик.

Через пару минут дверь открылась, очень медленно, и появилась знакомая фигура. Она прошла мимо голых клумб, окруженных плиткой, остановилась по другую сторону от калитки и посмотрела на Лидди. Лидди заморгала и обнаружила, что не видит ее. Она была просто расплывшимся пятном.

– Это твой ребенок, верно, Лидия? – Она прерывисто вздохнула.

– Да, – ответила Лидди. Ей внезапно показалось, что все это ей лишь снится. Она отдернула руки от железных прутьев, словно они мгновенно раскалились, и ее ослепило солнце. Тельце Элайзы лучилось спокойным теплом, но малышка тут же вскрикнула, и Лидди открыла глаза.

На Брайант было лиловое чайное платье с кремовыми кружевами на шее и манжетах, слишком нарядное и дорогое для пятничного полудня и слишком пышное для ее низкого роста.

Вообще-то, она не была ни толстой, ни худой. Ее лицо тоже – это было не лицо ее кошмаров, а простое, невзрачное лицо. Карие глаза, нос-картошка. Рот необычайно широкий, квадратная челюсть. И все же она была воплощением мирового зла. Теперь, стоя перед ней, Лидди поняла с поразительной ясностью: зло приходит в чужом обличье и кажется поначалу тусклым и серым, но потом расцветает, трансформируется, украшает себя новыми ленточками и кружевами на шее.

Брайант улыбнулась еще шире. Тусклые карие глаза, словно пришитые к лицу пуговицы, смотрели без всякого выражения.

– Зайдите в дом, мисс Лидия. Ваш отец будет в восторге. Сейчас я велю поставить чай. Ханна!

Подходя к дому, Лидди собиралась сказать так много всего. Но теперь она ощущала тяжесть маленького спящего тельца и поняла, что ни за что не войдет в эту калитку. Ни за что не зайдет в сад и не пройдет по этой дорожке.

– Нет. Я не хочу заходить в дом, – пробормотала она.

– Что-что? Я не расслышала. Что ты сказала, Лидия?

– Я сказала, что не хочу заходить в дом. – Лидия вскинула подбородок. – Я просто хотела еще раз взглянуть на вас. Я рада, что вас увидела. Это моя дочка. Ее зовут Элайза. Вы не сломили меня. А сейчас вы не можете меня тронуть. – У нее дрожал голос, но она улыбалась, отвечая на маниакальную улыбку Брайант тем же самым. – У меня все прекрасно. Я очень счастлива.

Брайант понизила голос, нахмурилась и что-то пробормотала неразборчивое... *стыд*... Потом снова крикнула:

– Ханна! Ну, прислуга будет крайне разочарована, что не увидит вас, мисс Лидия, и ваш отец тоже. Позвольте сказать вам, что вы обошлись с ним крайне жестоко. – Она склонила набок голову и дотронулась пальцами до кружевного воротника. Лидди прежде не замечала, какой у нее высокий и мягкий голос. – И Господь вас накажет, когда прозвучит последний трубный глас. Он ваш спаситель и властелин, и вас найдут, когда нас всех призовут к ответу за наши грехи. – Она кивнула. – И ты никогда не отмолишь твои грехи. Ты убила свою мать и едва не сделала то же самое и с сестрой. Да, Лидия, дорогая.

– Нет, неправда, – ответила Лидди, качая головой, и у нее снова все расплылось перед глазами. – Я не убивала ее.

– Ох, но ты настояла, чтобы она пошла с тобой на прогулку на Хит в тот день, и там она остановилась и помогла маленькому мальчику, у которого заболела оспой нянька. Вот! Знай это и готовься к Страшному Суду...

Лидди даже схватилась за железные прутья калитки, чтобы не упасть. Из дома выглянула Ханна, поглядела на нее, не веря своим глазам, и сбежала с крыльца.

– Где сейчас твой смазливый художник? – спросила Брайант, приблизив лицо к калитке. – Когда он явится домой? Он испорченный, Лидия, испорченный до мозга костей. Испорченный, как и ты, моя дорогая, ты портишь все, к чему прикасаешься. – Ее язык быстро пробежал по губам, и она вздохнула; она точно знала, что попала в цель. – Так что вы заслуживаете друг друга. Я надеюсь, что он вернется к тебе и вы осчастливите друг друга. – Она рассмеялась, обнажив нижний ряд гнилых, бурых зубов.

Лидди повернула дочку так, чтобы она видела дом. Впоследствии она гадала, не зря ли так поступила, показав малышку этой мерзкой женщине. Может, та сглазила ее?

– Добрый день, милая Ханна, – сказала Лидди, роясь в кармане, а Ханна поднесла к губам край передника и сдержала рыданье, готовое вырваться из ее горла. Лидди сунула доброй служанке в руку бумажку со своим адресом. Брайант в это время смотрела куда-то перед собой, злобно бормоча. Лидди, кашлянув, чтобы прочистить глотку, выпалила: – Я еще раз повторяю – для вас. Вот моя дочка. Вот я. Мы здоровы и счастливы. Вам не удалось меня сломать. Вы не одержали верх надо мной. Передайте моему отцу, что у меня все хорошо и что у него есть внучка. Только он никогда ее не увидит.

– Ты грешница. Безнадежная грешница. И ты поплатишься за это. Да помилует тебя Господь, – сказала Брайант, трясая головой.

– Нет, – ответила Лидди. – Пускай он *вас* помилует. Теперь я свободна от вас! Мы все свободны от вас.

– Я сказала, что ты еще будешь страдать! – крикнула она, и ее голос сорвался и перешел на визг. – Ты никогда не освободишься от меня. – Но Лидди избавилась. Она отвернулась, послав Ханне воздушный поцелуй. – Ты что, не поняла?

Лидди просто сделала вид, что ничего не слышала. Она запела дочке песенку и пошла прочь от постылого дома, потом достала из кармана кусок хлеба и съела. Она долго бродила по Хиту, пока не устали ноги. Тогда она села на склоне холма и посмотрела на город. *Я свободна от тебя. Мы будем счастливы. Вот увидишь.*

Домой она вернулась усталая и пропылившаяся; дочка плакала, и Лидди уже сомневалась, нужно ли ей было ездить в Лондон. Успокаивая Элайзу, она отбросила ногой скребок для обуви, чтобы пройти через крошечную дверь в гостиную и покормить дочку. Элайза плакала все громче, Офелия лаяла, она не выносила детский плач. Только тогда Лидди заметила на коврике бумажный сверток. Достав дочку из переноски, она бережно посадила ее на пол и стала развязывать веревочку. Элайза заплакала еще громче.

– Подождите минутку, девочки. Потерпите, – сказала Лидди, потрепав уши собачки. – Она прокляла меня. Надо написать Мэри – нет, я ничего ей не скажу, она принимает такие вещи слишком близко к сердцу. Минуточку терпения, сейчас я развяжу и...

Из коричневой бумаги с громким стуком выпали три вырезанных из дерева предмета. Элайза даже забавно раскрыла ротик, сложив его в маленькое «о». Гладкая фигурка пухлого младенца, вырезанная из темного дерева и отполированная так, что была как шелковая. Колыбелька из более светлого дерева, качавшаяся на деревянном каркасе. Ореховый прут, тонкий и гибкий, укрепленный на подставке, а на его конце змей из светлой древесины и настоящая крошечная ленточка. Он покачивался на весеннем солнце, пока Лидди, расставив ноги, напевая дочке песенку и разложив возле себя фигурки, читала записку.

Любовь моя, я пишу второпях

Я приеду за тобой, чтобы завтра увезти из Хижины. Упакуй вещи – приготовься к отъезду – собери в дорогу Элайзу. Теперь у нас будет наш дом, Лидди, наш собственный дом. Мне не терпится показать его тебе.

Я продал картины (и очень устал). 4 картины, сцены в Хэме и Ричмонде. Я отдал их не в

Академию, а в Графтон-галерею, – знаешь, не успел я достать их из ящика, как некий человек – запомни его имя, Лидди, сэр Огастес Карнфорт, который заработал себе состояние на стали, купил их все за 500 фунтов! Вот так сразу! Жалко, что ты не видела этого. Это мои лучшие работы, и я рад, что такой богач, как Карнфорт, захотел купить образчик не чего-то отжившего и старомодного, а образчик нового, британского. Он хочет повесить их в своем новом величественном доме – его строит Далбитти – в Ричмонде. Как видишь, ему понравились виды Хэм-Хауса. Вот и замечательно, а мы с тобой больше не будем на них смотреть. Мы больше не будем жить в Хижине.

Целую Элайзу, а все другие поцелуй тебе – я живу для тебя – я работаю только для тебя – все только для тебя – пожалуйста, Лидди, поверь мне!

Н.

На нее нахлынуло странное чувство. Она огляделась по сторонам в этом маленьком домике, еще не опомнившись после своей поездки, посмотрела на дочку, на пол и покачнулась. Внезапно у нее подвернулась лодыжка, и она закричала от пронзительной боли. Дочка заплакала, Офелия жалобно залаяла.

Он пришел через час, и она увидела на его лице морщины усталости, словно нарисованные углем. Она так и не встала с пола, только ухитрилась подвинуться к оравшей дочке, взять ее на руки и покормить. Дочка уснула, сытая, Офелия устроилась рядом, укоризненно поглядывая на хозяйку. Сидеть на деревянном полу было довольно удобно, за окном пели птицы. Стены наконец-то перестали качаться. Когда пришел Нед, Лидди уснула, держа на руках ребенка. Она проснулась, когда он осторожно забирал из ее рук Элайзу, и яростно вцепилась в нее. Во второй раз в тот день она поняла, что такое материнская любовь, – первобытный, странный инстинкт,

непривычный для нее, но уже ставший частью ее существа, как слезы, шрамы и усталость.

Он выглядел ужасно; тонкое красивое лицо стало восковым от усталости, глаза ввалились. Он часто дотрагивался до переносицы. Но его улыбка была нежной, милой и радостной.

– Знаешь, она очень походит на тебя, – сказала ему Лидди глухим от слез голосом, потому что ее лодыжка все еще болела. – Она твой ребенок – когда она улыбается мне, я ничего не могу с собой поделать и широко, как дурочка, улыбаюсь в ответ.

– Шшшш, – сказал он, глядя на дочку, хотя Элайза еще спала. – Ты отдохни немножко, а потом я отнесу тебя в экипаж. Он ждет возле дома.

Через десять минут она сидела в наемном экипаже, все ее пожитки лежали в одной сумке, фигурки для кукольного домика в другой, сундук с книгами и материалами для живописи был привязан на крыше. Она помахала рукой, с нежностью, но без особого сожаления прощаясь с надвратным домом. В Ричмонде они сели в поезд и долго ехали среди цветущих полей. Лидди спала, ее нога, забинтованная Недом, лежала на маленьком чемодане. Сам Нед держал на руках Элайзу и пел ей песенку. Офелия стояла на задних лапах у окна, высунув нос наружу; ее уши трепетали на ветру.

До конца своих дней она не могла вспомнить подробности той первой поездки. На крошечной станции их встретила конная повозка – кто управлял ею? Она так этого и не узнала. Вечер озарил золотым светом холмы, от деревьев протянулись длинные тени. Лидди страшно устала от тряски в экипаже, поезде и теперь в повозке; у нее кружилась голова.

После деревни Годстоу дорога обогнула холм и нырнула в маленькую долину, миновала несколько домов, сложенных из камня медового цвета, и поднялась на пологий холм. За высокой церковной стеной повозка остановилась.

Нед взял Лидди на руки. Он весь дрожал. Собачка спрыгнула на землю и нырнула в зеленую массу кустов. Лидди посмотрела по сторонам и подумала, что они приехали на край света.

Вокруг была зелень, зелень и зелень, а вдалеке виднелись синеватые холмы. Тишину нарушало только пение птиц, да где-то

журчала вода. Устало моргая, она увидела впереди золотистую каменную стену дома. Возле нее росли желтые и белые розы.

Еще была видна изогнутая розовато-золотистая крыша.

– Ты так и не можешь наступать на больную ногу? – спросил Нед, когда повозка уехала, а они остались посреди этого странного подъезда к дому.

– Нет, нет, – ответила она. – По-моему, у меня растяжение. Где мы, Нед? Что это за место? – Тут она заметила птиц на крыше. – Гляди, Нед. Боже мой. На мамином кукольном домике такие же птицы, гляди...

– Минутку, – сказал Нед, взял из ее рук Элайзу и исчез. Вернувшись через минуту, он снова подхватил Лидди на руки и понес по неровной дороге к открытой двери дома, где на пороге лежала их дочка и с удивлением смотрела на них.

Дом тоже был золотистым, с широким крыльцом и массивной дубовой дверью. Стрельчатые витражные окна ярко сверкали в лучах заходящего солнца, и казалось, будто дом объят огнем или позолочен рукой великана. Над первым этажом, подобно ленте, опоясавшей дом, проходил бордюр из узкой черепицы. От дома вниз по склону спускался заросший сад, в его конце виднелись фруктовые деревья и журчала вода.

Нед бережно поставил ее, поддерживая под руку.

Ее руки потянулись к волосам, из которых грозили выпасть шпильки.

– Это Соловьиный Дом. – Нед сдвинул шляпу на затылок.

– Соловьиный...

– Так я его мысленно называю. Ты согласна с этим? – Он наклонился и поднял Элайзу, безмятежно сидевшую на полу возле их ног.

– Лидди, послушай! В кронах деревьев поют соловьи, я слышал их вечером. Я слышал их пение. – Его тонкие черты лица были необычайно выразительными, и сейчас отражали одновременно боль и экстаз. Пожалуй, впервые она поняла, какой он аскет и как он одержим своей идеей. – Я долго искал его и все-таки нашел. Я там мало знал о нем, когда начинал поиски, но решил попытаться и отыскал его для тебя. Это была руина. Мы с Далбитти вернули в него жизнь. У нас с тобой нет прошлого. Мы должны создать нашу собственную семью из

того, что у нас есть. Скажи мне, – он озорно улыбнулся, – он напоминает тебе что-нибудь?

– Дом сельского священника в часе езды от Оксфорда. Она и ее сестра любили прятаться возле дорог; они были такими узкими, а живая изгородь такой густой... еще там был... – Она замолчала. У нее пересохло во рту. – Там был банкетный домик. Остался от старого дома. Они иногда ходили туда после обеда и лакомились десертом.

Лидди покачала головой:

– Ты нашел кукольный дом. Ты нашел его. Это он, правда?

Нед неторопливо кивнул:

– Да. После отъезда твоей матери в Лондон тут никто не жил. Ее родители умерли, и дом стоял заброшенный. Я не понимаю причину, но был рад этому.

Лидди, преодолевая боль в лодыжке, встала обеими ногами на новые черные и белые плитки холла.

– Теперь это наш дом, – повторила она тихим голосом и прислонилась к мужу. Дочка с радостным писком похлопала ее по щеке. Лидди подумала вдруг о Брайант – мельком, ее лицо проплыло мимо нее словно морда дракона на карусели в парке – и покачала головой, а потом тверже наступила на больную ногу. Боль проходила.

Возле дома пели птицы – ой, какой они подняли шум!

Глава 21

1900. Оксфордшир

Через семь лет

Идея этой картины, прославившей его имя во всем мире, пришла Неду Хорнеру неожиданно. Однажды под вечер он сбежал из своей душевной студии и, гуляя в пестрой тени Зарослей, увидел своих детей, сидевших на корточках на покрытых пятнами лишайника ступеньках, которые вели из дома в сад.

– А теперь, Джон, – говорила его дочка, – надень свои крылья.

– Не хочууу.

– Надень крылья, пожалуйста.

– Дельфин.

– Нет, Джон, сегодня не дельфин. Давай будут феи.

Элайза уже надела на себя крылья, Лидди сделала их, когда порылась в старом ящике с костюмами, которые он держал для натурщиков в своей старой студии возле Блэкфрайерс. Крылья были из тонкой серебристой кисеи, купленной им на рынке в Лезер-Лейн. Лидди сшила крылья и для Джона, но он отказался их надевать – боялся, что превратится в крылатое существо и улетит. Но ему нравилось гладить крылья Элайзы, и он радостно смотрел, как она порхала по саду. Элайза бурлила энергией и всегда что-то делала, а Джон предпочитал наблюдать за ней.

Шло их восьмое лето в Соловьином Доме. Нед уже несколько раз пытался написать обоих детей, но результаты получались слишком неубедительными, что-то такое, что мог бы написать Джон Милле к восторгу своих поклонников, но что Неду никак не удавалось. «Дух времени» с широкой панорамой Стрэнда и «Муж и жена», триптих современной свадьбы, написанный в церкви Мэрилебон, принесли ему широкую известность и богатство. Он рисовал детей для себя и Лидди, но не писал картин с ними. «Жена художника...» была последней картиной, где он изобразил собственную семью. Ему все больше

хотелось поднять мостик, чтобы сохранить в неприкосновенности свою личную жизнь.

Лидди соглашалась с этим. Она занималась хозяйством, стряпала, штопала, шила, возилась в саду, выполняя большую часть работ сама. Больше всего она занималась детьми, учила их считать, завязывать шнурки на ботиночках, показывала птиц и цветы, и все это необычайно терпеливо. Неду оставалось лишь удивляться ее неизвестно откуда взявшемуся умению: в те дни вошло в моду «естественное» материнство, но в гостиных многих других провинциальных семей сразу было видно по ухоженному виду детей, что они жили в детской на попечении няньки. Лидди нравилось возиться с детьми, она предпочитала их обществу взрослых. Она приспособливалась к их ритму, ходила в их темпе, смотрела на мир глазами Элайзы и Джона. Нед знал за собой, что он слишком подвижный и нетерпеливый, он хотел, чтобы они понимали, как им повезло жить в таком роскошном месте; дети быстро уставали от него. Зато мать ничего не требовала от них, и они любили ее.

Лидди уговорила овощи расти на каменистой кислой почве. Она украшала детскую одежду затейливыми сборками и отделкой. Она, казалось, находила деньги в воздухе, так экономно вела хозяйство, что поразился бы сам мистер Гладстон. Она преобразила сад, который они, когда приехали, окрестили Зарослями, и сделала из него настоящий рай земной, где цветы буквально круглый год создавали разные красочные пятна. Она даже сама похоронила Офелию, умершую через два года после их приезда от болезни. Нед смотрел, как она рыла могилку, методично отбрасывая мерзлую землю, положила в мешок маленькое серое с коричневым тельце и осторожно положила его в ямку, не пролив ни слезинки. От его помощи она отказалась.

– Спасибо, я достаточно насмотрелась из окна Пертви на могильщиков и знаю, что надо делать. Она была моей собакой, и я должна сама ее похоронить.

Впрочем, он не удивлялся, что у нее все получалось: всю жизнь она стремилась держать все под контролем. Но она рассмеялась, когда однажды он сказал ей об этом.

– Дорогой мой Нед, я мечтала писать и быть свободной. Гулять и нюхать цветы. Я никогда не мечтала нашивать рюши на фартучки, хоть теперь и занимаюсь этим большую часть времени. – Она встала,

подошла к нему, сунула руки в его карманы и потянулась к нему для поцелуя. – Но ты прав. Я хотела, чтобы у меня был уютный дом. Ты тоже. Пусть эти дети меняют мир, а я не собираюсь это делать.

Через восемнадцать месяцев после их переезда родился Джон, и в том же году Нед продал картину «Дух времени», а «Первый год» с улыбающейся Элайзой, окруженной хаосом из игрушек, была продана на следующее лето после Летней выставки Королевской Академии. В их семье появились деньги, и они наняли прислугу. Лидди нашла в деревне Годстоу экономку по имени Зиппора, кухню Ханна, приятную, разумную женщину, отца которой когда-то крестил преподобный Миртл, дед Лидди. Еще у них появилась служанка Димфна из графства Корк и садовник Дарлинг, древний, как холмы, подвижный, как малыш Джон, и знавший все, что только можно было знать, про глинистые почвы и пригодные для них растения. Няньки у них не было.

Их жизнь текла изо дня в день очень просто. В те первые годы они не нуждались в компании, они были счастливы в обществе друг друга. К тому же Нед всегда работал, а у Лидди тоже хватало дел. Каждый день приносил новую радость: когда Джон сказал «дельфин», когда они за день до жатвы нашли соню, спавшую на пшеничном поле. Расцвели первые розы, посаженные ими. В Голубятне сделали стеклянную крышу. Полуночная месса, певцы рождественских гимнов возле их дома в канун Рождества... все новые и новые приятности каждый день, неделю, год... время катилось своим чередом, все быстрее и быстрее... Конечно, бывали у них и гости: милая, веселая Ханна, когда ее отпускали в Хайгейте; дети обожали тетю Мэри, она часами читала им сказки из «Тысячи и одной ночи», и тогда детская наверху дома – Птичье Гнездо – исчезала, а вместо нее возникал пышный дворец в пустыне, разбойничья пещера и мудрый маг. Бывал у них дядя Люшес, лучший друг Неда; они с папой закрывались в Голубятне, курили сигары и беседовали до поздней ночи. Больше никто к ним не приезжал. Только они.

И вот, прожив довольно долго в этом прекрасном месте, Нед обнаружил, что ему хочется запечатлеть на полотне это чувство, а может, даже лица его детей, но только он не знал, как это сделать. Пока не увидел детей в тот июньский день, когда летняя жара поднималась от старых камней, а аромат цветущих роз и жимолости наполнил его

легкие, действуя как сильный наркотик. Нед замер и замороженно глядел на эту сцену.

– Ох, – тихо сказал он сам себе. – Да...

Тут он повернулся и бегом вернулся в студию за блокнотом.

Возможно, он уже тогда знал, какой поразительной станет законченная картина – отблески золотистого солнечного света на высокий траве в саду, колышущиеся серебристо-лиловые ряды лаванды, бело-розовые маргаритки, сверкавшие возле покрытых лишайником дорожек и на ступеньках, ведущих к дому. Этой картине было суждено стать самой значительной в его творчестве, а возможно, и самым выдающимся произведением викторианской живописи, – к тому времени, когда она будет уничтожена, ее уже увидят миллионы людей по всему миру. Еще десятки лет после ее гибели мужчины и женщины будут говорить с улыбкой: «Я видел тех фей».

Потому что они часами стояли в очереди в Йоганнесбурге и Торонто, Нью-Йорке и Аделаиде, чтобы посмотреть на «Сад утрат и надежд», восхититься кораллово-золотистым светом, маленькими фигурками, повернутыми спиной к зрителю, одна из них со скошенными набок серебристыми крылышками, сияющими на вечернем солнце. Люди будут часами смотреть на тех детей, символ надежды, чистоты и невинности, уцелевших вопреки всему в этом ужасном мире.

Возможно, он знал это тоже. Это были его дети: спокойный, сосредоточенный Джон, золотой локон упал на его лицо, рука протянута к окну, и Элайза – она смотрела на окно дома, болтая одной ногой, в сосредоточенной позе, сторбив плечи. Зрители видели только ее нежное ухо и точеную щеку. Это могли быть только они.

Их матери, закончившей что-то писать, пришлось уговаривать детей, а они горько жаловались, что им пришлось снова сидеть неподвижно для еще одной отцовской «ужасной картины», как называл ее Джон. Три дня Лидди ходила по саду, когда Нед делал наброски сначала карандашом, потом маслом на маленьком загрунтованном холсте, и пела детям песни, пока он работал. Пела она старинные народные песни тех краев, которым научила ее мать: «Завтра я буду танцевать», «У меня был маленький орешник» и песенка, придуманная ею самой: «*Джон, Джон, сын художника он. Украл пирожок и прыг за порог*». Ее голос взмывал кверху и падал,

гипнотизируя детей, заставляя тихо сидеть, иногда он звучал чисто и холодно, когда она шла впереди, хрустя гравием, и торжественно махала им рукой, но не говорила ни слова. А позади них отец лихорадочно работал.

Она рвала цветы, тяжелые, поникшие головки подсолнухов, трепещущие мальвы, коралловые, вишневые, темно-бордовые шары георгинов. С охапками цветов она возвращалась к дому и глядела на ступеньки, где позировали ее дети; тот естественный момент детского восторга превратился в застывшую, искусственную сцену.

– Еще немножко, – бормотал Нед, поправляя мольберт на склоне, и Лидди вторила ему:

– Еще немного потерпите, милые мои.

Они позировали три дня, но потом взбунтовались и заявили, что больше не выдержат. Лидди согласилась с ними – раз уж Нед закусил удила, переубедить его было невозможно. Она и сама страдала от его одержимости, позируя ему часами, и в конце сеанса у нее болели плечи и голова, немели ноги.

– Бедные дети устали, – говорила она ему, хотя на самом деле ей нравились те дни, когда она могла смотреть на их милый, уютный дом с распахнутыми настежь французскими окнами, темно-зеленым плющом на южной стене и белыми звездочками цветков вьющейся гортензии.

Дети, отпущенные на свободу с обещанием, что к чаю у них будут гренки с сыром, но все еще нывшие, упорхнули, словно две птички, по ступенькам в сад на поиски приключений. Позже обнаружится, что Элайза немедленно разорвала свои крылья и бросила их в ручей. Нед взял мольберт, закончил эскиз и почти бегом вернулся в студию. Накануне вечером он приготовил главный холст, натянул на деревянную раму и сам загрунтовал, покрыв его ярко-белым слоем.

Теперь Нед укрепил холст на мольберте и поглядел на белое поле. Это было начало творческого процесса – момент пустоты и покоя. Потом он взял палитру, смешал краски и, словно одержимый, безостановочно писал несколько дней, пока не закончил картину.

Она стала кульминацией в творчестве Неда, соединив в себе правду, красоту, гуманизм и реализм. Единственный раз в жизни он не волновался, будет ли она продана. Он хранил эскиз и карандашные зарисовки, поскольку любые подготовительные материалы к «Саду

утрат и надежд» следовало ценить, ведь там были изображены его жена, его милая дочурка с облаком нежных медовых волос и загадочной улыбкой, его серьезный маленький сын со светлой челкой и пронзительным взглядом беспокойных синих глаз.

Закончив картину, Нед вынес ее в сад и оставил среди цветов и летней жары. Начался долгий процесс сушки. Она стояла там два дня, и это тоже стало частью мифологии: потом говорили, что слои краски вобрали в себя пыльцу, золотую пыль лета, зелень травы и пятнышки семян. Это было живое произведение искусства.

Пока картина стояла на улице, Нед ходил мимо нее с утра и до позднего вечера с трубкой в зубах, глядел на нее, высматривал изъяны, но не находил ничего, поскольку это было совершенное выражение того, что он хотел сказать об их жизни в Соловьином Доме.

Вероятно, именно поэтому он и написал эту картину. Вероятно, он знал, что должен запечатлеть их всех вместе. Вероятно, он знал все наперед.

Глава 22

1901. Июнь

На ферме подрастали щенки.

– Тетя Мэри даже не заметит! Мы уйдем потихоньку, а потом вернемся, прежде чем она заметит! – заявила Элайза, тряхнув локонами.

Джон неловко поерзал на стуле; рубчатая ткань на его коротких штанишках странно пискнула, потершись о дамастовую обивку.

– Тетя Мэри все замечает, – сказал он и похлопал ладошкой по губам.

– Наверно, это потому, что она не привыкла к детям. – Элайза прикусила губу от усердия, строгая ржавым перочинным ножиком деревяшку. Джон кивнул, хотя ему нравилось такое неустанное внимание их тети Мэри. Она была не такая, как мама, спокойный центр их вселенной.

– Мама сказала, чтобы мы никогда не уходили одни далеко от дома, – напомнил Джон сестре.

– Она не узнает! Что ж, Джонни, как хочешь. Ну а я сказала миссис Тукер, что приду и посмотрю их сегодня. – Элайза отодвинула стул и встала. – Ведь они не всегда будут щенками. Они вырастут. Ты разве не знаешь законы природы?

Джон почесал голову. Вообще-то ему хотелось лечь у ручья под яблоню и почитать книжку. Вот что ему хотелось. Она была ужасно интересная, про мальчика по имени Альфред и его щенка Блейз, самого маленького из всех; Альфред не дал его утопить и сам выкормил. Конечно, Джону тоже хотелось иметь щенка... а на ферме были щенки, настоящие, живые щенки...

Элайза глядела на него, склонив голову набок.

Сестра миссис Тукер, Ханна, приехала на неделю из Лондона. Когда родились щенки, миссис Тукер сказала детям, что надо подождать месяц – щенки еще слишком маленькие, у них еще не открылись глаза, к тому же через месяц приедет Ханна. Вообще-то,

Элайза больше любила кошек, но щенки есть щенки, сказала она Джону. И терпеливо ждала, зачеркивая дни на листке бумаги в мамином кабинете; месяц прошел, и теперь, конечно же, их можно навестить, а заодно и Ханну! Они любили Ханну, которая знала маму и тетю Мэри еще детьми. Иногда она рассказывала им про мамино детство. Крошечные детали, например, что мама хотела открыть шляпное ателье и однажды обшила кружевами праздничный чепец Ханны.

Но мама, редко запрещавшая им что-либо, была очень строгой к таким вещам. Она не разрешала им ходить одним в деревню и уж тем более дальше за деревню по аллее до фермы Марш. Тукеры были хорошие люди, Ханна тоже – но за последний год двое детей заразились тифом, попив воду из деревенского колодца, а в апреле тринадцатилетняя служанка убежала из Годстоу-Холла и оставила записку, что она скучает по маме и решила вернуться к ней. Ее разорванный на куски труп нашли возле аллеи. Джон слышал, как мама и Зиппора шептались об этом.

Родителей погибшей найти не удалось, и ее похоронили в чужой деревне чужие люди. Джон часто думал о ней, просил разрешения пойти на похороны, но ему не позволили. Тогда он оставил на могиле букетик цветов. «Элла Уотсон, – гласила надпись. – Покойся с миром. 1886–1899». Но он был уверен, что она не обрела покой. Его это пугало, он просыпался среди ночи и думал об этом. Кто мог совершить такую ужасную вещь? Для Джона жизнь была раем. За свою короткую жизнь он знал только доброту и красоту.

Но мама с папой были далеко, в Лондоне. Папе дали какую-то еду, потому что там был обед в его честь. Еще он показывал свою новую картину на Летней выставке Королевской Академии, ту, на которой они с сестрой ждут маму. Картина была уже продана мистеру Галвестону, дяде с закрученными кверху кончиками усов, и это была замечательная новость. У них все дела шли лучше, когда папа продавал картину.

– Щенков раздадут через неделю, Джон. Если мы не пойдем сегодня, то потом уже будет незачем идти. А мы посмотрим на них сегодня. Ты понял?

Вчера вечером тетя Мэри отказалась читать ему еще одну сказку, и он обиделся на нее. А увидеть щенков так хотелось! Он выглянул в

окно и увидел фей, танцующих в лучах утреннего солнца, золотистые пятнышки... а в ручье будет искриться холодная вода... а тропа пойдет под деревьями... щенки! Джон повернул лицо к сестре и кивнул:

– Да, хорошо. Но давай пойдем прямо сейчас.

– Нет, нет, нет, нет, – сердито сказала Мэри. Она посадила их на террасе на стулья, отошла на шаг и сверкнула глазами, скрестив на груди руки. – Сегодня получите на чай хлеб с кулинарным жиром и никакого печенья. И никаких сардин и какао! Как вы могли, милые мои! Я просто убита. Что сказала бы мама, если бы увидела, как вы плывете по речке. Она никогда больше не попросила бы меня остаться с вами, а что буду делать я, если не смогу приехать к вам, скажите, пожалуйста?

– Ты останешься в Лондоне и будешь шить баннеры для грубых теток, которые хотят голосовать.

– Грубых теток? Ай-ай-ай. Я бы скучала без вас, Элайза. А что вы скажете о бедной миссис Тукер? Ей пришлось развлекать вас, когда вы неожиданно появились у нее. И как вас спас Дарлинг? – Она прижала руки к груди, уронила их и тяжело вздохнула. Ей не хотелось показывать детям, как она ужаснулась и встревожилась, когда Дарлинг привел промокших ребяташек, а они извивались в его руках, как головастики, и ревели от ярости – вернее, редела Элайза, а Джонни жалобно завывал.

Элайза нашла старую лодку на берегу речки. Они успели доплыть до церкви, когда их заметил Дарлинг – он подметал дорожки на кладбище. Джон в душе обрадовался – разве это не ужасно? Но грести было тяжело, у него заболели руки, и он боялся упасть в воду. Потом Элайза раскачала лодку, и они все равно оказались в воде, ужасно холодной. Зеленые водоросли хватали за ноги, словно русалочьи волосы... Джон сидел на стуле, дрожал, слезы текли по его маленькому лицу.

– Что мне с вами делать? – спросила Мэри, чуть улыбнувшись, но ее брови были нахмурены. – Ой, детки. Идите к себе наверх. Вы себя плохо вели.

– Нет, неправда! – выкрикнула Элайза, покраснев от стыда и огорчения. – Мы храбро вели себя, и нас нельзя ругать за это! – Она прикусила губу. – К тому же не надо наказывать Джонни. Это я заставила его это сделать.

Мэри прижала к груди мокрую голову племянницы и погладила ее волосы. Холодную щечку, липкие руки.

– Мой ангел, вы храбрые и замечательные, но все равно меня надо слушаться, понятно? – Она посмотрела на спутанные волосы девочки. – Нельзя так убегать.

Элайза высвободилась из ее рук и встала.

– Я обещаю.

Мэри улыбнулась и потрогала намокшую кофточку; сквозь ткань просвечивала ее бледная кожа.

– Милая моя, у тебя характер, как у твоей мамы, ты такая же храбрая в любой ситуации. Если хотите, завтра я отвезу вас на лодке в деревню. Я умею грести – немножко.

– Нет! Пожалуй, да! – крикнула Элайза и снова залилась слезами.

Неожиданно позади них раздался голос:

– Ну и ну. Что-то случилось? Тетя Мэри не справляется с детьми?

Джона поразило выражение на лице тети Мэри, когда она взглянула на высокую фигуру, появившуюся на террасе. А тот человек смотрел на них и улыбался, держа руки в карманах твидового костюма. Подойдя к ним, он ласково сказал:

– Добрый – добрый вечер, Мэри – мисс – мисс Дайзарт, вернее. Я страшно виноват.

Побледнев, она испуганно покосилась на свою просвечивавшую блузку и замерла, вцепившись руками в юбку. Тяжело вздохнула, подошла к нему и подала руку.

– Далбитти, – сказала она, и ее голос звучал уже иначе, весело и легко, не как у строгой тетки. – Как я рада вас видеть.

Он взял ее за руки и посмотрел на нее со строгим лицом; они оба застыли в неподвижности.

– Дорогая моя Мэри. Как я рад, что увидел вас здесь.

Он махнул рукой в сторону дороги, где возчик снимал с повозки большой деревянный ящик.

– Внеси в холл, – сказал ему Далбитти. Потом повернулся к огорченным детям, глядевшим на него огромными от удивления глазами. – Я привез вам мой должок, зная, что ваши родители в отъезде, хотя думал, что за вами присматривает Зиппора, а не ваша тетя Мэри. – Он говорил это детям, но глядел на нее. – Идите и посмотрите, что я вам привез.

В полукруглом холле, куда сквозь крышу лился свет вечернего солнца, Далбитти взял большой ящик и осторожно поставил его на плитки пола. Он сильно надавил на доски упаковки, нагнулся, убрал их, и дети ахнули.

Это был домик – их домик. Он стоял в центре холла и был Джону до плеч; в стрельчатые готические окна вставлены настоящие стекла, крыша как резная рыба чешуя.

– Это ведь... – Мэри задохнулась от удивления, но спокойно добавила: – Это был мамин домик. Потом мы тоже играли в него. Откуда он у вас?

– Ах, Мэри. Пертви вынес его во время последнего приезда домой. Я ждал его возле дома в моем экипаже, пока он просил денег у вашего отца, – это было в последний раз, и отец его просто высмеял. Но Пертви ушел вот с этим домиком. Сначала я даже не понял, в чем дело – он накрыл его пледом; бедняга пошатывался и почти не видел, куда идет. – Глаза Далбитти лукаво сверкнули. – О, старая гувернантка пыталась остановить его – но он был зол; видели бы вы выражение его лица, когда мы уезжали!

– Пертви это сделал?

Далбитти кивнул:

– Да, он сказал, чтобы я отдал его детям. Тогда я отвез его Неду и рассказал ему, и он согласился, чтобы я это сделал. И вот он здесь, Мэри. Надеюсь, вы не возражаете?

Она взяла его за локоть.

– Вы такой заботливый. По-моему, это самый добрый поступок, какой я видела в жизни. Бедный Пертви. – Ее глаза затуманились слезами. Далбитти смотрел на нее, стоя за домиком и заложив руки за спину.

– Мне очень жалко, Мэри.

– Дядя Далбитти, – сказала Элайза. – Скажите, пожалуйста, он открывается?

– Да, конечно. – Далбитти присел на корточки, поддернув на коленях брюки. Он открыл защелку, и домик раскрылся, словно ореховая скорлупа, обнажив интерьер – изогнутую лестницу, белок на перилах, даже маленькие посудные шкафы и откидывающиеся сиденья под окнами, в которых можно хранить сокровища. В их комнатках были железные кровати, сундучки и витражные окна. Дом отличался в

одном – петля была справа, а не слева. В игрушечном домике большой дымоход Соловьиного Дома и огромный камин в гостиной были сделаны со стороны петли.

– Вот, – сказал Далбитти, приподняв дымовую трубу, – волшебная штука – тайник. – Элайза заглянула в него, привстав на цыпочках.

– Ого, он широкий; там поместится моя коллекция ключек. – Джон нерешительно шагнул ближе.

– Ключек, – сказал Далбитти, обняв худенькую фигурку мальчика. Джон тоже заглянул в дымоход. – Или сладостей. Вы знали об этом, Мэри?

– Нет! – воскликнула Мэри. – Столько лет играла, но не знала...

– Я обнаружил вот это... – Он протянул ей записку. Мэри развернула ее дрожащими пальцами. На тонкой бумажке было написано аккуратным детским почерком:

Извини я разбил твой чайный сервиз с
медведями твой любящий брат Руперт Дайзарт.

– Так похоже на него! – воскликнула Мэри, прижав к груди записку. – Он чувствовал вину и не нашел силы повиниться, просто спрятал записку. – Она даже не могла вспомнить тот сервиз. – Ох, Пертви.

– Там можно что-нибудь прятать, – сказал Джон, оценивший эту идею; он протянул руку и пошарил в дымоходе.

Далбитти вынул из кармана монетку и бросил в трубу. Она звякнула.

– Полпенни. Денежка твоя, если сумеешь достать ее.

– Сокровище, – радостно воскликнул Джон и с широкой улыбкой повернулся к Далбитти: – Спасибо, сэр.

– С моим удовольствием, молодой мастер Хорнер. Надеюсь, этот домик доставит вам много приятных часов. – Далбитти взъерошил светлые волосы Джона. Мальчик поймал его руку, отпихнул ее и умчался прочь. Далбитти вернул на место трубу, закрыл дом и повернулся к Мэри. Она с улыбкой встретилась с ним взглядом.

– Как у вас нашлось на это время? У вас всегда так много дел, – сказала она.

– Я с радостью помогаю моему другу. Он позволил мне отработать на этом доме все мои идеи... – Он огляделся по сторонам. – Тут была моя тренировочная площадка, я пытался построить дом для семьи, семейный рай. Сейчас я гляжу по сторонам и что вижу? – Он положил руку на трубу домика. – Вижу, что у меня неплохо получилось.

– Ребятки, бегите в ванную, – велела Мэри. – Зиппора налила в ванну воды и теперь согревает вам одежду. Иначе вы простудитесь.

– Сейчас лето... – запротестовала Элайза.

– Да, и вы насквозь промокли. Идите, пожалуйста, к себе в комнаты, а на обратном пути можете достать в ящике маминого письменного стола деревянные фигурки. Принесите их сюда. Им место в этом домике.

– Да, – сказала Элайза серьезным тоном, стоя на одной ножке. – Спасибо, дядя Далбитти, домик просто фантастический.

Они наперегонки умчались наверх и оставили вдвоем Далбитти и Мэри, глядевших друг на друга в меркнувшем свете дня.

Холодный ветерок пробежал по коже Мэри; она зябко поежилась и посмотрела на длинное лицо Далбитти, его добрые глаза. На его щеке дернулась мышца; он ничего не сказал и встретил ее взгляд. Он стоял, слегка сжав опущенные руки. На его побритых утром щеках уже появилась тень щетины – Мэри очень хотелось протянуть руку и потрогать ее пальцами...

Мэри все уже знала, хотя ничего не было сказано. Брайант говорила, что надо держать под контролем все природные импульсы внутри нее и Лидди; сама Мэри все время смотрела в отчаянии на Пертви, так бесстыдно развлекавшегося с какой-нибудь молодой девицей; Лидди упомянула про первую ночь с Недом, и ее тон, ее выражение лица были полны экстаза.

Она кашлянула.

– Спасибо; я думаю, что Пертви был бы рад.

Он ничего не ответил и все еще смотрел на нее или мимо нее, она не могла понять.

– Про Пертви – мне так жалко, что я не повидался с вами в Париже...

Она подняла руку и с досадой обнаружила, что она дрожала.

– Сейчас это уже не важно. Спасибо за вашу помощь.

– Мэри, я должен вам объяснить...

– Нет, сэр. Дорогой Далбитти! Пожалуйста, не надо. А теперь извините – мне надо заняться детьми.

Он нерешительно смотрел на нее:

– Мэри... мисс Дайзарт...

Но она уже торопливо поднималась по лестнице вверх.

Вечером он пришел к ней в комнату.

Осторожный стук в дверь, такой смертельно тихий, что сначала ей показалось – что? Что это духи; она давно подозревала, что они носились по дому и саду, озорничая и разбрасывая искры магии. Мэри закуталась в шаль. Полная луна светила сквозь тонкую кисею, бросала молочно-белые тени на ее босые ноги, когда Мэри быстро зашлепала по темным доскам пола. Книга «Тысяча и одна ночь» лежала раскрытая на ее комод; Джон и Элайза прибежали к ней в постель, чтобы она почитала им, и доверчиво прижимались к ней.

Она нерешительно открыла дверь, совсем чуть-чуть, на дюйм, и обнаружила там его. Он не наклонился, не шептал. Просто сказал спокойным тоном:

– Можно мне зайти?

Страх подступил к ее горлу.

– Что-нибудь случилось с детьми? Кто-то заболел?

– Нет. Мне надо поговорить с вами. Можно?

Слишком изумленная, чтобы отказать ему, Мэри открыла дверь. Ведь это же Далбитти. Когда-то он спас Лидди и Неда от нищеты, перестроил этот дом. Когда Пертви был найден мертвым из-за внезапного инсульта, Далбитти все устроил: отправил на следующий день Мэри в отель в сопровождении сестры Альфонса Джорджа; перевез из Франции тело Пертви, расплатился с его долгами, продал его картины и мебель и отдал ей деньги, на которые она теперь жила спокойно и скромно. Мэри видела Далбитти очень редко: на крестинах, а в последний раз в Лондоне перед Летней выставкой.

Его жена Роуз обычно жила в Шотландии, но в тот раз сопровождала его. Она была такая же высокая, как он, стройная, с глубоко посаженными глазами, в изысканном зелено-лиловом платье из твида и красивой шляпке с павлиньими перьями. Она сказала Мэри, что не любит шумный, пугающий Лондон. А платье заказала для нее

мама, и оно неудобное. Ей хотелось поскорее вернуться домой, к ее лошадям.

– Я охотно верю, – вежливо отозвалась Мэри, поглядывая через плечо на Пертви и опасаясь, как бы он не сказал чего-нибудь неудачного супруге президента. – Далбитти очень рад, что вы наконец-то в Лондоне вместе с ним и он может куда-то с вами пойти.

– Ах, – возразило это странное создание. – Я так не думаю. Я тут ужасно несчастна. – На ее глазах появились слезы, и она смахнула их. – Мне хочется скорее вернуться домой.

Она была совсем юная – но Мэри с Лидди тоже были юными. Она была красивая и высокая, они с Далбитти были из шотландских семей.

Но Мэри ясно видела, что она совершенно не подходила Далбитти. Они совсем не разговаривали друг с другом, только в конце приема Далбитти спросил у нее, готова ли она уйти.

– Господи, конечно. Поезд уходит рано утром. Нам надо еще собраться в дорогу.

– Нет, он не испытывает к ней неприязнь, – шепнула потом Лидди. – Может, так было бы и лучше. Но она из таких женщин, которым противопоказано замужество. Ой, не так, как ты, Мэри, не делай загадочное лицо. Ты способна любить так же сильно, как и я.

И вот Далбитти стоял в дверях со свечой в руке. На нем был роскошный халат из темно-лилового бархата, расшитый золотыми и серебряными птицами.

– Почему вы здесь? – спросил он. Она засмеялась.

– Вы отказываетесь от ужина, а в полночь приходите ко мне в комнату, одетый как... как султан, навещающий свой гарем, и задаете мне этот вопрос?

Он увидел за ее спиной книгу арабских сказок и улыбнулся.

– Простите меня. Но я хотел спросить, почему вы оказались в Соловьином Доме?

– Опять же, я могла бы задать вам тот же самый вопрос, и у меня больше причин на это.

– Я думал, что вы останетесь в Париже после смерти Пертви. Тогда вы сказали мне об этом.

– Я обнаружила, что не могу там остаться.

– Если бы я знал, я бы помог вам устроиться.

– Спасибо, но я с радостью делаю это сама. Не беспокойтесь.

– Я обещал вашему брату, что позабочусь о вас, – сказал он.

– А я с удовольствием устраиваю мои дела так, как мне нравится. – Она подняла на него глаза: – Спасибо вам за ваше доброе отношение к нему.

– Я очень любил его. И вы знаете это. Он и Нед заменили мне семью, когда я приехал из Шотландии в Лондон, не зная никого. Мы обещали помогать друг другу, мы трое, и помогали. Где вы теперь живете?

– В Хаммерсмите у реки в съемных комнатах. Это достаточно далеко от отца, чтобы не столкнуться с ним случайно, и достаточно близко от вокзала, так что я могу навещать Лидди. Я живу спокойно и приятно. Рядом есть библиотека, и я беру там книги, а еще больница и всякие общества, клубы – у меня теперь много новых подруг, с которыми я часто общаюсь. Суфражистки, Общество изящных искусств, социалисты...

– Мэри – социалистка и суфражистка? Неужели у вас еще остается время на искусство?

Мэри встретила его взгляд.

– Сейчас очень поздно. Лидди с Недом не придают большого значения приличиям, в отличие от их слуг. Вы женатый человек. Что вы хотите мне сообщить, Люшес?

– Мэри, позвольте мне сказать пару слов. Я понимаю, что мой сегодняшний приезд поставил вас в неловкое положение. Я пытался поговорить с вами, но не мог сделать это при детях. Простите, что я нагрязнул к вам в комнату. – Он замолчал и огляделся по сторонам. – Неужели уже так поздно? Который сейчас час? – Она улыбалась; он взглянул на часы-карету на каминной полке. – Боже милостивый, я и не подозревал – ой, ладно, Мэри. Мне необходимо поговорить с вами.

За окном ветер трепал деревья. Они стояли вдвоем в комнате, обитой темным деревом. У Мэри задрожали колени, и она оперлась рукой на деревянную спинку кровати.

– Да?

– Простите. Я приехал, чтобы объясниться с вами. Сказать, что я виноват.

– Виноваты? Как вы можете быть в чем-то виноваты?

– Я виноват в том, что женился. Да, конечно, вы сказали, что никогда не выйдете замуж, вот почему я послушался моего отца и

сделал предложение Роуз. – Он не отрывал глаз от синего корешка книги. – Мы прежде никогда не говорили об этом... Я так много раз хотел это сделать, и все же, недостаточно зная вас, и все же... и все же, зная вас... – Он покачал головой, и горькая улыбка исказила его доброе лицо. – Мы с женой – я надеялся, что мы, может, привыкнем, притремся друг к другу, – мы с ней любим Нагорье с его вереском и холмами. Она неглупая. Но с самого начала наш брак был катастрофой. Я буду откровенным. Я не смог стать ей мужем. Она не захотела этого и призналась, что ей не следовало выходить замуж.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я... – Он улыбнулся и осторожно сказал: – Я не муж ей. Однажды попытался, но с тех пор об этом больше нет и речи. Во время нашего медового месяца в Германии. – Он потер лицо знакомым жестом. – Клянусь Богом, Мэри, это была катастрофа.

«Вам не следует говорить мне такие вещи». (Она могла бы сказать так, но не сказала.)

– Как это? Я ничего не знаю про медовый месяц, – сказала она вместо этого.

Далбитти оперся на спинку кровати.

– Вы знаете достаточно и наверняка понимаете, что должно произойти между новобрачными, чтобы брак стал настоящим. Жена не должна вонзать вилку в ногу мужа, когда он пытается – э-э... о господи...

– Да уж...

– Да-да. Я не сумел... убедить ее стать моей женой. Честно говоря, не слишком и пытался, но стоило мне проявить минимальную настойчивость, как она вынула из юбки вилку и вонзила мне в бедро. – Он так сильно потер лицо, что у него встали дыбом волосы. – Я упал в обморок. Она заперлась в ванной. Служанка решила, что я убит. Короче, получился настоящий цирк, сюжет из арабских сказок... – Он вскинул голову: – Почему вы смеетесь, Мэри?

Мэри захлопнула книгу и повернула к нему лицо:

– Я не смеюсь, клянусь вам. Где это произошло?

– В Веймаре, чудесном городе, колыбели Просвещения... – Он снова замолчал и повернулся к ней: – Нет, вы *все-таки* смеетесь.

– Нет-нет... ох, Далбитти. – Она прикрыла рот пальцами. – Бедная девочка, бедный вы. Вы сделали ей больно?

– Ей? Больно? – Далбитти даже закричал от злости. – Я только положил ей руку на плечо, вот и все! И тут появилась вилка... Я никогда не видел ничего подобного. – Взглянув на Мэри, он тоже рассмеялся. – Я никому не говорил об этом. Даже Неду.

– Я понимаю вас. Как нога? Зажила?

– Да, спасибо. Бедная Роуз.

Ее веселье пропало так же быстро, как и вспыхнуло.

– В самом деле, бедная Роуз. Она любила вас когда-нибудь?

Он покачал головой:

– Нет. Она любит лошадей. И свою младшую сестру. Она удивительно хорошо обращается с детьми. Я надеялся, что у нас будет семья, ей будет чем заняться и это заменит ей неудовлетворенность мной. Ей не надо было выходить замуж, она сама сказала мне об этом. Я подозреваю, что вся ее семья, да и моя тоже, готовы проткнуть меня вилкой. Однажды она мне позволила. Сказала, что ей нужно знать, что это такое, что я должен попробовать, но тогда я не захотел... – Он провел ладонью по лицу. – Это было ужасно, Мэри. Я... я... она издавала ужасные звуки... Я сделал ей больно... – Помолчав, он добавил: – Ее проклятый отец – простите меня, но он скотина, и уже поэтому я рад, что она больше не живет в его доме – он все время бурчит на меня из-за денег, из-за того, что я не остался в Шотландии.

– Женская участь, – спокойно заметила Мэри. – Боже мой, Далбитти. – Вздохнув, она посмотрела на его ласковое лицо. – Как мне жаль все это слышать.

– А мне жаль, что все это произошло. Мне надо было... ох, я и сам не знаю, что мне надо было сделать... – Его темные глаза казались большими в полутемной комнате. – Мэри, вы только скажите мне, могли бы вы когда-нибудь изменить свое решение? Могли бы вы когда-нибудь выйти замуж?

Она покачала головой:

– Никогда. – Что еще могла она сказать?

– Пожалуй, мне надо радоваться этому. Или нет. – Он смотрел на нее, и ему было так странно, что они понимали друг друга с полуслова, и как нормально, что они стояли и разговаривали – она в ночной рубашке, он в халате. Картина домашнего уюта. – Знаете, я всегда хотел быть с вами. Мне трудно выразить это словами, и я сожалею об этом. – Его голос звучал негромко, теперь уже спокойнее, и она

подошла к нему. – Я хотел вас, Мэри. Я знаю, что делаю. Я больше никогда не заговорю с вами об этом. Мне не следовало приходиться к вам так поздно – мне вообще не следовало быть здесь, – и все же я рад, поскольку... – Его голос звучал хрипло, она почти с недоверием заметила слезы у него на глазах. – Я люблю вас с того самого дня, когда увидел вас в саду.

– Я... – начала она взволнованно, но тут ужасный крик заглушил ее робкой шепот – адский крик, и они оба вздрогнули. – Джон... – сказала она, схватила керосиновую лампу и пошла к двери; но тут все затихло, другие крики слышались уже дальше от дома.

– Это совы, – сообщила она со вздохом облегчения. – Они кричат на тех деревьях за домом. Зиппора говорит, что сегодня Молочная Луна и они все возбуждены. Иногда их крики меня будят, и я думаю, что это Джон – у бедняги бывают ужасные кошмары, но потом понимаю, что это не может быть он, но совиные крики все равно могут его разбудить – честно говоря, я ужасно боюсь этого!

– Я могу себе представить. – Далбитти все еще не сводил с нее глаз.

Снова повисла тишина, и на этот раз она показалась оглушительным шумом в большой, залитой лунным светом комнате. У Мэри тревожно забилось сердце. Она боялась за себя: одна искра на бумажный запал – и она пропадет, сгорит...

Не поддавайся. Как бы тебе этого ни хотелось.

– Любимая. – Он взял ее за руки, свел их вместе, как делал это раньше, и она позволила себе взглянуть на него, на его милое лицо, огромное, доброе и серьезное.

Привстав на цыпочки, она заговорила:

– Спасибо, что вы приехали. Я так рада этому.

Они оба кивнули. Они стояли перед незримой чертой, не переходя через нее. Ее волосы, закрученные жгутом на затылке, упали ей на плечи. Она откинула их и посмотрела на него.

– Если бы я отдала свою любовь мужчине – любимый мой, знайте, что это были бы вы. Знайте, что я люблю вас уже много лет.

– Понятно, – отозвался он, и его глаза сверкнули в серебристом лунном свете.

Она подвинулась к нему – лишь на пару дюймов и положила его руку на свое плечо. Тогда, очень нежно, он обхватил ее затылок

длинными сильными пальцами.

Из теплых подушечек его пальцев струился ласковый ток на ее кожу. Они тихо стояли, обнимая друг друга, и Мэри казалось, что она вот-вот упадет в обморок от блаженства. Она даже не могла, не хотела дышать. Еще никто не дотрагивался до нее так ласково – Пертви грубо хватал ее, когда был пьян, дети обхватывали ее руками за шею, Лидди тоже обнимала ее, но не так...

Далбитти наклонил голову, и их губы встретились. Она почувствовала их упругость, и это было чудесно. Он прижался к ней, и желание вспыхнуло внутри нее, начиная с живота, где его халат прижимался к ее тонкой ночной рубашке.

Я здесь... мы здесь... это не сон.

Раздался еще один крик, на этот раз нежный и жалобный, и она отпрянула – с мокрыми губами, растрепанными волосами, держась за витой пояс халата.

– Это Джон, – прошептала она.

– Да, кажется, Джон. – Прерывисто дыша, он схватил ее за плечи и снова поцеловал.

– *Мэри...*

С огромным усилием и стоном он оторвался от нее.

– Останься... – прошептала она.

– Нет, нет. Я пойду. – Он сжал ее руку; они глядели друг на друга, отбросив все сомнения. – Мэри, любимая, я не должен... я завтра уеду.

– Не уезжай из-за меня. Нед и Лидди не вернутся еще неделю. Детям скучно, им нужна компания – они тут слишком изолированы. Останься, развлекай их, а заодно и меня. – Мэри услышала свой голос и не узнала его. В нем звучала страсть. – Я не выйду за тебя замуж, но я буду любить тебя. Останься, если можешь. Дети будут рады. И я тоже.

Он скривил рот:

– Мэри, ты удивительная, никакая другая женщина не сказала бы так.

– Ты забыл, какая у меня была жизнь, Далбитти. Я просто удивлена. Я вырвалась из когтей мисс Брайант и жила в Париже с Пертви. Я видела там такие вещи, которые ты бы и не понял. – Она пожала плечами и завязала пояс халата. – Я сделала выбор и прошу тебя остаться, зная, что может случиться. – Она судорожно вздохнула,

зная, что, если она сейчас перейдет через реку, пути назад уже не будет.

– *Мэриииии – мне страшно.*

– Я сплю днем после ланча; дети играют на улице и возвращаются домой лишь к чаю. – Внезапно она услышала строгие наставления Лидди, она сделала их неделю назад в отъезжавшем экипаже. «*Не позволяй им уходить далеко одним, дорогая. Не позволяй им разговаривать с незнакомыми людьми – ох, дорогая, присматривай за ними!*»

Она заморгала, прогоняя из памяти высокий, чистый голос сестры.

– На этой неделе к сестре на ферму Тукеров приехала Ханна, наша милая служанка. Она каждый день приходит за детьми. Они идут с ней на ферму, играют со щенками. – Она слышала, как дрожал ее голос. – Ты понимаешь меня?

– Преданная семье служанка с щенком на соседней ферме? – Он усмехнулся. – Можно подумать, что ты вызвала сюда Ханну, просто чтобы отделаться от детей.

– Между прочим, они очень обрадовались ее приезду... – Она замолчала. Когда Ханна пришла к ним, она выглядела как-то странно – бледное невеселое лицо, усталый вид. Мэри стало не по себе тогда, и ее что-то встревожило, но что, она не могла понять, – то ли Брайант подстроила ей какую-нибудь гадость или она просто устала, ей нездоровилось...

Мэри подошла к двери и вздохнула:

– Мне надо идти к Джону. Так ты придешь? Я не воткну вилку в твое бедро.

Его лицо было в тени.

– Клянусь Богом. Да. Мэри – да. Да. Я приду к тебе завтра. В этом – в этом доме.

Он взял ее руку и, когда Мэри открывала дверь, поцеловал ее. Она взяла в ладони его лицо и снова поцеловала его в губы, удивляясь на себя.

– Да, в этом доме.

На следующий день, когда дети ушли играть, а на дом опустилась полуденная жара, он снова пришел к Мэри. Зиппора закрылась на

кухне, Димфна болтала с Дарлингом в саду, их голоса доносились вверх в комнату Мэри, а она заперла дверь и, стоя в середине комнаты, медленно, дрожащими руками снимала застиранное и заштопанное хлопковое платье к чаю, а он помогал ей, его пальцы ловко расстегивали мелкие пуговицы.

– Я нервничаю, – признался он, когда его губы коснулись нежной кожи на ее шее, когда он потянул за завязки ее нижнего белья, снимая с нее слой за слоем одежду, словно лепестки с цветка. – Я буду осторожным...

– Я тоже нервничаю, – солгала она. Никогда еще она не была так уверена в своем решении. Когда все препятствия, состоявшие из одежды и обычаев, были удалены, они легли голые в постель. Его жесткое, худое, длинное тело устремилось к ней, словно отпущенная пружина. В тот день он овладел, завладел ею, а она завладела им, и на следующий день тоже, и еще на следующий. Ямка на его подбородке, его длинная спина, его загнутые пальцы ног, его широкие, мускулистые бедра, поросль черных волос по всему телу. Его сила и нежность. Ее страсть, ее лихорадочное желание, побеждавшее застенчивость.

Голоса детей, возвращавшихся домой, были знаком того, что им пора встать, убрать улыбку, разгладить одежду; с каждым днем их пальцы все ловчее застегивали пуговицы и крючки, быстрее приводили все в порядок. Чтобы можно было делать вид, будто ничего не изменилось.

Так продолжалось пять дней.

Глава 23

– Какие прелестные дети, миссис Хорнер.

– Я сказала мужу, что буду приходить на Летнюю выставку каждый день. Я хочу каждый день видеть эту картину! Их прелестные мордашки!..

– Невероятно интересно... Полагаю, что это медитация о мимолетной природе детства, да и вообще – времени. Я серьезно считаю, Лидди, что картина выдающаяся. Нед выбрал, казалось бы, декоративный подход и сделал поистине глубокое произведение. Это искусство в его чистой форме: двухмерное изображение превратилось в сцену, в идеал и в результате проникает нам в глубину души: тут жизнь, смерть, время и природа. Это Пуссен. Современный Пуссен.

– Мне нравятся крылышки. Они такие хорошенькие. Мама, мне ужасно хочется тоже купить такие крылышки.

День за днем, стоя рядом с Недом на обедах и приемах, слушая восторженные отзывы, видя, как люди смотрят на «Сад утрат и надежд» и на их детей, Лидди все сильнее скучала по ним и носила с собой эту боль, не замечая ее. И хотя она сама предложила Неду поехать вместе с Лондон и насладиться триумфом, уже через день-другой ей все надоело, и она мечтала снова оказаться в Соловьином Доме.

«Будущее еще не написано: прошлое сожжено
и кануло в небытие».

Она написала это для него на листке бумаги, когда он пытался придумать надпись для таблички на раме «Сада утрат и надежд». Она оставила ее в Голубятне на столике перед их отъездом в Лондон – и вскоре он вбежал к ней в кабинет с сияющими глазами.

– Да, – сказал он, поднял ее на ноги, смеясь, и поцеловал. – Да, любовь моя, это то, что надо.

Нед обдумал каждую деталь: где повесить картину, чтобы лак не отсвечивал. Раму он тоже вырезал сам, широкую, со стремительными завитками и декоративной позолотой по краям, чтобы подчеркнуть то, что изображено на полотне. Шрифт надписи на табличке тоже

подчеркивал своей стремительностью: прошлое мертво, будущее принадлежит им, они должны смотреть вперед... идти, не останавливаясь, как бы это порой ни было трудно.

Но это было до того, как Лидди вернулась в Лондон. Она невольно призналась, что Пикадилли и Риджент-стрит ее напугали своим грохотом. Автомобили были теперь в Лондоне всюду; прибавилось также кэбов и автобусов на конной тяге; подметальщики, разносчики и продавцы газет рисковали жизнью всякий раз, когда выходили на дорогу. Здания все еще были задрапированы черной тканью в память о скончавшейся королеве. К новому королю и новому столетию лондонцы пока так и не привыкли. Реальность всюду напоминала о себе: там, дома, от нее можно было спрятаться. Слава богу, Джон еще слишком мал, чтобы воевать, если война с бурами затянется, а ведь похоже, что так и будет.

Джон был застенчив – Лидди уже понимала, что он не годится в военные. Он станет художником, как его отец, возможно, иллюстратором, как Артур Рэкем, ведь он любил наблюдать за другими людьми. Или учителем. Потом Элайза – ее не нужно ничего лишать: если ее брат пойдет в школу, хотя Лидди не хотелось даже думать об этом, тогда Элайза тоже должна учиться. Может, она даже поступит в университет, будет водить автомобиль, голосовать. Мама говорила им, что все это произойдет еще при их жизни.

Стоя в набитой людьми главной галерее Королевской Академии, Лидди глядела по сторонам, пытаясь настроиться на торжественный лад. Это был День закрытого просмотра, решающий момент перед открытием Летней выставки, когда художников приглашают посмотреть на их работы, вывешенные на выделенном для этого месте, и позволяют сделать последние штрихи на полотнах, если это нужно. Львы Викторианской эпохи – Лейтон, Милле – умерли и канули в небытие. Что-то переменилось вместе с окончанием правления покойной королевы; атмосфера в академии, как и на улицах, стала другой, какой-то наэлектризованной.

Лидди равнодушно улыбнулась жене портретиста, обслуживавшего лондонский бомонд, и вежливо кивнула старому и немощному эссеисту, который в прошлом критиковал работы Неда. Был там мистер Джордж в окружении толпы поклонников; наклонившись, он наносил последние штрихи своим Леде и Лебедю.

Он гладил усы, словно злодей из какой-нибудь оперетты Гилберта и Салливана. Лидди скривила губы – Альфонс Джордж всегда не сомневался в собственной гениальности, и она даже восхищалась им за это.

Шедший рядом с ней Нед крепко пожал кому-то руку. Лидди повернулась и увидела улыбавшегося Таддеуса Галвестона.

– Замечательный день, сэр. – Он приподнял шляпу, приветствуя Лидди. – Ваш покорный слуга, мадам. Вчера я был рад встретиться с вами.

Накануне Галвестон давал обед в честь Неда и Лидди в своей квартире на Беркли-сквер. Там собрались старые друзья и новые инвесторы, богатые коммерсанты. Прием затянулся до позднего часа. Нед остался и после него, чтобы поговорить за портвейном с Галвестоном, и вернулся в их отель лишь под утро.

– Мы обсуждали, что делать с картиной после выставки, и я на этот раз был тверд, Лидди! Эта картина преобразит нашу жизнь.

Бедный Нед, картина уже изменила его нынешнюю жизнь: утром, в духоте набитой людьми галереи, он выглядел больным, с бледным лицом и покрасневшими глазами.

Лидди поздоровалась за руку с Галвестоном и позволила своим мыслям унести далеко от Лондона. Вот она вернулась домой, сидит у речки, болтая ногами в воде, Нед рядом с ней, дети тоже, они едят с дерева шелковицу... свежий, прохладный ветерок... ноздри полны запахов, нет, не тяжелого парфюма, а летних полевых цветов...

– Лидди! – Нед потянул ее за руку. – Что ты скажешь на предложение Галвестона?

Лидди заморгала:

– Извини, я задумалась и прослушала. – Берег реки, танцующие фигурки, сад, запахи дома пропали, отодвинулись, словно сцена в игрушечном театре. Галвестон постучал тростью о пол.

– Нед, вы много запрашиваете! Но вот что мы имеем. Я покупаю у вас «Сад утрат и надежд» за определенную сумму. Эта сумма включает и авторские права на картину. Понимаете? – Она терпеливо кивала. – И мы совершаем тур с «Садом утрат и надежд» точно так же, как это было с картиной «Свет мира» и другими. У меня есть контрагенты в Канаде и Австралии, которым я телеграфировал перед открытием выставки. Все они выразили огромное желание увидеть картину.

Это... – он поднял трость и медленно обвел серебряным острием, словно дулом ружья, толпу зрителей, – это уже подтверждает мой интерес. Они уже стояли в очереди, чтобы увидеть ее; так почему бы не брать с них деньги? Ваша жизнь изменится. До конца жизни вы сможете писать только то, что хотите.

– Что скажешь, Лидди? – спросил Нед.

– Как разумно с вашей стороны советоваться с женой, ведь у нее наверняка имеется свое мнение, что бы ни говорили! – игриво сказал Галвестон. Нед повернулся к нему, и его тон стал ледяным.

– Я не принимаю без Лидди никаких решений, – отрезал он.

– Не делай этого, – категорически сказала Лидди. – Не продавай авторские права. Если хочешь, отдай Таддеусу картину за нормальную сумму. Но не права. Посмотри на «Пузыри».

– Миссис Хорнер, я огорчен. Вы думаете, что я продам «Сад утрат и надежд» компании, производящей мыло, и позволю использовать ее таким вульгарным образом? Милле совершил глупость – ему не надо было...

– Старина Милле был художником, а не бизнесменом, как вам известно, – возразила Лидди.

– Я... – нерешительно сказал Нед, – я хотел так сделать, Лидди, любовь моя, мы договорились вчера вечером. Галвестон заплатит нам... – Тут он наклонился к ней, и она уловила исходящий от его волос и кожи аромат сигар и портвейна; но под ними все тот же старый запах Неда. – Тысячу фунтов. – Он выпрямился и со своей мальчишеской реакцией наблюдал за ее реакцией.

– Совершенно верно, – осторожно подтвердил Галвестон. – Если вы согласитесь на эти условия, у вас будут выплачены последние долги за дом, а будущее ваших детей будет полностью обеспечено – вам только нужно сделать последний шаг. Наследство.

– Нед, какое наследство, если ты утратишь контроль над своей картиной? – возмущенно сказала она, но тут в толпе послышался шум, люди расступались. Она повернулась и увидела, словно в замедленной съемке, как толпа зашевелилась, растаяла, и остался только один человек, парень в костюме с кисточками – пару секунд она ничего не понимала. Вот он подошел ближе, кисточки болтались: что за странный наряд для Дня закрытого просмотра? Молодой парень,

подумала она, его усы не шли ни в какое сравнение с усами Джорджа – песочного цвета, щетинистые...

– Миссис Хорнер... – сказал он и протянул ей записку.

Не успела она развернуть ее, как ужас наполнил ее сердце, а ноги сделались ватными. Записка была мокрой от его пота, у него блестел лоб, а глаза... Он избегал ее взгляда, а голос звучал слишком пронзительно.

– Вам нужно немедленно вернуться домой, – сказал он. Все его слова, казалось, врывались и выплывали из ее ушей. *Ваша дочь... карета...* Она не понимала его и думала, правильно ли расслышала то, что он сказал.

Сквозь волны ужаса и дурноты она слышала голос Неда.

– Элайза. Элайза. Лидди, о господи. Нам надо ехать. Нам надо ехать.

И они бежали, бежали на улицу, толпа расступалась перед ними, на лицах людей был написан страх, а когда Лидди увидела, что их уже ждала карета с лошадьми, она поняла, что не ослышалась. Что дома случилось что-то очень плохое.

Глава 24

Ее положили в студии, не в доме, чтобы она никого не заразила. Она уже была там, когда карета остановилась, и Лидди спрыгнула на землю, Нед за ней. Мэри, бледная как призрак, ждала их, терзая передник. Она схватила сестру за руку и потащила к открытой двери Голубятни.

Малышка Элайза сидела на матрасе, брошенном на пол, прислонясь спиной к мольберту, и хватала ртом воздух – ее глаза вылезли из орбит, лицо было желтовато-бледным, ночная рубашка задралась, обнажив коленки. Маленькие руки сжимали и отпускали какую-то деревяшку. Увидев мать, она заплакала, но не могла говорить, только хрипела, отчаянно пытаясь дышать глубже. Пальцы зашевелились еще быстрее.

– Боже мой!.. – Лидди зарыдала и, оттолкнув доктора, рухнула на пол рядом с дочкой. – Что такое? Что это – пожалуйста, скажите, это не...

– Это дифтерия, и боюсь, что в тяжелой форме, – сказал доктор Каррит. Он подошел и положил руку на плечо Лидди. За ее спиной Нед с трудом сдерживал рыдания. Лидди повернулась к нему, в ее глазах застыл ужас. Мэри стояла, уткнувшись лицом в передник; ее плечи сотрясались от беззвучных рыданий. – Вспышка заболевания на ферме Тукеров. Жена фермера уже умерла, а ее сестра, приехавшая к ней из Лондона, смертельно больна. Ханна Блаунт – мне сказали, что вы ее знали. – Он убрал со лба волосы малышки, покачал головой, и на его лице мелькнула вспышка отчаяния. – Вот, дорогая моя.

Странгуляционная болезнь – так ее называли в Хайгейте, когда умерших хоронили среди ночи, чтобы уменьшить риск заражения. Лидди покачала головой.

– Молоко... – сдавленным голосом сказала Мэри. – Причина в молоке? Если оно было плохо...

Доктор повернулся к Мэри:

– Я подозреваю, что причина в мисс Блаунт. Ханна Блаунт, когда приехала, жаловалась на плохое самочувствие. Лондонские хозяева неожиданно отпустили ее в гости, и это страшная безответственность с их стороны. – Он взял в пальцы тонкое запястье Элайзы и посмотрел

на свои часы на брелоке. – Боюсь, что она и оказалась причиной... Очень высокая температура. Пульс крайне учащен. Она с трудом дышит. В горле образуется толстый налет и закупоривает... – Он замолчал.

Лидди закричала от отчаяния и повернулась к мужу. Но увидела, что и он не знал, что делать.

– При дифтерии назначают антитоксины, но их у меня нет, да и время упущено... – И Лидди заметила, что доктор Каррит посмотрел на Мэри со странным, не понятным ей выражением. – Единственный оставшийся выход очень рискованный. Я мог бы провести трахеотомию. – На немолодом худом лице доктора лежала тень усталости. Элайза издала ужасный хрип и раскрыла рот, хватая воздух. И тогда Лидди увидела в ее горле на миндалинах белую пленку, похожую на шпатлевку или мастику, словно кто-то бросил ее туда. Так нелепо. Она обняла дочку, пригладила ее волосы – облачко непослушных, спутанных золотых кудряшек, потрогала ее лоб. Он был очень горячим.

– Не надо! Лидди, не надо – ты заразишься! – воскликнула Мэри, но Лидди игнорировала ее. Она покачивала дочку на руках, вдыхая сладкий медовый запах ее мягких волос, глядя ее нежную кожу. Глаза дочки, голубые пятнышки света в полумраке студии, устремились на Лидди. Девочка силилась что-то сказать. Лидди поцеловала ее, Мэри снова охнула, а Нед отвернулся.

Оглядевшись в Голубятне, Лидди увидела валявшиеся на полу или прислоненные к стене холсты, перевернутые и рассыпавшиеся порошковые краски, перистые цветочные пятна всех цветов радуги в этой ужасной сцене. Она осторожно отпустила Элайзу и встала, держась за стену, а когда обрела равновесие, вышла на яркое солнце. Среди зелени громко пели птицы.

– Что – что такое трахеотомия? – спросила она.

– Разрез в горле делают, чтобы проходил воздух, но это очень рискованная операция, – ответил ей и Неду доктор Каррит. – Скажу прямо – одна из четырех бывает неудачной. А девочка очень маленькая. Тем не менее я могу сказать точно, что без операции она умрет. У меня нет антитоксинов, чтобы ее лечить. Без них она умрет. Мне жаль, миссис Хорнер, но я вынужден быть с вами откровенным.

Дифтерия – ужасная болезнь, сейчас она случается редко, но там, где вспыхивает, приносит большую беду, особенно детям...

Солнце светило сквозь молодую листву – она появилась, пока они были в отъезде. Лидди повернулась и посмотрела на дом, их любимый дом, на церковь и стену кладбища.

– Как там Ханна? – спросила она через некоторое время.

– Очень неважно. Боюсь, она не выживет. – Доктор Каррит выпрямил спину и вздохнул. Осторожно и ласково улыбнулся Лидди. – К сожалению, вам нужно немедленно принять решение. Я могу выполнить трахеотомию прямо сейчас – миссис Хорнер, времени у нас нет.

– Ради бога, Лидди, ты должна это сделать, – сказал за их спиной мужской голос.

Она вздрогнула, Нед тоже. Они оглянулись и увидели Далбитти, стоявшего рядом с доктором.

– Далбитти? Откуда ты...

– Я приехал... я привез кукольный домик. Я остался тут, с Мэри. – Он взял Лидди за руку. – Милая Лидди...

– Я... я так рад, что ты был здесь, – сказал Нед. Лидди кивнула и поскребла щеку. Что же делать? Уходят драгоценные секунды! Она снова повернулась к Голубятне, к маленькой фигурке на матрасе.

– Я... они были такие счастливые все эти дни, но потом она заболела, – сказал он, не глядя ей в глаза. – Мне ужасно жалко, дорогой мой Нед. – Он положил руку на плечо друга. – Позволь ему сделать операцию, Нед. Ты должен так поступить.

– Хм-м... – сказал Нед, накрыв ладонью руку друга. – Лидди...

– Миссис Хорнер... идите сюда...

Лидди посмотрела в полумрак студии. Маленькая фигурка его дочки лежала неподвижно, прижав руки к горлу. *Как мне перенести все это?* – думала она. – *Мне всегда казалось, что я могу выдержать все что угодно. Не могу.*

– Нет, – сказала она. – Никакой операции.

– Лидди...

– Миссис Хорнер... я должен...

– Нет. Она ненавидит ножи, острые предметы, насилие. Нельзя ее пугать. Если ей суждено умереть...

– Лидди, она может остаться в живых благодаря этой операции... – сказал Нед.

– Она не разрешает мне даже подстригать ей волосы. Она не переносит этого. Она умирает у нас на глазах, и ты хочешь держать ее и разрезать ей горло? Ей семь лет, Нед. Она не поймет этого. Простите – я не могу это позволить.

– Лидди, – в отчаянии сказала Мэри. – Ты должна, ты должна позволить ему сделать операцию.

– Миссис Хорнер, – сказал доктор Каррит. – Позвольте мне сказать, что я не согласен с вами.

– Риск слишком велик, а она – она такая маленькая. Она не должна... вы не должны так с ней обращаться. Как с медицинским... трупом. – Такие трупы похищали с кладбищ, это была тема для детских ночных кошмаров. Мисс Брайант часто страшила их. *Ждут за углом, еще неостывшие трупы, отрывают лицо, разрезают глаза...*

Ее горло, казалось, тоже перестало пропускать воздух.

– Прорезать дыру в ее горле, хотя она в сознании, разрезать мышцы – нет, я не позволю. Простите.

Она повернулась, снова зашла в каменную постройку и подхватила Элайзу на руки.

– Сейчас мама отнесет тебя в дом. – Перешагивая через кучу тряпья, она задела каблуком маленькую картину в раме и слегка прорвала ее. Стряхнула ее с ноги, пинком отшвырнула в угол и вынесла Элайзу из студии на свет дня. Ее хрупкая фигурка согнулась от тяжести, но Лидди пересекла двор и вошла в дом мимо деревянных крючков, белки, зоркой совы, мимо поющих птиц. Она поднялась по лестнице в их с Недом спальню с видом на сад, в котором всегда играли дети. Не в детскую. Она не позволит Джону спать в той комнате. Она осторожно положила дочку на кровать, убрав ее пальцы со своих плеч. Элайза разорвала кружева на блузке матери, яростно царапала ей руки. У девочки пылали щеки, но лицо оставалось белым как мел.

Лидди обложила ее подушками и побрызгала розовой водой, потому что Элайза часто просила это сделать. Она взяла шкатулку и разложила на постели свои украшения.

– Вот, доченька, ты хотела посмотреть. Вот звезда, вот брошка, которую папа подарил мне, когда мы переехали сюда, это соловей, вот

серьги, а это браслет с твоими волосиками, доченька, с твоими волосиками...

В тот последний день Элайза немного оживала всякий раз, когда Лидди доставала какое-нибудь украшение. Бедная малышка старалась даже немножко играть с ними, чтобы отвлечься, но очень скоро уже не смогла. Нед пытался как-нибудь помочь, но ничего не получалось, и ему оставалось лишь смотреть. Смотреть, как задыхалось его дитя, как хватало воздух маленьким ртом, смотреть и терять ощущение своей власти в доме, который построил, в стенах, которые возвел. Все это пропало, думал он. Теперь у тебя нет сил. Теперь вмешалась высшая сила.

В аде нет драматизма. Он медленный, жестокий, с множеством повторов, очень медленный. Агония Элайзы длилась много часов, она слабела и слабела, постепенно задыхаясь, пыталась драться, отказываясь мучиться и дальше. Потом на поля упал вечер, весеннее небо расцветилось оранжевыми и лиловыми полосами, потемнело, и на темно-синем бархате засверкали звезды. Элайза увидела звезды, и ее глаза наконец закрылись, как будто ночью можно было и умереть. Лидди наклонилась к ней и поцеловала ее в лоб.

– Потерпи еще немножко. Мы почти там, – прошептала она. Смерть стала желанной, когда она крадучись вошла в комнату. Смерть была освобождением, их другом. – Еще немножко, доченька.

Маленькое личико Элайзы распухло, руки повисли плетью, тело налилось свинцом; она неподвижно лежала на кровати. Через несколько минут после этого она умерла на руках Лидди, и, когда это случилось, Лидди не чувствовала ничего, кроме облегчения. Она пригладила пышные золотые волосы дочки и смотрела, как на опухшее детское лицо медленно возвращался покой, смотрела на маленькие, все еще теплые пальчики с лунно-белыми, крошечными лунками.

Лидди вынула из волос Элайзы маленькую веточку, потом бледно-зеленый листок. Веточка, листочки, насекомые всегда запутывались в ее волосах. Луна шла на убыль. Молочная луна – вспомнила она внезапно. Странное, странное время. Кто так сказал? Ханна. Ханна была деревенской девушкой. Сейчас Ханна, скорее всего, уже умерла.

Трагедия с удивительной быстротой раскрыла все секреты. На следующий день Лидди бесцельно бродила по дому, не в силах даже плакать или понимать что-либо. Она наводила порядок в доме, потому

что могла делать только это, и нашла под кроватью Мэри пояс от изысканного мужского халата, из темно-лилового бархата, расшитого серебряными нитями.

Лидди провела пальцами по гладкому бархату, по шершавой серебряной вышивке. Она стояла и глядела на деревянный фриз на стене. И ничего не сказала.

Лидди больше всего запомнила тишину тех дней. В доме никто не шумел. Не слышно было топота ног Элайзы, ее сердитых криков, ее смеха. Джон сидел в детской, ему нельзя было видаться с родителями. Зиппора приносила ему суп и утешала; Лидди никогда не забудет ее доброту и неустанную поддержку в те дни.

Похороны Элайзы состоялись через два дня, как только был срочно обит свинцом гроб: риск инфекции был все еще велик. Нед настоял, что сам сделает маленький ясеневый гробик, не спал всю ночь, работал на токарном станке, обтачивая планки, вставляя тяжелую свинцовую обшивку, и сам с искаженным горем лицом положил туда холодное тело дочери. Лидди смотрела, как мужчины пошатывались от тяжести свинца, хотя гроб был маленьким и узким, как Мэри рыдала над гробом в черной кружевной накидке, а ее тонкие руки были красными, в ссадинах, потому что она грызла их – старая привычка, – и почувствовала, как металлический стержень пронзил ее сердце и повернулся там. После этого, когда до дома долетали стук земли, падавшей на гроб, и звяканье лопат, Лидди позвала сестру к себе в кабинет и велела ей уезжать. В то утро Далбитти, после разговора с Недом, вернулся в Шотландию; письмо, которое он оставил Лидди, сгорело в очаге, неоткрытое.

– Я знаю, что ты позволяла им ходить на ферму.

– Я договорилась с Ханной, и она встречала их на полпути. Они ходили не одни. Она присматривала за ними. Я не знала, что она была...

– Ты перекладываешь с себя вину на нее. – Лидди смотрела в окно на сад и думала, что теперь с ним делать. Может, кто-нибудь просто сожжет его, снесет целиком и начнет все с начала.

– Я не перекладываю. Я говорю то, что случилось. Конечно, я виновата. – Ее голос звучал уныло. – О господи, Лидди. Что я наделала. Что я наделала.

Галвестон написал Неду, его письмо пришло до вести о смерти Элайзы. В первый день перед зданием галереи выстроилась длинная очередь. Еще через день пришли уже тысячи. И все ради его картины. Лидди хотелось поехать в Лондон и разрезать картину на куски, чтобы больше никогда ее не видеть.

И внезапно ей вспомнилась Брайант. *Ты еще будешь ужасно страдать.*

– Я только попросила тебя не отпускать их далеко от дома, – напомнила она и вцепилась пальцами в бюро, опасаясь выйти из себя и взорваться. – Я хотела, чтобы они были в безопасности. Чтобы никто... никакие злые колдуньи не добрались до них... – Она замолчала.

– От кого в безопасности, Лидди? – Темные глаза Мэри казались огромными на ее белом лице. – Они всегда были в безопасности, милая... – Она тряхнула головой, и слезы брызнули в разные стороны. – Это невезение, ужасное невезение, а не месть. Не мог никто...

Лидди скрипнула зубами:

– Брайант знала, что Ханна больна. Она посадила ее на поезд. Купила ей билет. Ты знала об этом? Мистер Тукер сказал мне об этом. Она прислала ее сюда, чтобы она убила моих детей.

– Лидди, неужели ты веришь...

– Мэри, тут речь даже не идет о том, верю я или нет. Это правда.

Лидди уже поняла: когда отправилась со своей милой, пухленькой, веселой маленькой дочкой в Лондон, чтобы повидать дом, повидать Брайант, она разозлила старую ведьму и сама устроила ловушку себе и своей маленькой птичке.

– Не пытайся ничего мне объяснять. Ты предала меня. Я не спрашиваю, что ты тут делала. Я не спрашиваю, почему тут был Далбитти. – Ее нижняя губа загнулась за зубы. Лидди наклонилась вперед, уронила голову между коленей и завывала, как дикий зверь. Ей было плевать, что Мэри смотрела на нее.

Мэри встала на колени рядом с креслом. У нее текла кровь из прокушенной губы.

– Лидди, милая. Не прогоняй меня. Позволь мне остаться. Позволь мне помочь тебе.

Лидди отодвинула кресло и встала, отвернувшись от сада. Она слышала, как наверху плакал Джон и звал ее, но не могла пойти и утешить его.

– Ты мне не сестра. Больше у меня нет сестры.

Месяцы шли за месяцем и превращались в годы; Лидди старалась не думать о Мэри и Далбитти. Дом стал ее миром, а мир уменьшился в размерах и включал теперь дом, Джона, ее дорогого мальчика, и могилу ее маленькой дочки, похороненной с веточками и листочками в волосах.

Часть третья

Глава 25

Декабрь

Ты, конечно, сохранила в сентябре головки подсолнухов. Привяжи их к бамбуковым палкам и воткни в клумбы возле террасы; смотри, как зеленушки, крапивники и зарянки методично клюют семечку за семечкой. Вот так, хотя теперь и разгар зимы, ты, возможно, начнешь понимать, как сад может радовать глаз круглый год.

Я нахожу утешение в том, что ты это поняла.

Рядом с кладбищем на боярышнике растет омела. Это там, где тис. Я всегда срезаю пару веточек омелы. А вот тис никогда не приноси в дом, это к несчастью. К смерти.

Вот и закончилась моя маленькая тетрадка, год тоже закончился. В последние дни я с наслаждением писала эти советы. Ты прочтешь их когда-нибудь, Джульет? Ты будешь когда-нибудь жить здесь? Я доверяю Фредерику, и все же... Признаюсь, мне больно даже подумать, что дом достанется кому-то еще, а не тебе. Я сохранила кучку желудей. В канун каждого Нового года я всегда кладу новый желудь на подоконник. Это означает, что в дом не ударит молния. Моя комната была когда-то спальней моих родителей. Мама сказала мне однажды, что в том году, когда умерла ее дочка, они не оставили на подоконнике желуды. «Моя дочка умерла». Мне было очень обидно, когда она так говорила. Я ее дочка, что бы она ни думала. Я осталась тут, а они все ушли. Все они.

Впоследствии Джульет вспоминала то первое Рождество в Соловьином Доме, на редкость унылое и мрачное, но тут же напоминала себе, что дело вовсе не в празднике. Погода была жутко холодная, не звонкий и ровный мороз, а сырой ледяной туман, пронизывающий до костей. Рождественским утром из-за него ничего не было видно дальше террасы.

Дети сгрудились, словно сиротки на какой-нибудь унылой викторианской картине, на деревянном диване в столовой и ждали

завтрака, а Джульет бегала на улицу и обратно за дровами, вляпалась в лисий помет, когда срезала боярышник и тис, которые в канун Рождества были слишком мокрыми, впускала холод и оставляла на полу грязные следы.

Она собиралась купить всем пижамы, словно они тоже были из тех, кто носит одежду от *Boden*, но спохватилась, что не может себе позволить разориться на них, к тому же Би вообще наверняка откажется носить пижаму с птичками. Содержимое чулок – экономная версия – оказалось катастрофичным.

– Я читала уже эту книжку. Там в конце умирает щенок. – Айла угрюмо отпихнула от себя подарок. – Отдай ее в лавку благотворительности.

– Я не люблю Чейза! – закричал Санди и швырнул на пол миниатюрную игрушку из «Щенячьего патруля».

– Ма? Санди ненавидит Чейза. Я тоже ненавижу Чейза. Мы любим Маршала. Маршал классный... у него маленькие лапы и смешная улыбка... Мы *ненавидим* Чейза.

– Ох, милые мои. – Джульет потеряла красное от усилий лицо и сделала глоток кофе. У нее подгорели булочки с корицей, подготовленные накануне; в кухне и столовой так воняло горелым хлебом и сахаром, что щипало в носу и горле.

– Ты наследила на полу, ма, – сказала Би, обнимая Санди – тот тихо плакал, комично опустив кончики губ. Джульет оглянулась и увидела на деревянном полу длинную полосу, она тянулась от двери до стоявшей у ее ног корзины с поленьями. Би выставила вперед челюсть и выпятила губы. – Все ОК, Санди. Мой чулок гораздо говеннее, чем у тебя. Посмотри на браслет. Он сломан, и все бусинки рассыпались.

– Не ругайся... – начала было Джульет, но остановилась. – Милые мои, помогите мне. Наденьте сапоги и куртки. – Она захлопала в ладоши. – Сегодня Рождество! Давайте притащим побольше дров, зажжем камин, и нам станет уютно. Фредерик и Джордж...

– Папа! – закричала Айла. Джульет вздрогнула и с ужасом повернулась к двери; но Мэтт позвонил из Лондона на телефон Би. Девочка аккуратно поставила телефон на обеденный стол и ответила на звонок.

– Папика! Папика! – закричал Санди, подбегая к сестрам. – Там мой папика!

– Привет, детки! – сказал Мэтт. Он сидел в их старой гостиной, окруженный внушительными, красивыми на вид подарками и разорванной оберточной бумагой; за его спиной бегали дети, это был веселый беспорядок, обычный на Рождество. – Я соскучился по вам, ребята. Поздравляю вас с Рождеством! Элиз! Джек! Бегите сюда, скажите – ой, они убежали. Эй! Вы уже открыли ваши подарки?

– Мама сказала, что пока еще рано, – ответила Би. Они повернулись и посмотрели на Джульет, которая лихорадочно пыталась украсить картинку, которую видел Мэтт, выставив на комод веточку падуба и скудное количество присланных ей рождественских открыток. – Она сказала, что мы сделаем это, когда нарядимся и ходим в церковь. Но ведь она никогда не бывает в церкви, непонятно, зачем ей понадобилось тащиться туда именно сегодня. Плюс к этому у нас и подарков почти нет, так что открывать будет нечего. – Би наклонилась вперед и сказала пронзительным голосом: – Па, мама сказала, что твои подарки не были вовремя получены. Это правда?

– Мне очень жалко. Мама не виновата, ее не было дома и она не смогла заказать повторную доставку... Не ругайте ее, о'кей? – грустно сказал Мэтт. – Она сообщила мне об этом.

Джульет спрятала лицо за особенно широкой открыткой, которую собиралась поставить на каминную полку. Она пришла накануне вечером и лежала внутри двойной открытки от Онор и Брайена. Джульет перечитала ее еще раз.

Привет, Джу. Мама сказала, что ты послушалась меня насчет георгинов и всякой всячины. С Рождеством! Надеюсь увидеть тебя в 2015-м. С любовью, Эв. P.S. Помнишь Королевскую свадьбу? Помнишь? Часто вспоминаю ее. С ума сойти можно. Мне не терпится взглянуть снова на старый дом – это роскошная штука!

– Мои подарки? – спросил Санди. Шум у Мэтта стал громче, послышался голос Тесс, звавшей кого-то из кухни. Мэтт наклонился ближе:

– Эй, малыш! Я скучаю по тебе, дружок. Слушай меня, о'кей? Ты получишь их, когда мы через два дня поедем кататься на лыжах. И

ты увидишься там с бабушкой! И бабушка тоже приготовила для тебя подарок. Так что все будет нормально... Обещаю. Эй! Эй! – воскликнул он, схватил Элиз и поцеловал. Бывшая одноклассница Айлы посмотрела без улыбки в камеру. Джульет увидела, как попятилась Айла, словно от пощечины.

– О'кей, – сказала Би, глядя на Мэтта, и прищурила глаза. – Нам пора идти.

– Да, папочка, пока, – сказала Айла. Би быстро наклонилась и нажала на кнопку отбоя.

После этого в огромном, полном эха доме стало тихо. Джульет взяла несколько свежесрезанных веточек боярышника и тиса и подошла к детям.

– Эй, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно. Ущипнула Санди за щеку, поцеловала в макушку Би с Айлой. – В холодильнике лежат булочки. И нутелла. Как вам такой рождественский завтрак?

– Нутелла! – радостно закричал Санди и захлопал ладошками по щекам.

– Ой, мама! Ты не всегда такая добрая, – заметила Айла и со вздохом села за стол.

– Я не голодная, – заявила Би, забирая свой тощий чулок. – Я пойду к себе и полежу.

– Нутелла! – с отчаянием крикнула Джульет. – В честь праздника!

– В ней пальмовое масло. Пальмовое масло очень вредное. – Би повернулась к дверям. – Спасибо, ма, но я поваляюсь у себя в комнате и напишу Фин, пока не приедут Фредерик с Джорджем. Поздравляю вас всех с Рождеством и все такое.

– Я тоже не терплю пальмовое масло, – объявила Айла, глядя вслед сестре. – Я ненавижу его. Ненавижу масло. Я не хочу его есть.

– Это шоколадный спред, – сказала Джульет. *У меня ничего нет. Раз я пошла в рождественское утро в 8.30 за нутеллой, то больше я уже нигде не смогла побывать.* – Приятный.

– Я ненавижу его. Но немножко попробую. – Айла молниеносно проглотила намазанный кусок. – Ма, я хочу поехать домой. Хочу увидеть папу.

– Ох, милая моя.

Джульет обняла свое среднее дитя и посмотрела в окно на серо-белый туман. Кривые, черные плети голого плюща, похожие на паучьи лапы, стучали в стекло.

– Так будет не всегда, доченька. Обещаю тебе.

– Я ненавижу зиму.

– О, зимой хорошо. Так и должно быть, чтобы потом наступило лето.

Глядя волосы дочки и потирая ей животик, что ей всегда нравилось, Джульет поняла, что все они должны быть еще сильнее привязаны к этому месту. Ей надо найти работу. Дети должны понимать, что их мама тут работает и что они тут живут. И что это не просто затянувшиеся каникулы, эксперимент на выживание.

В дверях снова появилась Би:

– Фин занята. Я поговорю с ней потом. Можно мне тоже съесть пончик с нутеллой?

– Да! – воскликнула Джульет и, буквально сбросив Айлу с коленей, бросилась к холодильнику, торопливо достала булочки и сунула в тостер, прежде чем Би снова исчезла. А когда услышала, как дети спокойно болтали в столовой, подняла и опустила плечи, как постоянно советовал ей Джордж.

«Подними их как можно выше, до самых ушей, и сделай несколько круговых движений, похрусти. Пускай все, что беспокоит тебя, с хрустом перемелется там, о'кей? Потом сбрось все это, понятно?»

Дорогая Джульет Хорнер.

Спасибо за Ваше письмо, которое мне передали из моего офиса. Мы ищем помощника куратора. У Вас есть резюме? Пришлите его, и я посмотрю.

С наилучшими пожеланиями,

Сэм Хэмилтон

Директор музея «Фентиман».

P.S. Вы та самая Джульет Хорнер, с которой я учился в Оксфорде? Надеюсь, что у Вас все благополучно.

Дорогой Сэм.

Да, это я. У меня все благополучно, благодарю Вас. Вам не обязательно отвечать мне сразу; я знаю, что сейчас Вы отдыхаете. Я недавно переехала и живу теперь западнее Оксфорда, вот и я заинтересовалась, свободна ли та вакансия, о которой Вы упоминали. Если да, то я хотела бы приехать и обсудить все с Вами. Я высылаю свое резюме и буду ждать Ваш ответ.

Джульет Хорнер.

Дорогая Джульет.

Спасибо, что вы хотите работать у нас.

К сожалению, должность, о которой Вы упоминаете, уже занята. Я свяжусь с Вами после моего возвращения на работу, 4 января 2015г. Буду рад встретиться с Вами и обсудить, что, на Ваш взгляд, Вы могли бы предложить нашему музею.

Искренне Ваш,

Сэм Хэмилтон.

P. S. С Новым годом!

Через два дня Мэтт забрал детей на неделю – все поехали кататься на лыжах, и Джульет начала неделю в одиночестве и с грандиозными планами. Она боролась с протечками, мышами и сломанными оконными карнизами, с пыльными сундуками, полными барахла Грэнди, скользкими дорожками и залитыми водой растениями. Каждый день приносил какие-то новые проблемы, и к вечеру она всегда лишалась сил и спала как бревно, так, как можно спать только после физической работы на свежем воздухе.

После их отъезда случилась странная вещь. Рассталась она с детьми ужасно драматично, Санди пришлось отрывать от нее, а он орал «НЕ ХОТЕТЬ САМОЛЕТ». Би, небрежно насвистывая, пошла к отцу, а потом метнула из-под ресниц душераздирающий, испуганный взгляд на Джульет, чтобы убедиться, смотрит ли она на нее, а Айла

сердито завывала в зоне отправления и назвала Тесс, стоявшую рядом с непроницаемым лицом, «эта ужасная леди». Все было ужасно, банально и истерично. Джульет ехала обратно в Соловьиный Дом в таком же банальном урагане чувств, громко рыдая и непрерывно слушая «Прибытие» своей любимой АВВА.

И все же, оказавшись на несколько дней одна, она стала что-то понимать. В последние дни года она каждое утро на рассвете выходила в сад, сгребала листья, подрезала ветки и подвязывала растения к колышкам. Постепенно она начинала чувствовать себя по-другому, она менялась и больше не была тем грустным, несчастным, пришибленным существом, готовым разреветься из-за любой мелочи, какой была с Мэттом. Тогда она жила словно во сне.

В новогоднюю полночь, сидя в одиночестве возле изящного изгиба лестницы, завязав волосы шарфом на затылке, с руками, болевшими от перетаскивания мебели и распаковки своих книг и журналов, от вытряхивания пледов и одеял, Джульет открыла бутылку шампанского, подаренную ей Зейной, и выпила два бокала из цветного пластикового стаканчика.

Сидя там, она дала себе слово, что сделает эти предстоящие двенадцать месяцев значимыми в своей жизни.

Первого января она проснулась рано и впервые за годы почти без похмелья. Быстрым шагом прошла по пустым, продуваемым ветром аллеям, подбирая упавшие с деревьев ветки, куски коры и сосновые шишки. Разожгла камин, сварила густой суп из сельдерея и картошки, ушла в свой кабинет и перечитала каждое опубликованное слово, которое она когда-либо писала, и все статьи, какие могла найти в Сети, про «Фентиман», Сэма Хэмилтона, нынешние взгляды критиков на живопись Викторианской эпохи и так далее.

«К сожалению, должность, о которой вы упоминаете...» Даже сам тон Сэма Хэмилтона вызывал ее раздражение, она буквально чувствовала на вкус его самодовольство, сочившееся из пикселей на экране. Третьего января, за два дня до возвращения детей, Джульет, скрипнув зубами, отправила резюме директорам трех других музеев, где были значительные коллекции викторианского и эдвардианского искусства: «Тейт», «V&A» и в Картинную галерею Уолкера в Ливерпуле.

В этот период одиночества она поняла и другую вещь: она не обладала пробивной способностью. Когда она начинала работать, вакансии публиковались в газетах, и это казалось ей более демократичным: ты отправляешь резюме, ты проходишь собеседование и получаешь или не получаешь работу. Но вот Мэтт, вспомнила она, получил повышение и прибавку к жалованью, *потому что сказал начальству, что должен их получить*. Джульет ни за что не сделала бы этого ни в «Даунис», ни в «Тейт», как не стала бы ни за что в жизни есть свеклу или носить джеггинсы с крупным принтом.

Ее знакомые женщины беременели, ребята, моложе ее на пять лет, внезапно становились начальниками отделов; ее подруги не возвращались на работу, а иногда появлялись в парке, одетые в «Боден», и настороженно улыбались; их история была стандартной. «У меня много свободного времени, пока он маленький, это классно». Потом они постепенно начинали искать работу: парень из ее колледжа был, в свои тридцать девять, самым молодым генеральным директором в Конфедерации промышленных фирм. Парень, с которым она училась в университете, стал членом парламента, другой тележурналистом, а что происходило с женщинами? Джульет знала ответ. Они были неважными работниками. Им не хватало преданности делу, необходимой для эффективной работы. Они не были в числе лучших кандидатов. Да, не были.

Она осталась наедине с такими мыслями, и на поверхность начали всплывать неожиданные воспоминания. Например, как они с Эвом кидали в речку яблоки. Те тонули, выныривали и плыли по течению, пока не скрывались из вида. Сколько еще и она сама будет плыть по течению? Сколько она будет позволять себе это?

Ответы пришли быстро. У «V&A» ничего не было, они выразили сожаление, но директор пригласил Джульет на кофе – «чтобы обсудить варианты на будущее». «Тейт» и Картинная галерея Уолкера ответили то же самое, но более вежливо; написали, что слышали о ней, и Джульет почти приободрилась и обрела уверенность в себе, хоть ничего и не изменилось. Прошла еще неделя, и Джульет, уже залезшая в свои сберегательные облигации, составила список вариантов.

Сдавать дом в аренду через AirBnB.

Сдавать часть дома.

*Продать часть земли.
Продать дом.*

Тем временем вернулись дети с ободранными носами, окрыленные успешной поездкой; Элиз и Айла уже оказались «лучшими подругами», Тесс возила Би в Турин, и они купили одинаковые кожаные ремни, а Санди проводил целые дни в лыжной школе, где вроде подружился с Айламой – Джульет не очень поняла, двухлетние дети не умеют рассказывать о своей жизни.

– Папа был в отличной форме, ма, – сообщила Би в первый же вечер, когда они играли в «Уно», сидя на выгоревшем ковре перед камином в прохладной гостиной, причем каждый старался быть поближе к огню. – Не обижайся, но, по-моему, он стал гораздо счастливее.

– Конечно же, я не обижаюсь. Я рада за него. – Джульет увидела, что Санди сам направился в туалет; Айла с гордостью держала его за руку.

Би часто заморгала, словно загадала желание.

– Они оба говорили, что развод будет легким. Мам – как ты считаешь?

– Это не твоя забота, доченька. Все будет о'кей, я обещаю. Все проходит, все когда-то заканчивается, Би, запомни это.

– Все?

– В общем-то, все. Ну да и как может быть иначе?

На следующий день объявился Сэм Хэмилтон.

«Одна кандидатура у нас отпала. Вы сможете приехать для интервью? – Сэм».

Глава 26

В картинных галереях всегда свой, особенный запах; Джульет никогда не могла определить, из чего он состоит. Возможно, это льняное масло, или особая моющая жидкость, или новые ковры. Что-то свежее и чистое. В общем, он ей нравился.

Ей было приятно сидеть в белом чистом офисе Сэма Хэмилтона; шум улиц Оксфорда туда не доносился, зато слышалось пение птиц. В офисе «Даунис» пахло пылью от старинных книг и тяжелым парфюмом. Она вздохнула и посмотрела в окно на маленький двор, где желтые фестоны зимнего жасмина обвивали поручни. По дороге Джульет уговаривала себя. *Держись спокойно. Говори только по делу, без пустых слов. Возможно, теперь он стал приятным человеком. Не упоминай о Джинни.*

Сейчас она снова повторила это. *Держись спокойно. Возможно, он стал приятным...* Тут дверь открылась, и вошел Сэм Хэмилтон, протягивая к ней руку:

– Привет, Джульет. Доброе утро, спасибо, что приехала. Извини, что заставил тебя ждать. Важный звонок... – Он крепко пожал ей руку и обвел ее бегающим взглядом. – Значит, это ты. Эй. Ты совсем не изменилась.

Джульет встала, пожала ему руку и вгляделась в него, не показывая удивления, поскольку она, в свою очередь, не узнала бы его на улице. Тогда он был фанат гранжа, худой канадский мальчишка с длинными, свисающими на глаза патлами, с рюкзаком, в сандалиях «биркеншток» и толстых альпинистских носках. Его волосы, по-прежнему темно-каштановые, почти черные, теперь были коротко острижены. Он был очень высоким и одет в прекрасно сшитый темный костюм и рубашку с открытым воротом.

К собственной досаде, она услышала свой голос.

– Ну... конечно, это я. Тут только одна Джульет Хорнер, историк искусства. Неужели ты думаешь, что тут их много?

– Я думал, что много. Ох, конечно. Помнится, ты всегда считала, что у тебя необычные имя и фамилия. – Он сел и жестом пригласил ее сделать то же самое, и она видела, что ему нравилась такая ситуация. – Так как ты поживаешь, Джульет?

– Спасибо, нормально, – ответила Джульет и внезапно добавила: – Я... мне казалось, что ты был меньше ростом. А ты высокий.

Он отвинтил колпачок авторучки и что-то нацарапал в лежавшем перед ним блокноте.

– Да. Честно говоря, в колледже я тосковал по дому и отвлекал себя, слушая Бретта Андерсона и подражая ему. Это означало, что я сильно горбился. Поп-звезды из нашего колледжа и гитаристы в Сиэтле никогда не стояли прямо. – Он пожал плечами. Она заметила, что иногда ему падал на глаза небольшой локон, почти как отсыл к его былому увлечению гранжем.

– Тогда вокруг было полно грязных шевелюр, – сказала Джульет. – Нет, я не имею в виду тебя. Тогда и сейчас. – Она осеклась, сообразив, что, несмотря на свою психологическую подготовку в машине, она уже ухитрилась за девяносто секунд разговора с ним сказать три неприятные вещи. – Послушай. Большое спасибо, что ты встретился со мной.

– Конечно, о чем ты говоришь? Я все равно бы тебя разыскал, если бы ты даже не написала мне.

– О. Что ж, ты очень добр ко мне.

– Это не доброта. Мы будем очень рады получить сотрудника твоего калибра. – Он снова улыбнулся и постучал авторучкой по столу. – Что-то я не помню, чтобы ты была в Оксфорде такой застенчивой.

– Я не застенчивая, – ответила Джульет, мечтая в душе, чтобы рассеялась странная энергия этой комнаты и она могла бы сосредоточиться. Возможно, ее приезд сюда был ошибкой.

Сэм Хэмилтон считался среди ее подруг самым заносчивым из всех, кого они знали. Когда он бросил ее подружку Джинни после четырех свиданий, он заявил, что она вполне умная по сравнению с ним. Такая сомнительная похвала – «вполне умная» – стала их любимым выражением, когда им хотелось что-то обсмеять.

Он приехал из Канады как стипендиат Родса^[3] в их сравнительно обшарпанный колледж в Оксфорде и был единственным, кроме самой Джульет, кто восхищался викторианским стилем зданий: арками в духе архитектора Пугина, лиловыми камнями, деревянными панелями, введенными в моду Далбитти. Сэм тоже изучал историю искусства, и в результате через год после того нашумевшего разрыва с Джинни и

слов «вполне умная» Джульет с досадой видела, что постоянно оказывалась рядом с ним.

Ей тогда казалось, что он всегда старался дать всем понять, какой он умный, и это было большим ай-яй-яй в их колледже, где все они учились, потому что уже доказали, какие они умные. Он был саркастичным, нервным и рьяно подражал музыкальным группам из их колледжа. (Только не «Кляксе». Джульет вспомнила, как он однажды в баре поднял на смех парня, спросившего, нравится ли ему «Клякса».) Его идеалом была Джастин Фришманн, он говорил об этом всем, и все вежливо кивали, считая его странным. Он слишком много говорил о себе. «Я из Оддавы. Там людей с ученой степенью больше на квадратную милю, чем в любом другом городе Канады».

Но в то же время он обладал сарказмом и мог высмеять чужое бахвальство. Она видела, как он однажды громко сказал какому-то типу, похожему на Пьера Гавестона – тот орал на вахтера, не пускавшего в колледж его девушку, – что у него из брюк торчит верх трусов, и спокойно скрылся, заправив с довольным видом волосы за уши. Джульет часто видела его с вахтерами или в городских пабах, куда студенты обычно не заходят. Иногда Джульет отвлекалась от книг и, выйдя на прогулку, натыкалась на него на крайстчерчском лугу или в каком-нибудь переулке на краю города, где он с восхищением разглядывал величественную викторианскую виллу. «О, привет!» – говорил он, не снимая наушники, поднимал руку, загадочно улыбался ей и шел дальше, не пытаясь начать разговор.

Вероятно, он считал всех англичан немного смешными и именно такими, как их и представляют. Джульет казалось, что она одна видела это и понимала, что он смеялся над ними.

Только однажды она видела его растерянным и огорченным. Поздно вечером на майском балу она попросила его отойти в сторону – он загораживал ей выход во двор, где ее ждал молодой человек. По его черному галстуку она поняла, что Сэм тоже был на балу. Он стоял, прислонившись к каменной арке. Он кивнул, и в полутьме она не видела выражения на его лице, когда он сказал:

– *Влюбленных тусклая подлунная любовь.*

– Что? – крикнула она, потому что по обитому деревянными панелями коридору неслось оглушительное эхо: «Бум! Бум! Устроим громкий шум!»

– О. Ну я сказал – тусклая... – нерешительно начал он.

Джульет не хотела тратить драгоценные секунды – она целый семестр добивалась внимания Хьюго, а он был из тех парней, кто, если ты не придешь вовремя, просто уйдет и будет обниматься с какой-нибудь другой сокурсницей.

– О господи! Ты всегда такой умный, – буркнула она. – Пожалуйста, уберись с дороги!

– Ладно. Джульет... – Он глядел на нее; при свете прожекторов его лицо казалось бледным, а глаза огромными; почему-то ей надолго запомнился тот эпизод. – Извини. Да. Конечно.

– Спасибо, – сказала она, проталкиваясь мимо него.

На следующий день она рассказала об этом Джинни. Ее подружка оторвала от подушки лохматую голову и сказала низким, хрипловатым голосом:

– Сэм Хэм из тех, кто не только думает, что он лучше, чем ты, но ему еще и обязательно надо сообщить тебе об этом. Он задница. Но целуется классно. Лучше всех, с кем я встречалась. И это досадно.

«Влюбленных тусклая подлунная любовь». Джульет вспомнила сейчас об этом с улыбкой. И подумала, что же случилось с Джинни. Она ушла от нее в предпоследнем семестре; они тогда жили вместе, и оказалось, что Джинни не любила мыть посуду. Она заставляла Джульет платить ей за мытье, потому что Джульет любила крепкий чай, и танин оставлял в кружке темные пятна, которые трудно отмывать. Последнее, что Джульет слышала о ней, – что она была викарием в четырех разных приходях в Йоркшире. Интересно, подумала она, что Джинни делала с пятнами йоркширского чая на кружках, – но внезапно поняла, что Сэм Хэмилтон снова заговорил:

– ...в прошлом месяце приобрели архив, на аукционе. Я сказал – на аукционе, но мы были единственными покупателями. Он уже забыт всеми, хотя помню, что тебе тоже нравился.

Джульет сразу поняла, о ком речь.

– Далбитти? Да, я – я люблю его. – Она оживилась. – Прости. Значит, вы приобрели архив? Я слышала, что он был выставлен на аукцион. Это потрясающе.

– Правда? Я тоже люблю его. Я из Оттавы, а он провел там остаток жизни. – Он сказал «Оддавы», но это уже не казалось ей

смешным. Может, никогда и не было, просто она сама была душой в колледже... Джульет заерзала в кресле.

– Да, я помню. Так печально. Такая трагедия. Я часто думаю и удивляюсь, почему он поехал туда.

– А что? Почему бы ему было не поехать?

– Ну, потому что у него, по-моему, все было здесь. Вероятно, что-то случилось. Хотя Оттава – прекрасный город.

– Ха. – Он засмеялся и поднял на нее глаза: – Мне не терпится просмотреть архив. У него была привычка все записывать. Все до мельчайших деталей.

– О да. Вот почему я люблю Соловьиный Дом – из-за деталей. Он продумывал все. Крючки на каждой двери, сиденья с откидывающейся крышкой под окнами в каждой комнате, чтобы складывать туда вещи, домики для птиц снаружи...

– Так ты теперь живешь там, – сказал он и наклонился вперед, сцепив пальцы. Свет, падавший в окно, осветил его правую щеку, играл в темных волосах. – Джульет, это роскошно.

– Да, – ответила Джульет и скрестила на груди руки. – Да, так получилось. Как ты, вероятно, слышал, я ушла из «Даунис» и примерно в то же время получила в наследство этот дом. В июле мы уже переехали туда.

– Как замечательно, что там будут расти твои дети.

– Ну, я тоже так считаю. – Она засмеялась.

– Что тут смешного?

– Мои дети не очень согласны со мной, во всяком случае пока что. Но я считаю, что это чудесно.

– Знаешь, я однажды ездил в Соловьиный Дом.

– Правда? Когда?

– В годы учебы. Мои родители приехали из Оттавы навестить меня и были потрясены. Знаешь, мой отец прежде нигде не был за пределами Канады. – Его лицо расплылось в улыбке при этом воспоминании. – Да. Суровая леди выглянула из дома, а когда я спросил, правда ли его строил Далбитти, она ответила, что да, и захлопнула дверь у меня перед носом.

Джульет рассмеялась, несмотря на смущение.

– Ой, неужели? Мне очень жаль. Она почему-то не любила Далбитти.

– Мой отец был поражен. Он повторял всю обратную дорогу: «Ну и ну, она просто старая карга!»

– Это была моя бабушка, Стелла Хорнер.

– Конечно. Дочь, которой нет на картине. Я всегда забывал о ней. – Он слегка кивнул.

– Но она родилась после смерти деда, – сказала Джульет, почему-то задетая этим. Ей вспомнилась тетрадка Стеллы с инструкциями, которую Джульет хранила возле своей кровати, крупный почерк, тщательные записи. – Почти через девять месяцев. Они были уже в годах – прабабке сорок четыре. «Сад утрат и надежд» был написан в 1900 году. Она не умершая дочь, она оказалась просто сюрпризом.

– О'кей. Ну вот. Архив прибыл сразу после Нового года. Кейт Надин, наша архивистка, пока не добралась до него. После Рождества она сломала лодыжку и сейчас на больничном. Но мне не терпится, я все время открываю коробки. Она разозлится на меня.

– Ого! Как интересно. – У Джулии невольно загорелись глаза. – И что там?

– Ах, ты должна посмотреть. Там удивительная переписка Далбитти и Неда Хорнера. Когда он трудился, переделывая дом для своего друга, а Нед – ну он непрестанно беспокоился и сомневался. Такой был человек. А Далбитти ушел из жизни еще довольно молодым. По-моему, чудесный был человек.

Его энтузиазм заразил ее.

– Да, ты прав. По-моему, наш дом многому его научил. И Нед тоже. Нед всегда говорил, что дом вдохновлял его так же, как и многое другое.

По лицу Сэма промелькнула легкая улыбка.

– Ой. Конечно. Я совсем забыл.

– Что ты забыл?

– Про твои дела с Хорнером.

– Ты о чем? Я не понимаю.

Его глаза снова забегали.

– Как бы это сказать, Джульет? Ты, по-моему, любила козырять Недом Хорнером.

– Неправда!

– Правда, не отрицай. Ты говорила, что он был более знаменитым, чем Элвис, но никого твои слова не интересовали, никого, кроме меня,

а ты игнорировала меня весь год!

– Мы – мы говорили о Хорнере, это важно! – Она посмотрела на Сэма, не понимая, шутит он или нет. – Я игнорировала тебя? Ты – вау! Ты бросил мою лучшую подругу.

– Она была жадной. А еще сопела.

– Ты сказал ей, что она глупая.

Тень пробежала по его лицу, он быстро поднес ладонь ко лбу и тут же снова положил руку на стол.

– Мне жаль. Это нехорошо. Бедняга – как ее звали?

– Джинни. Ты даже не помнишь ее имени.

– Это было почти двадцать лет назад. Ну виноват. Где она сейчас – чем занимается?

– Ой, знаешь, – ответила Джульет. – Чем-то. И...

– Чем-то там?

– Да, чем-то там.

– Ты даже не знаешь, где она, а ведь она была твоей лучшей подругой. Что ж, ладно.

– Знаю, – заявила Джульет, внезапно очнувшись от оцепенения. – В Пикеринге. – Она понятия не имела, откуда это взялось в ее памяти, но почему-то знала, что это так. – Она... она живет в Пикеринге. Она викарий.

– Извини, – помолчав немного, сказал Сэм. – Я не слишком профессионально провожу собеседование. Извиняюсь. Вероятно, я занервничал, увидев тебя.

– Нет-нет, это ты меня извини, – сказала Джульет. – В самом деле, я держусь слишком бесцеремонно. Ведь у нас собеседование.

– Но я не очень понял, почему ты перебралась сюда, вот и все. И еще меньше понимаю, почему ты хочешь работать у нас.

– У меня трое детей, и я развожусь. Мне нужна работа. А к тому же... – Она покачала головой и услышала свой немного дрогнувший голос: – Я хочу работать.

Сэм Хэмилтон посмотрел на нее:

– Давай все-таки попробуем устроить на несколько минут настоящее собеседование, ладно? У меня есть вопросы, составленные комитетом, которые я должен задавать соискателям. – Он спросил монотонным голосом: – Чем вы больше всего гордитесь в вашей профессиональной деятельности?

Джульет немного подумала и улыбнулась.

– Что тут смешного?

– Ничего. – Она была готова сказать – «приучила Санди к горшку». – Пожалуй, тем, что я нашла эскиз Милле в антикварной лавке в Банбери.

– Чем тут гордиться?

– Есть чем. Я купила на вырученные деньги первую машину.

Он пристально смотрел на нее все последние минуты, а теперь наклонился вперед.

– Я не хочу быть невежливым, – сказал он. – Разве трудно такому профи, как ты, заметить его эскиз? Ты Джульет Хорнер. Вчера я прочел, как ты оплатила из собственного кармана расчистку темного пейзажа в «Тейт», и это оказался Уильям Дайс.

– Да, было такое. И ты прав. Но это... – Она покачала головой. – Мы зашли в лавку, потому что муж увидел в витрине старую эмалированную кофеварку, продававшуюся со скидкой. Мы разбудили спавших в машине детей, те были недовольны и ревели – извини. У тебя есть дети?

Он покачал головой:

– Нет. В прошлом году я развелся. Я бы... – Он замолчал. – Ничего не получилось.

– Ох... – Джульет уже пожалела, что спросила об этом. – Просто... – Она кашлянула.

– Что просто?

– Ну, – неловко сказала она. – Знаешь, с детьми как в игре «прихлопни крота». Одну успокоишь, другой начинает орать, этого успокоишь, третья капризничает. Впрочем, тогда их было только двое. Мы возвращались на машине со свадьбы старого коллеги Мэтта и ужасно поругались из-за чего-то... – она украдкой дотронулась ладонью до своей горевшей щеки, – а теперь еще из-за того, кто будет смотреть за ними. А я скажу тебе, что мой муж никогда, никогда не смотрел за детьми. Извини, – сказала она, разводя руками.

– Не извиняйся. Патриархат нас всех обижает, – сказал он полушутя, полусерьезно.

– Ну спасибо. Вот так я оказалась в антикварной лавке, загроможденной хрустальными чашами для пунша, фарфоровыми пастушками, а за моей спиной два усталых, голодных ребенка и муж,

считающий, что он может торговаться с солидным пожилым патрицием, который не любит торговаться. Я увидела стопку эскизов на грубой бумаге, лежавшую на бюро в углу лавки, а на них сверху лежало что-то еще, – у меня в ухе словно что-то пискнуло... Как-то необычно. Тут я заметила старый школьный календарь для девочек и дала его девятилетней дочке, а еще корзинку и медвежонка и сказала двухгодовалой дочке, чтобы она посадила мишку в корзинку и накрыла шарфом. Сняла с себя шарф и дала ей. В результате высвободила сорок секунд максимум, чтобы просмотреть рисунки, прежде чем дочери снова начнут капризничать. И первые несколько эскизов были симпатичные, но четвертый, понимаешь, был особенный, в нем было что-то в штриховке, в выражении глаз девушки, в том, как нарисованы руки... у меня побежали мурашки по шее, и я что-то поняла – но тут моя младшая снова заревела и обхватила мою ногу, и все закончилось. – Она посмотрела на Сэма: – Честное слово, на моем месте ты бы тоже гордился этим. – Она пожала плечами.

Сэм кивнул:

– Угу. Да, пожалуй.

– Это тебе не ракетостроение. Как ты сказал, такому профи, как я, нетрудно заметить.

– Ну тогда ты все сказала правильно, – согласился он. Встал и, заложив руки за спину, подошел к окну. Помолчал. – Можно сказать тебе одну вещь? Я говорил, что ты не изменилась, но на самом деле ты совсем не такая, какой была тогда в Оксфорде.

– Как это?

– Я не знаю. – Он пожал плечами: – Тогда мы все, пожалуй, неправильно общались друг с другом. В колледже мне было не очень весело, вообще-то. Я был одинок.

– Всем нам казалось, будто ты много воображал о себе. Не похоже было, что ты хотел с кем-то дружить.

– Удивительно. Я хотел. Отчаянно. Но не вписывался ни в одну компанию ребят-англичан.

– Дело не в англичанах. Я вот, например, не верила, что кому-то интересно со мной. Я приехала в Оксфорд из Северного Лондона.

– Ты бы удивилась, если бы узнала, что я страдаю от одиночества, – сказал он, и она кивнула.

– Ты прав, – сказала она, крутнувшись в кресле. – Извини. У тебя были трудные годы. Мне надо было проявить дружелюбие. Тем более, как ты сказал, у нас были общие интересы. Впрочем, я тоже не была счастливой. Я была убеждена, что я некрасивая, тупая, а мои родители уехали во Францию на следующий же день после моего поступления в университет, словно им не терпелось сбросить с себя родительские тяготы. У меня больше не было дома, и я ездила на каникулы к бабушке. Все вокруг меня были такими умными и классными, и я была уверена, что не смогу после учебы устроиться на работу.

– Ну ничего. Эй, все проходят через трудные времена, верно?

– Да. Всегда.

– Слушай, Джульет, как я рад тебя видеть. – Сэм наклонился и протянул ей руку. – Нам повезло, что у нас будет такой профи, как ты. Знай это. Правление поручило мне спросить, согласна ли ты для начала работать три дня в неделю, а потом перейти на пять, если художественный совет даст нам денег на расширение проекта.

– Я не понимаю.

– Я предлагаю тебе работу. Извини. Разве это не ясно?

– Конечно, не ясно, – засмеялась Джульет. – Это замечательно!

– Ты Джульет Хорнер, – сказал он и помахал протянутой рукой, чтобы она взяла ее. – Для нас это слэм-данк, как говорят баскетболисты, верняк. Мы были бы сумасшедшими, если бы отказали тебе.

– Что?

– Это было очевидно.

– Мне нравится ваше правление.

– Почему бы и нет. Ты им тоже нравишься. Нам нужна твоя помощь. Помимо расширения проекта и архива Далбитти, мы планируем сделать в 2019 году выставку набросков Хорнера...

– Правда?

– Да. Мы попросили Джулиуса Айронса дать нам эскиз «Сада утрат и надежд».

– Боже мой. Ты думаешь, он даст?

– После массивной атаки с криками, что он увозит эскиз из страны и собирается скрыть его в банковских подвалах, думаю, что он будет вынужден согласиться. Между прочим, я слышал, как он говорил

кому-то, что он переплатил за эскиз. В общем, скажем так – перспективы обнадеживают.

– Сэм! – Улыбка Джульет превратила ее щеки в яблоки. – Я... это абсолютно замечательно. Это – это здорово! Работать в этих стенах... Я согласна. Мне все равно, какая работа. – Они снова улыбнулись друг другу.

– Сошлись на эдвардианском искусстве.

– Викторианском. Лето 1900 года.

– Вот, опять ты козыряешь своим родственником. – Он встал.

– Спасибо, что встретился со мной. И за известие насчет эскиза. Это чудесная новость. Когда я смогу приступить к работе?

– Если выйдешь третьего февраля, будет замечательно.

– Отлично. Еще раз спасибо. И вот еще что, Хэм? Сэм. Сэм Хэм. О господи, извини еще раз. И за то, что я назвала тебя как персонажа из книги доктора Сьюза.

– Со мной так часто бывает. Отчасти поэтому я и переехал сюда. Так что давай начнем все с чистого листа, ладно?

– Я тоскую по чистому листу. Я мечтаю об этом. О большой пачке чистых листов, – сказала Джульет. – Это классно.

И она еще раз, улыбаясь, пожала ему руку – пожалуй, с чрезмерным энтузиазмом.

Глава 27

Февраль

Джульет, в феврале проверь водостоки. Листья часто превращаются в перегной и забивают старые трубы. Делай это три раза. Один раз в ноябре, один в январе, один раз теперь. Три раза. Всеми листьями, которые ты вычистишь, удобри почву, но только смотри, чтобы они не были слишком сырыми, иначе они подморозятся и повредят твоим бедным растениям. Наслаждайся луковичными, которые ты посадила, нарциссами и подснежниками. Вечера становятся все более светлыми. Я не боюсь зим. Я наслаждаюсь их покоем, чувствую, как отдыхает спящая земля.

Весна идет. Ее пока еще нет, но она приближается. В почве хранятся секреты. Они пока еще скрыты и ждут, когда смогут вырваться на поверхность и раскрыться.

Джульет всегда ненавидела февраль – даже само звучание этого слова, похожее на насмешку, на обман: *ФеВРАЛЬ*. Но тут, за городом, даже в начале месяца, когда ветки были голые, а дни еще такие короткие, она находила радость в каждом дне. Резкий контраст черных деревьев и бледно-голубого неба, маленькие клочья тумана в речной долине по утрам, которые кружились над водой и ложились на прибрежную бурую траву. И всюду ожидание. Рыжеватые почки, почти готовые раскрыться, темная земля, тучная, удобренная перегнившими листьями и вспаханная червяками, чистый и прозрачный зимний дождь.

Но зима все-таки отъела у нее часть энергии. Джульет подавила зевок и слегка повернула руль на изгибе дороги. Она проснулась в пять тридцать, прочистила от листьев водосточные трубы – она уже делала это два раза, один раз осенью, другой перед Рождеством, но никак не могла заставить себя это сделать еще раз до сегодняшнего утра. Но Грэнди всегда настаивала, что это надо делать три раза, а трубы в Соловьином Доме оказались довольно проблемными, и Джульет

опасалась их рассердить. За эту зиму она убедилась, что, если ты отодвигаешь на потом маленькие неполадки, они имеют обыкновение быстро перерасти в большие проблемы. Вчера она поскользнулась на камнях террасы.

Привет Эв можно спросить тебя вот еще о чем?
Чем мне очистить камни террасы? Они скользкие зеленые отвратительные и вчера я поскользнулась. Могу я использовать средство с хлоркой?

Джу привет подруга. Ни в коем случае не используй хлорку она убьет лишайник / попадет после дождя в корни растений. Возьми жидкость джейес.

Спасибо надеюсь у тебя все ОК.

Да. Ты можешь посадить плодовые деревья пока холодно. Ямку выкопай глубокую & корневому кому нужно пространство. Посади чернослив ты всегда хотела J до встречи летом

Теперь, когда зима кончалась, Джульет могла уже оглянуться на нее: зима была сырая и слишком теплая, а не морозная, с гладким льдом и хрустящим снежком, как ей мечталось. Джульет куталась в уютные вязаные шарфы, зажигала дымившие трескучие дрова и понимала, что ей жарко, неуютно и сыро. Всегда сыро. Дождь непрестанно создавал проблемы. Французские двери в столовой и кабинете разбухли и не открывались, речка под горой вышла из берегов, трава и деревья стояли в воде. На двух яблонях обломилась большая ветка, их унесло водой, и они застряли ниже по течению. А на прошлой неделе на дубе сломался огромный сук, бросавший тень на дом, и упал на Птичье Гнездо, разбив окна в спальне Би – хорошо еще, что она была в школе.

– Так нечестно, – проворчала Би. – Если бы сук ударил меня, я бы день не ходила в школу.

Джульет засмеялась.

– В жизни много несправедливого. Зато ты не пострадала от упавшей ветки, так что на этот раз все справедливо.

Дуб выглядел жалко, содранная кора обнажила желто-оранжевую древесину, получился неприятный контраст с зеленовато-черным стволом. А еще за тисовыми деревьями стали видны серые могильные камни.

Каждое утро появлялась новая работа, за ночь возникали новые проблемы. Джульет вспоминала, как они с Мэттом ссорились из-за того, чья очередь заменить лампочку или надо ли обмотать скотчем разъем «скарт», чтобы работал телевизор, и ей хотелось смеяться.

Нужно ли делать из листьев компост? Что это такое? Что делать с побуревшими яблоками, хранившимися в ящиках? Что делать с окном в спальне, которое так громко дребезжало по ночам, что будило ребенка? Как поступить, если ты видишь, как лиса катит по лужайке свернувшегося в клубок ежика? Как быть с мышами?

Ты оставила мне множество инструкций, но их все равно оказалось недостаточно.

Джульет сбросила скорость, пропуская фургон для перевозки лошадей, и ее «Шкода» прижалась к живой изгороди. Летом, в первые дни после переезда, она была в ужасе от узких дорог, от неповоротливой фермерской техники, неожиданно появлявшейся перед тобой за поворотом, от заляпанных грязью, ржавых и битых «Лендроверов» с собакой на заднем сиденье. Сама она тоже никогда не обращала внимания на свою машину, и в тот день, выйдя из «Фенимана», поглощенная разговором с Сэмом Хэмом о новой картине Холмана Ханта, неожиданно появившейся на рынке, она не могла вспомнить, где парковалась.

– Картина перереставрирована – ужасно жаль, потому что, возможно, обнажились нижние слои краски. Что-нибудь случилось, Джульет?

– Моя машина. Я не могу найти ее.

– О. Но ты уверена, что поставила ее в этом месте?

– В общем-то, уверена. Помнишь, я видела, как ты подъехал?

– Конечно. – Сэм повернулся к своему двухместному спорткару, кивнул и снова повернулся к ней, сцепив пальцы на затылке; она уже

заметила, что так он лучше всего обдумывал задачу. – Может... на другой дороге? Они очень похожи.

– Нет, я помню эту желтую дверь. Я уже опаздываю к Би, – сказала она, стараясь не впадать в панику. Они с дочерью твердо решили, что по пятницам будут вместе готовить ужин и вместе выбирать фильм, чтобы посмотреть его вчетвером. Сегодня Би собиралась потушить нут со шпинатом, а Джульет обещала привезти копченый сладкий перец. Когда они раз в неделю вместе хлопотали на кухне, Би делилась с ней своими новостями. Джульет научилась вытягивать из дочки информацию, и это было похоже на долгую игру. Если Би подробно рассказывала ей о своих делах на предыдущей неделе (что-либо из поправимого: «Мисс Рексем сказала, что мои диаграммы смещения береговых наносов неточные и мне нужно поупражняться их делать»), а также новое: «Одна девочка в школе сказала, что я ей нравлюсь и она вообще-то бисексуалка хотя я на самом деле думаю что она просто так говорит чтобы выглядеть крутой и вообще когда я была у папы на прошлых выходных мы с Фин говорили о том, что мы эксклюзивные»), иногда Джульет пересиливала себя и ни о чем не спрашивала ее на следующей неделе. Поэтому Би даже не подозревала, что все делалось для того, чтобы ей захотелось поговорить. И расчет был верным: за последний месяц Джульет услышала от дочки больше, чем за весь предыдущий год. Би удивляла ее.

Джульет прикусила губу, а ее глаза обшаривали улицу. Вот почему приготовление пятничного ужина было для нее такой важной акцией. Она огорченно посмотрела на Сэма:

– Может, ее кто-нибудь угнал? Как ты думаешь?

– Возможно. Сочувствую тебе. – Сэм достал телефон. – Сейчас это обычное дело. Слушай, я позвоню в полицию и вызову тебе такси.

– Спасибо, Сэм. Дай-ка я еще пройду по дороге. – Они прошли вместе до конца улицы и вернулись. – Но почему украли мою машину, а не твою «Ауди», вот что мне интересно. – Джульет взглянула на дорогу и откинула с глаз волосы. – Я... о господи!

– Что? – Сэм с тревогой посмотрел на нее. – Ты видишь их? – Он схватил ее за руку.

– Нет... нет.

Она с ужасом заметила свою серебристую «Шкоду», впервые взглянув на нее так, как ее видели другие: ветровое стекло было покрыто мертвыми листьями и птичьим пометом, длинные волнистые царапины тянулись по металлу от капота до багажника, одно боковое зеркало повисло в результате близкого контакта с трактором, когда она гнала машину, чтобы забрать детей у Мэтта.

– Плохая машина, – сказала она с досадой и пнула ногой шину. – Хулиганка! – Она повернулась к Сэму: – Боже мой, прошу прощения.

Сэм поднял брови и пожевал губами. Он часто так делал, словно считал Джульет несносной или пытался не рассмеяться.

– Все хорошо, что хорошо кончается. – Он дотронулся до ее руки, когда она садилась за руль: – Спасибо тебе за замечательную первую неделю, Джульет.

Она подъехала к перекрестку, где три старых зернохранилища бывшей фермы Тукеров были переделаны в гламурные корпуса отеля «Фермерский дом». Огромный фургон с логотипом на боку застрял и не мог развернуться на узкой дороге. С другой стороны дороги фермер Том Толли в резиновом комбинезоне вытряхивал корм в корыто, отгалкивая толпившихся вокруг него свиней. Джульет опустила стекло.

– Какие новости? – спросила она.

– Сегодня они отделявают плиткой бассейн, – ответил Том, вытряхнув остатки корма. – Средиземноморской, глазированной. Далековато от Италии. – У него было красноватое лицо, лысеющая голова и лучистые голубые глаза.

– Очень мило, – мрачно отозвалась Джульет, и они вдвоем молча посмотрели на оживленную стройку. Свиньи толкали друг друга и повизгивали, споря из-за корма.

– Айла может приходиться к нам в любое время, даже с ночевкой, – сказал Том. – Она нравится Грейс. Завтра очередь Дебс вести ее в бассейн. Поговори с ней об этом, – и он снова повернулся к своим животным, закончив светский разговор.

– Спасибо, – крикнула Джульет и поехала дальше. Поначалу она не знала, о чем говорить с местными, ведь они не только были незнакомыми, но и их жизнь совершенно отличалась от ее. И она поняла, что чем меньше, тем лучше. Дома, в Лондоне, все было

«высокооктановым» – друзья по детской площадке, круг общения, вечеринки, выбор школы. Всегда нужно было проталкиваться в первый ряд, всегда желать чего-то большего. Но несколько недель назад, когда дети вернулись в школу после каникул, она поехала забирать Айлу из дома Грейс и обнаружила, что такой же большой грузовик тоже застрял на узкой дороге; в тот раз он привез каррарский мрамор для ванн.

На дороге появилась Дебс с девочками и посоветовала ей отъехать назад метров на сто и оставить машину там на обочине.

– Конечно. – Джульет шмыгнула носом – у нее был насморк.

– Да, – сумрачно сказала Дебс, и хотя нос у Джульет был совершенно забит, она все равно слышала вонь от свиней и свинофермы. – Свиньи очень чистоплотные существа, но запах от навоза отвратительный. Это из-за их корма. Я привыкала к нему много лет.

– Дома вы тоже чувствуете его? – спросила Джульет, когда они вместе шли в гору к дому Толли. Айла и Грейс бежали за ними, мелькая между деревьев, обрамлявших дорогу; впереди них весело прыгала колли.

– Мы-то? Нет, мы тут высоко на горке. Ветер относит вонь вниз, прочь от нас. Так было всегда. Зачем, как ты думаешь, дом построили много лет назад именно там?

Джульет оглянулась на амбары:

– Как же те новые дома? Они стоят как раз по ветру от ваших свиней.

– Угу, – сказал Том с бесстрастным лицом. – Но тот мужик, который купил за бесценок старую ферму Тукеров, он что – зашел к нам, представился, поговорил с нами об этом? Извинялся когда-нибудь за шум и машины? Их внедорожники блокируют тут все, люди орут в телефоны, парни из Оксфорда и Лондона шляются всюду в своих дорогих костюмах. Они подумали о том, что в двадцати метрах от места, где они хотят поставить свои лакшери-амбары, каждый день прибавляется двадцать галлонов свиного навоза?

Он ухмыльнулся, Дебс тоже, а следом за ними и Джульет.

– О, это хорошо, – сказала она. – Это очень хорошо.

Ясно было, что сегодняшний фургон самостоятельно не развернется, но Джульет сумела протиснуться мимо него. Встреча с Томом оставила в ее душе теплое чувство, несмотря на холодный ветер. Почти дома. Через несколько минут будет поворот к «Фермерскому дому». Слева от нее что-то маячило, и Джульет с любопытством взгляделась, просто так. Тут всегда был шанс увидеть какую-нибудь приехавшую знаменитость, хотя, скорее всего, это был кэб, высаживавший какую-то медийную публику с блестящими волосами. Заведение открылось в сентябре, и в Годстоу обсуждали, кто претендовал на членство в лакшери-клубе и какие вип-персоны были там замечены.

Конечно, Джордж тоже был членом – как же иначе, хотя Фредерик отказался, заявив, что это не его стихия. Джорджу там нравилось; он спросил Би, не хочет ли она пойти туда на коктейль, и она была готова, если бы не запротестовала Джульет.

– Ей всего пятнадцать лет, Джордж, о'кей?

– Но ведь она ходит на вечеринки.

– Да, но с другими пятнадцатилетними.

– Как скучно, – Джордж закатил глаза.

Однажды Джульет была в «Фермерском доме», перед Рождеством вместе с двумя мамами из класса старшей дочери. Обе сбежали из Лондона, потому что у их мужей рухнул бизнес и им пришлось сменить стиль жизни на более скромный. Было очевидно, что они решили проверить, сможет ли Джульет стать Одной-из-Них. Оказалось, что нет. Джульет отчаянно завидовала стилю этого места, с его небрежным, но тщательно продуманным богемным шиком – марокканские драпировки, выцветший бирюзовый кафель на террасе, эра тканей коллекции «блумсбери» на подушках, всюду запах жасмина и грейпфрута, – но все казалось тотально нереальным, и через пять минут она начала ерзать, когда обе женщины забубнили о ценах на дома, о том, как замечательно жить за городом, достаточно ли хороша здешняя школа для Jagger и Ву, а потом одна из мамаш, высокая, с длинными светлыми волосами и большим носом, обратилась к ней, растягивая по-лондонски слова:

– Так это проблема для кого-то, что у Би не та сексуальная ориентация? Сама я, конечно, не вижу проблемы.

Джульет поймала себя на том, что глядит на ее чистую гладкую кожу. Как ей удастся сохранить ее такой?

– Я ничего не знаю об этом. Я разговаривала с учителями. Мы стараемся убедить Би, что вся наша семья любит ее и что для нас ничего не изменилось.

– Правильно. И хорошо. Потому что тут многие жители мыслят не так современно, как лондонцы. И Бэй-бэй сказала, что Би было нелегко и что у нее до сих пор немного друзей. Я просто подумала, высказывали тебе другие родители свое мнение об этом или нет?

– О да, – подключилась другая мамаша, надев на лицо маску озабоченности.

– Нет, никто ничего мне не говорил. – Джульет почувствовала, что напряглась. – Она... этот год был тяжелым для нее.

– Я не вижу в этом проблему, – сказала вторая родительница. – По-моему, это просто замечательно.

– Замечательно? Что замечательно?

– Что она лесбиянка. Я хочу сказать – знаешь. Я совершенно понимаю тебя. Мне было бы очень тяжело, если бы это были Зали или Коко, но Би вроде не стремится к популярности, правда? И это прекрасно.

– О. Ну... она...

– О господи. Ты слышала что-нибудь о *Моо*-лоджах возле Страуда? Джеймс говорит, что они серьезно крутые. Он считает, что нам надо поехать туда в этот выходной. – Она взмахнула рукой, и тема была закрыта.

Джульет извинилась и ушла, как только смогла. «Фермерский дом» – это не для нее.

Она купила сладкий перец. Она хотела предложить для просмотра фильм «Лило и Стич», хотя Би всегда игнорировала предложения матери. Джульет свернула на аллею, предвкушая возвращение домой. Впереди были выходные. Она съездит с детьми в бассейн, еще им предстоит чаепитие в честь дня рождения Санди, и Джульет уже пригласила трех его друзей из детского сада: Джорджа, Шарлотту и Артура. (Джульет отметила с интересом и легким удивлением, что в Лондоне никто не давал детям такие же имена, как у членов королевской семьи, а в Годстоу, если не считать приехавшие из

Лондона семьи, это был практически закон.) А еще наступала весна. Да, весна.

Подъезжая к дому, она увидела идущую навстречу женщину. Она помахала рукой, съехала на обочину и опустила стекло.

– Оноп! Привет!

– Привет, дорогая. Я только что оставила тебе записку.

– О. Зайди в дом, выпей чаю.

– Нет, спасибо, – ответила Оноп. Она застегнула доверху куртку, сунула руки в карманы и тряхнула своей пепельной шевелюрой. – Я пойду домой. Брайен готовит карри.

Джульет вылезла из машины и обняла Оноп.

– Самая подходящая погода для карри.

– Абсолютно, только он настаивает на том, чтобы блюдо было горячим, так что я смогу съесть только две ложки... вообще-то.

– Оноп, ты считаешь, что у моркови слишком резкий вкус?

– Ну морковь вообще ужасная, – ответила Оноп. – Отвратительная. Мокрая и одновременно хрустит. Слушай, мне было приятно поболтать с твоей милой Би. Она резала лук и обливалась слезами, бедная овечка. Как ты здорово ее натренировала. Я ни за что не смогла бы заставить Эва готовить в этом возрасте ни за какой чай в Китае, – она улыбнулась Джульет.

– Как он там? – спросила Джульет. – Что слышно от него?

– Он планирует приехать к нам в июне, когда закончит работу.

– Пожалуйста, передай ему, чтобы он приезжал. Мы давно не виделись. Я хочу, чтобы он приехал и посмотрел сад. Скажи мне, что надо делать.

– Вообще-то, я за этим и пришла. Я собиралась спросить, не хочешь ли ты, чтобы я заглянула как-нибудь, и мы с тобой пройдемся по саду и поглядим, что надо сажать.

Все считали, что любовь к садоводству началась у Эва в Соловьином Доме, но свой талант он явно унаследовал от матери, превратившей пустырь за их перестроенным в дом амбаром в изумительный сад, окруженный гибискусом – в память о Ямайке.

– Ой, неужели? – обрадовалась Джульет. – Я буду так признательна. Перед Рождеством я убрала много высохших кустов и подкормила почву. Луковицы уже начинают прорастать, но это многолетники и рассада. Но что посадить на овощных грядках и в

оранжерее? И что выживет? Я не стану восстанавливать такой сад, какой был у Грэнди. Не сумею.

– И не надо. Тот сад был продолжением викторианского сада Лидди – сплошные розы, фиалки и рододендроны. Мило, но жутко неряшливо. Пожалуй, я приду в эти выходные, ладно?

– Тогда будет день рождения Санди, – сказала Джульет, поморщившись, но была рада, почти гордилась такой кучей событий. Дни рождения, сад, бассейн, пятничный просмотр фильмов... – Она схватила Онор за руку: – Приходи к нам на пирог, ладно? С Брайеном. Он еще толком и не видел моих детей.

– Ой, с удовольствием. Он тоже будет рад. Ах, ты такая умница, – Онор улыбнулась. – Как замечательно, что ты вернулась. Твой отец – ну да бог с ним... Но Стелла была бы так довольна.

– Здесь я чувствую себя дома. По-настоящему, совершенно, хотя чаще всего не очень счастлива. Такие вот противоположные чувства, понимаешь? – Она почти с отчаянием взглянула на Онор, всей душой надеясь, что она ее поймет. Что хоть кто-то ее поймет. – Просто я не уверена... за детей... что я правильно поступила. И я не уверена, позвонит ли кто-то потом в колокольчик и скажет: «Динь-динь! Ты выбрала правильную дорогу!»

– Конечно, правильную, – заверила ее Онор. – Ты делаешь то же, что и все женщины. Ты смешиваешь то, что лучше для тебя, с тем, что лучше для твоих детей. Мужчины – те умеют это отделять. Мы придем на пирог, а в следующие выходные мы займемся садом, договорились? Только учти, что я суровая наставница, спуску не дам.

Джульет скорчила шутивную гримасу:

– Я все стерплю.

– Ты справишься с чем угодно. По-моему, дорогая моя, ты недооцениваешь себя. Знаешь, твой отец – мой старинный друг, но я думаю, что он и твоя мать могли бы почаще приезжать сюда и помогать тебе. Я говорила ему об этом. Выпей сегодня утром бокал вина. Скажи себе, что ты замечательная, черт побери.

Джульет поехала дальше, улыбаясь, и свернула к дому; в ее голове крутились разные вопросы. *Бракоразводные бумаги. Именинный торт «Гусеница Колин». Носки. Тампоны. Позвонить плотнику насчет окна.*

– Привет! – крикнула она, входя. Энни, внучка миссис Бидл, взяла Айлу и Санди и смотрела с ними телевизор. Джульет втянула носом

воздух и вдохнула желанный запах лука и чеснока.

– Привееееет! – безразлично закричали младшие. Распластавшись на кресле-мешке, они не отрывали остекленевших лиц от экрана. Санди был в уличной курточке. Джульет взяла почту и направилась через столовую, отметив, что все еще не стемнело. Окна в гостиной слегка запотели – значит, в доме все-таки держалось какое-то тепло. Она вошла в кухню.

– Вот твоя паприка, Би. Хм – сколько они уже сидят перед теликом с Энни? – Она посмотрела на дочку: – О господи, Би! Что случилось, милая? – Она бросила почту на стол и подошла к дочери.

Би стояла в центре кухни, держа деревянную лопатку, а ее лицо покраснело от беззвучных слез. Джульет обняла ее.

– Доченька? Доченька?

Би даже не могла говорить какое-то время, лишь содрогалась от рыданий.

– М-мам!

– Скажи мне, что случилось. Скажи.

– Ты г-г-говорила, что все-все п-п-пройдет, – ответила она наконец. – Т-т-ты обещала, чт-т-то все станет лучше.

Смятение и страх наполнили Джульет, и она внутренне сдулась, словно воздушный шарик.

– Обязательно станет, доченька, я уверена в этом. – Она поцеловала Би в макушку. – Обещаю. Что-нибудь с Фин? Что случилось?

– Уфффф! – Би вырвалась из ее рук и попятилась. Старая ткань, служившая занавеской и загоравшаяся кастрюли, зацепилась за бегунок молнии на ее курточке и оторвалась. Би посмотрела на нее и разрыдалась еще сильнее. – *Этот дурацкий дом!* Дело не в Фин. Ты всегда так говоришь, а это фигня.

Джульет машинально схватила кухонные ножницы и отрезала кусок скотча. Потом взяла разорванную ткань.

– Сейчас я все исправлю. Что случилось? Пожалуйста, скажи мне, доченька.

– Знаешь, почему папа торопится с разводом?

– Нет, доченька. П-почему?

– Тесс. Она беременная. У н-нее в августе родится ребенок.

Джульет уронила ткань, и полоска скотча, которую она держала, намертво прилипла к ее волосам и закрутилась вокруг пряди. Джульет потянула за нее.

– Что?

– Тесс. У них с папой будет ребенок. Этим летом. – Би сцепила пальцы. – Я в прошлую субботу догадалась, что у них что-то случилось. Папа был какой-то странный, задавал мне дурацкие вопросы, говорил про развод, а Тесс плакала и ничего не ела. И... и я позвонила ему... только что... и он сообщил... сказал, что они оба хотели этого и что он собирается с-с-сказать тебе, сказать нам об этом в выходные. – У нее упали на лицо волосы, она безуспешно откидывала их, потом сердито хлопнула себя по лбу, когда они снова упали на глаза. – Как... я... я... просто... Как я хочу, чтобы все это прекратилось!

– Ох, доченька. – Джульет потянула за волосы непослушными пальцами и тяжело вздохнула. – Ничего. У тебя появятся маленькие сестра или брат!

– Мне не нужны ни маленькая сестра, ни брат... Я хочу, чтобы у нас было все как прежде, мам...

Джульет снова потянула за волосы, потом подошла к ней.

– Доченька. Ох, милая моя. Все о'кей. Более чем о'кей.

Но все было плохо. Ужасно плохо.

Плохо, что Тесс беременна, плохо, что Мэтт сделал ей такой подарочек, плохо, что собственным детям Тесс придется, помимо всего остального, привыкать к появлению в их жизни нового ребенка, – ее собственным детям тоже, хоть они более изолированы, но все равно. Говорят, что дети – это радость. Но, как однажды мрачно пробормотала мать Джульет, «конечно, они так нам говорят, потому что им нужно, чтобы мы верили этому». Джульет навсегда запомнила ее тон.

Дом на Далси-стрит был слишком тесен для троих детей: Джульет знала это лучше, чем кто-либо. Роберт, «бывший» Тесс, не преминет использовать это против них. Джульет теперь ясно поняла, почему Мэтт так интересовался ее деньгами, почему торопил с разводом... И она ясно предвидела все трудности, связанные с маленьким ребенком, крики, усталость и ссоры из-за разделения обязанностей, хрупкость новой ситуации. Резкий характер Тесс, инфантильность Мэтта, его

стремление быть всегда правым. Она предвидела все и понимала, что это катастрофа. Бедный ребенок станет чертой между прошлым и будущим, а не отъезд Джульет из Лондона. А она должна приготовить к этой новости своих детей – да. Продолжать в том же духе.

– Папа сказал, что ты расстроишься.

– Я совсем не расстроилась. – Она перестала тянуть за скотч, превратившийся в ее волосах в липкий комок, и улыбнулась дочери. – Доченька, я думаю, что скоро у Тесс прибавится хлопот. Прекрасно, что у этого ребенка будет такая добрая, чудесная и крутая сестра, как ты.

Она взяла кухонные ножницы и отрезала липкий шарик с волосами. Посмотрев на него, она увидела, словно глазами постороннего, как выцвели ее волосы. Теперь они были бледными, почти песочными, вся их роскошь пропала. Джульет бросила шарик в мусорное ведро. Завтра она подравняет остальные на три-четыре дюйма.

Би с ужасом глядела на нее:

– Зачем ты это сделала?

– По-другому не получалось, – ответила Джульет и положила ножницы.

Глава 28

Март – в этом месяце нужно:

помыть окна

привести в порядок книги

вытереть пыль в доме и возле него

обтереть деревянные панели и мебель мягкой тряпкой

но самое главное:

будь настороже – весна опасная, она подкрадывается к тебе и дарит НАДЕЖДУ. Иногда дни стоят почти как летние, солнце греет, и ты забываешь об осторожности, Джульет. Забываешь, что еще не лето. Не теряй голову.

– Что ты делаешь на Пасху, Джульет?

Джульет подняла глаза от бумаг и попыталась закрутить волосы и убрать их в пучок, но тут же спохватилась, что теперь у нее короткие волосы.

– Ой, привет, Сэм. – Она посмотрела на него: – Что я?.. О да... Ну, завтра, в Страстную пятницу, мы должны были бы съесть пирог с рыбой, но у нас день рождения Айлы тире игра «Найди пасхальное яйцо». Во-вторых, я буду уделять Санди как можно больше внимания, потому что он хандрит... – Она пошевелила пальцами. – Ну, и я регулярно захожу на онлайн-платформу по аренде жилья. И, наконец, жирная точка – надеюсь, что я разведусь! Вот! – Она нахмурилась, сунула бумаги в сумку и потерла переносицу. – Весьма все банально. А ты чем займешься?

– Я встречаюсь с друзьями.

– Где?

– Они придут ко мне домой.

– О. – Джульет посмотрела на лежавший перед ней листок, запрос на экспорт, и аккуратно поставила свою подпись. – Это приятно.

– Что ты имеешь в виду? – Сэм подозрительно прищурился.

– Что это будет приятно!

– О. – У него поникли плечи. – Я подумал... ну, после «Дня стратегии» кое-кто говорил, что мой дом... впрочем, не важно...

Джульет искала другую ручку.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Сэм оперся на дверь.

– Так ты одна из них, – сказал он. – Я слышал, как на прошлой неделе Прайя и Брайони обсуждали на кухне какого-то человека, мол, кресла у него в таком виде, как будто он нашел их под мостом. Я не понял, что они имели в виду. Они обсуждали меня, по всей видимости.

– Наверняка не тебя, – неопределенно сказала она.

...За две недели до этого Сэм собрал всю группу – двенадцать сотрудников – у себя дома в Северном Оксфорде, чтобы обсудить стратегию и перспективы музея. Джульет доводилось и раньше принимать участие в таких «Днях», обычно они проходили в каком-нибудь лондонском отеле, в помещении без окон, с дорогими стеклянными бутылками воды и ламинированными папками. И она немного удивилась, что такое мероприятие пройдет дома у Сэма. Хотя она виделась с ним три раза в неделю и знала, что у него есть несколько превосходно сшитых костюмов, он все равно оставался для нее студентом в эластичной футболке, биркенштоках и с рюкзаком. И если бы она подумала о том, где он живет, она бы, скорее всего, представила себе темную нору, населенную раздраженными адептами стиля гранж.

Но нет. Это оказался большой дом в стиле «Артс & Крафтс» на тихой зеленой улице, испещренной большими автомобилями и прочими символами оксфордского достатка (концертные постеры «Драгон Скул» в витринах, фургоны «Бери Броз»). Внутри дом был отделан темно-серым и бежевым кафелем; предыдущие жильцы занимали его сорок лет, вырастили детей и переехали в жилье поменьше. Пыльные прямоугольники на стенах отмечали места, где десятки лет висели картины и фотографии. На косяке кухонной двери сохранились карандашные отметки: «Люк, 1/4/1983, Эмма 17/5/1985».

– Тут сохранились все первоначальные черты. Мне понравилось, что прежние хозяева ничего тут не испортили, – сказал Сэм, как бы оправдываясь, когда показывал им комнаты.

– Нет, не испортили, и ты тоже, – пробормотал кто-то – то ли архивистка Кейт, то ли Грэм, директор по привлечению

финансирования. Джульет ходила по квартире, странно тронутая все еще витавшими там призраками предыдущей семьи.

– Ты недавно тут поселился? – спросила она.

Он задумался.

– Да – ой, нет. Уже больше года назад.

Бедный Сэм Хэм.

В гостиной вместо столика стоял упаковочный ящик, в столовой оказалось так много сосновой мебели, что они не смогли даже зайти туда все одновременно.

– В лавке благотворительности они продавались очень дешево. Стол, шесть стульев, гнездо из приставных столиков, два комода. Я не мог не купить, – сообщил Сэм с энтузиазмом. – Только мебели оказалось больше, чем я думал.

– У тебя нет штор, – сказал Грэм, выглядывая из окна спальни. – Сэм, приятель, зря ты разорился на гнездо. Лучше бы приобрел шторы.

Сэм почесал затылок:

– У меня еще не дошли до них руки. Надо идти в магазин, а мне некогда. Зимой я – гляди, вот одеяло. Я приклеиваю его в спальне скотчем.

– Господи, – пробормотала Джульет.

Тарелки и кружки тоже покупались в той же лавке благотворительности годами; это было видно по надписям на них. Королевские свадьбы, выставка Сезанна в «Тейт», «Уэйнсток» и реклама какого-то оптометриста из Оттавы.

– Но, по крайней мере, это его вещи, – сказала практичная Кейт.

– Нет, не его! – Джульет подняла кружку «Бертам. Перевозки». – Тут нет ничего, отражающего его личность. Ох, Сэм. Тебе нужно меньше работать и потратить один выходной день на поход в «Джон Льюис».

– Это мечты, – сказала Кейт.

– Мне нравится «Джон Льюис», – сказал он. – Просто я никак не доберусь туда. Да и что тут такого? Я люблю работать.

Все помогли вынести половину сосновой мебели из столовой и потом замечательно провели утро, сидя вокруг обеденного стола и обсуждая стратегии и направление развития. Комната была большая и светлая. За окном качала ветками яблоня.

На ланч Сэм достал из духовки рагу и несколько печеных картофелин, а потом яблочный крамбл со взбитыми сливками, и еще все выпили по бокалу вина, а Грэм рассказал довольно пикантную историю о предыдущем директоре музея и его любовнице, внезапно появившихся на приеме, устроенном для привлечения финансирования.

– Ты прекрасно готовишь, – сказала потом ему Джульет, когда они убрали на кухне посуду.

– Да, не отрицаю. Я люблю готовить, но делаю это теперь не так часто. В этом доме нужны гости.

– Он огромный.

– Да, согласен. Мне не следовало арендовать этот дом. Но после развода мне захотелось сбежать сюда, в Северный Оксфорд. По-моему, я представлял себя живущим тут в богемной роскоши, а не... не...

– Не в ловушке пригорода среди избытка сосновой мебели.

– Вот именно. Как ты, вероятно, видишь, я немного получил при разводе.

– Зато ты вовремя сбежал и не сошел с ума, – сказала Джульет. – А это уже кое-что.

– Поверь мне, – серьезно сказал Сэм, – ты права. Я выбрался из того ужаса, и у меня нет к ней ненависти, а у нее ко мне. Вот почему я так равнодушен к этому дому. – Он ополоснул тарелку под краном и окунул в горячую воду. – Ты меня понимаешь. Мне не нужны красивые шторы и дорогой телик. Мне нужно пока что одиночество, хорошая книга и бокал вина. До меня это был, кажется, уютный дом, полный любви. Мне нравится сидеть тут и чувствовать это. Я... я все еще собираю себя по кусочкам.

Она смотрела на него и не знала, что и сказать. Он дал ей полотенце.

– Ты хоть что-то поняла из того, что я сказал?

– Я все поняла, Сэм. – Она достала тарелку из раковины и встряхнула. – Да. Абсолютно все. – Чем ты угостишь тех счастливиц, которые придут к тебе на Пасху? – спросила Джульет.

– Бараниной, выдержанной сутки в маринаде. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я нашел это блюдо в книге пуштунских рецептов.

– Я верю. Звучит соблазнительно.

Он криво усмехнулся.

– Я надеюсь. Приятно видеть у себя гостей. Они согревают дом.
– Много народу?
– Восемь человек.
– Тебе понадобится больше стульев, – серьезно заметила Джульет, прикусив губу.

– Я собираюсь заглянуть сегодня к вечеру в лавку старьевщика на Коули-роуд.

– Мне она нравится. Много лет назад я купила там крючок для одежды в виде птиц. Деревянный. Красивый.

– Там принимают вещи, оставшиеся после развода. И вещи умерших. Можно наткнуться на что-нибудь удивительно интересное.

– Когда-нибудь я поеду с тобой. Я обожаю рыться в таких лавках.

– Ну это было бы замечательно. Я... я с удовольствием возьму тебя с собой. Не в этот раз, а...

– Конечно... я все равно не могу... Пасха...

– Конечно... – Наступила пауза. Джульет кликнула на почту и написала себе памятку: позвонить во Францию, в одну тамошнюю галерею. Сэм кашлянул.

– Вообще-то, я зашел спросить у тебя одну вещь.

– Да? – откликнулась она. – Что-нибудь про архив Далбитти?

– О! Вообще-то, нет. Хотя Кейт Надин начала его разбирать. Она нашла письма Далбитти к Неду про Соловьиный Дом. Я обязательно покажу их тебе. Там действительно интересная информация о материалах, которые они использовали. Ива была шотландская, это приятный факт для тебя. Еще там ужасное письмо с соболезнованием, которое он написал, когда умерла дочь Неда. Странное вообще-то. Он извиняется в нем, пишет, как он сожалеет о случившемся.

– Почему они у него?

– Прости, что? Мы купили архив. Кейт работает с...

– Нет! Извини, я хотела сказать, что раз Далбитти писал письма Неду, они должны храниться у нас дома. Почему он получил их обратно?

– Потому что Хорнер вернул их ему, – медленно сказал Сэм. – Все их письма. С запиской. В ней написано: «Довожу до твоего сведения, что я прекращаю всякую переписку между нами».

Джульет со свистом втянула в себя воздух.

– Ох, не может быть.

– Последнее письмо написано в 1914 году. Он просит информацию о какой-то Мэри. Может, ты знаешь что-нибудь...

– Мэри – сестра моей прабабки. Как странно. – Она выпрямилась в кресле. – Знаешь, по словам моей Грэнди, ее мать рассказывала иногда о Далбитти, но не о Мэри. Боялась заплакать, вспомнив о ней. Вероятно, Далбитти и Мэри были любовниками.

– О, неужели?

Джульет кивнула.

– Но что-то, как видишь, случилось. Возможно, из-за смерти Элайзы, потому что тогда и произошел разрыв. Я не знаю, помирились ли потом Лидди и Мэри, но Далбитти с Недом – точно нет. Ох, как это ужасно.

– Что случилось с Мэри?

– Не знаю, – ответила Джульет. – Но они с Лидди были друг для друга всем на свете. – Она взглянула на часы: – Ой, извини...

– Ладно, в другой раз. Но прежде чем ты уйдешь, скажи: ты уже видела программу конференции?

– Я пришлю тебе мои предложения. – Джульет наклонилась, выключила компьютер и хотела поднять с пола сумку. – На мой взгляд, все прекрасно, но лично мне хотелось бы видеть больше докладов о Лейтоне.

– Да. – Он наклонился над столом, положив руку на затылок, и внимательно посмотрел на нее: – Почему?

– На конференции речь будет идти о том, как мы стали эдвардианцами. Он – ключевая фигура. Ведь как изменилась Королевская Академия, как укрепились некоторые тренды за время его президентства. И вот что я думаю. Может, нам попросить Томасину Мак-Интайр сделать доклад о нем? Ведь она эксперт по Лейтону.

– А-а. – Сэм колебался. – Спасибо, Джульет.

Водянистое солнце освещало ее крошечный бледно-голубой кабинет. За окном росла магнолия, на ветке сидела зарянка и глядела на них двоих.

– Ты слышал о ней? – нерешительно спросила Джульет. – Или, может, я сказала что-то ужасное?

– Нет, все прекрасно. Просто забавно, потому что она придет ко мне на Пасху. – Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. – Она тоже разведена. – Сэм чуточку помедлил. – Вообще-то, разведены все,

кто будет у меня в воскресенье. – Он выпрямился во весь свой большой рост. – Ох, извини меня. Неделя получилась длинная. Я предложу это Томасине в выходные.

В это время у Джульет звякнул телефон, пришло сообщение, и она посмотрела на дисплей, опасаясь, что это Мэтт снова написал ей что-нибудь о документах для развода.

Купи еще сливочного масла. М Бидл

Улыбнувшись, она снова схватила свою полотняную сумку, но нечаянно вытряхнула из нее бумаги. Они рассыпались по столу и упали на пол водопадом текста.

– Боже мой. – Она нагнулась за ними, но Сэм уже подобрал большую часть бумаг.

– Бумаги для развода? Прости, я нечаянно увидел... – Он подвинул ей листки. Его серые, обычно веселые глаза помрачнели. – Сочувствую.

– Угу... угу. Мой муж хочет ускорить дела. Его подруга беременна.

– Весьма современно, – осторожно заметил Сэм, и она засмеялась и снова запихнула в сумку бумаги, рецепты, бланки и письма. – И они хотят скоропалительно сыграть свадьбу, а для этого им необходимо убрать тебя с дороги?

– У него принцип – не жениться, если родился ребенок. Он считает это ниже своего достоинства.

– Тогда это упрощает ситуацию, правда?

– Слава богу. Вопрос с детьми... все это было довольно просто. Просто он... ужасно достает меня. – Она закусила губу, решив не жаловаться. Не говорить те вещи, которые хотелось сказать. Как он все время засыпал ее нелепыми сообщениями. Как Тесс начала выдвигать претензии. Что Айла не должна говорить какие-то вещи Элиз. Что Санди не должен приезжать в следующий раз в грязных сапожках.

Сэм поднял еще один листок с пола.

– Когда я разводился с Анной, мне снилась наша свадьба. Я был простужен, чувствовал себя отвратительно и поэтому плохо помню, как все было. Мои родители прилетели из Канады и никого тут не

знали. День был странный, но что тут удивительного, правда? Поэтому я игнорировал тогда свои предчувствия, но потом сообразил, в чем было дело, – мне не надо было жениться на Анне.

– О, – сказала она. – Да, это так, верно.

У нее ужасно замерзли ноги – почему она не надела плотные колготки? – в тонких шелковых туфлях, громко стучавших по церковному полу. Платье было ей слишком узким. Мэтт стиснул ее руку тоже слишком сильно – она мечтала лишь о том, чтобы все поскорее закончилось, все это. Искусственные цветы, широкая улыбка ее родителей. После церемонии они неловко стояли возле угрюмой викторианской церкви, Мэтт почесал в затылке и предложил всем пойти в паб. Они так и сделали. Ее родители рано ушли, и она испытала огромное облегчение; мать Мэтта, Луиза, пожаловалась на головную боль и ушла в отель. Онор, единственная, что-то сказала новобрачным своим хриплым голосом. Она взяла одной рукой Джульет за подбородок, другой держала за руку Брайена и сказала: «Ох, будь счастлива, дорогая». Потом Брайен поцеловал ее в щеку и еле слышно прошептал: «Твоя бабушка хотела бы быть здесь, дорогая моя. Ты ведь знаешь ее».

Скоропалительная свадьба по ошибочной причине.

– Джульет, по-моему, ты потрясающая, – спокойно сказал Сэм. – Ты никогда не жалуешься.

– Ха-ха! Нет, я жалуясь.

– Мне ты не жалуешься. Хотя тебе наверняка тяжело.

– Дело не в этом. Просто я понимаю, что не смогла все сделать правильно.

– Что?

Джульет смотрела себе под ноги.

– Надо было суметь сделать так, чтобы все было хорошо. Вот о чем я все время думаю.

– Я знаю.

– У других все получается, так почему вы оба не смогли перешагнуть через ваши разногласия? Простить и забыть? – Она подняла голову. – Но я знала, что не смогу. И так у меня все время. Какая это травма для детей, как рухнула вся их прежняя жизнь...

– Ох, Джульет. – Он покачал головой и ласково улыбнулся. – Судя по твоим словам, с тобой все в порядке. Ты пыталась. Из вас двоих это

у него ничего не получилось, а не у тебя.

Она пожала плечами:

– Возможно. Но ведь все равно винишь себя, правда?

– Нет. Перестань.

– Все нормально, – отозвалась она, жалея, что вообще заговорила об этом.

– Эй, не переживай. Послушай, то, что ты сделала здесь всего за два с лишним месяца, просто замечательно. Нам очень повезло с тобой.

– Это мне повезло, – заверила она, тронутая его словами и добротой, с какой он их сказал. – Но мне действительно пора идти. Желаю хорошо отметить Пасху. Я уверена, что барашек будет потрясающим. Спасибо, Сэм Хэм. – Она улыбнулась ему, прижав к груди полотняную сумку.

Но Сам взял ее за запястье. Она вздрогнула от неожиданного физического контакта и посмотрела на его загорелую руку с сильными пальцами.

– Послушай – скоро все пройдет, останется позади. Ты сможешь жить дальше. Я опять говорю банальность, но это так. Все равно помни об этом. Желаю тебе приятно провести Пасху с детьми.

– Спасибо. Конечно. – Ей захотелось обнять его. В знак благодарности, которую она испытывала к нему, потому что с его помощью она снова сидела за столом и могла думать о живописи. Ей иногда приходилось напоминать себе, что это Сэм Хэмилтон, ее однокурсник по колледжу, что темноволосый, хмурый чудик-всезнайка превратился в темноволосого, проницательного чудика-всезнайку, компанией которого она по-настоящему наслаждалась. Прошлое сожжено и кануло в небытие, подумала она с грустной улыбкой, когда шла к своей машине.

Глава 29

Ответчик не проявлял должной финансовой ответственности и не поддерживал Истца и их общих детей. Ответчик покинул семейный дом и увез детей Истца, предварительно не уведомив его. Истец не несет ответственности за ремонт нового дома Ответчика, а также финансовую ответственность за все, что содержится в доме, и отказывается от всех прав на всякие будущие доходы от упомянутого дома, именуемого Соловьиный Дом. Истец готов платить алименты на детей, но надеется, что вышеупомянутые факты будут приняты во внимание судом при определении ежемесячной суммы выплат Ответчику.

Эти мелкие выпады против нее и обвинения в недееспособности, словно он один годами содержал семью, а не они совместно – хотя что значит «совместно», если на самом деле Джульет была занята полный рабочий день и вкладывала в семью больше денег, но при этом выполняла большую долю ухода за детьми и домашней работы. Сейчас она ехала по узким дорогам, а перед ее глазами плавали слова и фразы из бракоразводных бумаг, и у нее кружилась голова от воспоминаний.

Он сделал ей предложение недалеко от этого места. Потом Грэнди встала в дверях и с указующим перстом заявила: «Вон отсюда!» Больше Джульет не приезжала в Соловьиный Дом при жизни бабушки.

Они уехали отсюда, остановились по дороге, чтобы Джульет стошнило в живой изгороди. Мэтт держал ее за руку, тер ей спину, утешал.

– Ничего страшного, ничего. Ты любишь ее, и не твоя вина, что она так переменялась. Горько и печально. – Теперь она вспоминала, что у них было все не так и плохо. Иногда он был просто чудесным. – Понимаешь? Улыбнись. Вот и хорошо. – Он снова потер ей спину. – Мне плевать, что она говорит. Я люблю тебя. Я уже люблю нашего ребенка. Давай поженимся. – Так что их помолвка произошла возле живой изгороди, когда ее тошнило: по иронии судьбы это был его самый романтичный поступок, какой она могла припомнить.

Теперь я должна помочь ему. Должна отпустить его как можно быстрее и безболезненнее.

Джульет села возле дома на каменную скамью и достала бракоразводные бумаги и ручку. Из дома неслись крики восторга. В деревьях пел вечерний птичий хор; вокруг все гудело, жужжало, оживая после зимы. Через месяц исполнится год, как она потеряла свою работу и раньше обычного вернулась на Далси-стрит. Прошли четыре времени года, и она помнила каждый месяц. Пора было подвести черту. Последним камнем преткновения были выплаты для Санди – Мэтт настаивал, чтобы они прекратились, если Джульет снова выйдет замуж. Она уступила и подписала бумаги. Если она снова выйдет замуж, то так удивится этому, что и не заметит ничего. К тому же алименты Мэтта были такими незначительными, что это не составляло разницы.

Их было недостаточно – но, как оказалось, ее жалованья тоже было недостаточно, чтобы держаться на плаву. Устраиваясь в «Фениман», она думала о работе, а не о зарплате, и теперь работала три дня в неделю в госучреждении да еще оплачивала присмотр за детьми. Только за последний месяц счет за обогрев Соловьиного Дома составил почти четыреста фунтов. К своему жалованью она добавляла сберегательные облигации, оставленные ей другими дедом с бабушкой, мамиными родителями, полужнакомыми людьми, которые умерли, когда она была маленькая. Они жили в Хампстед-Гарден-Сабербе, и в ее памяти остались лишь вязаные цилиндры с ленточками, в которых хранились рулоны туалетной бумаги. Пятилетнюю Джульет это поразило. В общем, она почти не помнила их, зато теперь каждый день мысленно благодарила бабушку и дедушку Уилсонов.

Она убрала конверт и решила прибраться в доме в ближайшие выходные и сделать снимки для онлайн-платформы по аренде жилья. Вскочила и пошла к машине, надеясь успеть до отправки почты. Снова вернулась в Годстоу и опустила конверт в почтовый ящик. Столкнулась с Джо и поздоровалась, потом быстро заглянула в «Паскаль и К» – обнять Фредерика, он позвал Джорджа, оба крепко сжали ее в объятиях, большая теплая рука Фредерика уютно легла ей на спину.

После объятия мир кажется светлее. Она купила сливочного масла и розжиг для камина, спросила с надеждой сумак для следующего пятничного вечера, когда Би испробует новый рецепт... все эти действия казались ей такими обыденными после того, как она подписала и отправила бракоразводные бумаги, но необычайно

утешали. У нее снова кружилась голова, теперь уже от облегчения, кружилась и слегка болела – вероятно, перед грозой. С этими мыслями она вернулась домой, заперла машину и посмотрела на небо, ожидая увидеть грозовые облака.

– Нет, Санди, хватит с тебя хрустиков. Ешь омлет.

– Нет! – закричал Санди, столкнул со стола пластиковую тарелку и протянул к ней свои маленькие ручки. В последние недели он постоянно лнул в ней, то ли потому, что она стала работать и за ним три раза в неделю присматривали миссис Бидл или Энни, то ли потому, что он понимал больше, чем ей казалось? Или просто наступил такой возраст? Как бы то ни было, сейчас с ним было утомительно, он постоянно капризничал, кормить его, купать, укладывать спать было настоящее мучение.

– Нет, Санди! Нельзя бросать еду на пол, – в десятый раз сказала Джульет. – Ты озорничаешь. Я сержусь на тебя.

Огромные серые глаза Санди жалобно глядели на нее, по пухлым щечкам покатились слезы.

– Озолнитяись? – повторил он. Рядом с ним Айла ела омлет и переворачивала страницы греческих мифов, что-то напевая. Би нигде не было видно. Санди взял другой кусок омлета и швырнул на пол.

– Не хотю омлет.

Джульет чувствовала страшную усталость и раздражение. Скрипнув зубами, она сердито подумала о Сэме. Он был один в своем огромном пустом доме, пил вино, возможно, слушал *Pulp*, занимался какой-нибудь ерундой, – например, читал детектив или готовил яблочный пирог «Татен». Вот это жизнь. Джульет стерла со стола банановую кляксу.

– Санди не получит сладкого, потому что он бросает еду на пол.

В ответ Санди и сам бросился на пол, крепко схватил Джульет за ногу и завыл.

– *Маммаа! Мааааааммммммааааа...* – Он безутешно выл, набирая новую порцию воздуха, бился лбом о ее коленку, мотая кудряшками, как бы призывая мать исправить ужасную ошибку. – *Нееее мааммммаааа!*

– Боже, – сказала в дверях Би. – Заткнись, Санди, прекрати свой цирк.

У Джульет радостно забилось сердце при виде старшей дочери.

– Как дела, доченька?

– Хорошо. Все хорошо, ма. Слушай, я понимаю, что надо было спросить раньше. Можно к нам на Пасху придет Эва?

– О... – Джульет попятилась, забыв, что Санди все еще висел на ее ноге. Айла что-то пробормотала и перевернула страницу. – Эва? Кто она?

– Девочка из моей школы. Моя подружка.

– Я думала, что Фин твоя подружка.

– Ма, вообще-то, это не твое дело.

– Как не мое, если она придет к нам в дом?

Би вздохнула, словно удивлялась непонятливости Джульет.

– Она моя подружка не в том смысле, как ты думаешь. У нее уехали родители. А она осталась, чтобы пойти на вечеринку. Я пойду с ней.

– Ладно, – сказала Джульет. Она совершенно не знала, что делать. Если б ее дочь была обычной девочкой, Джульет позволила бы им ночевать в одной комнате, правда? А так они могут вытворять там всякое. Но вдруг та девочка просто хорошая знакомая? Джульет потерла глаза. – Хм... где же она будет у нас спать?

– В моей комнате. – Би скрестила руки. – Где же еще?

– Нет, это исключено.

– Господи, ма. Тут ничего такого. Для тебя проблема, что я не той ориентации. Я это знаю, блин. Тесс сказала...

– Не говори со мной таким тоном, – устало сказала Джульет. – Тебе пятнадцать. Я никогда не видела Эву и думала, что ты дружишь с кем-нибудь еще. И не убегай – Би!

– Ты жалкая, одинокая лузерша. – Би распахнула настежь дверь и затопала к Голубятне. – Оттого что ты сама одинокая и несчастная, ты отыгрываешься на мне! Меня тошнит от тебя!

Это меня тошнит от вас, хотелось крикнуть Джульет. Мне надоело, что ты никогда, никогда не говоришь спасибо и всегда обвиняешь меня во всем; что ваш отец идиот; что от вашего брата я готова бросаться на стенку, а ваша сестра ни с того ни с сего заливается слезами, и у меня каждый раз разрывается сердце. Мне надоели мыши и плесень, надоело поднимать каждое утро трех детей, я постоянно забываю покупать мюсли и носки, мне надоело кричать и

ругаться и... Сегодня я подписала бракоразводные бумаги, и меня тошнит и от них.

Айла все еще не отрывалась от книжки про древних греков. Джульет направилась за Би, оторвав Санди от своей ноги, а когда он шлепнулся на пол, подхватила его и понесла. Но он напрягся и выскользнул из ее рук на землю. Джульет оставила его и пошла дальше. Она рванула на себя дверь Голубятни с такой силой, что она резко распахнулась, и ей пришлось подставить ногу, чтобы она не ударила ее по лицу. За ней следом ковылял Санди и ревел еще громче прежнего. Он подбежал к ней, и хотя она снова подхватила его на руки, он не успокоился.

– Сделай так, чтобы он замолчал, – сказала Би, сморщив лицо, и закусила губу.

– Да, – спокойно сказала Джульет, присела на корточки рядом с Санди и погладила его по голове. – Но ты больше не говори со мной таким тоном. Тебе пятнадцать, и я не позволю никому ночевать в твоей комнате, пока тебе не стукнет шестнадцать. Ты сама знаешь – дело не в том, гей ты или нет. Я понимаю, что тебе тяжело... – Она вздохнула. – Но есть черта между тем, что несправедливо, и риском. Послушай меня. Не говори так со мной. И не испытывай судьбу.

Она гладила Санди по волосам, надеясь, что он хоть немного помолчит. Он что-то лепетал, потом похлопал ладошкой по столу, и его пальцы провели по стеклянному верху грязные полосы.

– Дом! – внезапно сказал он и показал на высокую полку, проходящую по стенам. Джульет подняла голову. Она и забыла про кукольный домик. Его перенесли сюда во время январской уборки. Би захотела, чтобы он стоял в Голубятне. Для нее он был почти как талисман, ей нравилось смотреть на него. Айла никогда не играла в куклы, а Санди был еще слишком мал, чтобы подпускать его к такому деликатному сооружению с тонкими перилами, ножками столов и крошечными занавесками над окнами.

– Ма, можно задать тебе такой вопрос? – Би прерывисто вздохнула. – Если бы ты могла снова выбирать, поехала бы ты сюда? Или взяла деньги и убежала?

Она устремила глаза на мать. Джульет нахмурилась и помолчала. Деньги. Без всех этих стрессов.

– Я не знаю, – тихо ответила она и огляделась по сторонам. – Знаешь, я бы пожалуй... – Господи, *Санди!*

Золотые кудри Санди светились в полутьме, потому что на инжире уже распустились листья и загородили свет. Он радостно стоял на узкой полке рядом с кукольным домом и показывал на него пальчиком:

– Дом! Мой дом!

– Санди... Санди, – позвала Джульет. – Спускайся вниз, сынок. – Она шагнула к ступенькам, но Би уже взбиралась по ним.

– Нет. Мой дом.

– Санди... – У Джульет задрожали коленки. – Санди. – Она не отрывала от него глаз, надеясь отвлечь его. – Погляди на меня, сынок. Погляди на мамочку. Стой там спокойно.

– Мой дом, – сказал Санди и шагнул к кукольному домику – по воздуху, его нога не нашла край полки. Одну секунду, растянувшуюся во времени, он пытался сохранить равновесие, его маленькие ручки крутились, словно лопасти ветряной мельницы, потом он выгнулся, всхлипнул, пытаясь схватить кукольный домик, но не дотянулся и, слабо вскрикнув, упал на твердый каменный пол; его голова ударилась с пугающим стуком о край каменной полки. У Джульет не хватило доли секунды, чтобы его поймать.

В следующую секунду кукольный домик свалился на его маленькое тельце, а потом на пол с громким треском. Обломки, человечки, феи, мебель рассыпались по полу, центральная труба разломилась на две части, ее содержимое разлетелось по плиткам пола.

Рядом с ним неподвижно лежал Санди. Крови не было. Никаких звуков тоже, кроме звяканья старой монеты, полукругом катившейся по плиткам.

Глава 30

1914. Август

Дорогие Нед и Лидди.

Сейчас идет война, поэтому позвольте спросить вас: как там Мэри? Я не сумел найти ее, хотя искал повсюду. Я часто думаю о ней и о вас, мои дорогие друзья. Я слежу за вашими успехами. Нед, позволь мне как старому другу сказать – ты можешь писать и лучше, прости меня за это. Мой дорогой, ты лучше, чем эти картины.

Пожалуй, я не вправе спрашивать, но не могу не спросить о ней. Простите меня. Я понимаю, что не могу даже надеяться на визит к вам, но знайте, что я всегда думаю о вас.

Ваш друг Далбитти.

P.S. Дорогая Лидди, я уверен, что видел вашу противную гувернантку. Брайенстон? Брайерли? У нее был абсолютно безумный вид, а глаза как сталь. Весьма неприятная особа. Она выходила из церкви с лилиями в руке и взглянула на меня. Я много недель ходил на Хит и всегда старался пройти мимо вашего дома. Это помогало мне пробудить воспоминания. Мы уже немолоды, правда? Ваш отец умер. Я с сожалением услышал это и должен был бы начать мое письмо с соболезнования. – Л. Д.

– Какое бесстыдное письмо! – Лидди приложила палец к виску и нахмурилась. – Но как иначе я бы узнала, что он умер, Нед, милый? Десять лет я с ним не общалась или даже больше. Он был недосыгаем. С тех пор как...

Она замолчала, не договорив, но Нед не заметил этого.

– Но ведь тебе наверняка сообщили бы, если бы он умер? – Он провел ладонью по лбу, оставив полосу красного кармина, словно раскраску дикаря. – Ты бы узнала об этом, он был дееспособным лицом, должны быть завещание, исполнители воли умершего. – Он заморгал и снова вернулся к холсту. – Проклятый Далбитти. Как он смеет так говорить... Проклятое освещение...

– Дорогой, нужно подрезать инжир, чтобы он был не выше стеклянной крыши, – терпеливо сказала Лидди. – Пока ты этого не сделаешь, у тебя не будет нормального света. Да и птицы загрязнили все стекла пометом. Нед, это легко исправить. Я попрошу Дарлинга...

– Спасибо, но я сам очищу свою студию. «Позволь мне как старому другу...» Да как он посмел!

Лидди поерзала в кресле, сгибая свои онемевшие пальцы. Тяжелый шелк ее розового платья прилипал к ее телу в духоте Голубятни. Она позировала Неду уже неделю целыми днями почти с рассвета – он хотел начинать в пять утра, но она отказалась, заставив его приступать к работе в семь, когда Джон еще спал и по дому хлопотала только Нора, их новая служанка. Казалось, все было как в старые времена, когда они вдвоем украдкой шли в Голубятню по росистому саду, держась за руки, среди хаоса, коллапса августовских цветов: поникших подсолнухов, накренившихся стеблей шток-роз, отцветавших роз и георгинов, освещенных лучами утреннего солнца. Он давно не писал ее портрет, с «Сада утрат и надежд». Она успела забыть утомительную неподвижность позирования, смешанную с радостью смотреть на него, видеть терзания, через которые он проходил.

Теперь он был старше, почти сорок два года, и его растрепанная шевелюра подернулась сединой. Молодые художники превозносили его, но и насмешек тоже хватало.

– Старик Хорнер раньше умел писать, а потом переключился на детей!

Он был посвящен в рыцари, и Лидди стала леди Хорнер, хотя это для нее ничего не значило. Зато Нед был в восторге и от титула, и от аудиенции у короля, оказавшегося старше и массивнее, чем ожидала Лидди, но необычайно обаятельного. Нед ходил в шелковых жилетах и

с тростью – Лидди посмеивалась над ним, мол, он делал это, чтобы выглядеть старше и солиднее, а он сердился, кричал и махал тростью:

– Неправда, черт побери! Не говори глупости!

Он был одержим «Садом утрат и надежд». Она знала это. Сейчас картина вернулась из турне по миру и висела в витрине галереи Галвестона, погруженная в туман отчаяния после смерти Элайзы. Лидди так и не знала точно, в каких городах она выставлялась; знала только, что она зарабатывала деньги, Галвестон часто говорил им об этом. Приезжая в Лондон, они проходили мимо нее, но никогда не останавливались. Но Лидди все равно знала, что Нед вернется и посмотрит на нее. Ей сказала об этом жена Галвестона – что он мог часами стоять перед своей картиной.

Картина, над которой он теперь трудился, называлась «Сиреневые часы. Размышления об Англии. 1914». На ней была изображена Лидди с букетом сирени. Сирень давно уже отцвела, и Лидди не понимала, почему она, нюхавшая отцветшие лиловые кисти, отражала состояние нации, но никогда не спорила с Недом и тем, как он видел свои картины. В глубине души она надеялась, что он перестанет возвращаться в своем творчестве к теме Англии и Империи. В последнее время эта тема владела всеми его мыслями, хотя Лидди, казалось, была единственной, кто так считал. «Мы построили Ниневию», его последняя картина – мускулистые молодые парни и девушки, позирующие на ступенях Мемориала принца Альберта, – стала плохо замаскированной метафорой мощи Империи. По мнению Лидди, это была инверсия «Встречи», прославившей его картины. Только там молодые люди были личностями, идеалистами. Даже в «Духе эпохи» панорама рабочих на Стрэнде, представлявших у Неда британскую индустрию, несла свою символику с радостным, праздничным изяществом. В картине «Мы построили Ниневию» люди были всего лишь символами. **ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ИСКУССТВО. ВЗАИМОПОНИМАНИЕ МЕЖДУ НАРОДАМИ.** У девушки, представлявшей «Любовь к прогулкам», казалось, из спины росло дерево, похожее на дуб. «Интересно, что, он у нее вместо зонтика или она несет его, чтобы подарить подружке?» – ехидно прошептал Джон матери на Летней выставке, но она поскорее велела ему замолчать.

Лидди поправила прическу и поглубже сунула в свои пышные волосы державший их гребень.

– Милый, можно сделать маленький перерыв? – спросила она, опуская кисть, заменившую ей букет сирени. Письмо Далбитти ждало их в доме, когда она пришла на ланч. – Я должна написать отцу. Или написать Мэри – может, она слышала что-то об отце. Или мне следует поехать самой...

– Он использует тебя, чтобы выманить Мэри, – резко ответил Нед. – Твой отец не умер, Лидди, неужели тебе не понятно?

Она взглянула на него с растерянной улыбкой:

– Ох, любимый мой, боюсь, что он умер, потому что...

– Нет, Лидди, как хочешь, но тебе нельзя ехать в твой прежний дом! Там будет та женщина, будь она проклята. Она обязательно устроит тебе какую-нибудь пакость. К тому же сейчас в Лондоне небезопасно, там много войск.

– Я считаю, что должна это сделать. Прошло так много времени, четырнадцать лет. – Она опустила руки. – О боже.

Он кивнул.

– Только дай мне закончить «Сиреневые часы», – взмолился он. – После этого я отвезу тебя в Лондон. Мы сделаем это с шиком. Я сам поеду с тобой в Хайгейт. – На его лице появилось странное выражение. – Нам не нужны его деньги. У нас есть деньги. Слишком много денег...

Она устремила на него нежный взгляд.

– Ой, Нед. Конечно, мне безразлично, оставил ли он деньги. Я уверена, что там ничего не осталось. Я хочу... просто я хочу знать точно, ведь он мой отец. Может, Мэри... – Она горестно вздохнула, потому что по-прежнему тосковала по своей сестре, даже через четырнадцать лет после смерти дочки, тосковала до физической боли в груди. Часто она разговаривала с сестрой во сне и просыпалась с уверенностью, что сестра была рядом с ней. Они говорили о новом пальто, интересной книге, забавной поговорке Ханны... В ее снах Мэри сидела рядом, ее маленькое лицо, похожее на сердечко, озарялось смехом; они сидели вдвоем, склонившись над рисунком или цветком...

Но потом всплывало воспоминание о Мэри, понурой от стыда, о рыданиях Зиппоры, когда она наконец пришла через две недели в комнату Лидди, заплаканная, с покрасневшими от слез глазами... «Я видела, как он выходил из ее комнаты в тот раз, много раз, но

молчала». О глазах Элайзы, направленных с ужасом на мать, как дочка пыталась дышать и не могла, и тогда сердце Лидди вновь ожесточалось. Годы не смягчили ее боль утраты.

– Конечно, моя любимая Лидди, – сказал он. – Я отвезу тебя, когда смогу. А пока давай продолжим?..

Через несколько минут в дверях студии послышался голос:

– Мама?

– Что, сынок? – отозвалась Лидди. Нед наклонился над холстом, чуть ли не касаясь его носом, и яростно скреб мастихином, что-то бормоча. Лидди знала по опыту, что сейчас он не заметит, если даже в студию нагрянет взвод солдат.

– Я не стану нарушать твою позу, – сказал Джон, подходя к ней и потряхнув золотистыми кудрями, свежий как цветок. Плавным движением он снял с себя соломенную шляпу и положил на каменную полку. Лидди с нежностью смотрела, как он мрачно понюхал кисть. – Это что, заменило сирень?

– Да, это мой любимый душистый цветок.

– Мамочка, ты добрая и терпеливая. Думаю, что он поэтому никогда больше не изображал нас. – Он повернулся к матери и взглянул на нее смеющимися глазами. – Ты помнишь, как Элайза бросила с криком облегчения свои крылья в речку, когда папа закончил работу?

– Я никогда не была такой *городочужой*, никогда в жизни, – сказала Лидди, быстро пожав пальцы сына и улыбаясь в его милое, открытое лицо. За их спиной что-то сердито бормотал Нед.

– *Городочужой*? – переспросил Джон.

– Да, так она это называла! *Городочужой* – не любившей городскую жизнь.

Джон тихонько засмеялся.

– О, на нее это похоже! Да, я не представляю, чтобы она была такой, как Джессика или Шарлотта Кут, и ездила в Лондон на сезоны, правда? Она бы ненавидела все это и ненавидела городскую жизнь.

Лидди многое нравилось в ее добродушном сыне, но больше всего, пожалуй, непринужденность, с какой он говорил об Элайзе. Больше никто не говорил с ней об ее дочери. Смерть уносила любимых и оставляла вместо них портреты и могильные камни. Но Джон помнил старшую сестру часто даже лучше, чем Лидди, которая

иногда обнаруживала, что не в состоянии вспомнить какую-нибудь ее черту. Джон знал, что она любила сказки «Тысяча и одна ночь», особенно сказку про Аладдина и озорного джинна, что ее любимым цветком был ирис, что она обожала кошек, а он сам, конечно, мечтал о щенке и выпрашивал его у родителей. Но потом умерла Элайза, и о щенке больше никогда не заходила речь.

Нед никогда не произносил имя дочки после ее смерти. Иногда Лидди думала об этом и сердилась, потому что этот факт застал ее врасплох.

Иногда ей даже хотелось его ударить. Посмотреть на его реакцию. Ведь это его дочка, которая держала его сердце в своих пухлых ручках, которую он носил на плечах по саду, и они рвали яблоки, которую он все время рисовал – ее маленькие, гладкие ножки и пухлые пальчики, каждую прелестную кудряшку. Но сейчас ее сердили многие вещи, и проще было помолчать. *Жизнь продолжалась.*

Она старалась не думать об Элайзе, но иногда не получалось. Чем бы она сейчас занималась? Любила теннис, как Джон? Проглатывала книгу за книгой? Увлекалась танцами? Успешно училась, ведь она была такая умная? Сейчас она стала бы молодой девушкой. Лидди ясно представляла ее – красивую, остроумную, немного резкую.

Лидди покачала головой и улыбнулась сыну. Письмо Далбитти лежало за спиной у Неда на каменной полке, но она не хотела показывать его сыну.

– Что, мой мальчик, – сказала она, – какие новости?

Джон держал в руке какой-то листок бумаги и теперь развернул его.

– Я решил, что лучше скажу тебе сам, потому что тебе это не понравится.

Она все еще улыбалась, когда перевела взгляд на бумагу.

– Сражайся вместе с твоими друзьями, – сказал он.

Скрип, скрип, скрип... – скрипело лезвие по холсту, Нед что-то бурчал у мольберта. Лидди видела палитру, державший ее загнутый палец.

– Что? – Лидди не расслышала его слова. – Что это? Новая игра? Мы поиграем в нее после чая?

– Джек Барнаби, Том Пек, Кут и еще несколько парней – завтра утром мы пойдем в мобилизационный пункт.

Лидди пристально посмотрела на него и заметила, что его кожа была мокрой от пота, а лицо побледнело. Она заморгала, все еще ничего не понимая.

Он кашлянул.

– Мама, мы идем на войну. Король и страна нуждаются в нас.

– Нет. – Лидди услышала свой голос и не узнала его. – Нет.

– Мама! – Джон засмеялся, словно это было смешно. – Каждый должен сделать свой вклад. Парни из Годстоу – мы вместе отправимся на фронт – мы будем...

– Не выдумывай! – закричала она. – Нед! Нед, ты только послушай. НЕД!

Из-за мольберта послышался его тихий голос:

– Минутку, Лидди, и я буду весь внимание.

Лидди уронила кисть на пол и встала.

– Джон, милый, они не должны заставлять тебя. Ты не должен идти на войну.

На его лице появился призрак улыбки.

– Мы с Джеком поклялись, и...

Нед поднял голову и внезапно насторожился:

– Что такое? Ты и этот фермерский парень? Что вы там придумали? – Он выпрямился с раздраженным видом. – Лидди, что еще там случилось?

– Он собирается идти завтра в призывной пункт, – сообщила Лидди, снова не узнавая свой голос, говоривший такие ужасные слова. – Джон идет на войну. – Она закрыла лицо руками, не в силах переносить эту весть. Нед застыл на месте и глядел на сына.

– Если мы пойдем все вместе, мы будем воевать в одном батальоне, – сказал Джон. – Мама, там все будет очень торжественно, из Годстоу пригласили духовой оркестр, и деревня будет приветствовать криками каждого, кто пойдет в призывной пункт... Нас уже называли «Бригада друзей». Это была идея Джека... Он любит такие штуки. Я знаю, что я не гожусь в военные... – Он кашлянул и хрипло добавил: – Но все идут, ма. Я не могу остаться один дома.

– Нет, можешь, – заявила Лидди. – Рамсей Мак-Доналд...

– Рамсей Мак-Доналд – предатель и лжец! – вскричал Нед. – Любовь моя! В эти минуты кризиса нации, когда нашей Империи

угрожают силы, способные разрушить все, что нам дорого!.. Я прошу тебя не упоминать имя этого человека.

Глаза Лидди грозно сверкнули, но она всячески старалась говорить ровным голосом:

– Ох, Нед. Куда делся тот парень, который презирал организованную религию и часто повторял, что Империя слишком мощная? Дорогой мой, наш сын, наш сын говорит, что хочет отправиться воевать.

– Ты считаешь, что мы должны отдать Францию немцам?

– Нет. Просто я думаю... – Она покачала головой: – Я ненавижу войны, а эту войну особенно, хотя, кажется, со мной согласны немногие. Джон, сынок, я еще раз повторяю – я не хочу, чтобы ты пошел воевать.

– Нет. Он совершенно прав. Он должен пойти. – Нед поставил мольберт, подошел к сыну, надел ему на голову соломенную шляпу и поправил воротник. – Мой мальчик... так. – На его лице появилась слабая улыбка. – Я одобряю тебя. Ты абсолютно прав. – Он похлопал сына по гладкой юношеской щеке: – Отрасти бороду, Джон. Стань мужчиной.

Они часто спорили из-за Джона. Когда-то его отправили в школу вопреки воле Лидди, и он писал домой душераздирающие письма. Потом они узнали, что директор делал с ним ужасные вещи, хлестал его веткой, которую Джон должен был сам выбрать, и заставлял ходить вокруг школы, держа табличку: ТРУС.

Над ними снова нависла зловещая тень мисс Брайант. Лидди накричала на мужа, когда Нед неуверенно сказал, что так и должно быть в хорошей публичной школе. Но она все же победила в том споре, хоть и дорогой ценой. К тому же это навсегда изменило отношение Неда к сыну. Он не мог понять, почему его родной сын, так похожий на него внешне, кроме золотистых волос, настолько отличался от него по характеру. Джон выпускал из окон дома каждую муху, каждого паука-сенокосца и в шестнадцать лет отказался есть мясо. Он вырос высоким как дерево, с мощными мышцами, с удовольствием работал в поле во время уборки урожая, помогал Барнаби привозить мешки с зерном, одним взмахом вил высоко подбрасывал тюки сена. Он ходил в местную мужскую школу в соседнем Уолбруке, а не в престижную публичную, как хотел его отец

для своего единственного сына. Он ходил туда пешком каждый день в любую погоду зимой и летом, хотя дорога занимала больше часа. Он утверждал, что ему нравились живые изгороди и люди, встречавшиеся по дороге. Он хотел стать учителем – учителем рисования! Он неплохо рисовал и делал зарисовки всех, кого встречал, в блокноте, который хранил в своем ранце. Он был добрым, спокойным, все делал уверенной рукой; Лидди часто сравнивала его с деревом – крепким, прочным, негнибачимым. Ей хотелось, чтобы Нед наконец понял, как похож на него сын.

Сначала Джон не ответил отцу. Он повернулся к матери и сказал со своей мягкой, немного кривой улыбкой:

– Знаешь, мне очень хочется посмотреть на войну. Это, должно быть, грандиозное зрелище. Мама, ты не будешь меня уважать, если я останусь дома.

– Ох, Джон, дорогой мой. Это не ты сейчас говоришь, – тихо возразила она, не сводя с него глаз. От тревоги у нее подступила тошнота к горлу.

– Боже, храни короля! – воскликнул Нед и встал во фрунт. После краткой паузы Джон ловко отсалютовал и чистым, уверенным голосом повторил вслед за отцом эти слова.

Лидди печально посмотрела на них, когда они так стояли в душной Голубятне, и поняла, что возражать бесполезно. Что могла она теперь сказать? Как могла его остановить?

– Я должен нарисовать тебя, мой мальчик, – сказал Нед. Он снова взялся за палитру и мастихин и с интересом посмотрел на сына, словно видел его впервые в жизни. – Когда ты наденешь военный мундир. Вам выдадут мундиры перед отправкой на фронт?

– Я думаю, что...

Нед повернулся к мольберту и взглянул, прищурясь, на неоконченную картину. На его щеке пульсировала жилка.

– Вот почему, – пробормотал он и осторожно ткнул в холст мягкой кистью. – Да-да, конечно. Вот почему. Вот почему. Там. Вот что должно быть там. – Он махнул палитрой сыну, и на секунду в его глазах загорелся прежний огонек. – Поторопись. Или, пожалуй, подойдет старый военный мундир моего отца. Вернее, его отца, воевавшего в Крыму. Я должен нарисовать тебя. Вот почему я никак не

мог закончить картину, теперь я понимаю. Размышления об Англии, понятно? Вот. – Он кивнул сыну.

– Я найду мундир, отец, – сказал Джон, словно проблема была в этом, а не в том, что он уходил на войну.

– Боже, храни короля, – тихо проговорила Лидди и, смяв письмо Далбитти в руке, уронила его на пол и выскочила из студии. Возле дома она встретила Зиппору. Старушка всплеснула руками и устремила голубые глаза на Лидди:

– Он готов пойти, правда? Я так и знала, что он пойдет. Наш Джон.

В ее голосе звучала гордость. Лидди оттолкнула ее и ушла к себе в комнату. Там ее долго тошнило в фарфоровую чашу умывальника. Запах отцветшей, увядшей сирени, слишком интенсивный, с ноткой гнили, всю жизнь потом напоминал ей о том ужасном дне.

Тогда она уже все знала наперед.

Глава 31

1916

Все началось с ковра.

У Мэри за окном, глядевшим на реку, рос конский каштан. Каждый год она любовалась на его пышные, похожие на белую пену цветы, на листья, становившиеся к осени из зеленых желтыми, а потом ярко-оранжевыми и красными, и, немножко стыдясь себя, смеялась, когда каштаны комично падали на головы прохожих. Лужайки парка простирались от ее дома до таверны «Голубка» и темного, вонючего переулка, который вел в Хаммерсмит. Стайки бойких мальчишек подбирали блестящие коричневые каштаны. Некоторым было лет пятнадцать-шестнадцать. Мэри смотрела на них со скамьи под окном и думала, что скоро дойдет очередь и до них. Сколько из них будут призваны в армию? С каким удовольствием они участвовали сейчас в боях на каштанах, с какой яростью замахивались. Каштаны лопались с болезненным – как ей казалось – звуком, похожим на треск раздробленной кости. Потом мальчишки исчезали в переулке, хохоча и обмениваясь грубыми словами. Игры, игры. Все это были игры.

Их крики напоминали ей вороний хор в кронах деревьев за Соловьиным Домом. Просыпаясь ранним утром, она лежала и слушала их карканье.

Когда-то, давным-давно, в том доме Далбитти встал, подошел к ее окну и бросил в них камень. И тогда вороны запротестовали и подняли оглушительный крик.

– Ладно, – проговорил он хриплым от страсти голосом, снова лег на постель и раздвинул ее белые ноги. – Они больше не помешают нам, мой ангел...

Иногда ее захлестывали теплой, бурлящей волной воспоминания о той неделе, и тогда у нее в низу живота порхали бабочки, а к бледным щекам прилиwała кровь. Ей чудилось, что его огромные руки ласкают ее грудь, бедра, мнут, словно послушную глину. Как она всегда боялась, когда он приходил к ней в комнату, как уговаривала себя

каждый раз – я не такая, как те девицы, которые приходили к Пертви, или те, к которым ходил он. Я отличаюсь от них. Потом все начиналось – ласки, вздохи, страстные слова, и она уже не могла остановиться, не знала, как это сделать, – и это было, конечно, волшебной сказкой.

Но удовольствие от тех воспоминаний неизменно сопровождалось печальными картинками: Элайза в маленьком гробике, вот она начинает задыхаться, ее маленькие ножки в башмачках бегут по узкой дороге от фермы. Она падает на пол, ее ножки запутались в загрязнившейся кружевной нижней юбке, первые тревожные признаки болезни... «Я плохо себя чувствую, тетя Мэри. У меня болит горло...»

Все эти пятнадцать лет после смерти племянницы Мэри жила в тени. Она снимала комнаты в Лондоне, продав сначала мамину брошь с камеей, потом начала шить. Она понимала, что медленно, неудержимо сползала в нищету, и впереди у нее уже маячил рабочий дом. Но она давно уже решила, что скорее найдет свою могилу в Темзе, видневшейся в ее окне, чем переступит порог рабочего дома или чего-нибудь подобного, что будет в городе, когда закончится война. Она уже все продумала до мелочей – мышьяк, который купит в аптеке под предлогом борьбы с крысами, тяжелые камни в юбке и жакете, тщательно вшитые в подкладку, – никто не шьет тщательнее, чем она, – и прыжок в реку ночью с моста в Хаммерсмите. Сравнительно быстрая и безболезненная смерть, во всяком случае она надеялась на это.

Война мало что изменила в жизни Мэри, разве что у нее прибавилось работы, потому что люди теперь реже покупали новую одежду и чаще латали, штопали старую, несмотря на призывы в газетах поддержать Империю покупками. Она бралась за все – делала перелицовку, шила занавески и наволочки, вышивала салфетки. Она говорила себе, что не заслуживала и этого и что живет неплохо; ей часто казалось, что должна была бы страдать еще сильнее. У нее была одна комната, и отсвет от реки помогал ей при шитье. Кресло-качалку, кровать, комод она купила в соседней лавке под новой железнодорожной аркой, сундук из красного дерева она еще давно взяла у тети Шарлотты. Миссис Мак-Реди, хозяйка дома, готовила ей

завтрак с ужином и приносила к ней, хотя часто это была горячая вода с единственной картофелиной и куском хряща.

Вот так все у нее было устроено. Но...

На покрытом лаком полу было место для ковра, и тут начинались неприятности.

Мэри убеждала себя, что не заслуживает ничего больше, но ей хотелось, чтобы у нее был ковер. Каждый день она сидела у окна и шила до сумерек, часто встречалась в Хаммерсмите на собраниях Женского социально-политического союза со своими подругами-суфражистками. А если не было собраний или митингов, она сидела одинокими вечерами в кресле-качалке и глядела на пустой квадрат пола, где мог лежать ковер. Это был предел ее мечтаний – такой же ковер, какой был в ее спальне в родительском доме, темно-красный и оранжевый, с розочками. Он лежал там на полу с самого ее рождения, не считая той ночи, когда она пыталась отдать его Лидди, а мисс Брайант вернула его на место. Каждую ночь Мэри засыпала, глядя на него. Это была первая вещь, которой касались каждое утро ее босые ноги. Он был у ее матери еще в детстве, и для Мэри это была последняя связь с ее прежней жизнью, с матерью, со счастливой семьей, какая была бы у них, если бы не ее смерть. Она ходила на митинги, шила баннеры и надеялась, что ее мать гордилась бы ею, но все больше и больше думала о своем детстве, каким оно было, почему все так случилось и каким оно могло быть, если бы не превратности судьбы... если бы та женщина не гуляла в тот час со своей больной служанкой. Если бы Брайант не увидела в одно злосчастное утро объявление в «Таймс» о вакансии в их доме. Если бы Лидди не решилась уйти из дома. Мэри думала о том ковре.

Воскресным днем в октябре 1916 года, сама не очень понимая, зачем она это делает, Мэри вошла на станцию метрополитена и проехала через весь город до Хайгейта. И вот она уже стояла перед своим бывшим домом и смотрела сквозь калитку.

Было холодное пасмурное утро. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как она была там в последний раз, и сейчас не очень представляла себе, что ей делать дальше, или что она скажет, или даже что обнаружит. Больше десяти лет она ничего не слышала ни о ком из ее родных – они тоже не знали, где она, – ее устраивала такая ситуация.

Она потуже запахнула потертую и линялую шаль и сунула руки в карманы темно-синего жакета, который сшила сама. В окне отцовского кабинета горела газовая лампа. Мэри толкнула калитку.

Первым признаком перемен стала черная краска, которая отслоилась и прилипла к ее перчатке, обнажив слой рыжей ржавчины. Калитка заскрипела и даже взвизгнула. Высохший плющ висел на крошившихся кирпичных стенах.

Неуверенным шагом Мэри шла по щербатой садовой дорожке. Она поискала глазами, не остались ли в саду хоть какие-нибудь цветы, но все исчезло. Доживали свой век, засохли и кусты, когда-то тщательно подстриженные. Мэри постучала дрожащей рукой в дверь.

Ответа не было. Немного подождав, она постучала еще раз. Свет в холле, видневшийся сквозь непрозрачное узорчатое стекло, внезапно пропал. Заинтригованная и понимая, что не боится, Мэри снова постучала, уже громче.

– Алло? Отец? – позвала она сквозь дверь. – Есть кто-нибудь дома?

Она заморгала, когда ей почудился шорох юбок – дверь всегда открывала Ханна, бесшумно ходившая по дому, если на месте не было Гамбол. Но Гамбол давно уволена. А Ханна умерла и похоронена на том же кладбище, что и маленькая Элайза.

Мэри помолчала, прислонилась к двери, ощущая легкое головокружение. Этим утром она была голоднее обычного, потому что миссис Мак-Реди отказалась кормить ее завтраком, пока не получит плату за комнату, и Мэри ничего не ела почти сутки.

– Отец! – позвала она, прижав ухо к двери, и явственно услышала, что за дверью кто-то есть. Кто-то ходил по дому, скрипели половицы, но никто так и не открыл дверь. Мэри, усталая и голодная, обнаружила, что сердится.

– Мисс Брайант! – Она уже кричала, ей было плевать на все. – Брайант, вы слышите меня? Мой отец там? – Она подошла к окну и заглянула в отцовский кабинет, ожидая, что сейчас ей станет страшно. Но страха не было.

По сравнению с тем, что было, в кабинете ничего не осталось. Исчезли массивный стол из красного дерева, огромное бюро у стены, шкафы со стеклянными дверцами, наполненные бумагами, безделушками и сувенирами, свидетельствами отцовской

расточительности. Там стояли лишь маленький дешевый стол с горевшей на нем газовой лампой, и стул. Все было выскоблено, вымыто, и вонь от карболки проникала даже через окно. На столе лежала маленькая стопка бумаг, больше ничего. Когда Мэри смотрела жадным взглядом на родительский дом, ее глаза заметили движение в открытой двери кабинета, ведущей в холл. Она увидела женскую фигуру, стоявшую возле лестницы.

Мисс Брайант. Она не догадывалась, что Мэри отошла в сторону, и, стоя в холле, с ужасом смотрела на дверь. Ее сальные волосы, совершенно седые, были кое-как заколоты над ушами и на голове. Все остальное было безукоризненным, сверкало чистотой, но сама она? Она была грязная – черное платье в дырах, туфли стоптанные, на одной не было каблука. Зубов тоже не было, она шамкала деснами, ее пальцы непрерывно хватались за губу. Те самые пальцы, которые когда-то заплетали волосы Лидди в мучительно тугие косы, которые щипали до синяков, били, царапали, привязывали девочек к стулу. Теперь они терзали губу хозяйки, потом одергивали грязное, черное платье. Мэри видела, что ткань была грубая и рвалась там, где пальцы Брайант механически скребли ее.

– Выпустите меня. Выпустите меня. Выпустите меня. Выпустите меня. Выпустите меня. Пожалуйста. Выпустите меня.

Мэри подошла к другому окну и заглянула в гостиную, где в былые счастливые дни они проводили воскресные дни, рождественские праздники, пили чай, где дети сидели в шезлонге у камина, когда у них болели уши, где до потолка стояли полки с книгами в позолоченном переплете.

Но теперь все исчезло. Ничего не осталось.

Из дома исчезли все. Сначала ее мать, потом она и ее брат с сестрой, слуги, потом ее отец, потом стали исчезать мебель и вещи, а комнаты вычищались до блеска. А в коридоре, почти загороженная лестницей, стояла мисс Брайант.

Теперь Мэри видела выражение ее лица, полностью отсутствующее; она глядела куда-то в пустоту старыми ревматическими глазами, в них был осязаемый страх. И Мэри догадалась, что Брайант даже не замечала ее. *Она была безумна.*

Она не замечала никого и ничего и думала, что снова сидит во Флитской тюрьме. Мэри вспомнила об этом; обрывки воспоминаний

витамины вокруг нее словно клочья тумана. Однажды ей пришлось отрезать волосы, чтобы заплатить за еду; она рассказала об этом Мэри, когда расчесывала ее волосы, и Мэри заплакала. Сейчас она уже не помнила почему – от жалости или от боли.

Из дома по-прежнему слышался тихий голос.

– Выпустите меня. Выпустите меня. Пожалуйста. Выпустите меня.

Мэри поняла, что стоять тут было бессмысленно. Мамино коврика наверняка уже нет. Но он ей и не нужен. Глядя на огромный дом, она удивлялась, куда могло все деться. Что Брайант сделала с мебелью, с вырванными за нее деньгами? Отдала их своей странной церкви? Или потратила на что-то? Они никогда уже не узнают этого. Никогда.

Она в последний раз посмотрела на крошечную черную фигурку, застывшую в коридоре. На это жалкое, сломленное существо, причину краха их семьи. За Брайант в окне столовой виднелись деревья Хайгейтского кладбища. Там лежали мама, и Пертви, а теперь, возможно, и отец. Мэри прижала к губам свои тонкие пальцы с обгрызенными ногтями; слезы капали из ее глаз на темно-синий жакет. Они сверкали на полуденном солнце, выглянувшем из-за облаков, маленькие, прозрачные шарики. Теперь остались только она и Лидди.

Мэри заставила себя уйти. И поняла, что теперь у нее был бесценный дар – свобода. Она была свободна, по-настоящему свободна. Все ушло – все осталось в прошлом, – она открыла калитку и снова вышла на улицу.

– Не может быть – Мэри?

Рядом с ней раздался хрипловатый, спокойный голос; чья-то рука легла ей на плечо. Мэри вздрогнула от испуга.

– Прости, моя дорогая...

Мэри повернулась, словно во сне, и оказалась лицом к лицу с ним.

– Ты... – У нее закружилась голова, рука взлетела к щеке. Он выглядел старше – конечно – прибавилось морщин, волосы отступили со лба, но глаза и лицо были все те же, веселые и ласковые. Он был по-прежнему стройный, не налился жирком, как многие мужчины среднего возраста, чьи жены платили ей за переделку их жилетов. Не отрывая от нее глаз, он наклонился и снял шляпу.

– Почему ты здесь? – прошептала она, с беспокойством оглядываясь по сторонам, словно опасалась какой-то западни.

– По воскресеньям я совершаю прогулку на Хит. Начинаю в Хэмпстеде и заканчиваю тут.

– Ты приходишь сюда? Каждое воскресенье?

– Это моя последняя связь с тобой, Лидди и Недом, помимо Соловьиного Дома.

Мэри обнаружила, что не в силах вымолвить ни слова. Она просто смотрела на него, на его высокие скулы, тяжелые веки, красивый завиток уха. На его широкие плечи, большие руки. У него не было ничего мелкого, и это было особенно заметно ей, потому что она шила мелкими стежками, делая видимое невидимым. Она вспомнила, как он выглядел в своем расшитом халате, величественный как древний король, и каким беззащитным он был нагой; каким испуганным он иногда казался, каким грустным...

Тут он взял ее за руку.

– Любовь моя. – В его ласковом басы звучал легкий шотландский выговор. – Ты такая же молодая, серьезная и милая, как всегда. Я не могу... – Он дотронулся до ленточки на ее жакете. – Что это?

Мэри посмотрела вниз и обрела голос.

– Фиолетовый, зеленый и белый – цвета суфражисток, – ответила она и с гордостью дотронулась до ленточки. – Знаешь, меня даже арестовывали.

– Моя милая Мэри, – улыбнулся он. – Я не сомневаюсь. Ты такая. Упорная. Мир должен меняться под тебя, а не ты под него.

Тут, возле дома, он наклонился и поцеловал ленточку. Мэри почувствовала кожей тепло его дыхания, давление его щеки на грудь. У нее все закружилось перед глазами. Далбитти снова выпрямился и заглянул ей в лицо:

– Эй, ты что, плохо себя чувствуешь?

– Я не завтракала, – ответила Мэри, и ей показалось, будто она плывет. Его голос доносился откуда-то издалека, земля начала кружиться и вдруг накренилась. – Кажется, сейчас я...

Когда она очнулась, она сидела в кэбе и ехала под горку. Далбитти сидел рядом с ней, но она была слишком усталая и слабая, чтобы разговаривать, а от тряски ее мутило. Она поняла, что снова потеряет сознание, если закроет глаза; она так и сделала. Снова она пришла в себя, когда он нес ее на руках и уложил в постель.

Она проснулась через несколько часов в странной комнате. В большом камине весело трещал огонь. На улице шел дождь, она слышала стук дождя по крыше. Тяжелые шторы были расшиты узорами. Мэри лежала в постели среди пухлых мягких подушек, сонная, но довольная. Слабо пахло сигарным дымом – она знала, что Далбитти курил особенный сорт табака, и, полная счастья, вдыхала успокаивающий, пряный запах и шевелила пальцами ног.

Дверь открылась, и он вошел с подносом в руках. На тарелке лежали хлеб с маслом, толстые ломти золотистого сыра, тонкие завитки окорока и дольки яблока, веером разложенные на тарелке. И там был чай, приправленный апельсином и бергамотом. Далбитти кормил ее, пока она не съела все до крошки. Тогда он поднес чашку к ее губам и молча смотрел, как она пила.

Потом он ушел, а она опять уснула.

Позже, когда на улице стало темнеть и все еще шел дождь, он появился в комнате и подложил дров в камин.

Она смотрела на него из-под одеяла.

– Где мы? – спросила она.

– В Блумсбери. Думаю, тебе будет приятно узнать, что за углом от меня живет миссис Панкхёрст и к ней постоянно приходят суфражистки. Когда она прекратила голодовку и ее привезли домой, они подняли страшный крик, потому что их забирала полиция. Они тут устраивают настоящие бои, эти леди.

– Я тоже была там, – удивленно сообщила она. – Я была одна из них. – Все эти годы она приходила сюда и не знала, что рядом живет Далбитти. – Значит, это твой дом?

– Я купил его десять лет назад. Тогда я возлагал большие надежды на заказчиков, искавших нового Уэбба или Пьюджина, пока не появился Лаченс. Теперь мне, возможно, придется продать дом, если не улучшится моя финансовая ситуация. – Он грустно улыбнулся.

– Не верю, Люшес, это неправда. Даже я слышу, как все произносят с огромным уважением твое имя.

– Война спутала все планы. Теперь люди не хотят строить большие семейные дома, церкви или концертные залы. Или хотят, но говорят, что не сейчас, что они еще подождут. А у меня много идей, и я не могу ждать. – Он ловко помешал в камине кочергой, перевернув полено, и Мэри почувствовала устремившееся к ней тепло. – Я

участвую в конкурсе дизайна канадского парламента. Комплекс из четырех зданий. Если я его выиграю, у меня снова будет престиж. Если нет, то мне придется менять свой образ жизни. – Он посмотрел на ее лицо. – У меня все нормально. Но я должен найти себе новую работу. А этот дом... – Он помолчал. – Он слишком велик для меня одного.

– Твоя жена никогда тут не живет? – спросила Мэри. Далбитти не ответил, потер лицо и мрачно посмотрел на нее. – Люшес?.. Ты не хочешь говорить со мной о ней?

– Прости. Моя жена ни разу не была в этом доме. Поначалу я надеялся, что это будет дом моей семьи. Но моим надеждам, как ты помнишь, не суждено было реализоваться. – И он развел руками.

– Вилка... Да, помню. – Их глаза встретились. Глаза старинных друзей, которые знали истории друг друга. «Когда мне было так легко и приятно с другим человеком? – подумала она. – Много лет не было, с тех пор как...» и она обвела глазами темную, теплую комнату. – Ты переделал этот дом так же, как Соловьиный?

Наступило долгое молчание, потом он резко сказал:

– Я больше никогда не буду так делать. Я построю себе новый дом или буду жить в чужом. Соединять то и другое нельзя, это приносит несчастье.

Мэри вспомнила детские шкафчики на верхнем этаже, деревянные сиденья в гостиной, куда дети убирали игрушки. Она вспомнила свою комнату и те долгие дневные часы, когда к ней приходил Далбитти и они... Она кивнула.

– У тебя есть прислуга?

– Да, но приходящая. Сейчас нет никого.

– Иди сюда, – позвала она, и он сел на кровать, положив свои длинные руки на шелковую простыню цвета устриц. Посмотрел на пустую тарелку, стоявшую на столике.

– Когда ты ела в последний раз?

– Вчера днем.

– А до этого?

– О, позавчера пила чай в доме подруги. Она знает мою ситуацию и кормит меня иногда.

Он помолчал, потом быстро спросил:

– Скажи мне, Мэри, дорогая. Он ушел? Джон? Мальчик Хорнеров ушел на войну?

Она грустно покачала головой:

– Я не знаю, Люшес. Я ничего о них не знаю.

Он сидел лицом к ней, и сквозь простыню она чувствовала коленкой его ногу.

– Ты видишься сейчас с кем-нибудь из твоей прежней жизни?

– Я часто общаюсь с моими новыми сестрами. Организуем встречи, планируем демонстрации... мы поддерживаем друг друга. Среди нас нет богатых. Мы все в основном старые девы.

– Неужели?

– В это трудно поверить, правда? В прошлом месяце меня обругал какой-то старик. Сказал, что я старая сушеная селедка и что я погрязла в грехах. А я возразила, что мне как-то сложно совмещать одно с другим.

Он улыбнулся своей теплой, беспокойной, загадочной улыбкой, и по ее телу растеклось ощущение уверенности и радости.

– А ты что?

Его нога еще сильнее прижалась к ней. Было совсем тихо, ни конского ржания и стука колес, ни рокота моторов, только стучал по крыше дождь да где-то выла собака.

– Что я?

– Погрязла в грехах?

Мэри впиалась в него взглядом, в ямке на шее учащенно бился пульс. Лицо пылало от предвкушения.

– Да, Люшес. Кажется, я всегда была такой.

Он обнял ее и поцеловал, и Мэри, не зная больше десяти лет никакого физического контакта, кроме грубых рук полисменов или теплого рукопожатия подруг, прижалась к нему. Почувствовала его губы, его кожу... Он что-то шептал ей на ухо.

– Я привез тебя сюда не для...

Она остановила его:

– Я знаю. Боже мой. Люшес. Конечно.

– Моя любимая – ты уверена?

Она попросила его выйти из комнаты. Когда он укладывал ее в постель, он снял только ее жакет. Теперь она аккуратно сняла свою латаную-перелатаную твидовую юбку, блузку из французского батиста, который был выткан в районе французского Камбрэ, где, как она знала, сейчас шли бои. Потом сняла нижние юбки, чулки и

осталась только в бюстгальтере. Распустила длинные волосы, и они упали ей на плечи. Ее тело чуть ли не дрожало от страсти. Тут ей пришла непрощенная мысль о его жене – о своей родной сестре – о всех ошибках и бедах, вызванных той давней их страстью.

Я уже и так погрязла в грехах, так что не составит разницы, если он возьмет меня сейчас. Боже мой, как я хочу его.

– Входи! – крикнула она. Он открыл дверь, и его глаза затуманились страстью при виде нее. Он судорожно вздохнул, раздувая ноздри.

– Моя любимая Мэри, – сказал он. – Я был полуживой без тебя все эти годы.

– А я без тебя, любовь моя, – ответила она, глядя в его глаза.

С того вечера она стала его любовницей. Они любили друг друга в комнате с высоким потолком, когда дождь обрушивался на ставни, на ступени крыльца, стучал по мостовой возле дома и журчал в водостоках. Мэри подумала об омывавшейся дождем природе. Страстно прижавшись к нему, лаская его, она поняла, что с годами к ней пришло утешительное сознание уверенности. Она уснула в его объятиях. Чистые простыни пахли крахмалом. Много лет она не чувствовала этот запах.

Глава 32

1917. Ноябрь

Дорогая моя Лидди.

Я часто думаю о тебе. Я знаю, что Джон во Франции, но не знаю, как у него дела. Он был на Сомме? Вы давно виделись с ним? Да хранит его Господь! Далбитти виделся на званом обеде с Латушем, и он сообщил, что Джон воюет. Вот откуда я знаю об этом.

Дорогая Лидди, я любовница Далбитти. Мы очень любим друг друга и живем только друг для друга. Его жена в Шотландии и в Лондон не приезжает. Развод исключен не только потому, что она не согласится. Просто репутация Люшеса не должна пострадать; к счастью, моя репутация никого не интересует. Я много раз брала в руки ручку, чтобы написать тебе, но не могла найти нужные слова. Но теперь я должна это сделать.

Я никогда никому не подходила. Теперь я уверена, что знаю, для чего создана: чтобы любить его. Я скучаю по тебе, Лидди. Я люблю тебя. Я скучаю по дорогому Неду и Джону. Я знаю, что никогда не искуплю то, что сделала, я уже поняла это. И что в результате я никогда не увижу счастья и что мне даже не следует стремиться к нему. Я не знаю, чего мне ждать, и терзаюсь каждый день. Я снова нашла его, мы любим друг друга; мы невероятно счастливы, но только я не думаю, что заслужила такое счастье. Так что, пожалуйста, когда-нибудь я заплачу за все и просто расстанусь с Далбитти.

Во вчерашнем номере «Таймс» я увидела, что вы сейчас в Лондоне и остановились у Галвестонов. Нед написал еще что-нибудь похожее на «Сиреневые часы»? Теперь он стал страстным патриотом, правда, Лидди? Время изменило всех нас.

Лидди, я приду к Мемориалу Альберта 28 ноября, то есть через два дня, в полдень. Я пишу, чтобы спросить тебя, может, ты встретишься там со мной? Дорогая моя, сейчас я точно знаю, что беременна; ребенок родится где-то в июне. Я очень хочу повидаться с тобой. Хоть один раз. От нашей семьи остались только мы с тобой. Я пойму, если ты не сможешь это сделать, но я буду ждать тебя там и очень надеюсь увидеться с тобой, моя дорогая.

Твоя любящая сестра

Мэри Элен Дайзарт.

– Она все еще подписывается своим именем! – сказала Лидди, помахав письмом Неду, снимавшему в это время с шеи черный галстук. Прикусив ноготь, она посмотрела сквозь неплотно закрытые тяжелые бархатные шторы на морозную улицу.

– Ребенок. Ты ведь... ты ничего не слышал о Далбитти, правда?

Нед стаскивал с себя жилет.

– Любовь моя, я не слышал от него вестей после того письма, когда я написал ему, чтобы он больше ничего не присылал. Ты хочешь встретиться с ней?

Лидди опустила голову.

– Я сама не знаю, чего я хочу. Вернее, знаю – я хочу вернуться как можно скорее в Соловьиный Дом, – ответила она, вынула из волос черепаховый гребень с длинными зубьями и положила на туалетный столик. – Ты ведь знаешь, что Джон может приехать в отпуск в любое время. Я не могу пропустить...

– Она не просит тебя больше ни о чем, только о встрече. – Нед поцеловал ее пышные волосы.

– Ты не понимаешь. Я... – У нее болело сердце, оно устало, устало от всего, подумала она.

– Дорогая моя, – Нед встал перед ней и взял ее за руку. – Ты должна встретиться с ней. Ведь она твоя сестра. Как подумаешь, что мы пережили, мы все...

Лидди закрыла глаза.

– Теперь она единственная из живущих знает, как я страдала в детстве. Она единственная понимает. Я не могу избавиться от убеждения, что она предала меня. Я знаю, что это глупо, но убеждена в этом. – Она грустно опустила голову. – Мне все равно надо завтра поехать домой.

– Ты в первый раз уехала из дома за... за сколько лет? За три года. Лидди, дорогая, научись радоваться жизни хоть немножко. Я хочу, чтобы ты осталась завтра. У меня есть на это особенная причина. – У него сияли глаза; он схватился за железную кровать и раскачивался от восторга. Она обняла его, заразившись его восторгом, и внезапно они снова почувствовали себя подростками, влюбленными друг в друга. – Джону едва ли захочется, чтобы ты сидела у двери и грызла ногти, дожидаясь его возвращения.

– Да, не захочется... Пожалуй, ты прав, дорогой, – согласилась она.

– Ах, Лидди! Какая ты сегодня красивая, – негромко сказал он ей на ухо, и она обхватила ладонями его голову и заглянула ему в лицо, освещенное газовым светом. Она увидела каждую его морщинку и складочку, а в глазах искорку. После их приезда в Лондон он нервничал, дергался, и она была рада, что обед прошел хорошо и что он давно уже не казался таким довольным.

Война пошла Неду на пользу. Картина «Сиреневые часы» была встречена с огромным энтузиазмом, хоть и не так, как «Сад утрат и надежд», но на нее пришли посмотреть тысячи, сначала в Королевскую Академию на первую за военные годы Летнюю выставку, потом в галерею Галвестона. Солдат, добавленный в последнюю минуту, стал благородным символом защитника страны; он стоял в дверях, прощаясь с домом; черные контуры его офицерской фуражки и винтовки подчеркивали нежную, тревожную, но все-таки стоическую улыбку на лице женщины. В открытую дверь виднелся английский сад во всей его роскоши, идеал, за который сражались на фронте

солдаты, – все эти мастерски написанные детали принесли картине беспримерный успех, первый за долгие годы. Не всем она пришлась по вкусу, но это было прекрасное произведение искусства. Еще Нед написал серию из четырех картин «Томми Аткинс на войне».

«Томми Аткинс на войне» – это была история молодого солдата. На самом деле Неду позировал ворчливый и страдавший от артрита Дарлинг, одетый в мундир рядового. Журнал The Graphic купил авторское право и печатал каждую неделю новый эпизод, который можно было вырезать; позже он выпустил репродукции высокого качества и продавал в первые два Рождества военных лет: «Томми» висел на стене в тысячах, если не миллионах домов. Томми и его друзья веселой толпой идут в призывной пункт; Томми с ранцем на спине прощается с любимой девушкой, целомудренно, через стену сада, они держатся за руки. Томми среди сотен других новобранцев в новых мундирах едет на длинном поезде на побережье, и наконец, Томми в мундире идет по узкой деревенской дороге – куда? – неясно, но его бодрая походка не оставляет сомнений, что Томми возвращается домой с победой.

В душе Лидди не одобряла квасной патриотизм этих картинок и считала, что в реальной жизни Томми Аткинс оказался бы весьма неприятным типом, пройдохой. Порой она удивлялась, неужели только ей понятна сомнительная роль, которую играет он – а заодно и Нед, – убеждая народ страны, что война – почетное дело. Но она ничего не говорила об этом Неду, как и о многом другом. Вот и теперь она не возразила ему, несмотря на ее постоянный страх, что Джон получит отпуск в этом ледяном ноябре, приедет в Соловьиный Дом и обнаружит, что родители уехали в город на прием, который Галвестон и критик Ла-Туш давали в честь Неда.

Как Лидди ни отказывалась от поездки, но, оказавшись в Лондоне, она поначалу с удовольствием окунулась в светскую жизнь. Она встречалась с давними подругами, выслушивала комплименты. На ней было черное шифоновое платье с большим декольте, отделанным кремовыми кружевами, и бриллиантовые серьги, подарок Неда к рождению их сына. Ее волосы были уложены служанкой Лауры Галвестон. Спускаясь по лестнице, Лидди знала, что выглядела элегантно, несмотря на свои сорок два года и деревенское уединение. Галвестон так и прилип к ней во время приема. Ла-Туш шептал ей

через стол, что она стала еще красивее, а сэр Агастес Картфорт, крупный промышленник, много лет покупавший картины Неда, успокаивал ее страхи насчет Джона и текущей ситуации.

– Я знаю из надежного источника, от моего доброго приятеля. Это великое сражение. Наши парни любят «размяться», как они это называют, миссис Хорнер. Для них это приключение. Ваш сын где?

– Вустерширский полк, четвертый батальон. – Лидди посмотрела на Неда – он стоял на углу и шептался с Галвестоном. Она догадалась, что у мужа появился какой-то новый план, но пока он нервничал.

– А-а. – Маленькая пауза, Картфорт наклонил голову набок. – Хороший полк. Ваш сын получит потрясающие впечатления, вот увидите. Только вряд ли расскажет об этом маме! Ха-ха! – И он поднял свой бокал.

Он делится со мной всем, – вертелось у нее на языке, но Картфорт был любезен, и она не хотела показаться грубой. – И о том, о чем он мне не говорит, я тоже знаю – о! – я прекрасно знаю. Даже если он и не подозревает о том, что я знаю.

– Он был на Сомме, – сказала она, и в ее голове невольно прозвучала гордость, потому что в Лондон недавно пришло известие о возможной победе и об огромных, катастрофических потерях в рядах французов и британцев. – Ему очень повезло. Он участвовал в занятии...

Но она не могла вспомнить название деревни. И внезапно почувствовала, что не хочет находиться в Лондоне. Ей захотелось вернуться в Соловьиный Дом, быть рядом с Элайзой и ждать милого, добродушного Джона, остаться наедине со своим несчастьем, потому что правда, настоящая правда состояла в том, что она совсем недолго могла терпеть посторонних людей и общаться с ними. Перед ее глазами стояли слова Джона из его последнего письма.

Скоро я получу отпуск – пожалуйста, не уезжайте далеко от Соловьиного Дома, чтобы я застал вас, – пожалуйста, мама, пиши мне как можно чаще. Пожалуйста. Временами здесь очень тяжело. У меня все нормально, но я видел всякие ужасы, и твои письма меня успокаивают. Пиши мне про дом. Хорошие ли уродились яблоки этой осенью, за кого выйдет замуж Зиппора на этой неделе и что вы нашли на крыше. Пожалуйста, пиши мне, мама, как можно чаще.

Это была медленная мука, которая точила Лидди каждый день. Ее терзало сознание того, что ее единственный ребенок страдал, звал ее, что он был далеко и она не могла ему помочь... Иногда слова из его писем врезались в ее память, и она больше ничего не могла видеть. *Пожалуйста, пиши мне как можно чаще.*

Расчесав волосы, Лидди легла в постель. Нед уже храпел, лежа на спине. Она тихонько толкнула его, ласково, чтобы не разбудить. Потом снова взяла письмо Мэри; ее глаза скользили по словам, всматривались в них, не в силах прочесть при тусклом свете, и она выключила лампу. Тяжелые шторы не пропускали свет уличных фонарей, и Лидди лежала, моргая, в чернильной темноте. В ее голове роились всякие мысли. Лицо Джона. Почерк Мэри. Рука Неда, что-то писавшая вечером под взглядом Галвестона на мраморном с позолотой столике работы Хэпплуайта. И пульсировавшие в ее памяти слова Мэри, слова правды, она это понимала.

Если бы ты была там... ты бы тоже пошла с ними к Ханне. Они все равно бы подверглись риску. Она заразила бы дифтерией кого-нибудь из них. Неизбежно.

– О... – Лидди тихонько заплакала, прикрыв ладонью глаза. Нед что-то пробормотал во сне и опять умолк, а к Лидди не шел сон.

* * *

На следующее утро она сидела в большом зале для завтраков и глядела в окно. Перед ней стояла тарелка с нетронутой фасолью и тостом. В доме было восхитительно тепло, а снаружи стоял холодный, ясный день с ослепительно ярким небом. Лидди хотелось распахнуть настежь французские окна, вдохнуть свежий воздух, почувствовать, как он наполнит его легкие. Она в который раз поняла, что ненавидит Лондон и мечтает только об одном – оказаться как можно скорее дома.

В вестибюле этого огромного, помпезного дома звучали мужские голоса и были распахнуты настежь входные двери. Там что-то привезли. Лидди выпила немного кофе, и у нее заболел желудок. Сегодня она совсем не спала. Мэри была где-то рядом. Где? Что она делала? Здорова ли? Мэри была маленькая, изящная, как Лидди, но не

сильная; в детстве она часто болела. Ей не нужен ребенок, она не сможет его выносить.

Я встречаюсь с ней. Да. Лидди наколола на вилку фасолинку, но до рта не донесла. Ей было дурно. *Нет, я не могу с ней встретиться.*

Она подумала о порывистой, энергичной, роскошной Лауре Галвестон. Вчера после обеда она небрежно сообщила, что порвала связи со всей своей семьей много лет назад. «Мне стало слишком тяжело поддерживать с ними отношения. Они просили денег. У нас постоянно возникали какие-то проблемы, неприятные инциденты, с которыми мы не могли мириться... И я решила, что проще всего прекратить с ними общение, оборвать, так сказать, корни».

Лаура сказала это так, словно речь шла об увольнении нерадивой прислуги или подрезке заболевшего плюща. Склонив голову, Джульет сидела одна и не знала, как ей поступить. В это время открылась дверь, и вошел Нед, одергивая жилет.

– Любовь моя, – сказал он. – У меня сюрприз для тебя.

Лидди рассеянно взглянула на мужа:

– Какой сюрприз, милый?

– Пойдем со мной. – Он взял ее за руку, а другой рукой погладил ее лоб. – Твоя печаль сразу пройдет. Да! Я обещаю тебе. – Он рассмеялся. – Пойдем!

Он вытащил ее в коридор, где вдоль стен стояли шкафы, буфеты и бронзовые вазы. Там было зеркало в стиле рококо из французского королевского дворца; об этом вчера сообщила Лаура, назвав его стоимость. Сердце Лидди билось учащенно – какой сюрприз? – неужели?..

Галвестон стоял в просторном холле и потирал руки. Рядом с ним на деревянном штативе стояла картина.

– Доброе утро, дорогая Лидди, – сказал он. – Ваш супруг опять сделал ради вас жест беспримерной щедрости, я пытался отговорить его – но он не слушал! – Он развел руками, отрицая свое участие, и его глаза сверкнули.

– Я хотел, чтобы она вернулась к тебе, – сказал Нед ей на ухо со странной робостью. – Я... смотри, вот она.

Лидди ничего не понимала. Нед обошел с ней вокруг штатива, и она увидела картину. Увидела ее впервые за шестнадцать лет, впервые с того ужасного дня.

На ней бегали по саду дети, на ней были крылья Элайзы. Открытое окно над ее кабинетом, ползущий к нему плющ. Сверкающие звезды на потолке Птичьего Гнезда. Раньше она никогда не замечала эту деталь.

Лидди смотрела на себя, призрачную фигурку с прямой спиной, спокойную, ровно в центре картины и того мира. Раньше она и этого никогда не замечала.

– Нед, – медленно проговорила она. – Что ты сделал?

– Я выкупил ее у Галвестона, – негромко сказал он, словно они были одни. – За разумную цену, уверяю тебя. Я хотел, чтобы он перестал делать репродукции и продавать их всюду. Я хотел, чтобы она снова вернулась домой.

– Нет, – сказала Лидди. Она оторвала глаза от картины. – Я не хочу, Нед. Я не хочу ее видеть.

Он слабо улыбнулся, словно словам капризного ребенка.

– Но она теперь опять наша, любовь моя. Я уезжаю после ланча. Я отвезу ее в наш дом. По-моему, мы можем повесить ее в холле...

– *Нет!* – Лидди повысила голос. Она посмотрела на Галвестона. – Нед, сколько ты заплатил ему за нее?

Нед тоже перевел взгляд на Галвестона. Тот стоял с непроницаемым лицом.

– Я оставляю вас, дорогая Лидди, чтобы вы обсудили этот вопрос с вашим супругом. Прошу прощения. – Аккуратно сложив листок бумаги, он сунул его в карман жилета, словно фокусник, и исчез.

Они остались вдвоем. В доме шли утренние хлопоты, служанка выбивала где-то ковер, наверху разговаривала Лаура Галвестон, на улице кричали торговцы. Лидди повернулась к Неду и тихо прошипела:

– Сколько ты заплатил, черт побери?

Он удивленно вытаращил глаза; она никогда еще не разговаривала с ним таким тоном.

– Ну – пять тысяч гиней, любовь моя. Много, я понимаю, но с «Сиреневыми часами», и Томми Аткинсом, и моей теперешней...

– Пять *тысяч* гиней! – Рука Лидди взлетела к тугому кружевному воротничку на шее. – Он позволил тебе – как он *мог?*

– Это разумная цена, дорогая, я хотел, чтобы ты...

– Ты заплатил пять тысяч гиней, чтобы выкупить то, что ты сам написал, написал с любовью... – Ее рот был полон желчи. Она сглотнула. – Нед, дорогой, у нас нет таких денег.

Он сердито огляделся по сторонам.

– Давай не будем обсуждать наши финансы в чужом доме, черт побери, – сказал он и потащил ее в зал для завтраков, оглянувшись на картину, оставшуюся в холле. – Лидди, я думал, что ты будешь рада не меньше меня...

Она плотно закрыла дверь. Ее грудь вздымалась от гнева.

– Я не понимаю, как ты мог сделать такое. Неужели ты не понимаешь? Как – как я смогу видеть перед собой эту картину каждый день? Как ты можешь просить меня об этом?

– Но ведь мы были счастливы! Мы – мы и сейчас счастливы более-менее, разве нет?

Она взяла его за руку:

– Ты никогда не говоришь о ней. Ты никогда не позволяешь мне упоминать ее – ее имя. Элайза.

Он повернул голову, закрыл глаза и поморщился.

– Я...

– Ее звали Элайза, и ей было восемь лет.

– Не надо – говорю тебе.

– *Элайза!* – Лидди услышала свой крик. – Вот как ее звали! Для меня невысказанно, что ты не хочешь называть ее! Она была нашей дочкой, и ты...

Он перебил ее:

– Для меня было невысказанно, что ты не позволила Кэрриту сделать операцию, – спокойно возразил он и посмотрел ей в глаза. В них она увидела холод. – Может, это спасло бы ее.

Она вытаращила на него глаза:

– Значит, ты винишь в случившемся меня?

– Нет, не виню.

Но Лидди не поверила ему. У нее заболело горло, как всегда, когда она думала о дочке.

– Так вот почему ты считаешь, что я не должна сердиться на Мэри.

Он опустил руки и грустно сказал:

– Лидди, любимая, я больше так не считаю. Я сделал это, чтобы что-то исправить. Я хотел, чтобы ты была счастливой.

– Счастливой! – Она огляделась вокруг. – Счастливой... о Нед. Разве ты не понимаешь? Когда я шла за ее гробом, я видела, как я проживу остаток жизни, мой дорогой. Я видела ее перед собой. Я поняла, что никогда не смогу быть счастливой. Эту рану невозможно перевязать и вылечить, дорогой. Мы потеряли ее. Она... – Лидди покачала головой и прошептала: – Как ты мог подумать, что я захочу, чтобы ты потратил на это наши деньги? Мы будем разорены.

– Это мои деньги, – усталым голосом сказал он. Она посмотрела на него и скрипнула зубами. – Лидди, я хотел напомнить нам с тобой, что у нас была та жизнь, что мы были счастливы тогда! Я думаю, что мы забыли об этом за прошедшие годы после всего, что случилось. Но мы были безмерно счастливы, и мы родили... детей... – Он помолчал. – Я так люблю тебя, моя дорогая. Я...

Тогда она, конечно, понимала, что причины были одинаковые – у него, сделавшего это, и у нее, чтобы возненавидеть его поступок, но разрыв был слишком велик.

– Ты можешь сказать Галвестону, чтобы он продал картину в музей?

– Дело сделано, – категорическим тоном заявил Нед. – Я не хочу возвращаться к этому. Сегодня я увезу картину домой. Ты поедешь со мной?

Ее душила злость. Внезапно она обнаружила, что не может его видеть. И слышать тоже.

– Нет, – отрезала Лидди, вскинув голову. – Не поеду. Я приеду завтра.

– Ты встретишься с Мэри? – поинтересовался он будничным тоном, как будто они говорили о погоде.

– Я пока не знаю. Я... я не знаю. – Она прижала пальцы к губам. Ей было тошно и хотелось убежать от него. – Но сегодня я не поеду.

* * *

Мэри размотала с красных, замерзших пальцев тонкий шарф; перчаток у нее не было, а муфту она забыла в Блумсбери. Дрожа от

холода, она потянула на себя дверную ручку.

– Ты вернулась? О, ты вернулась! Ура!

Она услышала, как его длинные ноги затопали по лестнице, спускаясь с верхнего этажа. За ее спиной грохотала улица – кэбы, телеги, авто, велосипеды. Он распахнул дверь и взял ее лицо в свои теплые ладони.

– Любовь моя. Как чудесно видеть тебя в студии. Заходи, погрейся. – И он поцеловал ее.

– Как у тебя тепло, – сказала Мэри прижимаясь к нему. – Я превратилась в льдышку. Потрогай. – Далбитти взял ее за руку и сурово покачал головой. Потом повел ее наверх.

Студия Далбитти в Баронс-Корт выходила на оживленную Кромвел-роуд. Верхний этаж представлял собой просторное помещение, залитое светом, струившимся сквозь арки витражных окон. Эта студия была у него много лет, и когда-то они работали тут вместе с Недом.

Тут было уютно, в очаге горел огонь, а в воздухе висел запах сигар; у окна стояла чертежная доска, а у огня два кресла. Далбитти усадил Мэри в одно из них, растирал ей руки и ругался.

– Что мне с вами делать, мисс Дайзарт? Почему вы отправились в город без перчаток и муфты? – Он захлопотал, готовя для нее чай. Чайник, висевший над сильным огнем, моментально закипел.

Ее бархатная шляпка пролежала всю ночь возле мокрого зонтика и была влажной еще утром, когда она уходила из дома. За час, который Мэри провела возле Мемориала Альберта и шла пешком до Баронс-Корт, она заледенела. Мэри сняла ее, и шляпка оттаяла в теплой комнате, с нее закапало на пол.

Она глядела на него и тоже оттаивала. Несмотря на неудачи дня с ее лица не сходила улыбка. Она смотрела на любимого человека, и все остальное казалось ей пустяком. Его длинные руки плавно двигались, что-то поднимали, что-то ставили на место. Движения были точные, умелые. Любую комнату он наполнял своим теплом, и когда он выходил куда-то, она всегда с нетерпением ждала его возвращения.

Я очень люблю его, думала она. Люблю. Вот и все.

Заморгав, Мэри встала и подошла к чертежам, приколотым к чертежной доске.

– Что это, милый? Новые проекты для канадского конкурса?

– Нет... – Он немного помолчал. – Это дом.

Она повернула к нему удивленное лицо:

– Кажется, ты говорил, что сейчас мало кто интересуется домами.

Далбитти поставил тарелку и обнял Мэри. Его густой бас вибрировал в ее костях.

– Ну... понимаешь... Моя любимая Мэри. – Он подошел к ней и протянул тарелку с сардинами. – Это дом для нас. Чтобы мы в нем жили.

Он жестом показал на чертежи:

– Вот входная дверь. В центре фасада. Да, с моей стороны это революционный шаг. Справа от нее гостиная. Слева столовая и кухня за ней. А наверху три спальни.

– Три?

– Для тех, кому они понадобятся! Мы будем приглашать всех к нам. К нам будут приезжать друзья. И гляди, там будет световой колодец с матовым стеклом; оно будет круглый год пропускать дневной свет. А внизу будет подвал, и все белье будут стирать там, так что тебе не придется переживать из-за беспорядка.

Мэри рассмеялась, так как порядок и точность, если только речь не шла о чертежной доске, не были сильными сторонами Далбитти.

– Великолепная идея. Ты... – Она прижалась к нему и вдохнула его милый, уютный, пряный запах. – Ты очень умный, Далбитти.

Он еще крепче обнял ее и поцеловал в шею.

– Тут будет место возле камина, чтобы ты грелась в холодные дни. И тебе будет всегда тепло. Маленький садик позади дома. Впрочем, перед ним тоже, приятно, когда перед домом что-нибудь растет. И еще будет расти яблоня, чтобы моя Мэри отдыхала под ней в жаркие дни.

Она осторожно дотронулась до чертежа.

– Когда ты построишь его?

– Увы, не скоро. Моя милая девочка, посмотри на меня. – Он повернул ее лицом к себе, потом зашаркал к огню. – Знаешь, у меня новость. Сегодня я узнал, что победил в конкурсе и получил заказ на постройку Канадского парламента. – Его лицо расплылось в улыбке. – Пока я молчу, но тебе, конечно, должен сказать. Они хотят, чтобы я приехал как можно скорее. Конечно, ты тоже поедешь. У нас будет все хорошо...

– Ах, милый. Наконец-то. Я так рада за тебя. – Она привстала на цыпочках, чтобы поцеловать его, и почувствовала, как увеличился ее живот, упершийся в его брючный ремень. Скоро он заметит. Заметит ли? Обеспокоится ли, как ей жить дальше в такой ситуации?

– Канадец, который проводил конкурс, ужасно приятный. Помоему, они *все* ужасно приятные. Возможно, нам нужно... я думаю, мы начнем там все сначала. Мы с тобой... и я построю этот дом...

– Но как же твоя жена, любовь моя? Если это обнаружится – мы будем вынуждены лгать, – сказала она. Внезапно ей захотелось сесть. С ледяной ясностью она поняла, что сочтены дни, которые они проведут вместе, и снова прижалась к нему.

– Все будет хорошо, – ответил он и странно посмотрел на нее. Отошел, взял сардину и вытер пальцы о салфетку. Предложил ей; она покачала головой, внезапно почувствовав дурноту, но улыбнулась. Он не должен ничего знать. Не должен. Ее планы не должны ему мешать. – Они... я ничего им не скажу, но если ты поедешь со мной и скажешь, что ты моя жена...

– Милый, но если обнаружится, что это неправда? Ведь это легко может произойти. А ее отец уже сердится на тебя за то, что ты так долго живешь отдельно, пусть даже по ее желанию... Все выяснится, и мы не должны хитрить. Мы должны жить тихо, но не лгать. – Она улыбнулась, чтобы скрыть нарастающую в душе панику. – Любимый. – Она заглянула ему в глаза: – Ты обязательно должен поехать. Понятно?

– Но я хочу, чтобы ты поехала...

– Да, я приеду к тебе... позже...

Он немного помолчал.

– Неужели иначе нельзя? Я... я не могу предать Роуз больше, чем уже предал. Пожалуй, ты права. – Он тяжело и печально вздохнул. – Я оставлю тебе деньги...

– Спасибо. Я буду с тобой, милый. Ты ведь понимаешь, правда?

– Да, – он кивнул, и на его лице было написано облегчение. Мэри увидела, что он прекрасно понял ее доводы, но не знал, что сказать. Его единственная слабость состояла в желании сделать так, чтобы все было хорошо. Он всегда был таким, из него лучилась доброта. – Теперь, любовь моя, я приготовлю тебе чай, мы посидим и согреемся, а потом я отвезу тебя в наш приют греха в фешенебельный Блумсбери. Тебя это устроит?

– Вполне.

Налив ей чай, Далбитти нанизал ломоть хлеба на вилку для тостов и стал обжаривать его на огне. Мэри смотрела на него и шевелила пальцами ног, почти согревшись. На нее обрушилась тяжесть решений, которые предстояло принять, но они тут же отскочили от нее, словно были слишком огромными и не пристали к ней, а поплыли дальше, словно облака. Она тряхнула головой. Что мне теперь делать?

Внезапно Далбитти отложил вилку.

– Любовь моя, я даже не спросил, как у тебя дела. Какой я эгоист!

Мэри с трудом отвлеклась от невеселых раздумий:

– Что?

– Ты встретила с Лидди? – Он шлепнул себя по лбу. – Ваша встреча... Как я мог забыть! Как там она?

Мэри обхватила ладонями горячую чашку и улыбнулась ему.

– Она не пришла. Но это не важно. Я была уверена, что она не придет.

– О любовь моя. Мне так жаль...

– Давай поговорим о других вещах. – Она отпила глоточек. – О том, что ты знаешь о Канаде, и о твоих планах.

– Через минутку. Скажи, ты напишешь сестре еще раз? – Его доброе, любимое лицо смотрело на него. Сколько часов осталось им? Сколько таких драгоценных минут?

Вот и начало конца, – подумала Мэри. – *Теперь я должна заплатить за свое счастье.*

– Я ужасно скучаю по ней каждый день, – ответила она, глядя на висевший на крюке над огнем черный чайник. – Но отныне мы больше не сестры.

Глава 33

Лидди ждала телеграмма, когда она наконец вернулась вечером к Галвестонам. Она и сама не знала, почему решила остаться. Возможно, сначала она все-таки думала встретиться с Мэри. Но в результате провела весь день с Лаурой Галвестон. Они часами бродили по Найтсбриджу, смотрели в «Хэрродсе» ткани для штор, фурнитуру для кресел, посетили шелковую империю в районе Пикадилли и пили чай в «Фортнуме». Нед уехал в полдень и увез картину. Лидди была рада обществу разговорчивой немолодой женщины – та не задавала вопросов своей гостье, игнорировала красные глаза Лидди, ее дрожащие руки и рассеянность.

Несколько раз Лидди чуть не сказала: «Извините меня. Я вспомнила, что договорилась о встрече со своей знакомой». Она могла исправить свою ошибку – когда она сидела с миссис Галвестон в кофейне, отказываясь от крошечных, нежных пирожных, она начала понимать, что совершила ошибку. Она задержалась в Лондоне, потому что думала, что, может быть, увидится с ней. Она действительно могла с ней увидеться. Они были на Пикадилли, так близко от Мемориала Альберта. Она могла добежать туда. Могла увидеть свою сестру... обнять ее, поцеловать... заглянуть в милые, темные глаза Мэри, дотронуться до ее руки, которая утешала ее все эти годы...

И все-таки, конечно, она не сделала этого.

Телеграмма лежала в чаше в мраморном коридоре. Лидди, сняв плащ, увидела ее и почувствовала, что у нее кружится голова.

– О господи.

Она схватила ее дрожащими пальцами и вгляделась в тонкие карандашные буквы. Только бы не: *«С прискорбью информируем вас»*. *Пожалуйста, пожалуйста, только не...*

– Что в ней, дорогая? – прошептала миссис Галвестон.

Джон здесь неожиданно дома тчк должен
уехать пятницу тчк вернись скорее Хорнер

Галвестон уехал на их новом авто к клиенту. Лаура Галвестон неуверенно сказала, что попытается найти кого-то, кто отвезет ее...

– Но, дорогая, уже поздно, все найдут это... странным. О, это конец, мы должны установить телефон. Клянусь, мы последние, у кого его нет. Дорогая, мне так жалко, чем еще я могу вам помочь?

Она не поможет ей, Лидди это поняла. Эти люди не были ее друзьями; они наживались на Неде всю его жизнь, а теперь, когда требовалась помощь, она ничего не сделает.

Вечером поездов уже не было, и она, не сомкнув глаз всю ночь и не поев, поехала наутро первым поездом, а дома оказалась уже после полудня. Старый Дарлинг забрал ее со станции на машине. Лидди захлопнула дверцу и, торопливо поправив прическу, спросила:

– Как он, Дарлинг? Как он выглядит? Ой, пожалуйста, скорее.

– Он изменился, мэм, – все, что сказал Дарлинг.

Мука медленных, узких дорог, мотор глох, его приходилось заводить, Дарлинг запрыгивал на подножку, из-за наледи приходилось ехать медленно – на всю свою жизнь Лидди запомнила эту мучительную поездку, свое полнейшее бессилие.

Наконец, уже после двух, они свернули к дому. Перед домом стоял «Даймлер» с шофером. Лидди, почти не заметив его, побежала к дому.

– Где он? – кричала она и барабанила в дверь, чтобы ей открыли. – Где Джон? Дорогой мой – Джон, мальчик мой, ты где?

Дверь открылась. На пороге стоял Джон и улыбался. Она бросилась в его объятия. Он крепко обнял ее.

Он ужасно похудел, от него пахло табаком, дезинфицирующим мылом и чем-то еще – металлом, землей. Погоны и твердые медные пуговицы царапали ей шею и плечо, когда она обнимала его, бормоча его имя.

– Джон, Джон. Мой дорогой мальчик... Джон... дорогой... прости... Почему ты не сообщил нам? Конечно, ты и сам не знал? Когда ты приехал сюда?

– Два дня назад, но мне надо было выспаться. Я не мог – мне нужно было поспать. – Он схватил ее за плечи, и она снова посмотрела на него, уже внимательно. Ей показалось, что его глаза глядели не на нее, а куда-то мимо.

Лидди схватила его за руки. Ее напугала пустота в его глазах.

– Ты похудел, и у тебя теперь растут усы – это очень красиво, Джонни. Но почему... – Она дотронулась до медной пуговицы на его армейском кителе. – Почему ты так одет?

– Я должен сейчас уехать, – ответил он. – Произошла ошибка. – Он показал на «Даймлер». – Майор Кут любезно согласился меня подвезти. Завтра утром отплытие.

До этого ей казалось, что она видела сон, а теперь он превратился в кошмар, происходивший в реальном времени. Она повернулась до боли в шее и увидела фигуру маленького Альфреда Кута. Мальчишкой он играл с Джоном, даже мучил его. Теперь это был мужчина в военной фуражке, с крылатыми полосками на плечах, с усами над верхней губой. Он солидно коснулся пальцами околыша.

– Добрый день, леди Хорнер, – сказал он сквозь тархтение мотора.

– Почему вы не можете уехать завтра?.. – спросила она, и слова замерли у нее на губах. Она поняла, что вопрос бессмысленный.

– Зайди со мной в дом, – сказала она, потянув Джона за руку. – На минутку.

Он кивнул шоферу и зашел в дом.

– Где отец? – спросила она, когда они прошли в гостиную. В камине пылал огонь; старые диваны, потертые и удобные, любимые книги. Ей казалось, что она уезжала на много месяцев, а не на пару дней, и что сейчас она глядела на старый дом глазами Джона. Ее снова захлестнуло отчаяние при мысли о его отъезде.

– Мы уже попрощались. Он работает.

Он дрожал. Она посмотрела на него, не зная, с чего начать.

– Джон, милый, у тебя все в порядке? Как ты там – ты нормально питаешься?

Снова этот взгляд куда-то в пространство, в пустоту, мимо нее. Она посадила его рядом с собой на диван. Он положил голову ей на грудь и тяжело вздохнул. Она погладила колючую шерсть его полевого мундира, потом его волосы. Они были короче, чем когда-то, неровно подстрижены чьей-то незнакомой рукой. У него были странные руки; ногти, крошечные прямоугольники, были обгрызены до предела. Двух не было вообще. Она погладила его пальцы; он быстро убрал руку.

– Срезало осколком.

Она прижала к себе его голову, услышала его дыхание.

– Ох, мой милый – так все плохо? Пожалуйста, скажи мне. Скажи мне правду, сынок.

Джон отстранился назад; его добрые глаза всмотрелись в ее лицо.

– Я не хочу, мама, не обижайся. – Он снова уткнулся лицом в ее плечо. В камине потрескивал огонь. – Я не могу говорить об этом. Не хочу, чтобы ты знала, как все ужасно, чтобы тоже думала об этом. Честно. Некоторым парням даже нравится. Боюсь, что я не один из них. Позволь мне насладиться этими последними минутами, ладно? Расскажи мне о чем-нибудь. О чем-нибудь приятном.

– О чем-нибудь приятном?

– Да, мама. Когда мы были счастливы здесь. Расскажи мне что-нибудь.

Молчание повисло в комнате, лишь трещали поленья в камине да на улице зловеще рокотал мотор. Лидди вздохнула и снова рассказала сыну в последний раз историю «Сада утрат и надежд», как их рисовал Нед в тот летний день.

А что сделала Элайза?

Она сорвала с себя крылья и выбросила их.

А что сделал я?

Ты был такой голодный, что ел листья, и тебя стошнило. И в конце концов я сказала отцу, что вы оба взбунтовались. Тогда мы позволили вам выбрать к чаю то, что вам хотелось, и вы оба выбрали гренки с сыром. И мед в молоко.

Подняв голову, она увидела сад за большими, старинными окнами, пологий склон, голые ветки Зарослей, тронутые первым морозом, и меркнувший осенний свет, тронутый золотом и серебром. Она закончила свою историю и замолчала. Они сидели, обнявшись, и Лидди знала все наперед. Она и ее сын понимали друг друга без слов и спокойно смирились с неизбежным. И так было всегда.

Джон встал.

– Проклятье. Мне пора. – Он закинул за плечо ранец. – До свидания, дорогая моя. – Он задержался в дверях, возле вешалки, и взялся за ручку входной двери. Лидди посмотрела на него в последний раз, на его милое, доброе лицо – все-таки он был еще мальчик. Он не должен был уходить от нее.

– Мой милый. – Лидди встала на ноги. – Пожалуйста – пожалуйста, береги себя. Вернись ко мне.

Он покачал головой и поморщился.

– Я уже ушел, мама, – сказал он почти беззвучно. – И ты это знаешь, правда?

И он закрыл за собой дверь.

Часть четвертая

Глава 34

Вот несколько лекарственных трав для детей, Лидди. Эти травы растут на маленьком огороде.

Листья мяты можно растереть на языке при язвочке; ею можно лечить синяки и ранки.

Листья щавеля можно прикладывать при крапивном ожоге; он растет тут рядом, у него красные корни. Запомни! Корни, отваренные в уксусе, помогают от зуда и сыпи.

Тимьян с горячей водой помогает при расстройстве желудка.

Чего только не насмотришься, работая в ночную смену в больничном кофешопе «Коста», подумала Джульет, заказав кофе у немолодой женщины. Сама она выглядела ужасно – грязная, оборванная, дрожащая. Ее джинсы зацепились за ветку инжира, когда она побежала к дому, и порвались на коленке. Вдобавок она споткнулась и упала в грязь, оцарапала руку, и в коже застряли кусочки гравия. Она ожидала, что бариста скажет ей что-нибудь вежливое, посочувствует. Но та даже не взглянула на нее, просто кивнула, приняв заказ, отвернулась и стала готовить кофе.

Было пять утра. Джульет, дрожавшая от волнения и холода, пожалела, что не обнаружила этот кофешоп раньше. Ей даже не пришло в голову, что в больнице можно купить кофе. Как ей везло все эти годы, раз она никогда не имела дело с больницами, не считая рождения детей и редких обращений в «неотложку» из-за вирусной инфекции или порезов: тогдашние тревоги казались ей сейчас такими глупыми и преувеличенными. Как ей везло всю жизнь, черт побери. Теперь она это понимала. Все эти люди вокруг нее тоже попали в какую-то беду, у всех были свои печальные истории. Сломленные старые женщины, согбенные, с глубокими морщинами и пустыми глазами. Нормального вида мужчины – неужели их мужья? Или сыновья? Ждали, уткнувшись в свои телефоны. Еще доктора и сиделки, делавшие вид, что это была обычная очередь за кофе, как в любом обычном кофешопе вроде «Прет» на Пикадилли, где Джульет обычно пила по утрам кофе; бариста-итальянец пел там по утрам песни, и все заведение оживленно бурлило в начале нового

лондонского дня. Здесь же все стояли в очереди, потому что у каждого случилась какая-то катастрофа. Либо болезнь, разраставшаяся в теле, либо быстрый взмах кистью, момент, которого так легко можно было бы избежать.

Она не отходила от Санди десять часов, с их приезда в больницу, не считая тех минут, когда доктор позвал ее в соседний бокс и объяснил, насколько все серьезно. Бокс был декорирован успокаивающими фото греческих храмов и пыльными искусственными цветами, розовыми лилиями, в наполненной гелем вазе. Кровоизлияние в мозг. Сломана рука и большая берцовая кость. Состояние тяжелое. Сцинтиграфия головного мозга. Интенсивная терапия. Все эти слова пришлось пересказать Мэтту, когда он приехал, и она обнаружила, что не понимала их. Она не знала точно, что такое большая берцовая кость, но не спросила у доктора – ведь у нее и так было слишком много вопросов.

Мэтт приехал в десять, девочки плакали, Айла – потому что безмерно устала, а Би – потому что не знала, что делать, но подозревала, что окружающие ждали от нее такой реакции. Сама Джульет понимала, что не должна плакать, а должна весело улыбаться, когда проснется Санди. Он всегда был таким веселым и улыбчивым мальчуганом, и для него будет стрессом, если он увидит свою мать обезумевшей от горя и рыдающей. Так что ей нужно было пересиливать себя, справляться с горем и ждать, что скажут врачи. Мэтт пока не мог отвезти девочек домой. Он хотел остаться в больнице, да и девочки тоже отказывались уезжать.

Где-то к полуночи Джульет пришло в голову, что она могла попросить помощи у своих друзей и что это был как раз такой случай. Она позвонила Онор по обычному телефону, потому что у них дома не было мобильного сигнала, но ей никто не ответил. Она оставила звуковое сообщение, рассказала о том, что случилось, и попросила кого-нибудь приехать и увезти девочек домой. Потом она позвонила Фредерику и сделала то же самое. Но и там тоже не ответили – конечно же. Все уже спали.

Санди ввели в медикаментозную кому, чтобы его мозг находился в покое и не перенапрягался, пытаясь справиться с травмами. Девочкам позволили один раз взглянуть на брата. В реанимации было очень холодно, но Джульет не замечала этого, пока не вышла за кофе. В

лифте ее начала бить дрожь. Специальный лифт поднимал тебя сразу в реанимацию, не останавливаясь на других этажах, и тогда к тебе приходило понимание, как все серьезно.

Маленькая пухлая ручонка Санди с ямочками была ужасно холодной. Джульет могла потрогать только ее, потому что другая рука была перевязана. Она забеспокоилась.

– Он не мерзнет? Вдруг он простудится в таком холоде. – На ее слова не обращали внимания. Но потом приветливая сиделка, специально приставленная к пострадавшему, сказала Джульет, чтобы она не волновалась за это.

Вот *такая* она, жизнь, на самом деле – боль, утраты и бесконечные страдания; Джульет даже не верилось, что она до сих пор не видела всего этого. Большинство людей тоже не думают об этом, пока не столкнутся с бедой. Они живут при свете солнца и не замечают тени, притаившиеся за углом.

– Джу? – Кто-то осторожно похлопал ей по плечу, и она вздрогнула. – Джу? Ты слышишь меня?

Она оглянулась и увидела рядом с собой знакомую худую фигуру.

– Джордж. Хелло.

Джордж, в худи, с тенью щетины на щеках, неловко обнял ее.

– Я слышал звонок телефона, когда засыпал, но поленился включить звуковое сообщение. Прости, Джу. Какой ужас. Как малыш?

Она уткнулась ему в плечо.

– Не знаю. Сказали, что у него обширное мозговое кровоизлияние. Он сломал несколько костей, но врачей больше всего тревожит его голова. Он стукнулся о каменную ступеньку, когда упал на пол студии, а я... – У Джульет дрогнул голос, и она прокашлялась. – Нет, это я во всем виновата. Мы ругались с Би – с Би! – Она поморщилась, из глаз брызнули слезы. Джордж смотрел на нее, сморщив лицо в сочувственной гримасе, погладил ее по руке, увидел ссадины на коже с застрявшими крупичками гравия и сморщился еще сильнее. Джульет тряхнула головой. – Вот так отвлечешься от ребенка на две секунды... Всегда говорят, что... О боже!.. – Она потеряла глаза. – Вдруг он умрет. Или что, если... Что я *наделала!*

Джордж не говорил ей пустых слов, не давал ненужных советов. Он просто похлопал ее по плечу:

– Я сочувствую тебе. Знаешь, ты ни в чем не виновата. Джу, чем тебе помочь?

– Ты можешь отвести Би с Айлой домой и побыть с ними?

– Да, – ответил он.

– Айла пусть ляжет спать, а ты присмотри за Би. Если они захотят пойти в школу, хорошо. Пускай у них продолжится нормальная жизнь, пока мы не... – Она замолчала.

– Я все сделаю, – сказал Джордж. Кто-то похлопал Джульет по руке – это была бесстрастная женщина-бариста.

– Пожалуйста, заберите ваш кофе, мэм.

– Никуда я не поеду, – заявила Би. – Я хочу остаться здесь. – Она перевела взгляд с Джульет на Мэтта, потом с виноватым видом повернулась к Джорджу: – Я не хочу... пожалуйста.

– Тебе не обязательно идти в школу, – сказала Джульет. Айла, заснувшая на руках Мэтта, слегка пошевелилась, словно услышав эти слова. – Би, доченька, мне нужно, чтобы ты была дома, а не здесь. Джордж побудет с вами. Я обещаю.

– Я не пойду в Голубятню. Не могу.

– Ну и ладно.

– Кукольный домик разбился, обломки валяются по всему полу. Я не... – Она скрестила руки на груди и опустила голову; волосы упали ей на лицо, узкие плечи вздрагивали. – Я не разрешала ему играть в него.

Мэтт передал Айлу Джорджу, она что-то пробормотала во сне. Мэтт обнял старшую дочку, прижал ее к себе.

– Эй... доченька. Ты не виновата. А насчет домика не беспокойся, мама что-нибудь придумает. Но я считаю, что тебе надо поехать домой. Пускай Джордж отвезет тебя, а я приеду позже. Тогда у нас уже появятся новости. Хорошие, я уверен в этом, Би, милая. Санди просто сильно стукнулся, вот и все. Врачи очень внимательны к детям, как и полагается. О'кей? Уверяю тебя, все будет нормально. Не переживай.

И он поцеловал ее в макушку, как делал всегда. Би кивнула и, не говоря ни слова, направилась по коридору к выходу. Джордж пошел за ней с Айлой на руках. Джульет и Мэтт остались одни в холле.

– Давай вернемся наверх? – предложила Джульет, прихлебывая кофе.

– Конечно. Джульет...

Дверь снова распахнулась. Джульет оглянулась, решив, что это Би что-то забыла, но в дверях появился молодой доктор и аккуратно закрыл за собой дверь. У Джульет от страха подкатила к горлу желчь.

– Хелло, – сказал он и поглядел на свои записи. – Это вы отец Сандро Тэйлора?

Мэтт вытаращил глаза, испуганный таким официальным тоном, и поднял руку:

– Да, я его отец. Какие-то новости?

– Послушайте, я буду с вами откровенным. Мы серьезно озабочены. В мозгу ребенка признаки контузии; у него очень низкое кровяное давление, а это говорит о том, что внутричерепное давление может быть повышенным. Это когда начинается отек мозга. Нас беспокоят и нейрохимические функции. У него слабая реакция на свет... У него трещина черепной коробки, а это...

Раздался громкий писк, и доктор посмотрел на пейджер, висевший на поясе.

– О. Простите. – Он встал.

– Это Санди? Что-то случилось?

– Ничего страшного, уверяю вас, – ответил он, как будто их сын не лежал в реанимации с травмой головы. Словно речь шла о будничной мелочи, вроде потерянной игрушки или царапине на коленке. Доктор ушел. Джульет пошла за ним, Мэтт тоже. У дверей реанимации доктор оглянулся. – Извините, – сказал он. – Оставайтесь здесь, пожалуйста.

– Это он? Или кто-то еще? – воскликнула Джульет, но доктор скрылся за дверью, выпустив им в лицо волну холодного воздуха.

– Тут... – послышался голос сиделки, но его заглушило пиканье какого-то механизма.

Мэтт обнял Джульет за плечи.

– Нам тут нечего делать. Давай спустимся вниз и посидим там.

– Нет, мы останемся тут, – спокойно возразила Джульет сдавленным от эмоций голосом. – Мы будем ждать, пока нам не сообщат хоть что-нибудь.

В ту минуту она поняла, что Санди мог умереть. Это была реальность. Дети не всегда поправлялись от травм в реальной жизни. Он был такой маленький, у него были младенческие волосики на

голове, пухлые ручки и ножки. У него были любопытные голубые глаза и идеально круглая голова, а еще он любил сыр. И октонавтов, и тигров. Любил тигров. И Бима, его медвежонка... Джульет вздрогнула при мысли о том, что Бим остался дома. Бим должен быть здесь. Санди такой маленький, но сильный и полный жизненных сил, витальный; и странно было думать, что он мог умереть. Не так просто погасить такую жизнь, как у него, ведь он вовсе не хрупкий. Джульет сглотнула, еще раз сглотнула, боясь, что ее стошнит от тревоги.

Они молча стояли, прислонясь к стене, а пиканье продолжалось.

Джульет не знала, сколько они так простояли. Но вот за дверью, которая вела к лифтам, появилось чье-то лицо и пропало. Потом появилось снова. Джульет подошла и распахнула дверь.

– Джордж, – сказала она.

– Дома с детьми осталась Онор. – На его худом лице читалась усталость. – Я вернулся, чтобы отдать тебе кое-что и сказать – послушай, вот какое дело, я не знаю тебя так же хорошо, как Фредерика, но... моя мама умерла, когда мне было четырнадцать, и я помню... – Он помолчал. – Господи, я не то говорю. Я привез тебе вот это. Забыл отдать в тот раз. – Он сунул ей в руки бумажную сумку. – Там сэндвичи. И Lucozade. И еще мелочи и термос с кофе. И парочка журналов. Некоторые из них я взял у Фредерика, они старые, пожелтевшие, но все равно полистайте.

Джульет посмотрела на сумку, оглянулась на Мэтта, с любопытством глядевшего на них издалека, и снова на Джорджа. Он выпятил губы и пожал плечами:

– Я вот говорил про мою маму. Она лежала в больнице, и я подолгу ничего не ел, и это было плохо. Вам нужно есть. Иначе вы свалитесь.

– Джордж... – начала она. Он наклонился и обнял ее. Он был костлявый, его острые локти впились в нее, но он был крепкий и надежный. Она уткнулась носом в его плечо, и он гладил ее по волосам.

– Джульет... – окликнул ее Мэтт. – Джульет... Его куда-то увозят... Мы должны пойти туда. – Он стоял возле двери и махал ей рукой.

– Иди, – сказал Джордж, резко выпрямляясь. – Да, чуть не забыл. – Он громко шмыгнул носом и улыбнулся. – Фредерик сейчас

внизу, в холле. Он приехал со мной. У него машина, и он будет ждать, на случай, если вам что-то понадобится. Не беспокойтесь насчет него. Мы тебя любим. Пока.

Он ушел. В дверях отделения доктор разговаривал с Мэттом. Она побежала к ним.

– Миссис Тэйлор, – обратился он к ней, но она уже не понимала его, не слышала и не понимала. – Я должен сообщить вам...

Глава 35

– У него ужасная манера разговаривать. Его надо еще учить этому.

– Я уверена, что его научат. – Джульет гладила прохладную и нежную щечку Санди.

– Идиот.

– Если бы он не понял серьезность кровоизлияния и не сделал операцию, все могло быть иначе, – возразила Джульет, стараясь говорить ровным голосом. – Он точно не идиот.

– Все равно я еще поговорю с ним. Как он обращался с нами, как будто Санди умер...

– Он чуть не умер... – Джульет помолчала. – Не надо, Мэтт, пожалуйста. Ты можешь помолчать хоть немного? Что это? – Мэтт глядел на нее с раскрытым ртом, и она отвернулась. – Что Санди сказал?

– Это он во сне, – пояснила сиделка, подойдя к ним, и посмотрела на большой монитор, на котором регистрировались пульс, кровяное давление и уровень кислорода. – Доктор Мирзоян прооперировал его, и сейчас у мальчика улучшилось давление и нейрохимические функции. Теперь у него стабильное состояние. Будем надеяться, что он скоро придет в сознание. Но малыш может испугаться незнакомой обстановки. Нам очень повезло, что доктор быстро определил, какие у него травмы. – Джульет испуганно заморгала и потеряла лицо, а сиделка ласково продолжала: – Послушайте. Сейчас ему уже не угрожает опасность. Но нам еще нужно подождать и наблюдать за другими травмами.

Джульет не отрывала взгляда от ее изломанного и покрытого синяками маленького сына. Его личико было в гематомах и опухло от стероидов и от срочной операции, облегчившей его внутричерепное давление. Голова была перевязана, пухлая ручка свесилась с койки.

– Мммм, – промычал Санди во сне, пытаясь пошевелиться. – Ммммммм.

– Он говорит «мам», – радостно сообщила сиделка.

– Нет. – Джульет поняла, что это не так. – Он зовет меня «мама», а не «мам». Он говорит что-то еще.

– А мне кажется, что это «мам», – твердо заявила сиделка. Джульет не стала спорить и обратилась к Мэтту:

– Ты принесешь еще кофе?

Они съели все сэндвичи Джорджа, невероятно вкусные – с кресс-салатом, яйцом и майонезом, курятиной и окороком, яйца с местных ферм, с ярким желтком, с приятными приправами, крессом и сливочным маслом. Курятина и окорок восхитительные, тонко нарезанные, курятина слегка приправлена фенхелем и чесноком, с мягким горчичным майонезом, и все это между ломтями дрожжевого хлеба, который пек сам Джордж. Еще там были хлопья и первая клубника, крупная и сладкая. Из всех странных и ужасных вещей, происходивших в ту ночь, Джульет будет вспоминать до конца жизни вкус тех сэндвичей после бесконечно долгой, полной страха и отчаяния ночи и доброту друзей.

– Фредерик! – внезапно воскликнула она. – Он все еще сидит внизу, бедный старик. Хотя, может, он перестал ждать и уехал домой.

– Кто?

– Бойфренд Джорджа. Знаешь, старинный друг моей бабушки... – Джульет замолчала, потому что у Мэтта погасли его усталые глаза. – Не беспокойся. Я позвоню ему – или, может, просто спущусь вниз...

– Ммммммм... – внезапно промычал Санди, и Джульет вздрогнула. – Ммммммм. Мама. Мама.

Он заплакал, тоненько, завывая. Джульет погладила его лобик, совсем тихонько.

– Сыночек, – сказала она, когда сиделка бросилась к своему подопечному. – Санди, милый, ты упал и ушибся. Ты в больнице. Ты стукнулся головой и ушиб ручку и ножку, они немножко поболят, милый. О'кей? Но у тебя все будет хорошо.

Он смотрел куда-то мимо нее.

– Ты знаешь, кто я? – спросила она, похолодев от страха.

– Мама. – Он заморгал и посмотрел мимо нее. – Мама.

Он глядел куда-то на потолок.

– Он видит меня? – спросила она у сиделки. Потом прочла на бейджике ее имя. – Простите, Габриелла. Он видит меня?

– Я как раз пытаюсь это проверить, – ответила Габриелла. – Я спрошу у доктора.

– Мама, – снова сказал Санди. – Моя мама. – Тут он опять заплакал, и к нему наклонился Мэтт.

– Дружочек! – сказал он. – Мой малыш. Все о'кей.

– Мимм, – сказал Санди. – Хотю Мимм.

– Тебе нужен Бим? – Джульет кивнула. – Бим, сынок?

– Мммммм.

Он тихо, горестно заплакал, протянул маленькую ручонку, схватил Джульет за пальцы, снова закрыл глаза и через минуту крепко уснул.

– Я съезжу домой, привезу Бима и посмотрю, все ли там в порядке, – прошептала Джульет через полчаса. Мэтт оторвал глаза от телефона:

– Что? Ты оставишь его?

– Я съезжу домой и привезу Бима. А еще кое-какую одежду и книжки. По-моему, хорошо, если рядом с ним будут знакомые вещи. И хочу убедиться, что у Айлы с Би все в порядке. Дом...

– Ты и этот чертов дом! – Мэтт улыбнулся. – Шучу. Ты серьезно бросаешь сына и возвращаешься домой?

Она удивленно посмотрела на него:

– Ведь я сказала тебе, что я поеду и привезу Бима. Нельзя, чтобы Санди волновался. Домашняя одежда и игрушки успокоят его. Мне все равно надо в какой-то момент поехать домой. Тут двадцать минут езды. Через час я вернусь. Помоюсь под душем, поцелую девочек, схвачу яблоко...

– Попрощаешься с твоим лучшим другом Джорджем...

– Господи, Мэтт. – Джульет скрипнула зубами и закрыла глаза. – Честное слово, давай не ссориться. Мы очень устали. Я привезу что-нибудь поесть. Может, ты позвонишь в детский сад, объяснишь...

– У тебя есть номер телефона? – Мэтт достал свой мобильный из кармана джинсов.

– Есть, но вообще-то я посылала его тебе много раз, поскольку ты второе контактное лицо при чрезвычайной ситуации. Если ты поищешь у себя в телефоне, ты найдешь его. – Она встала над ним, надев на плечо сумку. – О'кей?

– Конечно.

– Вот и хорошо. Спасибо.

Джульет спускалась на первый этаж больницы, и ей казалось, будто она прожила без передышки восемь жизней. А там, в середине

ряда сиреневых стульев, дремал Фредерик, аккуратно положив морщинистые руки на безукоризненные саржевые брюки; утреннее солнце освещало его макушку. Джульет захлестнула нежность – вот он здесь, ждет ее.

Она села рядом с ним и на несколько секунд расслабилась, вытянула усталые ноги, почувствовала солнечное тепло на коже рук. Повращала головой, хрустя шей. У нее кружилась голова от усталости.

Внезапно он всхрапнул, дернулся и посмотрел на нее:

– Дорогая моя. – Он быстро заморгал. – Какие новости? Как твой малыш?

– Он пришел в сознание. Мы еще не знаем, что у него с головой. Но кровяное давление улучшилось. Нам придется ждать и наблюдать. Он крикнул мне, что хочет Бима. Я решила заскочить домой, взять кое-что из его вещей, принять душ и посмотреть, как там девочки. – Она встала. – Ты отвезешь меня?

– Конечно, – ответил Фредерик и протянул ей руку. Они прошли под солнцем до парковки. Он помог ей, словно ребенку, сесть в нагревшуюся машину. Джульет задремала по дороге и вскрикнула, проснувшись, когда зажужжал ее телефон.

– Господи. – Она тряхнула головой. – Извини...

– Не извиняйся, – сказал Фредерик. – Ни за что не извиняйся.

Они были в пяти минутах от дома. Джульет посмотрела на телефон.

Взяла Би подышать свежим воздухом и забрать Айлу. Айла пошла в школу. ОК но я думаю она ужасно устала. Я проглотила мою нелюбовь к моркови когда она захотела ее. Оставила на пороге в сумке-холодильнике роскошную картофельную запеканку с мясом и лазанью. Я приготовила их и заморозила в морозилке. Между делом посадила люпины и наперстянку. Поцелуй Санди. Береги себя, дорогая. Оноп.

Я ужасно огорчился, услышав про Санди. Джульет, я послал тебе домой кое-какие продукты,

чтобы ты не беспокоилась насчет готовки. Я все время думаю о тебе. Пожалуйста, сообщи мне, чем тебе помочь. Сэм.

Эй Джу мама сообщила мне про твоего сыночка. Я очень сочувствую. Береги себя, подруга. До скорой встречи. Эв.

Он еще спит. Прости за мое ворчание. Не торопись М.

Вот еще что – сейчас позвонил адвокат. Неподходящий момент но ты отправила бракоразводные документы? Тесс может завезти их вместе со Стивом если так. М.

Джульет обнаружила, что смеется и не может остановиться, хотя ничего смешного не было. Фредерик остановил машину на придорожной площадке и похлопал ее по коленке. Она все смеялась и смеялась, а он терпеливо ждал. Джульет без слов протянула ему свой телефон.

– Кто такой Сэм? – спросил он.

– Мой новый босс.

– А. Этот Мэтт – он действительно хочет получить *развод*, да? Как некстати.

– Похоже, что так. – Джульет слишком устала, чтобы злиться и вообще что-то чувствовать.

Фредерик миновал церковь и свернул к Соловьиному Дому.

– Ну, давай зайдем в дом.

Внезапно ей стало жутковато.

– Я не хочу.

– Ерунда, – резко сказал Фредерик. – Ты должна. – Джульет стиснула зубы и кивнула.

Дом был жутковатым и пустым, в коридоре валялись брошенные кеды. Джемпер Джульет лежал там, где она сняла его, на столе в столовой виднелись неубранные тарелки. Вместе с Фредериком она поднялась по лестнице, зашла в комнату Санди, посмотрела в окно на

Заросли. Дверь Голубятни так и осталась распахнутой после ужасных событий предыдущего дня.

– Джордж такой замечательный, – сказала она, чтобы не молчать.

– Да.

Джульет выбирала книжки – «О нет, Джордж!», «Альфи идет впереди», «Лягушонок Пепе», торопливо складывая их в сумку. Достала из старинного комода две пижамки.

– Сначала он показался мне немного вредноватым, – сказала она. – Представляешь? Как глупо с моей стороны.

– Я понимаю. Мой первый любовник был старше меня на двадцать лет.

– Там, у тебя дома?

– Да, в Динаре. Он постоянно поучал меня. Как себя вести, сохранять спокойствие, слушать окружающих. Джордж говорит, что я точно так же веду себя с ним. Мне нравится думать, что это заразная штука.

Бим валялся на полу рядом с «Лего Дупло» – она подняла его и понюхала его мягкий мех, запах Санди. Потом остановилась.

– Я не знала, что ты приехал из Динара. Из того самого Динара, куда переехали мои родители?

– Да, конечно; как тебе известно, я вижусь с ними каждый год, – ответил Фредерик, глядя в окно.

– Я как-то не сложила два плюс два. Ты знал их, когда они стали ездить туда в отпуск? С тех пор? – Она мысленно подсчитала. – Тридцать... почти тридцать пять лет назад?

– Да, с тех пор. Они мне очень помогли. Они и Фрэнк.

– Фрэнк?

Он наклонил голову:

– Фрэнк Торбойс. Мой первый любовник.

– Ой, извини. Понятно. Они знали и его?

– Да, конечно, – подтвердил Фредерик и что-то пробормотал себе под нос, Джульет не расслышала, да не очень и слушала.

– Сейчас я возьму немного еды, – сказала она и побежала вниз, на кухню, где царил хаос, потому что Онор не отличалась любовью к порядку. Картофельная запеканка была восхитительная; Джульет сунула в рот пару ложек, почувствовав внезапно страшный голод. Она

взяла еще пакетики изюма, гроздь бананов – Санди любил бананы, и она давала ему их столько, сколько он хотел...

Внезапно ее, словно удар молнии, охватило отчаяние, у нее закололо в боку, и она схватилась за живот. *Что, если... что, если он проснется и не сможет видеть, не сможет ходить, вдруг его парализует? Одна проклятая секунда – если бы я остановила его, когда он в третий раз полез по ступенькам. Я отвлеклась от него на три секунды...* У нее закружилась голова. Она схватилась за старинный деревянный комод, и он заскрипел. *Шевелись, иди вперед и не смотри вниз, приказала она себе.* Вспомнила Грэнди и улыбнулась.

В дверях показался Фредерик. Джульет сглотнула и выпрямилась.

– Давай быстро посмотрим на кукольный домик, – сказала она. – Закроем дверь, чтобы туда не забрались лисы. Я не знаю, что мы будем с ним делать, но я в любом случае запру покрепче дверь. И потом поедем в больницу.

Она радовалась, что зашла туда, впервые переборов себя. Полуденное солнце освещало сквозь листву инжира сцену полного разорения. Она была права: там уже побывал какой-то зверек. Лиса? Крот? Барсук? Еще больше разбросал куски дома, перевернул кресло, рассыпал по полу учебники и тетрадки Би.

Джульет присела на корточки и обвела глазами пол Голубятни, потом потерла лицо. Тут было прохладнее, чем снаружи, и пахло сыростью и землей. Домик лежал на боку, средняя петля большого дымохода раскололась пополам, обнажив внутреннюю сторону трубы.

– Что мне делать с этим? – тихо спросила она. – Многовато проблем.

– Можно я скажу тебе кое-что? – спросил Фредерик. – То, что тебе не понравится.

– Конечно.

– Я позвонил твоим родителям. Они приедут сегодня вечером. Они останутся, чтобы помочь тебе. Так что пока не беспокойся об этом.

– Ты позвонил маме с папой? – Джульет выпрямилась и удивленно посмотрела на него. – Они не захотят... О Фредерик, это очень любезно с твоей стороны, но от них будет мало толку.

– Почему?

– Ну начнем с того, что они тут никогда не жили.

– Теперь они приедут.

– Им не дорог этот дом, после моего переезда они ни разу не приезжали сюда. Это ничего – меня это устраивало. Но мы не так близки. И я просто не думаю... – Она замолчала.

– Они нужны тебе.

– Нет...

– Джульет... – Он взял ее за локоть. – По-моему, ты так давно живешь в кризисном режиме, как они это называют, что даже не замечаешь, как оказалась в реальном кризисе. Твой сын в больнице с тяжелыми травмами, у тебя еще два ребенка, и ты живешь на облаках и разводишься с мужем, который тоже такой же ребенок. Прости меня, но сейчас самое время просить помощи.

Джульет покачала головой, закрыв глаза и сдерживая себя, потом открыла глаза и улыбнулась.

– Ты очень добрый. Но им тут не нравится – я не прошу их приехать сюда, потому что устала слышать их оправдания. Прошел почти год и... – Она провела руками по спутанным волосам, убрала их назад и потрогала ногой сломанный дымоход кукольного домика. – Извини. Я ужасно неблагодарная...

Тут ее глаза заметили что-то на полу. Она наклонилась.

– Они хотят приехать, – сказал Фредерик, медленно опускаясь на стул рядом с ней. – И они помогут, ты ведь знаешь, что они хорошо управляют вещами. Пора им приехать. Знаешь, Джульет, раньше я был не совсем откровенным, когда рассказывал тебе про Фрэнка. Видишь ли, твои родители...

Но Джульет не слушала его.

– Фредерик, гляди.

Она протянула руку к петле дымохода кукольного домика. Перекрытия разбились на куски, половина крыши откололась, дымоход развалился надвое, обнажив сердцевину.

– Это тайник, – медленно проговорил Фредерик.

Дымоход был шириной со сжатый кулак или даже меньше, и внутри сломанной деревянной трубы что-то лежало. Ткань, свернутая в цилиндр. Наполнитель или что-то в этом роде. Она вытащила его из треснувшего дымохода.

В ее мозгу что-то барабанило. Стучалось, просясь наружу. *Это тайник.* Кто же сказал ей об этом? Сидя вот тут на корточках...

Джульет держала в руках тяжелую ткань, мысленно прикидывала, сколько она весит.

Длиной ткань была примерно два фута и свернута. Ее первой мыслью было, что это изоляция, и она улыбнулась при мысли о том, что в кукольном домике изоляция лучше, чем в настоящем доме.

– Откуда я помню это? – тихо спросила она и отшатнулась, ударившись больной рукой о маленькую деревянную лампу. Она осторожно отодвинула лампу в сторону. Ткань была тяжелая, перевязана веревочкой, и Джульет потянула за кончик, развязывая бантик.

– Что это, Джульет?

У Джульет лихорадочно колотилось сердце.

– Я думаю, что это может быть... Нет, такое невозможно... – Она неловко схватилась за край свертка и медленно развернула.

Шероховатое, сверкающее живописное полотно, темно-зеленая листва, испещренная пестрыми цветами, дом, край дома... У Джульет побежали мурашки по коже, и она продолжала развертывать картину.

– Боже мой, – услышала она голос Фредерика.

У Джульет перехватило дух, она не могла говорить. Картина развернулась и лежала на полу, словно обладала собственной магией.

Это был он. Сад и феи. Ступеньки, ведущие к дому, сияли золотом. Птицы на крыше, открытое окно. Две маленькие фигурки – ах, с каким мастерством они изображены человеком, так хорошо их знавшим! Центральная фигура пишущей женщины в окне, солнечная дымка раннего вечера...

Она слышала рядом тяжелое дыхание Фредерика. Джульет прижала руку к груди, словно боялась за свое сердце.

– Я не могу поверить, – медленно проговорила она.

– «Сад утрат и надежд», – сказал Фредерик и тихо воскликнул: – *Mon dieu!*

– Почему картина лежала тут? – Джульет заморгала, глядя на обломки разбившегося домика.

– Кто-то решил ее спрятать, – сказал Фредерик. Он ласково дотронулся до ее руки, и Джульет увидела слезы в его глазах. Одна слезинка упала на картину, и он торопливо отступил. – Она ведь не такая большая, правда? – сказал он. – Два фута на три, да. И само совершенство – как все и говорили. Погляди на соловьев.

– А ты погляди на свет на крылышках Элайзы.

– И на женщину – она там, но ее там нет, как будто она призрак. – Он вздохнул и повернулся к ней. У него загорелись глаза: – Боже мой, Джульет, но кто же спрятал ее тут? Кто спас ее от пламени?

– Мне кажется, это два разных вопроса. Нед, должно быть, спас ее в последнюю минуту, – сказала Джульет. Она осторожно подняла картину. – Знаешь, я никогда не верила, что он мог ее сжечь. Ну а кто спрятал ее здесь... Не спрашивай меня. – Сила, с какой воспоминание пыталось вырваться из дальнего уголка ее памяти, была так велика, что ей хотелось кричать. Но она не могла ухватить его... не могла вспомнить, почему она была уверена, что видела это раньше... – Состояние превосходное, краски – ох, Фредерик, они изысканные. Картина пролежала все эти годы в тайнике и сохранилась лучше, чем если бы висела в галерее или у кого-нибудь дома... – Она засмеялась с дрожью в голосе. – Нам бы надо прыгать и кричать от радости, правда?

– Я могу сделать это за тебя, – сказал Фредерик, и его голос звучал мрачно. – Ты знаешь, кому принадлежала картина, когда была сожжена?

– Да, – ответила она, и ее сердце наполнилось радостью на одну лишь секунду, когда она взглянула на картину, на этот шедевр, о котором так долго мечтала. Она часами смотрела в «Даунис» на написанный маслом эскиз, искала в нем подсказки, чтобы представить себе оригинал, и вот... Ее усталый мозг был сбит с толку и не мог поверить тому, что видели ее глаза. – Нед выкупил ее. У Галвестона. За пять тысяч гиней... Это разорило его. Лидди была в ярости. Но он заявил, что теперь картина его и он волен делать с ней все, что хочет.

– А теперь она твоя, – очень серьезно сказал Фредерик. – Ты понимаешь, что это, пожалуй, самое значительное произведение искусства Великобритании, которое было вновь обретено? Никогда такого не было. Это экстраординарное событие. Ты будешь очень богатой.

– Мне плевать, – ответила Джульет, раскачиваясь на пятках. – Правда, мне все равно.

– Конечно, сейчас тебе не до этого. Важнее всего то, что сейчас происходит в больнице. Но потом тебе будет не все равно. И я должен задать тебе еще один вопрос. Твоему мужу полагается половина от

этого, моя дорогая. Если только... вы уже разведены? Во всяком случае, ты уже подписала бумаги?

Впервые за двадцать четыре часа Джульет улыбнулась, радостно улыбнулась.

– Да, – ответила она, – я подписала бумаги, черт побери. Но это не важно – ох, сейчас все не важно... – Она снова посмотрела на картину, на нежную солнечную дымку. – Как странно, – проговорила она, почти не замечая, что думает вслух. – Как я и думала, тут нет никакой падающей звезды.

– Что?

– Ничего. Маленькая деталь на эскизе: звезда, падающая на землю. Он был у тебя все эти годы, неужели ты не помнишь?

– Помню. Как странно, должно быть, он отказался от нее... – Фредерик снова дотронулся до ее руки, удивленно качая головой. – Правда, Джульет. Ты погляди. Я... взгляни на нее.

И они снова замолчали. Джульет закинула на плечо сумку с любимыми вещами Санди, и они оба смотрели на «Сад утрат и надежд», все еще не до конца веря своим глазам.

Глава 36

Июнь

Ты никогда не видела твоего деда, Джульет. Майкл тоже никогда его не видел. Твой дед погиб 6 июня 1944 года в День-Д, и я всегда вспоминаю его в этом месяце. Очень красивая и удобная история, которую можно рассказать ребенку. «Папа погиб геройской смертью». Он был в числе первых, кто высадился в Нормандии под огнем немцев. Мне сообщили, что он был убит сразу и умер без мучений.

Обладание, владение – забавные слова, поскольку они предполагают объект, принадлежащий обладателю, владельцу, но умалчивают о том, что этот объект подвергается насилию и оскорблениям со стороны обладателя и потихоньку деградирует. Эндрю владел мной и – пока не ушел на войну – превратил мою жизнь в жалкое существование. В результате я много лет не могла любить моего сына. Пожалуй, я никогда его не любила, во всяком случае любила не так, как должна была. Твой дорогой отец фактически никогда не жил здесь. Он не был привязан к этой земле, этому небу и деревьям. Он жил и, как я полагаю, живет и сейчас вместе с твоей матерью во Франции на маленьком клочке земли, в маленьком домике с видом на сосны и скалистый берег моря. Вообще-то, это недалеко от того места, где был убит его отец.

После гибели Эндрю я ношу свою прежнюю фамилию, но от фактов никуда не денешься. В церкви осталась запись, и там черным по белому наши подписи. Я счастливо жила с мамой все года, а потом явился он и поработил нас. Я сама позволила ему это, вот в чем дело. Какой я была душой. Он всегда ходил в сапогах и клал ноги на кофейный столик в мамином кабинете. Крошечный недостаток, я понимаю, но, как это часто бывает, крошечные недостатки собираются воедино, все эти досадные мелочи – как человек разговаривает в деревне со старым дауном, не причиняющим никому вреда, как обращается с животными, как благодарит тебя за что-

то, где оставляет одежду перед сном, – они крутятся все быстрее и быстрее и в конце концов перестают быть отдельными и крошечными, сливаются в вихрь, циклон, и он затягивает тебя, сбивает с ног, поднимает в воздух и снова швыряет на землю, избитую и переломанную.

Я вычеркнула его из истории нашего дома. Его мертвое тело я не видела, он не похоронен на нашем кладбище. Он мог вообще не существовать, бедняга Эндрю, если бы не тот факт, что Майкл и ты происходите от него, только – о! – мне хочется думать, что ты другая. Ты наша, ты связана с нашим домом, а не с ними. Гены, гены, они не так и важны, правда?

Ты думала, что я рассердилась на тебя после твоей помолвки, потому что хотела, чтобы ты вышла замуж за Эва? Нет, не поэтому. Во многом я знаю Эва лучше, чем моего родного сына. Он хороший, добрый, милый ребенок, но он сделал бы тебя несчастной. Или, пожалуй, можно сказать по-другому: я не хотела, чтобы ты вообще выходила замуж. Тем более тогда. Выйдешь замуж второпях, расхлебывать будешь долго: браки распадаются, люди меняются – я не хотела, чтобы ты прошла через это, но теперь мы имеем то, что имеем. Девочкам с детства внушают, что они должны быть с кем-нибудь. На самом деле это огромная ложь.

Пожалуйста, переезжай сюда, когда я умру. Пожалуйста. Я так скучаю по тебе, Джульет. Мне так грустно говорить тебе правду, но ты узнаешь ее когда-нибудь. Я слишком стара, чтобы взять телефон и позвонить тебе, и мне ужасно не симпатичен твой муж. Вот такие дела. Я не хочу больше жить: я очень надеюсь, что скоро умру, а ты знаешь, какая у меня сильная воля. Думаю, что в скором времени я покину этот мир и снова встречу с мамой.

«Построй себе дом в Иерусалиме и живи здесь, и никуда не выходи отсюда». 3 Царств 2:36

День за днем тянулись однообразно, скучно, тяжело; постоянно висела угроза, что Санди даже после выздоровления не вернется к норме. Мэтт уезжал в Лондон и возвращался через день; его приезд всегда сопровождался кризисом. Он абсолютно замечательно общался с Санди, знал, как его развеселить, рассмешить, но часто это означало,

что Санди перевозбуждался, общаясь с ним, и потом катился под горку – истерично рыдал, у него поднималась температура. Еще Мэтт орал на докторов – на одного из них, доктора Макинтоша, который высокомерно держался, употреблял непонятные термины и явно считал неуместными какие-либо вопросы; так что Джульет даже радовалась в душе, когда Мэтт вскакивал и орал на него: «Объясняйся по-человечески, парень!» Но в остальном ей хотелось, чтобы он держался спокойнее. Хотя как он мог? Как все они могли?

Один глаз Санди так ничего и не видел; доктора не были уверены, что это когда-нибудь исправится, но Санди был такой маленький, и они не могли сказать ничего определенного. Практичная и не склонная к унынию Джульет пыталась примириться с этим, а Мэтт настаивал, что они могут «что-то с этим сделать». Его настойчивое стремление сделать вещи лучше было заразительным: она уже успела забыть об этом. В ресторане он всегда просил, чтобы они пересели за более удобный и хороший столик; при ремонте он в последнюю минуту менял краски; когда готовил замысловатое блюдо, он мог все выскрести и выбросить, если что-то шло не по рецепту. Это было завидное качество, теперь она это понимала. Но как утомительно быть таким человеком. Или жить рядом с таким человеком.

Вдобавок большая берцовая кость Санди была сломана в двух местах, и, когда Санди подрастет, потребуется еще одна операция. Шрам на голове заживал, и во всех других отношениях все шло нормально, только малыша раздражала необходимость все время оставаться в постели. Назревала новая проблема: как уберечь его от огорчений из-за недееспособности, когда он вернется домой. Мэтт уже строил планы. «Мы сделаем ему мини-тренажер. Я попрошу Гэва сколотить что-нибудь в его мастерской. Необязательно что-то дорогое, Джульет. Обещаю. Там будут планки на разном уровне, а в „Амазон“ мы закажем эластичную ленту и, может, маленькие гантели. Я сделаю для Гэва чертеж».

Джульет питалась как попало, носила странную одежду, найденную в гардеробе, спала, когда удавалось, но только не ночью, когда она лежала, сжав старую подушку, глядела в потолок и ждала, когда сможет выйти в сад и полоть, подрезать, поливать, подкармливать, подвязывать. Заботиться о саде, держать все под контролем, и сад, казалось, благодарил ее за это.

Сэм Хэм забрал «Сад утрат и надежд» – она немедленно позвонила ему, и он приехал к ней со специальным стеклянным футляром, чтобы перевезти картину в «Фентиман», где он под большим секретом позвал трех независимых экспертов для ее верификации, что они и сделали. Иначе в глухие ночные часы, когда она не переживала за Санди, Джульет стала бы волноваться, что кто-нибудь подслушал телефонные разговоры, узнал о картине и явился бы сюда, когда Би и Айла спят, чтобы украсть ее. Закоренелые преступники, такие, которые взламывают сейфы, крадут часы и произведения искусства из галерей Мейфэр и умеют разрезать стекла, пользоваться лазерами и пистолетами с глушителем.

Однажды днем, через три недели после несчастного случая, Джульет приехала в больницу и увидела, что Санди крепко спал, раскинув руки, под глазами припухшие фиолетовые тени, золотистые волосы на подушке. У нее не хватило духу его будить. Айла навестила его накануне; они вместе сидели на его койке (это строго запрещено в больнице из страха перед инфекцией, но Джульет сделала вид, что забыла) и смотрели «Приключения Тигрули». Айла обнимала брата своей маленькой рукой, поправляла ему больничное одеяло, поднимала упавшего на пол Бима. Джульет сфоткала их и отправила Мэтту. После этого Айли изображала из себя Тигрулю, прыгала вокруг койки и рычала так громко, что Санди визжал и икал от смеха, – Джульет подумала, что так он освобождался от подавлявшегося напряжения. Одна из сиделок, Али, заглянула в дверь:

– Айла, какая ты хорошая старшая сестренка, молодец, станешь когда-нибудь доктором. Я еще ни разу не видела Санди таким веселым.

Айла вскинула голову:

– Может, я и стану доктором, но для морских свинок и шиншилл. Мама говорит, что мы осенью купим шиншилл.

– Шиншилл? Да они объедят вас.

– Правда?

– Правда, юная леди. Надеюсь, у вашей мамы где-нибудь отложено много денег, чтобы покупать для них корм, – сказала Али, и Джульет рассмеялась, причем слишком громко.

Глядя на мордашку спящего Санди, на оставшийся после операции шрам, проходивший под волосами, словно злая черно-розовая гусеница, Джульет ласково погладила его гладкую щечку и,

вдохнув воздух, ощутила его милый запах. Впервые за эти недели у нее стало спокойно на душе.

Выйдя из больницы, она поехала в Оксфорд. Весна набирала силу, апрельская свежесть сменилась пышной роскошью мая. Зеленели живые изгороди, цвели бутень, боярышник, бузина, терн и тернослива, небо было чистое, ярко-синее. Рядом с машиной летели бабочки с оранжевой каемкой на крыльях, составляя ей компанию. Прежде Джульет не замечала их, не замечала пробуждающуюся после зимних холодов природу. Как долго она жила как во сне и ничего не видела вокруг.

– Я не планировала приезжать сегодня. Просто захотела посмотреть на нее. Можно? – сказала она Сэму, когда он пригласил ее в свой кабинет.

– Конечно, – ответил он. – Пойдем. О. Может, ты сначала выпьешь чашку чая?

Она уже собралась уйти, но после этих слов села и засмеялась.

– Я так ужасно выгляжу?

– Ты никогда не выглядишь ужасно. – Он что-то вытащил из стола и, отвернувшись от нее, взял с полки книгу. – Никогда, Джульет. Но ты выглядишь как человек, которому не помешает чашка сладкого чая. Видишь, каким я стал британцем? Взгляни вот на это пока что. – он подвинул к ней книгу. – Вчера мы с Кейт ее раскопали.

– Мне надо надеть перчатки?

– Нет, в этот раз не надо. – Книга была большого формата, но тонкая, в темно-синем матерчатом переплете. И Сэм исчез, оставив ее одну в кабинете восемнадцатого века с голубыми стенами и белым карнизом. Там было очень тихо и спокойно, пахло мебельным лаком и чем-то пряным, лавровым листом или инжиром. За окном уже отцветала магнолия, ее блестящие листья сверкали под утренним солнцем. Джульет открыла книгу.

ТРУДЫ, ПЛАНЫ, ЧЕРТЕЖИ & ИДЕИ

ДЛЯ ИДЕАЛЬНОГО СЕМЕЙНОГО ДОМА,

ОСНОВАННЫЕ НА СОЛОВЬИНОМ ДОМЕ

В ГРАФСТВЕ – ШИР

ЛЮШЕС ДАЛБИТТИ

ЧЛЕН КОРОЛЕВСКОГО ИНСТИТУТА

БРИТАНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

Вернувшийся Сэм принес в меру горячий чай в бело-голубой фарфоровой чашке с блюдцем, на котором лежало печенье «Джаффа». Джульет посмотрела на него круглыми от удивления глазами:

– Я никогда не видела раньше эту книгу. Невероятно.

– Он издал ее частным образом, когда поселился в Оттаве. Это был дом его мечты, вот только Далбитти так и не построил его. Он был бы очень похож на Соловьиный Дом. – Сэм присел на корточки рядом с ней, согнув свою высокую фигуру, и перелистывал страницы длинными пальцами. – Идея детской спальни с встроенными под карнизом шкафами и башенкой с дверцами в углу, которая может использоваться в игре как миниатюрный замок или крепость. Шкафы на кухне и рядом с раковиной – поистине это первая удобная кухня. В те годы никто так не делал. Прочная древесина, такие же вешалки для одежды, как в вашем холле. Действительно необычно.

«Всю жизнь я пытался построить идеальный дом... обстоятельства и жестокая судьба препятствовали всем моим усилиям, но я оставляю этот план тому, кто захочет им воспользоваться. Октябрь 1919 г.».

– В этих словах слышится боль. – Джульет провела пальцами по словам на странице. – Я всегда любила слушать рассказы о нем. Значит, он так и не построил свой дом мечты.

– Он погиб через месяц после этого, когда возвращался в Англию. Его пароход утонул во время шторма.

– Неужели? – Джульет уронила руки на колени, и на них капнули слезы. – Извини, – сказала она, вытерла пальцами слезы и откинула со лба волосы. – Сейчас я плачу над чем угодно.

Сэм заправил ее прядь волос за ухо, чтобы видеть ее лицо.

– Не извиняйся, это моя вина. Не надо было показывать тебе эту книгу. – Его сильная, теплая рука крепко сжала ее пальцы. – Прости, Джульет.

– Нет, Сэм, честное слово. Книга чудесная. – Джульет вытерла глаза. – Перелистав ее, я подумала о нашем доме и... вообще. Грэнди... как она грустила... кто спрятал картину в кукольном домике... Хотелось бы мне знать. Что-то я знаю, и все же...

Он снова подошел к своему столу.

– Кейт Надин методично обрабатывает архив, но он в жутком состоянии, там никакого порядка. Только что она нашла письмо, и я подумал, что тебе стоит на него взглянуть. Оно от Мэри, сестры Лидди. Ведь она ее сестра?

– Да, и о чем оно?

– Сейчас я прочту его тебе. – Он взял тонкий листок почтовой бумаги. – *«Любимый мой, я всю ночь думала о дорогом Джоне и пытаюсь написать Лидди. Ты помнишь его большие серые глаза под развевающимися, светлыми волосами, его длинное, энергичное лицо даже в юном возрасте? Какой он был милый мальчик... ах, боже милостивый, Далбитти, когда все это кончится?»* Тут прилагается счет за новое платье, это февраль 1918 года, и я думаю, что дата... Ой, что с тобой?

– Все в порядке, – сказала она. – Джон был – ты, конечно, знаешь – их вторым ребенком. Он пропал без вести в Камбре в декабре 1917 года. Его тело так и не было найдено. Бедная Лидди. Бедный Нед. Читай дальше.

Спокойный голос Сэма, взмывавший и падавший, наполнял просторный, гулкий кабинет. Она замороженно слушала.

– «Милый, я хочу пожелать тебе огромной удачи с твоими канадцами. Не сомневаюсь, что они вскоре полюбят тебя так же, как и многие другие

твои знакомые. Не сомневайся в себе. Будь самим собой, храбрым, ярким, добрым. Я горжусь тем, что знаю и люблю тебя. Я приеду к тебе, как только смогу. Мы построим дом. Мы наполним его детьми. Не отказывайся от своих планов, Далбитти. Нехорошо, скверно желать, чтобы какая-то другая женщина умерла и такая ситуация, как наша, исправилась. Как все скверно вокруг, и идея мира, пожалуй, пугает так же, как и война, поскольку всем предстоит смириться с тем, что теперь все переменится, и перед всеми нами простираются долгие годы.

Ты был для меня всем в эти последние три года. Ты сделал меня невысказанно счастливой, Далбитти. Знай это, мой дорогой. Скоро мы увидимся. Мы будем вместе. С любовью, Мэри».

Сэм положил письмо.

– Боже мой. – Джульет грызла большой палец, обдумывая услышанное; книга все еще лежала у нее на коленях. – И она не поехала в Канаду? Или поехала.

– Мы не знаем этого. Пока еще.

– Так был ли там ребенок? – Джульет посмотрела на Сэма и улыбнулась. – Может, ты их потомок, а?

– Боже мой, нет. – Он даже ужаснулся.

– Но ведь это не такая уж неприятная мысль, правда?

– Ну тогда мы оказались бы в двоюродном родстве, и, Джульет, это было бы вполне неправильно.

– Только вполне?

– Вполне в смысле абсолютно неправильно. Не сравнительно неправильно. Британцы используют это слово некорректно... Что тут смешного? – спросил он и, скрестив руки, прислонился к столу.

Джульет обхватила себя за плечи.

– Старая история. Ты бросил Джинни, потому что она была вполне умная. У нас потом была такая шутка.

– Джинни – о, твоя лучшая подруга Джинни, с которой ты не виделась двадцать лет! Она была гигантом мысли, это точно.

– Мы подумали, что ты назвал ее вполне умной в том смысле, что она сравнительно умная, не слишком.

– Она ведь получила высший балл по спецкурсу.

– Вот именно. Поэтому мы и решили, что ты высокомерный... – Она замолчала.

Сэм наклонился к ней, блестящие темные волосы упали ему на лоб.

– Так давай выясним все до конца. Ты двадцать лет носила в себе эту неприязнь ко мне, потому что не знала правильного значения слова «вполне»?

Он ласково засмеялся, и тогда Джульет тоже засмеялась. И потом чем больше она думала об этом, тем смешнее ей делалось. Они оба хохотали так, что Грэм, директор по привлечению финансирования, и Брайони, помощник админа, отодвинули свои кресла и встали, чтобы посмотреть, что происходит, а потом многозначительно кивнули друг другу и вернулись к работе.

– Боже мой, извини, – сказала потом Джульет. – Пожалуй, мне надо повидаться с Джинни и исправить наше нелепое заблуждение.

– Я думаю, что у нас с ней все равно бы ничего не получилось. Она была не очень симпатичной. Вот ты – другое дело.

– Я тоже была такой же.

– Нет, ты была симпатичной. Совсем юной. Мы все были юными. – Он улыбнулся. – Слушай, давай закроем вопрос с Далбитти, поскольку я правда не хочу, чтобы оставались какие-либо сомнения. Я не твой кузен, это точно. Как и у большинства североамериканцев, у каждого из моих родителей был толстый скоросшиватель с подробным рассказом о родне вплоть до каждой сумасшедшей тетки и о якобы интересных исторических событиях, например как моя бабка Симона обменялась рукопожатием с Жаном Кретьеном. Он был премьер-министром, – добавил он, когда Джульет не поняла, кто это. – Очень популярным в Канаде. О'кей. Ну еще я знаю отцовских родственников Хэмилтонов, потому что мы много слышим о них, а еще у меня хранится килт.

– У тебя есть килт? – удивилась Джульет.

– Есть, очень классный. Да, вот так. А семья матери эмигрировала в пятидесятые из Франции. Поверь мне, я бы знал, если бы у нас в роду был Люшес Далбитти.

– Те правительственные здания используются до сих пор?

– Ну, два из них сгорели в тридцатые. Но остался Грейт-Холл возле Парламента. Замечательное здание. Там проводятся разные мероприятия – я участвовал в одном из них, когда стал стипендиатом Родса. Язык классический, но очень чувствуются декоративно-прикладные мотивы «Артс & Крафтс», поэтому там чувствуешь себя как дома. Там сиденья по стенам, резьба по дереву, деревянные крючки, на которые можно повесить пальто. – Сэм улыбнулся. – Вот видишь, я упомянул про стипендию Родса, а ты не разозлилась. По-моему, это настоящий прорыв.

Джульет все еще смотрела на письмо, но тут подняла голову и улыбнулась:

– Да, это прорыв. Пожалуй, ты не такой уж и плохой.

– А я составил мнение о тебе много лет назад. – Он встал, и она не успела ему ответить. – Пожалуй, Кейт попросит, чтобы ты оставила письмо здесь, а книгу можешь взять на время, если хочешь. Ну что, посмотрим на «Сад утрат и надежд»?

Джульет обессилела, у нее кружилась голова. Казалось, Сэм понимал это и вел ее по лабиринту офисов в глубину музея. Они шли, опустив глаза, не глядя на коллег, и пришли в помещение, где выполнялись самые тщательные реставрационные работы картин и старинных рам. На двери был огромный запор с комбинацией цифр, рядом стоял мужчина в черной униформе. Джульет смерила его подозрительным взглядом. Может, это был тот самый высококвалифицированный вор, которого она боялась, и он собирался напасть на них?

– Это Олли, – сказал Сэм, открыв дверь. – Наш секьюрити.

– Ты нанял секьюрити?

Сэм закрыл дверь, и они остались вдвоем. Олли снова занял свой пост у двери.

За спиной Джульет гулко звучал добродушный голос Сэма:

– Джульет, ты представляешь, на какую сумму потянет эта картина, если попадет на аукцион?

Джульет нетерпеливо тряхнула головой:

– Конечно, представляю. Но пока я даже не могу думать об этом.

– Прости меня, – сказал он. – Но, на мой взгляд, тебе надо подумать.

Они стояли перед картиной. На ней не было ни рамы, ничего, просто два больших стекла, в которых Сэм увез ее через два дня после несчастья с Санди. Сверху на нее падал мягкий свет. Джульет глядела на двух детей. В этой картине не было той красоты, которая каждый раз поражала ее в работах Неда. Тут было мастерство, абсолютная уверенность, умение запечатлеть определенный момент времени. Живые краски, фигуры, фон. Зритель верил этой картине, верил безмятежному счастью изображенных на ней детей.

– Да, – проговорила она со вздохом и только тут заметила, что стояла, слегка прислонясь к Сэму, и тут же отошла. – Ох, мне так хочется оставить ее у себя. Повесить в комнате Неда над моей кроватью. Чтобы просыпаться и видеть ее каждое утро.

– Ты можешь это сделать.

– Могла бы. Но не сделаю.

– Пожалуйста, знай, что я помогу тебе, что бы ты ни решила. Только не поступи так, как твой прадед, или кем он там тебе был, и не вздумай ее сжечь.

– Кем он там мне был, – повторила с улыбкой Джульет. И вдруг замерла. – Он был...

– Что?

– Какая была дата на письме? – спросила она.

– На письме Мэри? О, февраль 1918 года. Кажется.

– О'кей. О'кей, – Джульет кивнула.

– Что такое?

– Просто у меня в голове крутятся какие-то догадки. Возможно, пустые. – Она бросила прощальный взгляд на картину, Олли запер за ними дверь, и они пошли к выходу. – В трубе лежала монетка в полпенни, когда домик сломался, – сказала она без всякой причины. – Она покатила на пол. Я помню это. Кто-то бросил ее туда.

– Мне бы хотелось взглянуть на кукольный домик.

– Он пока в ремонте, но скоро его привезут. Слушай, врачи говорят, что Санди выпишут через несколько недель. Так что ты приезжай до этого, потом начнется бедлам.

Сэм остановился на ступеньках музея, а Джульет искала в сумке ключи.

– Дело за тобой. Пригласи меня.

Джульет обвела взглядом длинное, приземистое здание из белого камня, сверкавшее под весенним солнцем.

– Да ты просто приезжай так, без приглашения.

– Джульет, я уже стал англичанином. Я живу здесь давно. Я больше не хожу в гости без приглашения, я не говорю «извини», подразумевая на самом деле: «Уйди с дороги немедленно, или я убью тебя». Я даже нервничал, когда оставлял посуду у порога.

Она засмеялась и открыла машину.

– Как ты быстро учишься. Вообще-то... – Она погрызла ноготь. – Ко мне приезжают родители. И мне не хотелось бы никаких визитов, пока они останутся у меня.

– Я думал, что твои родители никогда тут и не были.

– Ну, они приезжают, чтобы мне помочь. Будут стоять у меня над душой и давать всякие советы, а потом отвалят. И ухитрятся готовить только такие блюда, которые мои дети не едят. Все это невероятно способствует релаксации.

– Сочувствую. Моя мама приезжала ко мне в прошлом году, когда я переехал в нынешний дом. Через три дня я стал каждый день ездить в пункт утилизации, просто чтобы что-то делать, и готов был покупать всякий хлам в «Оксфаме», чтобы было что возить в переработку.

– Это объясняет, почему у тебя в доме избыток мебели. Для переработки. Хороший ход, – сказала Джульет. – Ладно, скоро увидимся, и спасибо.

– Тебе спасибо, – серьезно сказал он. – Это было очень приятно.

Она улыбалась, когда встраивалась в плотный поток автомобилей...

Глава 37

Когда вечером Джульет вернулась домой из больницы, ее отец стоял среди овощных грядок и чесал в затылке.

– Гляди-ка, – проговорил он, ткнув носком ботинка рыхлую землю. – Я знаю, что к этому времени лук уже крупный, но у тебя он просто гигантский. Мы в Динаре и не мечтаем о таком. Тут почва другая. Плодородная. – Он оперся на мотыгу и улыбнулся дочери: – Как там сегодня Санди?

– Лучше, его уже сажают. – После долгого сна он капризничал и не хотел делать упражнения с Джанин, приятной сотрудницей-физиотерапевтом, чтобы укреплять мышцы на его здоровых руке и ноге, но Джульет считала, что ее родители не способны осмыслить всякие частности, это лишает их равновесия.

– Он должен больше двигаться, – сказала ей терапевт. – Я понимаю, что бедняжке тяжело. Санди? Давай мы с тобой пойдем и поищем Бима, ладно? Он куда-то убежал, и я знаю – он хочет, чтобы ты нашел его. Может, и мама пойдет с нами?

– Да, – ответил Санди и позволил осторожно поднять его с матраса. Джанин поддерживала его спину, а Джульет взяла его за здоровую руку. Ее восхищала бесконечная, безграничная доброта этих людей: терпение Джанин, Али, сиделки, которая присматривала за Санди в ночное время, когда он просыпался с плачем и звал Джульет, а она не всегда ночевала возле него. Восхищала его доктор Маллиген – она даже принесла видео ее детей и их щенка, чтобы показать Санди, говорившего, что он любит собачек.

– Завтра мы с бабушкой Элви съездим и посмотрим на него, – сказал ее отец, возвращаясь к своей работе. – Она сейчас в доме, готовит омлет к чаю.

– О, – сказала Джульет. – Замечательно.

Зайдя в дом, она услышала пение и запах стряпни. Вздохнула и пошла через столовую в кухню.

– Привет, мои дорогие! – крикнула она, слегка нервничая. – Привет, Фин, рада тебя видеть! Привет, Би, милая, привет, дорогая Айла, как дела у тебя в школе?

– Привет, мам, – сказала Би, оторвав глаза от телефона.

– Привет, Джульет, – сказала Фин. Она отложила майку, на которую нашивала полоску с вышитой на ней надписью «Мать Драконов». – Как там сегодня Санди?

Айла скрестила руки и угрюмо смотрела на мать.

– Тут зеленая штука, – сообщила она и кивнула на стоявшую перед ней тарелку.

– Мама! Как вкусно пахнет! – крикнула Джульет.

Ее мать стояла возле плиты «Ага» с лопаткой в руке и вытирала лоб. Прядь волос прилипла к ее лбу.

– Омлет *aux fines herbes*, – кратко сказала она и отпила глоток воды из кувшина.

– Там в нем зеленая штука! – снова крикнула Айла из столовой. – КУЧА ЗЕЛЕННОЙ ШТУКИ, МА.

– Айла, – прошипела Джульет. – Пожалуйста, будь вежливой. Спасибо. Ешь свой омлет.

– Но там зеленая штука, ЗЕЛЕНАЯ...

– Не обращай внимания и будь вежливой.

– Дорогая моя, у твоих детей необычное отношение ко всему, что может быть полезным для них! – воскликнула мать с легкой истерикой.

– Да, увы. Я растила их на куриных наггетсах и фруктовых соках, так что не удивительно. – Джульет поставила сумку на стол и достала с полки кружку.

– Что?

– Ничего. Спасибо, что вы сегодня приглядели за ними.

– Не за что! Мы получили огромное удовольствие... – Элви немного помолчала. – Я хотела пройти вдоль реки в деревню, но тропинка вся заросла. Да еще там ужасное старое дерево расколосось зимой пополам. Ты не можешь его спилить?

– Шелковица-то? Его нельзя просто так убрать, увы. Ему триста лет, и тут нужен древесный хирург. Она уже росла у реки, когда строился этот дом.

– Очень жаль. Если его подрезать, откроется дорожка. У нас в Динаре каждый год подрезают деревья. Это действительно очень разумно. Сохраняется порядок и чистота...

В кухню вошел отец.

– Чай? – воскликнул он с удивлением. – О Элви, ты потрясающая. Мне как раз очень хотелось выпить чашку чая. Как ты догадалась?

Мать улыбнулась и отдала ему чашку чая Джульет.

– Шестым чувством, мой дорогой.

– Ты мой ангел. Какое угощение.

Джульет смотрела на них и удивлялась, что они после стольких лет совместной жизни получают такое удовольствие от простых вещей, от нехитрых услуг друг другу. Я плохая, вот почему мой брак и потерпел фиаско, подумала она. Я не радовала Мэтта чашкой чая и не поблагодарила бы его, если бы он это сделал. Она слегка улыбнулась при мысли о том, как ее почти бывший супруг хлопал бы в ладоши от радости при виде чая. Она знала, что его всегда раздражало это в ее родителях, хоть он никогда не говорил об этом. Просто принимал это. Когда они познакомились с ним в канун Нового года, ее поразило, что на следующий день он попросил у нее номер телефона и позвонил ей. Без всяких церемоний. Без раздумий, в отличие от ее университетских бойфрендов, без туманных намеков, как у Эва.

Скоро буду Джу, просто хотел сказать продолжай полоть сорняки в это время года. Это нудно. Я приеду и помогу тебе. Мне не терпится посмотреть, там есть отличные дорожки, надо захватить мой вел. Надеюсь твой малыш ОК. Эв.

Налив чай в чашки, она и родители перешли в столовую к детям. Джульет поставила перед родителями тарелку с бисквитами.

– Вот, угощайтесь.

– Спасибо, милая, – сказала ее мама. – Ах, Джульет, имбирное печенье! Какая ты умница. Мое любимое.

Джульет опустила с улыбкой глаза. В дверях появилась Айла.

– Бабушка Элви, можно я спрошу у тебя одну вещь?

– Конечно, моя милая! – ответила Элви своим веселым «бабушкиным» голосом.

– Почему ты все время говоришь о разных вещах, что тебе интересно, хотя они совсем не интересные?

– Айла!

– Иногда они все-таки интересные, Айла.

– Почему? Будь так любезна, приведи мне пример!

Элви надолго задумалась, а Джульет переглянулась с отцом.

– Ну... знаешь, Айла, много лет у меня была особенная работа. Знаешь какая?

– Ты была астронавтом? – с восторгом спросила Айла.

– Нет. Вот тебе подсказка. Некоторые люди говорили, что я была ловцом мечтаний, детских мечтаний.

– Что? – невольно переспросила Джульет.

– Какая прелесть, – восхитился отец.

– Хм... – в замешательстве сказала Айла. – Так... ты была монстром из фирмы «Монстры», таким, который пугает детей, чтобы они кричали, а не таким, который смотрит за офисом?

– Нет, Айла. Моя особенная работа состояла в том, что я была... *учительницей.*

– Извините, я пришла, чтобы спросить у вас одну вещь. Будьте любезны, скажите, пожалуйста, могу ли я приступить к делу, – тут же сказала Айла совсем другим тоном, глядя на мать, а Би с Фин сдерживали смех. – Я хочу написать к завтрашнему дню для Санди новый отрывок моей истории. Спасибо за вкусный омлет, бабушка Элви. Он был восхитительный. Сейчас я отнесу его на кухню. Еще раз спасибо.

– Вы тоже можете идти, – сказала Джульет старшим девочкам. Фин повернулась к Джульет, теребя кольцо в носу.

– Спасибо вам, – сказала она, и ее круглое лицо расплылось в улыбке, обнажившей щель в ее передних зубах. – Хм, надеюсь, что я могу так сказать, но я рада, что Санди стало лучше.

Джульет схватила ее руку и сжала ее:

– О, спасибо, Фин.

– Ма, пока, мы идем наверх. О, и потом ты можешь подбросить нас до Годстоу? Бен и другие будут в кафе, и я сказала, что я и Фин приедем. – Она посмотрела на бабушку и поправилась: – Фин и я.

– Спасибо, Би, – сказала бабушка и улыбнулась.

– Конечно, я подвезу вас. Фин, не забудь твой ЭпиПен.

– О! Не забуду, спасибо, Джульет. – Фин откусила нитку и расправила майку. – Дракарис! – сказала она, Би засмеялась. Джульет ничего не понимала.

– «Игра Престолов», – вежливо пояснила Фин. – Там матриархат. Это реальный вопрос. Может, даже Джордж не знает ответа на это? Кто знает.

– Джордж? Сомневаюсь. – Сознавая, что она абсолютно не понимала, о чем они говорили, она была не против, даже радовалась, что мир Би был ей не известен. Джульет снова повернулась к родителям. Те перешептывались.

Ей было приятно видеть их рядом, хотя в это время дня ей хотелось сбросить туфли, свернуться клубочком в кресле и смотреть в окно, вместо того чтобы вести вежливую беседу. А еще она все-таки так много не понимала в их поведении. Неужели им в самом деле было необходимо дезинфицировать утром и вечером их зубные щетки специальной французской чистящей таблеткой? И неужели они в самом деле так беспокоились насчет своего пищеварения, что дважды в день пили крапивный чай? А вопрос с окнами надо закрыть раз и навсегда...

– А Фин приятная девочка, правда? – бодрым тоном сказала мать, когда две пары обуви скрылись за изгибом лестницы. – Очень вежливая.

Джульет тоже нравилась Фин. Правда, в глубине души она считала, что Фин слишком интроверт по сравнению с Би. Ее дочка будет бунтовать против системы, когда станет старше, делать реальные дела. Она такая. Но сейчас ей всего пятнадцать, и для нее это новая территория жизни, как и все остальное.

– Она очень добрая девочка. И это самое главное, правда. Чтобы рядом был кто-то добрый.

– Значит, ты провела весь день в больнице, – сказал отец, повернув к ней лицо. – Я рад, что Санди становится лучше. Чутьку лучше каждый день. Каждый день...

– Я была там не весь день. Я ездила взглянуть на картину. Мы с Сэмом, моим боссом, обсуждали, что нам делать дальше. – Она уже рассказала родителям, что нашла «Сад утрат и надежд». – Папа... – Она кашлянула, не зная, как ей сказать то, что хотела, но чувствуя, что сейчас самый подходящий момент для разговора с родителями. В ее голове эхом звучал голос Сэма, читавшего письмо Мэри к Далбитти.
Ты был для меня всем в эти последние три года.

– В тот вечер, когда случилось несчастье с Санди, Фредерик сказал довольно странную вещь – я и не знала, что он тоже приехал из Динара, а вы знали? Но вы должны были знать, потому что вы были знакомы по деревне, прежде чем он переехал в Англию. – Ее родители

быстро переглянулись. – А сегодня Сэм сказал одну вещь. Я вот думаю о Грэнди. – Она вздохнула, у нее пересохло во рту. – Я вот думала, как она тут жила почти все время, единственный ребенок. У нее никогда не было близких.

Ее отец все еще смотрел в свою чашку.

– Па?

– Да, милая, – спокойно ответил отец. – Так она всегда говорила.

– Несколько недель назад Эв напомнил мне про Королевскую свадьбу. Тогда был странный день, не так ли?

– Такая неумная девочка... – начала Элви. – Ох, ТА Королевская свадьба. Самая первая. Бедная Диана... – Она замолчала.

Джульет поочередно смотрела на сидевших рядышком друг с другом родителей.

– Грэнди потом была сама не своя, правда? Она ужасно расстроилась. Тогда приходил какой-то мужчина, правда? И вы тоже, ведь вы больше не приезжали сюда после этого. И вот еще что, карие глаза. У Би тоже карие глаза, – торопливо говорила Джульет. – Все это вместе – ну это катается и катается, словно монета на полу.

– Какая еще монета?

– Не важно, – нетерпеливо отмахнулась Джульет. – Просто я чего-то не понимаю, – закончила она дрожащим голосом.

Отец откинулся на спинку кресла и прижал ладони к глазам, словно закрываясь от ее взгляда.

– Джульет...

– Майкл, милый, все в порядке, – поспешно сказала мать. – Все в порядке. Честное слово.

Внезапно испугавшись чего-то, Джульет взяла стакан с водой.

– Тот день Королевской свадьбы, что тогда произошло? – спросила она, отпив глоток. – Кто был тот человек?

– Мой дядя, – прошептал отец, обхватив голову руками, а мать обняла его, и на ее лице была написана боль – она огорчилась и переживала за мужа. – Мой дядя Джон, милая. Он был очень хороший человек.

– Что?

У отца задрожали губы; он потер глаза.

– Мы никогда не говорили тебе об этом. Не могли. Перед нами был выбор – она или он, и – Господь да поможет мне! – мы выбрали

его. У него никого не было. Все эти годы. Но ты оказалась невинной жертвой, тебе досталось рикошетом, понимаешь? – Он посмотрел на небо. – Я далек от религии, но молю Бога, что мы поступили правильно. Ты была тут так счастлива. Ты любила приезжать сюда. Она любила этот дом и фактически жила ради него. Ради дома. Его идеи. – Он в отчаянии пожал плечами. – Как мы могли отнять все это у тебя? Вот мы и отдали ее тебе.

– Дорогой... – сказала мать твердым голосом.

– Что? – дрожащим голосом переспросила Джульет. – Кого вы отдали мне?

– Сейчас я все тебе объясню, – сказал отец.

Глава 38

1918. Июль

Джон, Джон, сын художника он. Украл пирожок и прыг за порог.

Иногда было проще украсть пирожок, чем просить подавание. Потому что тебе могли задать вопросы или, хуже того, тебя могли узнать – нет, не в Лондоне, а тут, ближе к дому. Но как-то раз на Пикадилли, когда ноздри почуяли запах свежего хлеба из какой-то печи, муки голода стали невыносимыми, и он сунул свою кепку в живот прохожего. «Подайте пенни бедному раненому солдату!» Прилично одетый мужчина в котелке, пальто из мягкой, черной шерсти и широком галстуке горчичного цвета посмотрел на него с испугом и отвращением – ведь Джон в последний раз мылся несколько недель назад в той реке в Бретани.

– Нет, нет, сэр, нехорошо просить, – с ужасом ответил мужчина и, крепко схватив Джона за локти, увел его с дорожки, не желая иметь с ним дела. Джону запомнилось удивление на его лице. Какое ему было дело до сломленного духом, нищего солдатика, просившего подавание на улице? По всей Риджентс-стрит висели баннеры, превозносившие погибших героев, в витринах магазинов были вывешены посвященные им стихи. «На стены храмов по всей стране повесьте ваши мечи» – мертвые были героями. Война еще продолжалась, но выжившие солдаты, сломленные, искалеченные, но выжившие, были как грязь под ногами, которую можно не замечать.

Джон скрылся из виду, смешался с толпой, прошел вверх по Гласхаус-стрит и снова нырнул в сумрачные недра Сохо.

Потом пришла весна, дни стали длинными и светлыми. Джон осмелел и двинулся на запад, прочь из города, прося хлеб, приворовывая, когда это было безопасно, – так он стибрил поднос с эклескими слойками, с пылу с жару, из духовки, выставленный на подоконнике коттеджа в Бейсуотере; кристаллы сахара сверкали на них алмазным блеском на утреннем солнце. Украл через незапертую

заднюю дверь несколько ломтиков окорока у мясника в Миддлсексе. Джон наловчился высматривать фонтанчики с водой и с жадностью пил из них, памятуя старую армейскую мудрость, что жажда часто ощущается как голод. Тем более что это была нормальная вода, не такая, какую приходилось пить на севере Франции, – солоноватую и бурую от человеческих испражнений, табака,дохлых крыс и мух, да и питался он уже не листьями, или травой, или сырым яйцом, выхваченным из-под насадки и поспешно выпитым, прежде чем появится сердитый крестьянин. «Убирайся с моей земли, английский ублюдок!» Он сдернул рубашку с бельевой веревки, а свою, армейскую, зарыл в поле. Полевой мундир ему пришлось сохранить – для тепла.

Он был жив, и это уже удача. Вернулся в Англию благодаря дружеской помощи, которую обеспечил себе в Булони, оказав начальнику порта услуги определенного сорта в пристройке к его конторе. Вообще-то, он не возражал против этого: видал он вещи и похуже и делал их против своего желания. Теперь он знал лишь одно – он должен двигаться, идти вперед либо лечь и помирать.

В конце июня он заразился и болел много дней, отлеживаясь в амбарах и возле дорог, не в силах просить или воровать еду. Он слышал разговоры в пабах, читал на газетных стендах, что эпидемия испанского гриппа, унесшая во Франции тысячи человек, добралась и до Англии. Дня два он думал, что тоже умрет, и надеялся на это. Он мечтал, чтобы закончился этот кошмар. Он хотел этого, но был слишком труслив, чтобы самому лишиться себя жизни. Но почему-то выжил и сказал себе, что он счастливчик, хоть и не чувствовал себя таковым.

Он похудел еще сильнее, болезнь, конечно, ослабила его. В это время он находился где-то западнее Рединга и шел по дороге на Бат, теперь гораздо медленнее, хотя и знал, что должен добраться до дома и в последний раз повидаться с Лидди.

Джон прекрасно знал, что в стране ловили дезертиров и сколько их было расстреляно. Второму батальону приказали под Камбре расстрелять пятерых, чтобы повысить боевой дух, и приказ был выполнен. Если его поймут, ему тоже грозил расстрел. Он понимал, что возврата к прежней жизни уже не было – что он никогда не сможет вернуться домой, иначе его отца с матерью обвинят в укрытии

дезертира, не говоря уж о позоре, который он навлечет на них. Поэтому он просто хотел в последний раз повидаться с мамой.

Коснуться ее волос, вдохнуть ее запах ландышей. Пройтись по летнему саду, переночевать – а вдруг? – один раз в доме, в его спальне с гладкими полами и со стрельчатым окном. Услышать соловьиные трели в деревьях, ведь был июнь, в последний раз насладиться совершенством Соловьиного Дома и той любовью, которую все они дарили друг другу. И после этого уйти навсегда, унося с собой единственное светлое воспоминание последних лет. Потом где-нибудь в другом месте построить себе новое будущее. Он стал понимать, что очень хотел жить.

Так что он продолжал идти, когда пошел на поправку, хотя у него прохудились ботинки и донимали блохи, в боку болела рана, а кишки были разорваны на куски горчичным газом, хотя каждый шаг давался ему все труднее.

Он так часто представлял себе дорогу, ведущую к дому, что он не верил своим глазам, когда наконец оказался на ней. Он был почти дома, слышал пение птиц – сначала карканье ворон в тисах за домом, возле кладбища. Оттолкнув протертую металлическую решетку, укрепленную на стене, Джон тихонько прошел на кладбище. Он не мог вспомнить, куда надо идти. Обычно его вела к той могиле мамина рука. «Сюда, малыш, она там».

Он увидел свежие могилы, их было около пятнадцати, все местные жители, среди них лорд Альфред Кут. Хороший был парень, в тот последний приезд отвез его на пароход; ужасное время, он приехал домой в отпуск и не сказал ни слова по дороге, когда Джон рядом с ним отчаянно рыдал и дрожал всем телом. Он был хороший парень, майор Кут, черт побери. «Камбре, 1918». Так что он погиб всего лишь через несколько недель после того, как Джон дезертировал... Джон дотронулся до могильной плиты, и его снова пронзило, словно приступ тошноты, отвращение к себе за свою трусость. *Я здесь, а его уже нет в живых. Дорогой друг. Отпрыск знатного рода.*

Джон вспомнил то жаркое летнее утро, когда они все вместе отправились в Уолбрук... Парни из Годстоу! И большинство из них уже... Еще одно имя – ох, проклятье! Рыдание вырвалось из уст Джона, когда он увидел имя Джека Барнаби.

Они с Джеком дурачились в амбаре на холме под фырманье и хрюканье свиней, боролись и кувыркались в сене жарким летним днем, когда деревня праздновала День Империи. Тогда он впервые ощутил, как его охватило странное и непонятное возбуждение. Зато Джек знал, что делать, и показал ему. Дорогой Джек, его ласковые руки схватили его и положили на колючее сено, он что-то делал с ним, пока Джон не взорвался от радости. Да и потом он не сразу осознал, что их занятие было не просто противозаконным, но и осуждалось почти каждым человеком в стране. Оно не было слегка противозаконной шалостью, как езда на авто со скоростью 21 миля в час. Это был неподобающий акт... и все же память о дорогом Джеке, его светлом локоне, падавшем на глаза... *О времена!*

Могилы сестры находилась к северу от церкви. По дороге он нарвал цветов и теперь положил их на камень. Могила заросла травой. Джон раздвинул ее, убрал плющ, приползший к могиле из живой изгороди.

Элайза Элен Хорнер

1893–1901

Она упорхнула слишком быстро

И ее брат

Джон Дайзарт Хорнер

1895–1917

Пропал без вести в боях за свою страну

*Да благословит Бог наш дом * Мы так их любили*

Джон застыл, моргая, вдыхая запах свежескошенной травы. Трудно прийти в себя, когда ты увидел твою собственную надгробную плиту с высеченными на ней предполагаемыми датами твоей жизни. Он встал на колени и поцеловал мягкую землю, подернутую мхом, под которой лежали останки Элайзы. Сестра была у него перед глазами; танцуя, она убегала от него в сад, и сейчас ее образ стал еще ярче. Она не там, не в земле, сказал он себе. Она тут, со мной.

Потом он заковылял по дороге за домом, слегка пошатываясь, потому что у него кружилась голова от усталости и голода; под ногами шуршали мертвые, темные листья, оставшиеся с прошлого года. Внизу Джон остановился, посмотрел на красно-розовую крышу, освещенную солнцем, и потер глаза. Он был дома.

Джон осторожно прошел мимо двери и каменного кресла для усталых путников и остановился. Он понимал, что не может позвонить в колокольчик и втянуть в неприятную ситуацию тех, кому не нужно знать, что он был здесь. Зиппору, или садовника Дарлинга, или новую служанку Нору – не очень новую, она была и четыре года назад. У нее были красные, словно ободранные локти и пальцы, волосы всегда выбивались из-под чепца, и она боялась всего. Она точно испугается... Джон потер глаза, не зная, что делать. И тут услышал знакомый с детства звук, скрежет мастихина по масляной краске на холсте.

Скрип, скрип, скрип.

Джон выпрямился и медленно пошел к Голубятне. Старый знакомый запах инжира чуть не свалил его с ног – сладкий, пряный, тягучий. Он заглянул в студию. Листья накрыли всю стеклянную крышу – неужели отец не замечал, как там темно? В Голубятне отец склонился над старым мольбертом и сам грунтовал холст. Он стал меньше ростом; Джон увидел его профиль. *Он постарел.*

На другом мольберте, чуть в стороне, была другая картина, которую он не видел. Джон кашлянул и негромко позвал.

– Отец?

Его голос охрип от долгого молчания, и слово прозвучало хрипло. Нед резко повернулся на одной ноге, держа в руках кисть и палитру, и взглянул на сына.

Кисть выпала из его руки. Но он ничего не сказал. Ни слова.

Джон заметил с тревогой, какой он бледный и худой.

– Отец... – снова пробормотал он, не зная, что и сказать. – Я... подумал, что вернусь и покажусь вам.

Нед действительно был как маленький гном. Румпельштильцхен. Он топнул ногой и кашлянул.

– Ты? – негромко воскликнул он, подбежал мимо сына к двери, выглянул наружу, захлопнул дверь, потянул на себя и повернулся. – Значит, я был прав.

– Я... я здесь, отец.

– Я так и знал, что ты дезертировал. Я знал, что ты не погиб. – Ужасная улыбка исказила его лицо.

– Ты догадался об этом?

– Я знаю тебя, мой мальчик. Я ни слова не сказал об этом твоей матери, но я знаю, какой ты. Кто ты. Ты не можешь тут оставаться, – заявил он. – Ты это понимаешь, не так ли?

– Да. Конечно, – Джон кивнул.

– Тогда почему ты пришел? – Он провел ладонью по лбу и заморгал, словно не зная, где он и что ему делать. – Ох, Джон, мой мальчик. Зачем ты пришел?

У Джона задрожали коленки – он снова был ребенком, стоявшим перед строгим, недовольным отцом, который разочаровался в единственном сыне и в сотый раз горевал по дочери, так похожей на него.

– Отец, я хотел в последний раз повидаться с тобой и мамой. – Он шагнул вперед и оперся о столик, чтобы не упасть. – Я... я очень хочу пить, отец. Я долго шел. У тебя найдется вода?

– Вот. – Нед сунул ему стеклянную бутылку, и Джон выпил почти всю, чувствуя на себе отцовские глаза.

– Спасибо, – поблагодарил он, вытер рот и поставил бутылку.

– Ты не должен тут оставаться, – сказал Нед. И снова этот бесстрастный, жутковатый взгляд. – Тебя расстреляют, если обнаружат. Сегодня у нас ужинают лорд и леди Кут.

– Родители Альберта...

– Да. Теперь у них не осталось наследника. Девочки не могут наследовать титул. Но они гордятся своим сыном. Они знают, что он погиб, сдерживая со своими солдатами наступление немецких танков.

Мы победили в этой войне благодаря таким мужчинам, как он. Он погиб героем.

– Он... он был героем.

Отец пристально смотрел на него:

– Джон. Ты все понимаешь, правда? Теперь уходи.

– Я только хочу повидаться с мамой, в последний раз, – ответил Джон, слыша отчаяние в собственном голосе. – Просто хочу поцеловать ее и сказать, как мне жалко, что все так вышло, но что я жив и больше не побеспокою ее. Я никогда не вернусь. – Джон много раз репетировал свою речь, но теперь понял, что она звучала неправильно. Все было неправильно, не так, как ему представлялось. – Отец, я вернулся. Неужели ты не рад меня видеть?

Отец закрыл лицо ладонями, словно отгородившись от сына. Из его груди вырвался тихий, сдавленный стон. Но потом он поднял голову, и его губы были плотно сжаты, а в добрых голубых глазах появилась твердая решимость.

– Джон, ты должен понять. Твоя мать верит, что ты погиб. Погиб в декабре. Она похоронила в могиле твои письма с фронта. В прошлом месяце мы добавили твое имя на надгробный камень. – Нед закашлялся. – Что я мог сделать? Я был там, когда мы произносили молитвы над могилой. Какое возмездие возложит на меня Господь за мою ложь, когда наступит День Страшного Суда, Джон? – Он возвысил голос: – Я... я знал, что ты трус, жалкий, ничтожный трус... – Его голос дрогнул, и он опустил взгляд. – Я скверно себя чувствую, – пробормотал он. – Скверно, скверно...

Джон пристально взгляделся в него.

– Ты очень бледный, отец. Ты простудился?

– Этот грипп, – пробормотал Нед. – Кажется, я чем-то болен, тут всюду этот грипп, говорят, в Уолбруке уже трое умерли в больнице. Это все немцы, они подстроили, чтобы нас уничтожить. А я должен работать, работать...

– Отец... – Джон оперся о полку, вытер лоб и выпил еще воды. Этот человек перед ним вовсе не походил на его отца. – По-моему, тебе нужно отдохнуть. Разве я...

– Нет! – Отец похлопал по краю золоченой рамы. – Лидди тревожится из-за денег. Тревожится, тревожится, тревожится. И зачем? Для кого это все теперь? – Подобно хитрому ребенку, припасшему

свой секрет, он похлопал по раме, потом повернул мольберт с картиной. Джон взглянул и ахнул. – Гляди. Я выкупил ее, как видишь. Выкупил вас, детей, чтобы вы были рядом.

Тогда Джон понял, почему у отца такой странный вид, почти осязаемое отчаяние.

– Ты выкупил «Сад утрат и надежд»?

– Я хотел, чтобы вы были рядом! Я ведь сказал! Проклятье, неужели ты не слушаешь меня?

Джон сглотнул, чтобы у него не перехватило горло. Он должен разговаривать с отцом.

– Должно быть, это угнетает тебя, отец.

– Нет! Нет! – Он даже топнул ногой. – Нет, черт побери. Она должна была вернуться сюда. Чтобы мы вспоминали. – Его взгляд снова остекленел. – Я должен работать. Я должен писать. Новые картины. – Он махнул рукой на ослепительно-белый холст. – Теперь ступай, убирайся отсюда, Джон, оставь меня в покое. Если ты призрак, то ты чертовски убедительный призрак.

– Отец... – Джон почувствовал, как в нем снова нарастал страх. – Пожалуйста, позволь мне увидеть ее. Только разок. На пять минут. Ты должен мне позволить.

Отец странно посмотрел на него:

– Кого увидеть?

– Маму. – У Джона пересохло во рту. – На пять минут. Это все, о чем я прошу.

– Нет, это невозможно. Неужели ты не понимаешь? Она уверена, что ты погиб восемь месяцев назад. Она чуть не умерла от горя. Она жила в аду, Джон. Она только сейчас начала восстанавливать свой мир. Она так гордится тобой! Так гордится. До сих пор она могла говорить всему миру, что ты погиб геройской смертью. И вот теперь ты приползешь к ней на брюхе и сообщишь, что ты проклятый дезертир, чтобы броситься ей на шею, а через час уползти прочь. Неужели ты не понимаешь? – Он ткнул пальцем в Джона: – Это убьет ее. – Он огляделся по сторонам. – Иди сюда! Возьми вот это.

Он достал из записной книжки сложенную бумажку и протянул сыну. Джон взял ее. Их дрожащие пальцы соприкоснулись. Нед отшатнулся.

– Ты боишься меня, да?

– Нет, отец, конечно, нет.

– Вот еще это... – Он вытащил из жилетки свои карманные часы. – Возьми, это золото, ты выгодно их продашь. Пять фунтов и карманные часы от твоего отца. Я любил тебя, сын мой, но это в прошлом, как ты понимаешь. Ты ведь понимаешь?..

Белое лицо отца, стеклянные глаза, ужасная гримаса... Джон повернулся, выглянул из студии в надежде увидеть мать – вдруг она покажется в окне дома или пойдет по дорожке сада. Но матери нигде не было видно.

– Где мама? – спросил он, стараясь не разрыдаться.

– Я... ну, я не знаю, где она. Ее тут нет.

Джон не верил ему. Она была в доме, он был уверен в этом, всего в считанных метрах от него. Это было невыносимо, но что он мог сделать? Ослушаться отца и вбежать в дом? Рискнуть всем, подвергнуть их риску? *Она могла говорить всему миру, что ты погиб геройской смертью. Ты не должен говорить ей, что ты дезертир. Это убьет ее. Ты был для нее всем, мой мальчик.*

Он взял деньги, часы и аккуратно убрал их во внутренний карман кителя.

– Где ты взял документы, с которыми добирался сюда? – быстро спросил отец.

– Я украл их у мертвого, – честно признался Джон, ему уже было все равно. – Я увидел его, когда убежал... у него оторвало голову... я не понял, осколком или гранатой. Я взял его бумаги и подложил ему свои. – Джон взял со стола хлеб и откусил от него. Хлеб был свежий, пышный, восхитительный. – Я Фрэнк Торбойс. Не беспокойся, отец. Нет ничего, что могло бы связать тебя со мной.

Он должен был уйти, он понимал это. Он не мог больше оставаться. Он спрячется где-нибудь до темноты и вернется в Лондон. Он взял оставшийся хлеб и ломти окорока и сыра и тоже сунул их в карман.

– Я больше не вернусь. Не беспокойся. Она никогда не узнает.

Уходя, он повернулся в дверях:

– Все было зря, верно? Все твои старания.

И он пошел прочь от дома по дороге, держась в тени тисов. Он и себя чувствовал теперь тенью. У дороги он остановился, обессилив, его пустой желудок бурлил от кислоты, атаковавшей хлеб. Теперь ему

нужно было идти влево, в сторону города? Нет, вправо. Туда, на пустошь. Он дойдет до Бристоля, а там поищет возможность перебраться во Францию.

После последнего сражения в Камбре Джон нашел наутро своего друга Дэвида Купера. Он утонул в болоте вместе с лошадью. Джон обтирал от грязи глаза Дэвида, его нос, зажмурил глаза от горя, потому что не было сил даже на слезы, но, когда секунд через пятнадцать он открыл глаза, он обнаружил, что крыса выгрызла глаз у его друга. Вдалеке от них грохотали танки, сотрясая землю до самой сердцевины.

Джон побрел прочь, с трудом вытаскивая ноги из пузырящейся серой жижи, спотыкаясь о мертвые стволы деревьев и мертвых солдат. Потом спрятался в амбаре, который присмотрел во время маневров на предыдущей неделе, и пролежал там до темноты в собственных испражнениях. Он лежал неподвижно, потому что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

И он ушел прочь, дезертировал без всякого плана и стратегии. Он просто ушел прочь от всего этого, ушел в сторону дома.

На следующий день он наткнулся на труп Фрэнка Торбойса, взял его документы и стальной шлем и похоронил в болоте, покрывавшем, казалось, почти весь север Франции. Тогда у него и созрел план. В своем отчаянии он не сознавал, что каждый его шаг, уносивший его с боевых позиций, лишал его права вернуться домой. Но это был даже не отчаянный побег, просто он, сломленный и раздавленный, уползал прочь от пережитых ужасов. Я не создан для боя, говорил он когда-то их офицеру на тренировочном плацу в Вустере. Поздно, сынок, отвечал тот. Мы сделаем из тебя бойца.

Осколки снарядов. Один их свистящий звук раскраивал тебе череп. Вид и запах горчичного газа, иприта, то, что он делал с твоими глазами, кожей, желудком: покрывал нос и горло нарывами, и многие солдаты задыхались; Джон видел, как они умирали, совсем как когда-то его сестра Элайза. Вновь и вновь он смотрел на эту смерть, видел, как зеленый туман медленно полз к ним по земле, вот только они сидели ниже этого уровня, в ловушке, в лабиринте окопов, из которого не было выхода, а грязь, словно жидкий клей, приклеивала их на месте.

Крики, день и ночь крики. Жалобно ржали умиравшие лошади, а солдатам запрещалось трогать патроны, чтобы оборвать эти мучения.

Запах разлагавшейся плоти, смерти все время висел вокруг. Но хуже всего для Джона были крысы, пировавшие на лошадиных и человеческих трупах, огромные, размером с кролика. Они ждали, ждали, ждали, когда ты заснешь крепким сном, и обгрызали тебе уши. У знакомого сержанта крыса начисто отгрызла мочку уха. В редкие тихие часы ночи их царапанье, писк, шорохи, звук торопливых лап ввинчивались тебе в голову, проникали в черепную коробку, и ты готов был молиться, чтобы раздался какой-нибудь громкий звук – пушечный залп, выстрел, крик, лишь бы он заглушил крысиную возню... И в своих снах он видел не войну, а крыс – как они захватывали весь мир, грызли все, пухлые пальчики младенцев, нежные женские руки, его собственное лицо, пока он спал...

Джон заморгал и снова вспомнил, что он стоял на спокойной и зеленой английской дороге, обрамленной живой изгородью с розовыми цветами шиповника. А позади был его родной дом.

Итак, налево или направо? Он должен был сделать первый шаг по дороге, уводившей его от Соловьиного Дома, – а потом второй, третий, – и он пошел направо размашистым шагом, не обращая внимания на дурноту в желудке и комок в горле, не позволявший ему плакать.

– Джон! – послышался слабый, тонкий голос.

В нем зашевелилась надежда, и он оглянулся – вдруг это мама? Ведь он хочет ее увидеть больше всего на свете. Но это был отец; он бежал к нему по дороге, чем-то размахивая, сильно хромя. Джону снова бросился в глаза его усталый, нездоровый вид.

Нед остановился и сунул в карманы свои руки, обагренные красным кармином и пятнистые от изумрудной зелени. Вытащил их и сунул в руки сына какой-то деревянный цилиндр. Пот лился по его лицу и капал на одежду.

– Вот, возьми, – сказал он, с трудом переводя дух. – Теперь она уже ничего не стоит. Бери. Прощай, мой милый Джон. Прощай.

Джон вытащил из деревянного футляра свернутую в трубку картину и удивленно заморгал:

– Что это?

– Я вырезал ее, – хрипло ответил отец. – Там ты. И твоя сестра. Вы оба покинули нас. Возьми картину с собой. Это будет память о нашей любви к вам. Запомни нас, запомни. Я очень любил тебя, мой

сын. Я люблю тебя. Возьми картину с собой. – Слезы текли по его щекам. – Все ушло, все рухнуло.

Джон взглянул на картину, аккуратно вырезанную из рамы. Свежие срезы еще не успели обмахриться. Он испуганно покачал головой:

– Нет, отец. Я не хочу ее брать.

– Возьми, черт побери. Я не могу держать ее в доме. Не могу – ты сам понимаешь. Ты не можешь к нам вернуться. Но мы любили тебя. Ты иногда гляди на нее и вспоминай нас. – Слезы текли и текли из его глаз, оставляя следы. – Скоро я окажусь на обочине, сынок. Теперь в моде мальчишки, которые рисуют что-нибудь синее, составленное из квадратов... Боже мой, такую чушь. – Он дернул за рубашку. – Через несколько лет мои картины не будут ничего стоить и останутся лишь залогом нашей любви друг к другу. Так что бери ее. – Нед в последний раз посмотрел на картину. – «Прошлое сожжено и кануло в небытие». Я сожгу раму и мой новый холст, чтобы ничего не осталось. Ты всегда любил костры подростком и часто помогал мне – помнишь?

– Н-нет. Отец...

– Да. Ты ходил со мной туда, вниз, за овощные грядки, собирал веточки и помогал мне высечь огонь из кремня. У тебя всегда это ловко получалось. Из-за этого я любил осень, когда мы сгребали листья и бросали их в огонь. Ты мой мальчик, Джонни, и всегда был моим. А сейчас прости – и прощай, сынок. Прощай...

Он потер глаза, словно маленький ребенок, и заморгал. Потом повернулся и торопливо пошел домой. На вечернем солнце золотились каменные соловьи на доме. Отец остановился, посмотрел на грунтовую дорогу под ногами, свернул к дому и скрылся из виду.

Джон снова свернул картину, туго перевязал и пошел своей дорогой. Потом он не разворачивал ее много дней. А в ту ночь он лежал в живой изгороди и пировал окороком и сыром, которые взял у отца. Утром он пошел дальше и не останавливался, пока не добрался до Бристоля.

Прожив несколько лет в Бретани в своем маленьком каменном доме за забором из небольших круглых камней, стоявшим на краю зеленого холма над черными скалами и бурным морем, Джон Хорнер почувствовал себя более-менее в безопасности и стал позволять себе маленькую роскошь – только когда был один или, пожалуй, после

парочки рюмок *digestif*. Он подходил к книжной полке в своей спальне, закрытой занавеской. Отодвинув в сторону ткань с тонким узором, он вынимал определенную стопку книг, откладывал ее в сторону, доставал и другие книги с той же полки. За ними лежал цилиндр, а в нем картина.

Он медленно разворачивал ее, и его глаза любовно устремлялись на английскую деревенскую сцену – на шток-розы, роскошный хаос сада, золотистые камни, каких больше нет нигде на свете. Он смотрел на себя, маленького, в синих штанишках до колена и белой рубашке. Босые ноги, наклоненная набок голова. Он до сих пор помнил ту обожженную солнцем июльскую траву под ногами, сухую и колкую. Он до сих пор слышал голос Элайзы: «Папа, я так устала! Можно мы сейчас *поиграем?*» Крылышки, которые сделала мама, натянув на проволоку тонкую ткань. Он слышал мамин голос, рассказывавший об этом.

Когда Джон постарел и его глаза стали хуже видеть, он уже не различал вечерами детали картины и стал доставать ее из футляра днем. Но шаги на дороге за домом его пугали – его слух тоже был не тот, что прежде, и кто-то мог незаметно подойти к нему, когда он смотрел на картину, и тогда он будет разоблачен.

Он знал, что отец умер через считанные дни после их последней встречи, потому что видел сообщение об этом в газете, валявшейся на пароходе. Он прочел, что художник умер от гриппа и что его смерть – большая потеря для национального изобразительного искусства. Но больше он ничего не знал об Англии много лет. Его целиком поглотила борьба за выживание: он оставил свой пост и подлежал в случае обнаружения военно-полевому суду. Шли годы, но его тоска по Лидди не утихала: он ужасно скучал по ней, но понимал, что не может вернуться домой. Он не мог огорчить ее. Когда-то он сделал свой выбор, и теперь для него не было пути назад.

Перевоплощение во Фрэнка Торбойса, школьного учителя из Нортгемптоншира, реального человека, а не кого-то, чьи бумаги он украл, старания не поддаваться ночным кошмарам, потрясениям, приступам страха, вызывавшимся детскими пугалками на рыночной площади, криками чаек высоко над головой или конским ржанием, много лет отнимали у него слишком много сил. Он не хотел потерять все, если однажды утром какой-нибудь молодой парень, которого он

привел домой накануне вечером, или какой-нибудь еще посетитель, которого он считал своим другом, подойдет и пристально посмотрит на самую знаменитую в мире картину: он не хотел рисковать. Если подумать, он выстроил свою новую жизнь на развалинах его прежней личности. Он любил свой крошечный, спокойный, размеренный мир в Динаре. Любил и был любим.

Но прошли десятки лет, и привычная церемония, когда он разворачивал картину и нырял в тот мир, воображал, что он стоит в саду со старшей сестрой, а их мать совсем рядом, в окне дома, и все снова стало золотым, безопасным и счастливым, перестала приносить ему удовольствие. Что случится с картиной, когда он умрет? Эта мысль тяжелым камнем висела у него на сердце. Со временем он понял, что ему придется покинуть маленький городок у серого, бурного моря и снова вернуть картину в ее настоящий дом.

– Он приплыл на пароходе из Бристоля в Сен-Мало, – сказал отец. – Он прожил там несколько недель, двинулся дальше и поселился в Динаре. Война закончилась, много молодых мужчин не вернулись домой, город был разбит. Фрэнка Торбойса встретили тепло. Сам инспектор по безопасности пришел к нему и выразил надежду, что он останется. Власти надеялись, что он будет работать на полях, женится на местной девушке... Джон любил шутить, что едва ли они обрадовались бы ему тогда, если бы знали, что он педик и что руки растут у него из задницы.

– Вы знали его? – воскликнула Джульет. Она глядела на родителей, скрестив руки и навалившись на стол. – Как? Откуда? И как странно, что он оказался в Динаре.

– Неужели ты все еще не догадалась? – спросила мать и повернулась к мужу. Они оба побледнели, мать плакала. – Она действительно ничего не помнит.

– Королевская свадьба. Чарльз и Ди, – внезапно сказала Джульет, не зная почему.

– Точно. Мы готовились смотреть ее. Ты и Эв уже сидели в гостиной. Мы запаслись всякой всячиной – печеньем, попкорном. И он просто пришел к дому.

– Он сказал, кто он такой?

– Уже потом. Он представился нам. Много лет он не знал, кто живет в доме, остался ли кто-нибудь из его родных. Когда здесь поселился Фредерик, он написал ему о Стелле, а так он и не знал ничего. А Фредерика он знал по Динару.

– Они были любовниками.

– О да. Между прочим, он был первым любовником Фредерика, – беззаботно подтвердил отец. – Когда Фредерик искал место в окрестностях Лондона, чтобы открыть там лавку, Джон рассказал ему про Годстоу. Фредерик написал ему, рассказал про деревню, этот необычный дом и странную женщину по имени Стелла Хорнер, с которой подружился. До этого Джон вообще ничего не знал.

– Он не знал, что у него была сестра?

– Нет, и она не знала, что он жив. Конечно же, откуда ей было знать, ведь ее мать так и не узнала, что Джон выжил, не погиб на войне. Ужас, правда? – Отец покачал головой, его глаза наполнились слезами. – Все это огромная трагедия.

Джульет просто онемела.

– Мне даже не верится. Как это ужасно...

– Не больше, чем для тысяч других английских семей, – сказала мать и, протянув руку через широкий стол, похлопала по голой руке дочери. Джульет взглянула на руку матери, на знакомые пальцы, длинные, с круглыми подушечками, на обручальное кольцо с сапфиром и бриллиантом. – Вот что делает война. Дядя Джон не был трусом, просто он был контужен и страдал потом всю жизнь. Иногда ему приходилось выйти из комнаты, иначе у него закрывались глаза и он бредил. Еще у него были кошмары из-за крыс. Ужасные кошмары.

– Да. Крысы. – Отец Джульет широко раскрыл глаза. – Я и забыл. Он был добрый, и мухи не мог обидеть, но абсолютно боялся крыс. Одно время мы жили у него и пошли гулять в старый порт. Там мы сели в ресторанчике, заказали вина. Было сумеречно. Вдруг из деревянного гаража выскочила крыса и побежала через площадь. Джон закричал. Я никогда не слышал ничего подобного. Он не мог остановиться. Всю обратную дорогу мы вели его под руки, он не мог идти сам, его трясло, пот лился по его лицу. Ужас. Тогда он был глубоким стариком под девяносто, но еще крепким; он прожил там половину столетия, любил свежий воздух, море и... другие

развлечения. Пожалуй, то происшествие ослабило его. Вскоре после этого он заболел воспалением легких.

– Я тоже забыла. – Мать сидела с опущенной головой, но тут подняла лицо. – В наши дни, конечно, мгновенно определили бы, что у него посттравматическое стрессовое расстройство. Ему следовало бы пройти интенсивную психотерапию. Но, конечно, в те годы об этом не могло быть и речи. Он был очень приятным человеком, Джульет, – сказала мать и сжала руку мужа.

– Но почему он не вернулся? – Джульет потерла глаза. – Почему вы не познакомили меня с ним, не брали меня во Францию? Ведь вы ездили к нему. Вы поэтому купили там дом?

– Мы не подозревали о его существовании, пока он не появился тут. И что могли мы сделать? Мы остро чувствовали, что Джону была нужна семья после стольких страданий. Но он не хотел, чтобы люди узнали, что он дядя Майкла. Он страшно боялся, что об этом узнают.

Отец кивнул:

– Но я просто не мог его бросить, хоть он и появился неожиданно. В конце концов, он был мой дядя. – Отец нахмурился.

– Конечно, Стелла была замечательной, – сказала мать довольно вяло и снова похлопала мужа по руке. – Но с того дня у нее появились странности. Любое упоминание Джона выводило ее из себя. Я подозреваю, что она всю жизнь строила миф о своей семье и боялась, что он разрушится... Нам было просто неловко смотреть, как она разговаривала с ним. Она просто... Я никогда прежде не видела, чтобы она так себя вела, да и потом тоже. Как будто Джон щелкнул тумблером.

– Что она делала?

Родители переглянулись.

– Я не могу даже это объяснить, – ответил отец после паузы. – Она не позволила ему ни минуты остаться в доме. Вот и все.

– Да, все так и было. Потом папа догнал его – у дороги...

– Он уходил и сказал мне, чтобы я не расстраивал мать. Что ему ужасно неловко и что не надо было вообще приходить сюда. А я сказал, что мы через месяц поедem во Францию, и попросил разрешения заехать к нему. Спросил его адрес.

– И он сообщил, что живет в Бретани. Знаешь, твой отец очень умный, – добавила Элви.

– А я сказал – правда, Элви? – «Боже мой, мы едем как раз в Бретань, как тесен мир!» – Отец заморгал, и Джульет, глядя на него, удивилась тому, что прежде никогда не замечала, какое у него доброе лицо. – Понимаешь, я не мог его отпустить. Просто не мог. И мне, к сожалению, было трудно смириться с тем, как мама обращалась с ним и как отказалась вообще говорить о нем. Вот так. Мы и поехали.

– Бабушка говорила об этом. Все время.

– Правда?

– Да, папа. Только я вот чего не поняла: он сказал тебе, что сделал с картиной? Он упоминал когда-нибудь об этом?

– Понимаешь... – Отец смутился. – Понимаешь, он вскользь говорил об этом несколько раз, но меня это не интересовало. Ты меня знаешь. Я не очень интересовался Недом Хорнером. Я понимаю, что надо было. Дорогая моя, мы гордимся тобой, потому что ты понимаешь его и исследовала его творчество. Но сам я никогда не понимал его. Вообще не интересовался живописью. Я люблю строительство. Мама разозлилась на меня, когда я стал инженером-сметчиком. Подозреваю, что она хотела, чтобы я поступил в художественный колледж. Продолжил семейную традицию.

– Но, папа, – он вообще говорил тебе, что это «Сад утрат и надежд»? Или тебе было безразлично?

– Джон просто сказал, что у него была одна из картин Неда и что он избавился от нее. Понимаешь, когда я рос, Нед Хорнер был ужасно немодным художником. Практически никому не нужным.

– Ты помнишь, как кто-то из твоих друзей по «Империялу» увидел картину Неда в лавке старьевщика на Кингс-роуд? И он еще просил у кого-нибудь из вас денег, чтобы купить ее? – спросила Элви.

– Да. Это была «Жена художника и ее собачка» или типа того. Старина Джерри. Он интересовался викторианским искусством, а мы смеялись над ним. Мы убедили его не покупать ее. Сказали, что это неразумная трата денег.

– Боже мой, – беспомощно пробормотала Джульет. – Ты по-прежнему видишься с ним?

– Нет, потерял с ним связь много лет назад. Он как-то отошел от нас. Не знаю почему.

– Немыслимо, – Джульет вздохнула. – Бедный Нед, – добавила она, немного подумав. – Он стал тем, чего очень боялся.

Представителем реакционной буржуазии. И бедным. Он чуть не умер, спасая Лидди и вытаскивая себя из нищеты, потом работал, чтобы подарить ей этот дом, потом купил эту чертову картину по каким-то романтическим мотивам и разорился. Будь он жив, нас бы объявили банкротами. Не такое наследство он хотел оставить.

– У его сына было все это, вот где ирония судьбы. – Майкл Хорнер встал из-за стола. – Когда Джон умер, его хоронил весь город. Духовой оркестр, полицейские в белых перчатках... Его любили. Обожали! В местном отеле «Де Виль» висит акварель Фрэнка, вид городка, с приятной табличкой на раме. Очень трогательно. Мы раскрыли его тайну. – Джульет покачала головой, удивляясь. – Можешь спросить у Фредерика. И, я думаю, Джон был счастлив в своей новой жизни. Не то что моя мама. Она все больше и больше жила прошлым... – Он вскинул голову, слегка смущенный таким признанием. – Ну мне так кажется.

Джульет обошла вокруг стола и обняла отца, прижалась к его широким плечам.

– Ох, папа. Да, да, конечно. Бедная Грэнди. Бедный Джон. Ох, папа. Спасибо, что рассказал мне об этом. И тебе спасибо, мама.

– Дорогая моя, я так рад, что теперь ты все знаешь, – ответил отец. Мать тоже встала из-за стола, и все трое обнялись, молча, крепко.

Глава 39

Джульет сидела минут пять на жаре в машине и просто разглядывала свою прежнюю улицу, выставив в окно локоть. Вокруг витали летние запахи города – нагретого асфальта, горелого масла, нефти, помоев, барбекю и чего-то еще неуловимого.

Она уже не раз приезжала в Лондон после своего переезда, но этот приезд отличался от других. Сейчас она чувствовала себя визитером, а не вернувшейся домой. Как тут теснились дома, какими огромными были автомобили, припаркованные на узкой улочке. Стояла полуденная тишина. Стук по крыше заставил ее вздрогнуть; она повернула лицо и увидела перед глазами головной шарф.

– Зейна, ох, как ты меня напугала, у меня чуть сердце не оборвалось.

– Ты прожила такой тяжелый год и пугаешься стука по крыше? Ну и ну, я бы сказала, что у тебя что-то не в порядке с приоритетами, – сказала с улыбкой Зейна. Джульет вылезла из машины и обняла подругу, уткнулась лицом в ее плечо. – Что это такое, эй? Эй... – Зейна похлопала ее по спине.

– Ты говорила, что приедешь ко мне в гости.

– Ты говорила, что пригласишь меня. Ой, и твой сынок чуть не умер. Почему ты приехала сюда? Неужели ты... – Зейна отстранилась от Джульет и, взяв ее за плечи, изобразила на лице ужас: – Боже мой, неужели ты передумала? Да? Ты возвращаешься назад?!

– Да, конечно! Мы все съезжаем вместе! Мои трое, я, Мэтт, Тесс на восьмом месяце беременности и ее двое детей! Я забираю Би. У нее рано закончились экзамены, и она жила тут неделю.

– Но ее нет. Они с Мэттом ушли час назад. Я видела, как они перед этим вернулись из магазина. Заходи, выпей со мной чашечку, пока их ждешь.

Джульет посмотрела на часы:

– Конечно. Или я могу пройтись на Хит...

– Ты не хочешь зайти в мой дом? – улыбнулась Зейна, наклонив голову. – Ладно, детка. Припомню тебе это.

– Хочу, хочу. – Джульет не смотрела на нее. Ей припомнилась простота этой жизни, где все ходили одной и той же дорогой, жизнь

была несложная, школа чуть дальше вниз по дороге, Хит в сотне метров, станция метро, магазин на углу, пиццерия – а все жители были из разных мест, интересные, трудолюбивые, не разменивавшиеся на пустяки. – Но я не хочу сидеть у тебя на кухне. Я расстроюсь. Я так скучаю по тебе. – Крупные слезы выкатились из ее глаз и упали на рукав блузки. – Я очень скучаю по тебе.

– Ты идиотка. – Зейна обняла ее и повела по дорожке к дому. – Мы и так все время разговариваем.

– На юридические темы. Не о нормальных вещах.

– Не сходи с ума и заходи в дом. Я недавно покрасила кухню. Ты не узнаешь ее, и тебе станет легче. – Джульет кивнула и вытерла глаза, а Зейна то ли всхлипнула, то ли засмеялась. – Ох, подруга, я тоже скучаю по тебе. Я тут флиртовала с другими мамами, но они мне не очень нравятся.

– У меня та же история. Впрочем, там есть одна приятная женщина, Джо, но я давно уже не видела ее. Мы с ней болтаем на разные темы, когда встречаемся, пили несколько раз кофе, но сейчас каникулы, и я слишком робею и не решаю закрепить наше знакомство и пригласить ее куда-нибудь, чтобы вместе выпить.

– Ох, подумаешь, да перешагни через робость, – посоветовала Зейна, когда они зашли в дом и она ставила чайник. – Ну-ка, расскажи мне быстро. Что там с картиной?

Зейна была адвокатом у Джульет и уже посоветовала ей оформить страховку.

– Сегодня может позвонить Сэм. Он встречается с кем-то из «Тейт».

– Сэм?

– Хэмилтон. Директор музея. Я рассказывала тебе о нем. Он молодец.

– А-а. Он тебе нравится.

– Что?

– У тебя меняется голос, когда ты говоришь о нем. Он тебе нравится. Или ты ему. Какой вариант правильный? Или оба?

– Ни тот ни другой. – Джульет обвела глазами знакомую кухню, такую же, как ее, только зеркальную – пробковая доска, магнитики со словами на холодильнике, клеома на кухонном шкафчике, которая цвела розовыми кистями, – Джульет провела в этой кухне больше

времени, чем где-либо еще, и было так странно вернуться сюда. Она посмотрела в садик на квадрат искусственного газона, по которому Наваль возил свой экскаватор; вечерами над домом кружили стрижи, ловя невидимую мошкару.

Минувший год был, скажем так, выпавшим из нормальной жизни. Я могу продать Соловьиный Дом, вернуться в Лондон, купить прекрасный дом на Дармут-парк-авеню или где-то в Хайгейте, и тогда все вернется на круги своя. Санди даже не вспомнит потом...

Но тут она вспомнила, что Айла договорилась на завтра с Эмили, а в субботу придут гости к Санди, а в воскресенье приедет на ланч приятная доктор Маллиган с сыном, ровесником Айлы. А Джордж с Фредериком нашли комод, по их словам, идеально подходивший в холл, и еще два предмета для кукольного домика, обнаружившиеся в Уолбруке после кончины давно забытой бабушкиной школьной подруги, которая, вероятно, прихватила их потихоньку много лет назад. Кукольный домик пока еще не вернулся от мастера из Музея детства. Там были сильно повреждены пол и труба, но мастер обещал все исправить. Так что они собирали к возвращению домика новые вещицы. На этот раз он будет стоять на полу в коридоре.

Несколько раз приходила Оноп, помогала в саду и обещала прислать на следующей неделе садовника, чтобы он помог советом. Джульет срезала теперь каждый день душистый горошек и ставила в вазы по всему дому, чтобы он наполнял комнаты своим сладким коричневым ароматом. Зацвели георгины, и Джульет уже соскучилась по ним. Первые уже распустились из тугих темных комочков – кроваво-красные, розовые, ярко-оранжевые, а рядом цвели синие васильки, лимонно-желтый и бледно-розовый львиный зев на фоне холодной зелени листьев у стены. Нужно укрепить стебли подсолнечника, нащипать ромашку для чая и навести порядок в комнатке Санди – у него теперь новая кровать, большая детская с бортиками. Мэтт назвал идиотизмом покупать кровать малышу, который только что перенес травму головы; лучше уж держать его в старой кроватке, но Джульет не согласилась с ним, она считала, что к Санди нужно относиться как к подростку мальчишке, который должен учиться ответственности. Три месяца с ним нянчились, потакавали всем его капризам, и теперь она даст ему свободу и снова приучит к ответственности.

Но все это возможно для него в Соловьином Доме. Не здесь, нет, не здесь. Она сама росла за пределами Лондона, отвыкала от него. Это был город Мэтта, не ее город. Но самой главной, фундаментальной причиной было то, что Джульет не могла бросить дом и знала это. Всю жизнь она ощущала его притяжение; теперь, когда она жила там, оно стало еще сильнее. Они словно переплелись. Теперь она понимала, что никогда не покинет его. Дело было не в Неде, не в картине и не в Грэнди. В самом доме. Это был ее дом. Больше она ничего не хотела.

Она опустила глаза на свои кеды «конверс» и со стыдом увидела на них запекшуюся грязь.

– О чем ты думаешь? – Зейна протянула ей чашку чая.

– О том, что мне приятно тебя видеть. Я страшно по тебе скучаю, но вряд ли захочу вернуться в Лондон.

– Ну теперь ты можешь себе позволить остаться там.

Джульет тяжело вздохнула.

– Вот об этом мне отчасти и хотелось поговорить. Я хочу избавиться от большей части денег. – Зейна открыла рот от удивления и застыла с чашкой в руке. – Я сказала – от большей части, Зи, я не сумасшедшая. Я хочу потратить какие-то деньги на дом и на прожитие, но мне надо избавиться от остальных, пока я не привыкла к этой идее. Я не хочу, чтобы мои дети стали ни с того ни с сего миллионерами. Я считаю это неправильным после всего, что потеряла моя семья. Дело не в доме. У меня есть одна идея, и я хотела, чтобы ты мне помогла.

– О какой сумме ты говоришь? – Зейна взяла блокнот в линейку и ручку.

– Я хочу сохранить четыре миллиона. По двести пятьдесят тысяч на каждого из детей, чтобы помочь им купить жилье, встать на ноги; но они получают их, только когда им исполнится двадцать один год. Ты можешь это оформить? Еще двести пятьдесят тысяч на тот случай, если нам придется приспособливать часть дома для Санди, или платить за физиотерапию, или еще за что-то.

– Конечно. – Зейна записала.

– Два миллиона для меня. – Джульет старалась говорить будничным тоном, словно сидеть на этой кухне и говорить о сотнях тысяч и миллионах было самым нормальным делом. – Этот дом так и тянет деньги. На новую крышу и кухню, на новые шторы, луковицы и

топливо для АГА. Еще мне надо держать пачку наличных на случай всяких происшествий.

– Так, ладно. А остальные? Ведь у тебя еще остаются шесть или семь миллионов, если твой друг Сэм Хэм говорит правду.

Джульет кашлянула.

– Я хочу создать трастовый фонд для преподавания в школе истории искусства. И оплачивать школьные экскурсии в картинные галереи, а потом еще оплачивать ночевку по всему Соединенному Королевству при посещении интересных домов, Йоркширского парка скульптур и картинных галерей. – Джульет старалась не нервничать. Она вспомнила слова Сэма. *«Все блефуют. Я получил эту работу благодаря блефу. Ты просто говори, что ты хочешь сделать, и ты удивишься, сколько людей будут тебя слушать»*. – Чтобы каждый ребенок в нашей стране увидел красивые картины, скульптуры или дома. Не только дети членов Национального треста^[4] или люди, которые сами посещают с детьми музеи или могут себе позволить поехать куда угодно. Каждый ребенок должен иметь право обогащать свой мозг.

– Они должны иметь право регулярно питаться, а не ходить каждую неделю в благотворительный продовольственный фонд с матерью или родителями, хотя те получают нормальную зарплату, – сказала Зейна.

– Я пришлю тебе список пожертвований, которые также хочу сделать, когда пройдет аукцион, но я не могу закрыть благотворительный продовольственный фонд, как бы мне ни хотелось. Как ты думаешь, это возможно? Ты можешь создать благотворительный трест?

– Да, но ты не можешь стать единственным попечителем. Нужен еще кто-нибудь...

– У меня есть такой человек. Сэм.

– Опять Сэм Хэм. – Зейна что-то записала. – Помнится, ты что-то говорила о нем, когда он получил ту работу. Тогда ты терпеть его не могла. Как все переменялось.

– Он мой босс.

Зейну не убедил такой ответ, и она сменила тему:

– Как дела у Би?

– По-моему, она о'кей. Я дала ей сейчас полную свободу. Чтобы она как бы нашла себя, хоть это и странно звучит. – Джульет, поколебавшись, продолжала: – Мне приходится напоминать себе, что я не должна ей потакать слишком часто только потому, что я чувствую себя виноватой во всем.

Зейна накрыла ее руку своей.

– Ты все еще так считаешь, да? – удивленно спросила она.

– Что?

– Что ты во всем виновата.

– Да, считаю. С Санди ничего бы не случилось, если бы мы жили в Лондоне. Би – она очень несчастна, у Айлы нет друзей...

Тут она остановилась.

– Вообще-то, есть. На прошлой неделе она ходила в гости и играла там, а перед этим та девочка ночевала у нас. И Би не такая несчастная. – Она кивнула: – У нее все нормально. В школе считают, что она получит А* в аттестате о среднем образовании. Фин очень приятная девочка. И – знаешь что? Фредерик любит меня. И Джордж. И я их люблю. – Она считала на пальцах и чувствовала, что у нее горит лицо. – Что еще? Мама с папой были потрясающие, а ведь год назад мы с трудом обменялись парой слов. И Онор приходит, если мне нужна ее помощь, и мы выпьем с Джо на следующей неделе, черт побери, и мне – ну мне нравится моя работа. А еще я посадила люпины из семян, а они погибли, но это ничего, потому что их невозможно вырастить из семян. Надо просто купить отводки. Так что все о'кей! Теперь я это знаю, и все о'кей! – Зейна качала головой и поджала губы с ласковой усмешкой. – Дело в том, что год назад... Ох, Зи, год назад я была такой несчастной, все они были несчастными, и сейчас дело не в доме и не в деньгах.

– Ладно тебе! Это тоже помогло.

– Еще поможет. Но тогда помогло не это. Помогло то, что я все переменяла. У меня не хватило бы решимости на такой шаг, если бы тот слизняк Генри Кудлип не уволил меня или если бы другой слизняк Мэтт Тейлор не завел любовницу. Извиняюсь, он не слизняк. Но ты знаешь, что я имею в виду.

Зейна крепче сжала ее руку.

– Женщины! Почему мы позволяем над собой измываться! Мэтт слизняк. Он изменял тебе и обращался с тобой как с грязью, Джу.

– Да, ты права. Но я вот что хочу сказать. Я тогда думала, что все эти вещи были самым плохим, что могло со мной случиться. Но увольнение, Мэтт и Тесс – все это было лучшим, что могло случиться. Они заставили меня сделать решительный шаг и изменить мою жизнь. По-моему, ты просто привыкаешь быть несчастным. Это как мышечная память. Ты забываешь, как быть счастливым. – Она покрутила головой вокруг шеи, почувствовала щелчок. – Исключение – несчастный случай с Санди. Это не та беда, которая превращается в благо. Его травма на моей совести.

Зейна кивнула, но тут же возразила:

– Слушай, детка, несчастные случаи бывают всюду. Твой шустрик всегда был в зоне риска. Помнишь, как он забрался на подоконник в твоей спальне? Кто знает, может, случилось бы что-то и хуже, если бы вы остались в Лондоне? Ты не можешь знать дорогу, по которой не пошла. Ты выбрала свою дорогу, и правильно сделала. Ты всегда поступала правильно.

Ее голос звучал ласково. Джульет заморгала, растроганная.

– Ну...

Раздался стук в дверь.

– Это Наваль или Жасмин. – Зейна встала и пошла по коридору. – Ой, привет, – послышался ее удивленный голос. – Конечно, детка. Заходи.

Вошла Би, руки в карманах, на спине рюкзак. Она робко огляделась, но, когда увидела Джульет, обняла ее.

– Мама! Как там Санди?

– Он... ну, у него все хорошо, доченька. Как ты провела эту неделю?

– Классно, – Би кивнула. – Можно Фин снова придет на следующей неделе?

– Конечно. – Джульет допила чашку и взглянула на Зейну, стоявшую в дверях. – Нам надо пойти через дорогу и забрать вещи Би...

– Не нужно, у меня все с собой, – Би похлопала по рюкзаку. – Поехали домой.

– О. Ладно. Ты не хочешь попрощаться с...

– Ма, не разрушай символичность этого акта. И вообще, папа везет сегодня Тесс в какой-то гламурный итальянский ресторан в

Хампстедде. Ее убивают ее ноги, она постоянно голодная, и я слышала, как она сказала папе, что не хочет тебя видеть.

– Ну и ладно. Так папа сказал что-нибудь?

– Он сказал, что постарается приехать в субботу на праздник Санди, но не уверен. У сына Тесс показательные выступления по кун-фу. – Би прислонилась к стене. У нее опять отросла челка – а ведь она подстригала ее всего неделю-другую назад. Зачем так летит время? Недели, месяцы ускользают прочь. Би уже молодая девушка, скоро ей стукнет шестнадцать.

Зейна открыла дверь.

– Машина все еще здесь, ее пока не увезли на штрафстоянку Зоны 2. Ты закончила со мной?

Джульет остановилась.

– Тут еще одна вещь. Я хочу купить другую картину. Сейчас она в Женеве, в банковском хранилище. Не смейся. Это правда. Я должна платить ввозную пошлину?

Зейна вздохнула и скрестила руки на груди.

– Правильно, должна. А что за картина?

– Ну тот эскиз. Эскиз к «Саду утрат и надежд». – Джульет почесала нос. – Я понимаю, что это звучит странно. Но мужик, купивший ее, не хочет отдавать ее на выставку. Думаю, он просто не желает заморачиваться. Его уже ругали за это в прессе. Я предложила ему чуть больше рыночной стоимости и подчеркнула, что он будет выглядеть приличным человеком, если продаст эскиз правнучке художника, поскольку она ухитрилась найти другую картину...

– Которая, как оказалось, и так все время была в твоём доме, и твой ребенок перенес серьёзную травму головы ради того, чтобы ты нашла ее...

– Ну да. – Джульет почесала нос. – Честно говоря, я не говорила с ним об этом... он не тот человек, чтобы вникать в детали.

– Угу.

– Но я думаю, что мы договорились. Я хочу повесить ее дома в кабинете и смотреть на нее, когда буду писать биографию Неда Хорнера. Ты можешь проверить контракт, когда он придет?

– Все работа да работа, – пожаловалась Зейна. – Приближается Байрам, к пяти я голодная и усталая, а ты даешь мне все новые поручения.

– Спасибо, Зи. Люблю тебя. – Джульет снова поцеловала подругу. – О'кей. Би, тебе нужно?..

– Мам! Мне уже пятнадцать! Я писала, что все в порядке!

– В порядке... – начала Джульет, но замолчала и помахала рукой:
– О. Привет, Тесс.

Тесс стояла на пороге дома, держа мешок с мусором, и без эмоций глядела на Джульет.

– Давай я помогу тебе. – Джульет перешла через улицу, взяла у Тесс мешок и бросила его в контейнер у передней стенки, не в ближайший, а во второй.

– Этот контейнер течет, – сообщила она. – Тот лучше... – Она замолчала и пошла к калитке, внезапно смутившись, что она переступила черту и зашла в садик.

– Это новый контейнер. Но спасибо, – неохотно поблагодарила Тесс. Джульет увидела глубокие тени у нее под глазами, над круглыми как яблоки щеками, чистое, восковое совершенство ее слегка опухшего лица беременной женщины и ее потухший взгляд.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

Тесс медленно повернулась, словно преодолевая боль, и похлопала себя по большому животу, натянувшему аккуратное платье в полоску.

– Нормально. Только донимает опоясывающая боль в тазу. Страшно мучительная, блин.

– У меня тоже так было, когда я носила Айлу. Это ужасно. Сочувствую тебе. Мэтт знает, что делать. Обычно он... – Она замолчала, потом выпалила: – Я носила поддерживающий бандаж. Он растирал мне бедра и ноги. Заставь его это делать.

Тесс слабо улыбнулась:

– Я уверена, что он помнит. Я попрошу его. Когда он будет в хорошем настроении.

Настроение Мэтта, барометр в доме. Джульет ощутила на лице теплый ветер свободы. О, она должна воспитать, убедить своих девочек, чтобы они никогда, никогда не выходили замуж просто ради того, чтобы был муж. Гораздо, гораздо лучше жить одной, чем вот так.

– Вообще, я уверена, что Мэтт в восторге, – сказала Джульет. – Он замечательно умеет ладить с детьми. Я не сомневаюсь...

Она замолчала, вспомнив, как трудно было Тесс с ее первой дочерью, Элиз. Конечно, Би с Айлой должны навестить их новорожденного братика или сестричку, любить его или ее, но только визит должен быть кратким. Ситуация быстро становилась токсичной. Джульет немного помолчала.

– Мэтт в самом деле прекрасно ладит с детьми. Он поет им песенки, и они засыпают. Он хорошо общается с ними, когда что-то делает, а они находятся рядом. Готовит чай или печет кексы. Он разгружал посудомойку с Айлой, сидевшей у него в переноске, и пел ей песни Пола Уэллера. Ей нравилось, – Джульет весело кивнула. – Ему нравится чувствовать себя полезным. Я перестала нуждаться в нем. – Это была правда, теперь она это понимала. – Слушай, я поздравляю тебя, Тесс. Я рада за тебя. – Она поняла, что и это тоже правда. Она была свободной и вне здешних проблем.

– Это тебя надо поздравить, – сказала Тесс. – Мэтт все время твердит, как он рад за тебя. – Она усмехнулась. – Это чтобы ты знала. Он действительно рад за тебя.

– О, спасибо...

Темные тени под глазами Тесс сделались еще глубже, когда она опустила глаза.

– Конечно, это чушь. Но нам приходится говорить, что мы верим этому. Иначе он боится, что окажется всеобщим посмешищем.

Она криво улыбнулась, держась рукой за живот. Джульет кивнула и тоже опустила глаза, а когда снова подняла их, Тесс уже скрылась за дверью.

Джульет посмотрела в последний раз на свой прежний дом: вечернее солнце освещало аккуратный фасад из кремового и красного кирпича, остатки жимолости цеплялись за подгнившую жардиньерку. Она вернулась к своей машине.

– Тра-ля-ля! – весело пропела она.

– Странная эта Тесс, – негромко заметила Зейна.

– Зейна... – одернула ее Джульет и кивнула в сторону Би, но ее дочка сунула большие пальцы под лямки рюкзака и кивнула:

– Она и правда странная. Но папа тоже странный. Думаю, что им хорошо вместе.

– О, почему? – удивилась Джульет.

– Они оба убеждены, что против них устроен заговор. Что всем остальным лучше, чем им. – Она пожала плечами: – Что у всех больше денег и все такое. Она развелась с мужем и оказалась без прежних денег, а она любит деньги. Папа тоже. Она говорит, что ты их много получила. Ты поэтому развелась с папой?

– Вроде того. Я расскажу тебе об этом по дороге. – Они улыбнулись друг другу, и Джульет повернулась к Зейне: – Слушай, я...

– Не надо, – сказала Зейна. – Езжайте. Я люблю тебя и скучаю по тебе. Мы будем на связи по поводу всех этих дел. Передай Сэму мои уточнения. – Она прижала Джульет к себе. – И передай ему свои.

– Ма, давай послушаем твою АВВА? – попросила Би, когда они сели в машину.

– А что, конечно, – сказала Джульет, скрывая свой шок. – Давай начнем с «Супер-Трупер» – гениальная песня.

– Да, ма. – Би неловко потерлась своей шелковой головой о руку матери и снова выпрямилась, то ли хмурясь, то ли улыбаясь.

– Так что, ты считаешь, что я в чем-то права?

– Да. Ты права во многом.

Джульет взглянула в последний раз на дом Мэтта и тронула машину с места, помахав Зейне.

– Поехали домой, доченька.

Глава 40

Прошла неделя, начался июль. В субботу Джульет устроила праздник в честь возвращения Санди из больницы. Когда ушли последние гости – Толли с Уолбрукской фермы, которые принесли к столу домашний свиной паштет, замороженные сосиски и два готовых блюда. «Мы не хотели обременять вас, мальчик дома, и у вас прибавилось хлопот, так что несколько лишних блюд вам не помешают в такой день...» – сказала Дебс Толли, выгрузив припасы в маленькой кухне, – Джульет остановилась у подножия лестницы и прислушалась, как там Санди. Всего семь вечера, но он уже крепко заснул, обессилив от восторга, ведь он вернулся домой. Он съел слишком много сладкого и несколько секунд попрыгал на диванных подушках, но у него тут же закружилась голова, и он стал блее простыни. Джульет старалась не пугаться раньше времени, уговаривая себя, что это результат его прыжков, а не что-то другое. Она отвела его в столовую и строго предупредила, погрозив пальцем, что если он будет снова так прыгать, пока еще не поправился до конца, то ему придется снова поехать в больницу.

– В общем, я говорю тебе серьезно, – добавила она, ужасаясь и в то же время даже радуясь тревоге, появившейся на его личике. – Тебе очень повезло, что ты поправляешься. Но если ты сейчас снова упадешь и ударишься, я ужасно рассержусь на тебя.

– Нет! Ты будешь приезжать ко мне в больницу и опять дарить мне подарки, – ответил Санди, скрестив руки, потом вышел из столовой и закричал: – Айла!

Ты где?

– Он стал гораздо лучше говорить, – сухо заметила Онор, наливая себе вина.

Джульет посмотрела, как он спал на своей новой кровати. Вся семья Свинки Пеппы выстроилась у стенки вместе с новой книжкой «Тигр, который заглянул на чай» и экскаватором, подарком Мэтта. Она переборола в себе желание остаться рядом с сыном, проверить его дыхание, температуру в комнате, поправить ему голову... с огромным усилием воли она заставила себя уйти, спустилась в свой кабинет и

чутьочку поплакала. Ведь Санди был еще таким маленьким и беззащитным.

В коридор вышла Онор, допивая вино.

– Я пойду, – сказала она и поставила бокал на столик в холле. Взбила себе волосы перед зеркалом и повязала шарф на шею. – Ой, кстати. Сегодня к вечеру к тебе заглянет мой садовник. Помнишь, я говорила об этом? Ничего? – Джульет непонимающе посмотрела на нее. – Я рассказала ему про твой сад. Он хочет посмотреть, что он может тут сделать.

Конечно, Джульет не помнила об этом, как и о многом другом за последние месяцы. Но она кивнула:

– Замечательно. Спасибо тебе за хлопоты.

Онор засмеялась и обняла ее. Джульет поцеловала ее и в который раз ощутила ее гладкую кожу и памятный с детства запах духов.

– Я так рада, что ты здесь. Все вы, – сказала Онор. – Сейчас меня подвезет домой Джордж. Я слишком много выпила и оставлю тут машину.

Джульет открыла французское окно и с удовольствием набрала в легкие свежий вечерний воздух. Послышался шум отъезжавшего автомобиля Джорджа.

На ее столе лежала фотография «Сада утрат и надежд», снятая с высоким разрешением, и бумага от Сэма, подтверждающая сделку с галереей «Тейт». Они ждали ее, когда она вернулась из Лондона. Сэм завез их, но не остался.

«Тейт» покажет картину вместе с «Соловьем» и «Сиреневыми часами». Двадцать пять процентов от всей выручки от почтовых открыток, сувениров и пр. будут направляться в Трест Стеллы Хорнер по художественному образованию. По этому вопросу они свяжутся с тобой отдельно. Я скоро позвоню тебе, с твоего разрешения.

Спасибо.

С.

По ее просьбе картина вернется в дом на один вечер, после чего ее увезут в «Тейт» на открытие выставки. Джульет поставит ее на террасу перед французскими окнами, над многоцветковыми розами и недавно посаженными Онор наперстянками. Она в последний раз посмотрит на картину в ее изначальном, правильном окружении и расстанется с ней навсегда. В конце концов, ведь картина жила рядом с ней все эти годы.

Что сказала бы Грэнди обо всем этом? Отсутствие ее огромной личности казалось особенно заметным сегодня, пусть даже лишь одной Джульет.

Когда она навещала Грэнди в больнице, куда ее увезли с инсультом, арт-терапевт принесла ламинированные репродукции картин и обошла с ними палату, показывая пациентам; те встретили их раздраженно или с полным безразличием.

Джульет приезжала каждый день в Уолбрук и сидела возле бабушки, потея, потому что все еще кормила грудью Би, и ей было жарко в зимней одежде. Сиделки не жаловали Грэнди, это было очевидно, – грузную, тяжелую, ее было трудно ворочать, она слишком много стонала, а с ее лица и изо рта так текло, словно ее слишком долго держали на солнце и она стала таять. Она не давала спать другим пациентам и, казалось, совсем не узнавала Джульет, не замечала ее или глядела мимо.

Арт-терапевт, маленькая, кроткая девушка, моложе Джульет, подошла к койке Грэнди.

– Вот, посмотрите на картины, Стелла! – сказала она задорным тоном. – Посмотрите, хорошо? Вот «Подсолнухи» Ван Гога. Глядите, какой яркий желтый цвет, радостный, правда? Вот Дэвид Хокни, это его родители. Обратите внимание, как изображены руки матери. Старые и узловатые. А вот какая красивая картина. Это Эдвард Хорнер. «Соловей в клетке». Видите заводную птицу у нее в руке? А де... Ой. Что такое?..

Потому что Грэнди заворочалась, издавая дикие, хриплые стоны; на безжизненном лице вращались выпученные глаза.

– Ей понравилась эта картина, – неуверенно сказала арт-терапевт. Джульет с тревогой смотрела на бабушку.

– Ничего, – сказала она. Взяла Грэнди за руку и заглянула ей в глаза, темно-карие, такие же, как у нее. – Грэнди, все в порядке, я здесь.

– Та, что справа. Мэри. Она сошла с ума, ее брак распался, и она потом жила у сестры.

– Правда? Это точно? – Арт-терапевт не знала, что делать, и перебирала репродукции. – Ну, кажется, вы знаете больше меня. – Она с опаской посмотрела на спящую бабушку Джульет, на ее огромное тело, уже не подчинявшееся ее воле. Костлявые бесполезные руки, которые ухаживали за растениями и расчесывали волосы, теперь тяжело и безжизненно лежали на простыне. – Тогда желаю удачи. Я пойду к другим пациентам.

– Спасибо, – крикнула ей вслед Джульет, повернулась к бабушке и вздрогнула от шока, обнаружив, что она глядела на нее, приоткрыв один глаз.

Они смотрели друг на друга, но Джульет понимала, что бабушка не видела ее. Так она думала. Но на всякий случай она сжала ее руку и поцеловала в теплый, гладкий лоб.

– Спасибо.

Тут Грэнди тихонько вздохнула, закрыла глаза и больше не открывала. Джульет ушла, поцеловав ее. Бабушка скончалась через неделю, и Джульет не слишком горевала. Она понимала, что Грэнди все равно уже не была бы такой, как прежде.

Сейчас, глядя на сад, Джульет взяла бабушкину маленькую тетрадку с записями, сделанными накануне инсульта. Убористый, с красивыми петлями почерк, буквы ровные, каждый раздел аккуратно подчеркнут... Бедная Грэнди, подумала Джульет. Она отталкивала людей, которые могли ей возражать. Она оттолкнула бедного папу, который оставил ей меня, чтобы поддерживать с ней отношения. И потом я оказалась единственной, кто остался с ней, не считая доброго, терпеливого Фредерика, а через некоторое время она оттолкнула и меня. И какая разница, если бы она нашла картину? Если бы Джон просто отдал ее ей? Деньги не принесли бы ей счастья. Глядя на оригинал, она тоже не стала бы счастливой... те двое детей, один из которых помнил... ту, которая прогнала его из родного дома...

Джульет помнила только хорошие дни. Как Грэнди вязала каждый август соломенных кукол из стеблей пшеницы, давала им имена, создавала их мир. Как Джульет и Грэнди спали в середине мая в Птичьем Гнезде, чтобы слушать пение соловьев. Как сверкали ее темные глаза, когда она читала Джульет старые детские книжки,

которые доставала наугад из пыльных полок: «Тысяча и одна ночь», «Алиса в Стране чудес», «Дети воды» и «Дети железной дороги».

На посыпанной гравием дорожке послышались шаги – она подняла глаза, все еще погруженная в свои мысли.

– Хелло? – сказала она появившемуся в дверях силуэту. – О, должно быть, вы... – Она замялась, решив, что слово «садовник» прозвучит чуточку в духе сериала «Аббатство Даунтон». – Вы тот человек, который пришел посмотреть сад?

– Ты имела в виду – садовник? – сказал удивленный голос. – Джульет? – Мужчина шагнул к ней, выйдя из тени. Массивная фигура, очень короткие волосы, резиновые сапоги, забрызганные грязью.

– Да, – растерянно ответила она.

– Ты не узнаешь меня?

Она взглядела в него, и по ее телу пробежал шок.

– Эв? – она вытянула шею. – Не может быть. Эв?

Он взял ее за руку, крепко сжал и потряс.

– Да! Я так и *знал*, что ты не узнаешь меня!

Его буйная курчавая африканская шевелюра, которую он в детстве не позволял стричь, теперь была острижена почти до черепа, так что был виден шрам, которым он обзавелся, спрыгнув с высокой стены возле речки. Глаза были прежние: с поволокой, то черные, то карие при свете. Его кожа – темный кофе с молоком, как он всегда шутил. Так много лет... Его руки – она взяла его руки в свои и засмеялась, увидев, что ногти обгрызены до предела и забиты грязью в каждой трещинке. И он был огромным. Он был *здоровенным*. Он был почти неузнаваемым. Удивительно, как изменился тот маленький мальчик, который столько лет назад выскакивал из речки и лазил вместе с ней по деревьям и по крышам.

– Дай поглядеть на тебя. – Джульет покачала головой: – Эверетт Эйдар! Что с тобой случилось?

– Слишком много мучного и пива, – ответил он и похлопал себя по животу.

– Нет, я не об этом! Твой рост! В последний раз, когда я тебя видела...

В то последнее лето они потеряли невинность в Голубятне, потом занимались сексом в саду, наверху в Птичьем Гнезде... Ему было восемнадцать, ей семнадцать. Осенью он уехал в Бирмингем и больше

не возвращался. Джульет ходила в Лондоне с разбитым сердцем всю осень, когда дождь стучал по мокрой листве, а лето постепенно бледнело в памяти. На Рождество она приехала в Соловьиный Дом, страдая по Эву, но он не появился и тогда... Джульет потерла лоб пальцем, вспоминая, в какой момент она перестала скучать по Эву. Давным-давно... Когда же? Двадцать лет, двадцать два года...

– *Двадцать два года назад!* Правильно? Боже, мы с тобой старые. – Она все еще держала его за руки. – Ты тогда тоже был таким высоким?

– Я подросток еще на три дюйма, когда мне было восемнадцать. Или девятнадцать. И я пристрастился к пиву, – сообщил он. Джульет подняла брови, и они оба рассмеялись.

– Тогда ты так и не вернулся, – сказала она через некоторое время. – Хотя ты уехал в университет и обещал, что приедешь.

– Я не хотел тут оставаться, Джу. Я был тут единственным чернокожим на мили и мили вокруг.

– Не на мили и мили – тут был...

– Мой отец, Джу. Я и мой отец. Ему нравится тут жить, но... Я хотел наконец-то сделаться незаметным. Понимаешь, когда ты в большом городе, никто не обращает на тебя внимания. Люди не смотрят на тебя, не говорят веселым голосом приятные слова, скрывая свою вину белого человека. Поначалу мне это нравилось. Я никогда не сталкивался с этим прежде.

– Я никогда не думала об этом. Потом да, но не... не тогда. Извини.

– Мы были детьми. Зачем это тебе? Дети не замечают таких вещей.

– Но все равно надо было. Я считала, что для нас все было одинаковым, а ведь не было. – Она кивнула: – Пойдем со мной. – Она потащила его на террасу, на вечернее солнце, и налила ему бокал вина.

Но Эв с улыбкой отказался:

– Я не пью вино.

– Что?

– Моя мать ужасно разочарована этим, ты можешь себе это представить. – Он улыбался, все еще позвякивая ключами от машины. – Вообще-то, я приехал на неделю или две. Вот она и предложила, чтобы я приехал к тебе и взглянул на сад... это о'кей?

– Замечательно, – ответила она, улыбаясь. – Просто классно повидаться с тобой. Где ты теперь живешь?

– В данный момент в Ноттингеме. Но много живу на Ямайке. Мне там нравится. Разные корни, ты понимаешь, что я имею в виду. Я восемь лет не возвращался в Соединенное Королевство, пока не получил эту работу. А до этого я жил в Хэтфилде, почти на окраине Лондона.

– Я не знала. Ты мог бы заглянуть ко мне в Лондон. Повидаться.

– Я больше не могу смотреть на Лондон. У меня голова кругом идет.

– О. – Раньше она знала его как облупленного, знала о нем все, а теперь не знала ничего о том, что ему нравилось или не нравилось. Но тут он почесал в затылке и сказал:

– Плюс ко всему я боялся... понимаешь?

– Боялся? Чего?

– Что мы встретимся и... все будет по-другому... нам будет нечего сказать друг другу. Ты понимаешь, как это бывает. – Он оперся на стол и посмотрел на нее.

– Понимаю. Я часто думала... – Она улыбнулась ему в его черные глаза, порадовалась его мальчишеской улыбке. – Вообще-то, ты не изменился.

– Ой, я изменился. Ты тоже.

– Правда?

– О да. Ты никогда бы и мухи не обидела, ты была целиком в себе, в своей голове. Или в моей.

– Мы были с тобой одинаковыми, это правда.

Эв скрестил руки и склонил набок голову.

– Я удивлялся на тебя, Джу. Как ты встретишься с реальной жизнью.

– Угу. Знаешь, в последние годы я хлебнула реальной жизни, – сказала она. Эв с легким недоумением посмотрел на нее. – Знаешь, трое детей, развод, больницы, увольнение по сокращению штатов, переезд сюда, семья. – Она шагнула в сторону, и теперь солнце не слепило ей глаза, и она хорошо видела Эва. – Сейчас я счастлива. Счастливая я. Санди, вот моя главная забота, ну и остальные двое.

– Кто такой Санди?

– О, мой сын. Тот, с кем случилось несчастье два месяца назад. Он упал с карниза в Голубятне.

– Ах да, конечно. Извини, я забыл. Тяжело тебе пришлось... ого. Ужасно.

– Да, тяжело, – подтвердила она. – Сегодня он вернулся домой, вот почему мы устроили праздник.

– Откуда вернулся?

Она глядела на него и улыбалась, чтобы скрыть свое удивление. Почему он такой непонятливый?

– Из больницы. Он два месяца пролежал в больнице.

– О. О, о'кей. Извини, Джульет.

Что-то сдвинулось, настроение изменилось. Джульет почувствовала облегчение.

– Откуда тебе было это знать?

– На самом деле мама что-то говорила об этом – видно, я просто забыл. Так... мне не терпится взглянуть на сад, Джу, помочь тебе. Мне нравится возвращаться сюда, в эту часть мира. Навещать маму с папой, разговаривать с ними обо всем на свете, заниматься спортом до упаду.

Она заморгала. Конечно, он ничего не понимает. У него нет ребенка, который провел два месяца в больнице. У него вообще нет детей! Зачем ему это понимать? Но тут голос в ее голове сказал: «Да, но ведь у Фредерика тоже нет детей, а они с Джорджем приезжали почти каждый день и спрашивали, чем могут помочь. Я никогда раньше не виделась с Фин, но в первый свой приезд она привезла подарок для Санди, а ведь она подросток! Дело не в том, что у него нет детей. Просто он вот такой».

Последовало краткое молчание.

– Ты что-то сказал про спорт, – сказала она. – Чем ты занимаешься, когда приезжаешь?

– Ездой без дорог. Там есть место за холмом возле моей тетки. У меня есть квадроцикл. Я езжу с парнями... Классные парни. Заядлые автолюбители. На Ямайке это мое главное занятие. Мы собираемся, гоняем по местности, ветер треплет волосы – или нет... – Он потер свою коротко стриженную голову. – Создаем хаос... влипаем в проблемы – ничего серьезного, больше проблем у нас с нашими женами, понимаешь.

– О. Угу. Я понимаю.

– Нас прозвали «Хаос на колесах». У нас на бамперах стикеры «Прочь с дороги, или ляжешь под колеса».

– Ох, жуть какая! – сказала Джульет.

Он склонил голову набок.

– Что? Ох – извини. Ты такая впечатлительная?

Джульет немного помолчала.

– Вероятно, да, – сказала она потом и рассмеялась. – Слушай...

Она не успела договорить.

– Так вот, я должен тут все посмотреть, если ты не против. Ты возвращайся к своим в дом. – Наступила небольшая пауза, и Джульет услышала, как к дому свернул автомобиль. – И – да, после этого мы поговорим. Ого, – сказал он, когда машина быстро приближалась к дому. – Кто-то торопится.

Позади них раздался скрежет тормозов. Джульет оглянулась. Сэм захлопнул дверцу и почти бегом направился к ним.

– Джульет, гляди. Гляди, что мы обнаружили сегодня утром... – Он замолчал. – Извиняюсь.

– Приятный «Ауди», – сказал Эв. – Классные, классные колеса.

– Спасибо. – Сэм повернулся и посмотрел на автомобиль так, словно никогда не видел его прежде. – Я взял в аренду на год не ту машину, но теперь она мне почти нравится. Она серебристая.

– Я Эв. Привет, – Эв протянул ему руку.

Все еще слегка ошеломленный, Сэм смотрел на него, потом перевел взгляд на Джульет, потом снова на него, но тут к нему вернулись его врожденные хорошие манеры.

– Вау... Джульет часто вспоминает о тебе. – Он был высоким, но по сравнению с Эвом казался почти карликом. Он пожал ему руку: – Рад познакомиться. Ну, я полагаю, что вам с Джульет есть о чем поговорить, но... – Джульет взглядела в него и увидела его глаза, выражение в них. – Но мне нужно минутку поговорить с тобой, Джульет – Он слегка коснулся рукой ее запястья. Она кивнула.

– Не торопись, – сказала она Эву.

– Эй, я ненадолго заглянул к тебе. У меня полно дел. Я посмотрю и потом позвоню тебе. Как мне тут нравится. Старый дом почти не изменился. Гляди – вон гнездо скворца на вязе. – Его лицо сморщилось в улыбке. – И японский клен все еще жив. *Acer Palmatum*. Пока... – Он пошел вниз по тропе к Зарослям.

– Он всегда был немного одержимым, – сказала Джульет, повернувшись к Сэму. Его глаза устремились на нее. В них было ожидание.

– Извини, что уволок тебя от него, – сказал он. – Но это... это не может ждать.

Они стояли вдвоем на террасе, окруженные запахом жимолости, древесного дыма и роз. Из гостиной доносилось бормотание телевизора, на деревьях пели птицы.

– Я должен был увидеть тебя, – сказал Сэм. – Я... – Он замолчал. – Не знаю, как сказать тебе это.

У Джульет тревожно забилося сердце.

– О! Нет, только не сегодня.

– Почему?

– Сегодня у нас праздник в честь возвращения Санди из больницы.

– Ах да, конечно. Проклятье. Проклятье! – Он стукнул себя ладонью по лбу, откинув назад спутанные темные волосы. – Я совсем забыл. Ведь я приготовил для малыша подарок. Какое-то отвратительное существо, которое должно вылупиться из яйца. Все это ужасно, но продавщица заверяла, что ребенку игрушка понравится. Ой, прости, Джульет. Я хотел привезти ее. Ты... – Сэм крепче сжал ее запястье, а его глаза с тревогой глядели на ее лицо. – Ты смотришь на меня так, словно уже знаешь, что я собираюсь сказать. Кейт уже сообщила тебе? Ты уже знаешь?

– Возможно... а что я знаю?

– Про письмо?

– Какое письмо?

– Письмо, которое архивистка Кейт нашла в чемодане Далбитти... – Он помолчал. – А ты что подумала?

Лицо Джульет вспыхнуло от смущения.

– Ничего. – Она провела рукой по лбу. – Вообще ничего!

Он быстро улыбнулся, раскрыл рот и, оторвав глаза от ее лица, неловко потер шею и опустил глаза.

– Ох. Послушай... Джульет...

До сих пор она всегда видела его спокойным и собранным – и это было довольно странно, возможно, сказывалась усталость последних недель – или лет, – или запах жимолости, сада, такой живой, или факт,

что он был здесь, перед ней, в рамке из красных и лиловых сальвий возле ступенек, спускающихся к Зарослям, но она видела его словно заново. И она в глубине души всегда знала эту новую персону. Да. Я знаю тебя. *Как я не понимала этого раньше?*

Он взял ее руки в свои и взглянул на нее.

– Кейт Надин пришла ко мне сегодня. Она просматривала самые последние документы Далбитти. Он плыл в Лондон в конце 1919 года. Письмо лежало в его маленьком переносном планшете, в котором он держал свои чертежи при работе на объекте. Он не взял его с собой в Лондон, и планшет был запертым все эти годы, никто не пытался заглянуть в него, пока Кейт не обнаружила ключ в одной из папок с другими его бумагами. Она открыла его на прошлой неделе – и там было это письмо...

– И что там написано?

– Правда, – ответил Сэм. – Оно... оно меняет все.

– Как?

Он отпустил ее руки, полез в нагрудный карман и сунул ей тонкий бумажный конверт, покрытый техническими рисунками и столбиками вычислений.

Она взяла конверт.

– Не сейчас – сейчас не надо. Потом. Но я хочу, чтобы ты знала. Что я всегда, всегда буду здесь с тобой. Я буду всегда заботиться о тебе. Тебе не придется делать это самой. Нет, не придется! – сказал он, и на его губах расцвела ласковая улыбка. – Ты просто знай, что люди меняются.

Она вспомнила Эва, эфирное создание, превратившееся в огромного мужика, любителя пива и квадроциклов из «Хаоса на колесах».

– Конечно, меняются. – Она посмотрела на Заросли, в которых мелькала голова Эва.

– Я подожду здесь, – сказал Сэм. – Подожду, когда ты закончишь читать. А ты зайди в дом и сядь.

В эту минуту на террасе появилась Айла:

– Привет, ма. Привет, мистер...

– Сэм.

– Ну привет, мистер Сэм.

Он присел на корточки.

– Привет, мисс Айла. Очень приятно познакомиться. Я много слышал о тебе.

Айла снисходительно кивнула:

– Классно. Ма, можно я возьму хетчимал?

– Нет, Айла, послушай, доченька, мне надо срочно...

– Но ма, у Санди уже есть от...

– Нет и нет. Он больной.

– Это нечестно. – Айла повернулась к растерянному Сэму: – Мы приехали сюда год назад, и я, кроме Рождества, не получила ни одного подарка. А еще мне приходится играть *цельми днями* в этом большом дурацком саду. И все это потому, что у мамы был старый-престарый родственник, и он оставил ей этот дом, и она хотела позволить папе жить с Тесс. И сделать с ней ребенка, и это не хетчимал, который выводится из яйца. Только у нее и так уже двое детей. И я. Не люблю. Элиз. Так что мне придется уехать и жить с ними, но вообще-то я бы осталась тут. А еще, – торжествуя договорилась она, снова накрутив подол юбки на палец и задрав его так, что стали видны ее трусики, – мы реально возьмем щенка.

– Нет, мы реально не возьмем никого.

– Нет, реально возьмем.

Сэм посмотрел на Джульет.

– У меня есть лишнее яйцо хетчимал, – сказал он. – Я купил его для твоего брата, но оно ему не годится и сейчас ищет себе новую хозяйку. Ты можешь взять его в следующий раз, когда я приеду?

– Что? Да! Да, пожалуйста! – сказала Айла, ее хмурая неприветливость за секунду преобразилась в восторг. Она выпрямилась. – Вы можете дать мне ее сейчас?

– Его. Нет – оно дома, оно пока не готово вылупливаться.

– Почему не готово?

– Потому что время инкубации еще не прошло, – ответил Сэм.

– Но ведь это пластиковая игрушка, – озадаченно возразила Айла, и Сэм рассмеялся.

– Ты мне нравишься, мисс Айла.

– Вы мне тоже нравитесь – вы можете привезти игрушку завтра?..

– Уходи, – сказала Джульет, схватив дочку за плечи. – Я приду потом, и мы с тобой поговорим.

Она ласково подтолкнула Айлу к двери. Сэм повернулся к ней:

– Ну она и перед.

– Да уж. Целая корзина перца. – Джульет оглянулась на дом. Сэм сунул ей в руки конверт.

– Ты можешь хотя бы намекнуть мне, что там? – попросила Джульет и мокрыми от волнения ладонями поднесла маленький, почти квадратный конверт к лицу и посмотрела на аккуратный почерк, на когда-то черные чернила, ставшие от старости рыжими. Чернила кое-где расплылись, некоторые слова резко обрывались, словно пишущий несколько раз останавливался и начинал писать дальше.

– Прочти. – Он наклонился и очень ласково дотронулся до ее щеки, так что ладонь обхватила ее подбородок. Его кожа была теплая, рука уверенная. Джульет поняла, что он сделал это естественно, по зову души. Она накрыла его руку своей, прижала ее к своему лицу. Они постояли так несколько мгновений.

– Ладно. Я пойду.

Ее щека хранила тепло в том месте, где только что были его пальцы. И Джульет машинально потрогала щеку под пристальным взглядом Сэма.

– Джульет...

– Может, ты погуляешь по саду? Или поужинаешь, выпьешь бокал вина или чего-нибудь еще? Если только в письме не написано что-нибудь настолько ужасное, что мне придется лечь. Или окажется, что мне уже не принадлежат ни дом, ни картина.

Сэм огляделся по сторонам, убеждаясь, что рядом никого нет.

– Вообще-то, я позволил себе вольность и заглянул в письмо, так что нет, за это можешь не волноваться. Все это твое, но все равно все меняется. Да, я бы хотел остаться.

– Чудесно. Это в самом деле чудесно. – Они улыбнулись друг другу.

Оставшись наконец одна, Джульет села на каменную скамью возле старого дома и достала письмо. Пятнистый камень впивался в ее ноги сквозь тонкую юбку, теплое солнце лилось на ее плечи. Она начала читать. За ее спиной кричали, смеялись, перекликались во всех комнатах дети. Перед ней простирался большой сад. Среди отцветавших роз ходил Сэм и ждал ее. А Джульет читала.

Глава 41

1981. 29 июля

Я не планирую ни сейчас, ни когда-либо в будущем продавать эскиз моего отца к картине «Сад утрат и надежд». Благодарю вас за проявленный интерес.

Искренне ваша

Она подписала письмо: *Стелла Хорнер*. Она оставила свою фамилию, когда вышла замуж; это было в 1943 году. Позор! Бесчестье! Кто-то подбросил белое перо на ступеньки дома^[5], пока Эндрю сражался на фронте. К тому времени умерла ее мать: Стелла знала, что никто не осмелился бы на такое при жизни Лидии Хорнер. Подобраться к дому, ночью? Осмелиться судить кого-то из семьи Хорнеров? Одна только мысль об этом вызывала у Стеллы смех.

Эндрю был Ярдли. Я не могу носить фамилию Ярдли, мне сразу приходит на ум туалетная вода, заявила она при помолвке. Я делаю туалетную воду лучше, чем они.

Он не улыбнулся.

Стелла встала и потянулась, перебарывая застарелую боль в руках, коленях, пояснице. Садовые травмы, как называл это доктор. Стелла никогда не видела своего отца, но знала его: ее мать позаботилась об этом. У них в доме висели три картины: «Встреча», «Смерть няньки» и, конечно, эскиз к «Саду утрат и надежд». Две первые были постепенно проданы вместе с мольбертом Неда и столом художника, вместе с лучшей мебелью и книгами – особенно Стелла горевала по собранию сочинений Диккенса, черному с золотым тиснением. Но мама всегда объясняла, что Нед выкупил картину, потому что медленно сходил с ума из-за смерти старших детей, и сжег ее; эта покупка разорила их, но они должны остаться тут и спасти дом... Так что они непрестанно экономили, не позволяли себе ничего и редко покупали новую одежду. Это было странно, потому что в школе

девочки из более скромных домов ходили в новых туфельках и ездили на праздники к морю. У Стеллы ничего этого не было.

– Мы должны сохранить дом. Ради тебя.

Ей, взрослой, было нелегко жить в доме, в котором она росла, но Стелла Хорнер понимала даже в двадцать два года, что ее детство было необычным и что оно было почти идеальным; эти два качества ухитрились в нем соседствовать. Мама была для нее всем, как и она для мамы.

Мама старалась, чтобы ее дочка не была отрезанной от мира. Они ездили в Лондон, они были в Музее Виктории и Альберта и видели там фрагменты других домов, были в «Серпентайне», видели смену караула, видели, как обезьянки меняли лампочки на сверкающей крыше универмага «Хэрродс». Они обычно пили чай у старинной маминой подруги в импозантном доме в Кенсингтоне, там были другие дети, большинство из которых ей нравились. Стелла обладала потрясающим умением подойти к любому ребенку и подружиться с ним. Она была как рыбка в воде в любой компании и в школе. Лидди вырастила ее сильной и доброй, приучила смотреть на мир ясными глазами и с открытым сердцем, энергично браться за дело. Стелла росла как молодое деревце, сильное и гибкое, она тянулась к солнцу и радовалась дождю. Она была радостью и гордостью Лидди.

Перед войной, летом 1936 года, ее мать продала парочку отцовских эскизов, и Стелла с Лидди смогли поехать во Францию, Германию, где они видели Нюрнбергский съезд нацистов, потом в Австрию, где они жили на озере Грундльзе вместе со старыми венскими друзьями ее родителей, семьей художника Рихарда Шёнберга. После этого им предстояло жить месяц в Париже, учить французский: но Стелла слишком затосковала по Соловьиному Дому и уехала через три недели, прорыдав всю дорогу до Лондона и злясь на свою глупость. Она была зачислена в кембриджский Ньюнэм-колледж, старательно училась, ходила на танцы, участвовала в хоре, засиживалась допоздна с подругами в своей большой комнате с овальным окном, глядевшим на английский сад, они пили кофе и говорили о несовершенстве мира. Именно в Кембридже она впервые поняла, что ее любовь к Соловьиному Дому была не просто тоской по дому, а чем-то фундаментальным: она должна была вернуться туда, он был частью ее жизни.

К радости матери, она получила диплом с отличием. «Как мама гордится тобой, дорогая моя девочка», – вновь и вновь повторяла она. Но после этого Стелла вернулась в Соловьиный Дом, потому что за год до этого началась война. Она была нужна там, работала дружинницей Земледельческой армии, они вместе с мамой приняли эвакуированных, шесть приятных девушек из Хорнси, и все мысли о том, чтобы поехать на поезде в Лондон и стать архитектором, вылетели у нее из головы. В душе она даже радовалась этому, хоть и не говорила об этом вслух. Она радовалась, что жила в Соловьином Доме, днем работала на поле, а вечером заботилась о девушках. Радовалась, что могла быть полезной. Шёнберги из Вены были убиты, вся семья.

Потом, в 1942 году, она встретила на танцах в Уолбруке с Эндрю Ярдли. Он был красавец и шутил с ней, а Стелле нравилось, когда с ней шутили и смеялись – она была часто склонной к мрачным рефлексиям, а он ловко отвлекал ее. Но когда он пришел на чай и она с энтузиазмом показывала ему дом, она не замечала, как его язык иногда мелькал между тонких губ, какими глазами он смотрел на картины, на сад, за которым мать ухаживала целыми днями, на дом, замечательное творение Далбитти.

– Никто не прикладывал рук к этому дому годами, точно?

– Нет, глупый, конечно, нет. Почему ты спрашиваешь?

– Окна потрескались, потому что оконные переплеты набухают; всюду бегают крысы, входная дверь застревает – разве ты не замечаешь?

– Переплеты высыхают каждое лето, дверь тоже. Крысы осмелели, потому что кошка занята котятками, скоро они пропадут. Что до стекол, то да, несколько пора заменить. Не хмурься, Эндрю. Тебе тут понравится.

Потом был тот ужас в его машине, ей даже не хотелось потом и вспоминать. Она сказала нет, и он ударил ее и заявил, что он заслужил это, вытерпев всю ту ерунду, а к тому же кто еще там есть? Кого еще она найдет себе? И ей даже не пришло в голову, что никто тоже вариант.

Она приложила арнику к темно-лиловым синякам на ляжках и зеленовато-желтому на животе. И, несмотря на всю ее храбрость, ей не хватило духа жить с ним так, и она вышла за него замуж, потому что так надо, но сохранила свою фамилию, ее собственную фамилию как

последнюю крупницу независимости, оставшуюся в ней. Вот так это и случилось.

Когда она сказала матери, потому что считала, что у них не было секретов друг от друга, мать кивнула и сказала нечто непонятное:

– Она была права, и жалко, что я не могу сказать ей, что она была права.

– Она? Кто?

Лидди что-то писала за своим письменным столом, тем самым, которым теперь, через сорок лет, пользовалась Стелла. Она перестала писать и сложила бумагу.

– Моя сестра. Я очень любила ее. А теперь, моя птичка, беги в кладовку и принеси немножко того фруктового пирога миссис Бидл; мы выпьем чаю и прикинем наши планы. Вот увидишь, я все улажу.

Стелла росла с уверенностью, что Лидди волшебница и обладала непонятной силой. Самым ярким примером стало то, что через неделю после смерти мамы Стелла потеряла мужа, сраженного безжалостными орудиями немцев во время Дня Д, не успел он даже выйти на берег Франции, и его тело унесли в море волны. Растить ребенка вместо ухода за шестью истощенными, испуганными эвакуированными женщинами, страдающими недержанием мочи, было легко, все равно что прогуляться по саду. В конце концов, мать тоже растила ее совершенно одна. И Стелла легко могла справиться. И она справилась. Смерть укрепила ее. Она сознавала, как ей повезло. Нечего было жаловаться, когда вокруг них рушился мир. Вот она и справилась со всем.

* * *

В конце июля 1981 года Стелла стояла ранним утром у могилы матери, держа несколько последних роз – сорта альбертина, бледно-розовых и лиловых, слегка косматых, восхитительных. Вокруг стояла тишина, только странно звякали колокола на церковной колокольне – готовились к праздничному перезвону после Королевской свадьбы. Стелла считала себя равнодушной к таким церемониям, но что-то – юный возраст невесты, странная смесь в ней страсти и пассивности, последний вздох истеблишмента, его агония или невероятная

одержимость ее маленькой внучки Джульет этим событием? – Стелла не очень понимала причину, но что-то завораживало ее, и ее тоже захватил радостный патриотизм этого события. Она поклонилась своим умершим брату с сестрой и отцу, которого никогда не видела, и бережно положила розы у подножия маминого памятника.

– В этом году они чудесные. – Стелла часто разговаривала с могилой Лидди. – Восхитительный аромат. Не знаю почему. Пожалуй, из-за дождей.

Лидия Дайзарт Хорнер 1874–1944

Май – лучший месяц,

потому что в мае поют соловьи

Ей пришлось повоевать за такую надпись на могильном камне! Викарий счел ее излишне мирской. Но именно этого она и хотела для любимой матери, которая больше всего любила сад в мае, когда его пышное великолепие было еще впереди.

Оставив розы и дотронувшись артритной рукой до камня, Стелла направилась через кладбище к старой железной калитке и вошла в сумрак тисовой рощи. Пели птицы. Маленькая Джу и ее друг Эв бегали в саду, она пела, он что-то высматривал в кустах, заглядывал под пни. Иногда они говорили что-то друг другу и возвращались к своим занятиям. Его черная голова скрывалась за кустами, ее золотисто-рыжая крутилась, глядя в разные стороны. Стелла стояла и смотрела на них, радуясь. Солнце поднималось к зениту. Ночью прошел дождь, но день обещал выдаться ясным.

Она пошла к террасе, под ногами хрустел гравий. Майкл и Элви были в столовой, убирали посуду после завтрака, и Стелла не спешила заходить и постояла возле дома. Она смотрела, как ее невестка методично вытирала стол, а милый сын ходил по комнате, хватал какие-то предметы, откладывая их в сторону, повинуюсь каким-то командам в его собственном мире.

Он был так не похож на нее! У нее перехватило горло, когда она вспомнила, как мальчиком сажала его на колени и рассказывала ему всякие истории. Как ее родители приехали в этот дом – как мама Лидди провела детство и юность в Хайгейте, про кладбище, разгульного дядю Пертви, ужасную мисс Брайант и безвольного отца; про милую Мэри, мамину сестру, и Далбитти, лучшего друга ее отца, который перестроил этот дом по просьбе Неда. Про Элен, мать Лидди, которая выросла в Соловьином Доме, а потом вышла замуж за их отца. Про детей Лидди и о том, как они умерли, про Зиппору и Дарлингга, про других людей, которые были рядом с Лидди и Недом.

– Потом они убежали и с тех пор жили счастливо, а отец Лидди не смог ее догнать, – сказала она Майклу. Но мальчик слез со своего стульчика и вежливо попросил:

– Мамочка, можно я пойду играть?

– Конечно.

Так что когда у сына и Элви родилась дочка, Стелла без энтузиазма навестила их в Лондоне, но потом заглянула в темные, бархатные глаза девочки.

Мое солнышко, мое золотце, моя любимая девочка.

Джульет впервые привезли в Соловьиный Дом, когда ей было три месяца. Малышка открыла глазки и посмотрела на фигурки гипсовых соловьев на стенах гостиной, потом оглядела всю комнату. Стелла никогда не забудет тот ее взгляд. словно она уже *знала* этот дом. Глаза у Джульет так и остались такими же темными и бархатными, носик маленьким и круглым, а густые волосы, золотистые в младенчестве, окрасились рыжиной. В ней не было ничего от Элви, уроженки северных пригородов Лондона и Норфолка. Джульет словно сошла с полотна прерафаэлитов.

– Эв! – позвала Стелла. – Джу? Скоро начнется. Вы будете смотреть?

– Нет, спасибо, – отозвался Эв.

– О да, пожалуйста! – воскликнула Джульет.

Стелла потянула на себя тяжелую заднюю дверь и вошла на кухню.

– Ну что, я включу телевизор? Вчера миссис Би угостила нас глазированных булочками.

– Как любезно с ее стороны, правда? Очень приятно. Сейчас я поставлю чайник. Включайте телевизор. – Элви тихонько вздохнула, и Стелла с любопытством посмотрела на невестку. – Все будет забываемо и мило. По радио сообщили, что тысячи людей еще с вечера собрались в Гайд-парке. Для них это будет тоже забываемый день во всех отношениях.

Как и ее мать, Стелла испытывала аллергию к патриотизму во всех его проявлениях, но в ее душе все равно неискоренимо жила любовь к Англии и к тому, что она считала английскими жизненными ценностями.

– Конечно, – ответила она, проглотив грубое замечание, и достала поднос из шкафчика. – Сейчас я приготовлю все к чаю. И мы возьмем арахиса и чипсов. Побалуем себя, пока будем сидеть в гостиной.

– Замечательно! – воскликнула Элви и скрылась в гостиной. Оттуда послышался ее голос. – Майк! Майк, дорогой, иди скорее! Уже скоро! Джульет! Эверетт! Давайте приготовимся, ладно?

– Приготовимся, – пробормотала себе под нос Стелла, отыскивая terracotto блюдо для булочек. – Приготовимся.

Тут вбежала Джульет, громко захлопнув дверь.

– Грэнди! Эв гонится за мной! Ааааа! – закричала она в полном восторге.

Она метнулась в коридор и помчалась куда-то наверх. Через пару минут над головой раздался ее топот, потом снова крик, когда Джульет пыталась где-то спрятаться. Стелла улыбнулась. Так и должно быть – шум в доме. Все эти годы она старалась, чтобы так и было, наполняла дом голосами – родных, давних подруг по Кембриджу, местных знакомых, эвакуированных, детей и внуков художников...

Стелла бродила по столовой, отыскивая свою потерявшуюся кружку, вышла на террасу. Принялась рассеянно обрывать оставшиеся чашечки лаванды. Лидди всегда в это время набивала лавандой мешочки. Скоро и она займется этим...

– Мадам?

Перед ней появился силуэт. Она ненароком отметила, что у него не было тени, потому что был почти полдень и солнце стояло в зените. Человек был высокий, с седыми волосами. Стелла посмотрела на него, моргая от яркого света.

– Да? Чем могу быть полезна?

– Вы Стелла, простите. Боюсь, что не знаю вашу фамилию.

Стелла выпрямила спину.

– Я Стелла Хорнер.

– О, понятно. – Он отошел на шаг. – Ну Стелла Хорнер. Доброе утро.

– Чем могу быть полезна? – повторила она, надеясь, что вежливым тоном.

Жара мерцала вокруг нее; он подошел ближе, и что-то в его облике насторожило ее, у нее инстинктивно побежали мурашки по спине. Она заглянула в его темно-серые глаза, странно блестящие, словно полные слез.

– Вот я здесь, – сказал он, и она не поняла, что он имел в виду.

– Я – я Джон. Джон Хорнер. Я ваш брат, моя дорогая.

Стелла застыла на жарком солнце. Она подошла к крыльцу и оперлась рукой о каменную скамью, которую Далбитти сделал для усталых путников. У нее потемнело в глазах, несмотря на яркий свет.

– Вы... извините. – Вежливость взяла верх. – Извините, но как это возможно?

– Это шок. Я понимаю.

– Но ваша могила – я была там сегодня утром. – Странное дело, у нее слегка закружилась голова, как бывало иногда, – словно она вот-вот могла улететь в никуда. – Вы ведь умерли. – Она слабо улыбнулась. – Я знаю, что вы погибли.

– Но я не погиб. – Он снял шляпу и тщательно вытер лоб аккуратно выглаженным платком. Она посмотрела на отвисшую кожу под его подбородком, на лиловые тени вокруг глаз. – Я... понимаете... я дезертировал.

– Да. – Но она этого не понимала.

Она предложила ему сесть на каменную скамью, и он с облегчением сел, держа в согнутых пальцах тонкую соломенную шляпу. Его глаза смотрели куда-то вдаль.

– Мы отступали к деревне. Танки наступали. Раздался взрыв – осколки попали в школу, в которой мы укрывались. Четверо ребят... взлетели в воздух... Кто-то крикнул: «Хорнер убит! Мы потеряли его!» Странно, но я тогда не думал ни о чем. Вообще ни о чем. Я просто побежал. Побежал прочь. – Он посмотрел на Стеллу и заморгал от яркого света. – Я никому еще не рассказывал этого. Я лгал. Однажды я

вернулся сюда и виделся с отцом – только... Я... это очень длинная история, как вы можете догадываться, моя дорогая, но теперь...

Он направился к двери.

– Пойдите, – внезапно сказала она, не зная, почему она это сказала; только она не хотела, чтобы он зашел в дом. – Откуда я знаю, что вы действительно Джон Хорнер? Как вы можете это подтвердить?

– Как я могу подтвердить? – Он повернулся к ней. – Там над дверью птица, клюющая ягоды. Соловей. «Храни нас рать небесная в этих стенах». – Он говорил медленно и с акцентом. – На крыше четыре каменных соловья, у одного отколот кусок крыла. Элайза бросила в него кусок черепицы. И попала. Моя сестра. Она умерла от дифтерии. В детской были звезды на потолке, в Птичьем Гнезде – нарисованные, словно ночное небо. У сестры Ханны, жившей на ферме, был щенок... Его тогда еще не назвали, а потом его утопили... – Он снова посмотрел на нее: – Так, Фредерик писал мне о вас, но я все же не вполне верил этому. Вы действительно Стелла.

– Фредерик? – Имя приплыло к ней через время и пространство. – Кто – о, тот молодой человек, который открыл антикварную лавку? Вы знакомы с ним?

– Я рекомендовал ему приехать сюда. Я давно знаком с ним, он родом из городка, где я живу во Франции, в... – У него поникли плечи, он неважно выглядел. Стелле хотелось пересилить себя, сесть с ним рядом, взять его за руку, обнять... Но почему-то она не могла. – Это он сообщил мне, что вы живете здесь, что у моей матери родился еще один ребенок. – Он закрыл глаза, его веки трепетали на ярком солнце. – Это вы, правда?

– Да! – ответила она с легким раздражением.

– Правда? Это вы? – тихо переспросил он.

Она давно научилась закрываться от всего, что она не хотела слышать. У нее бывали тяжелые времена, и она закрывала свое сознание от всего. От неприятных вещей. От Эндрю, смерти мамы, от гадостей, которые говорили люди. Жизнь продолжается, говорила она себе. Иди дальше, и все.

Стелла заговорила снова, как она надеялась, примирительным тоном:

– Я не понимаю, почему вы спрашиваете меня об этом. Двинемся дальше. Вы – должно быть, вы хотите посмотреть дом, прошло

столько времени, просто ужас, но он по-прежнему стоит, как видите... – Она слегка растерялась, в ее сознании кружился калейдоскоп из дружеских и сердитых фраз. – Так зачем вы пришли сюда?

Если она ожидала, что его смутит ее тон, то она ошиблась.

– Поймите меня – мне ничего не нужно от вас. Я хотел повидать родной дом, встретиться со своим прошлым. Или хотя бы попытаться это сделать, – сказал он с печальной улыбкой. – Я уже старый, больной. Вот я и решил вернуться сюда в последний раз. Я думал, что сделаю это после окончания Второй мировой, но в 1950 году узнал о смерти мамы от двух болтливых искусствоведов, приехавших в Динар. Они сидели в баре и говорили о моей семье... о картине... – Он поднял глаза и пристально посмотрел на Стеллу: – Вы ведь знаете, конечно, о картине?

– Конечно – как я могу не знать?

Мама. Он назвал ее «мама». Стелла часто слышала, как мама говорила о Джоне. Как он был ее верным компаньоном все годы, ребенок, очень похожий на нее. Как он всегда говорил, что женится только на ней, больше ни на ком. Каким он был добрым, милым, забавным и красивым. Ее лицо всегда светлело. И вот он был здесь. Это был он.

Стелла понимала, какая ужасная пропасть разверзлась между ними, непреодолимая пропасть. Минувшие годы, которые она вновь и вновь проживала в маминых рассказах, не были прошлым, они были здесь. Она всегда представляла себе прошлое в виде полного круга, плоского газетного листа, наподобие кругов, которые она вырезала из середины маминой старой «Таймс» ржавыми ножницами. Для нее оно было устоявшимся фактом, а теперь кто-то снова разрезал его на кусочки. А ведь она всегда была так уверена в себе до мелочей.

Джон медленно встал, опираясь на скамью.

– Фредерик приедет за мной где-то через полчаса. Мне очень хочется взглянуть еще раз на дом... Я не останусь. – Он взял ее за руку, словно наконец догадался, чего это ей стоило, и заглянул ей в глаза: – Моя... моя сестра. Через столько лет. Боже мой...

Что ей оставалось?

Она молча позволила ему перешагнуть через порог дома и смотрела на его лицо, когда он огляделся по сторонам, бросил взгляд

на свет, лившийся из световой шахты над лестницей, на старинную вешалку для верхней одежды. Он потрогал лестничную опорную стойку с белкой, словно дотрагивался до минувшей милой жизни, потом обратился к ней:

– Привет, старина.

Из гостиной доносились телевизионные комментарии. Сын снова позвал ее и спросил, все ли в порядке.

– Я просто разговариваю с моим знакомым, – крикнула она в ответ.

Знакомый. Он был хорошо одет, глаженная свежая рубашка в розовую с белым клетку, голубые вельветовые брюки, легкий пиджак; он часто дотрагивался до нагрудного кармана. Он стоял прямо, высокий, но сутулился, как она догадалась, от боли. Серые волосы обрамляли его загорелое лицо; таких ярких серых глаз, как у него, она никогда не видела. Однажды, только однажды он не сдержался и проявил эмоции, охватившие его в родном доме. Они стояли в дверях спальни Стеллы, он прислонился к косяку. Она жестом пригласила его зайти и нетерпеливо поморщилась, когда он не сделал этого. Она решила, что это жест джентльмена.

Но он покачал головой и отвернулся, пряча лицо.

– Она умирала тут, – сказал он. – Она умирала, а мама держала ее. Я слушал вон за той дверью.

Он больше ничего не сказал, отвернулся и прислонился к стене, держась за сердце. Стелла забеспокоилась – он сильно побледнел.

Они вместе сидели в столовой. Она принесла ему сердечное лекарство. Звуки гимнов перемежались с монотонным гудением церемонии венчания, и они носились по тихому дому. Стелла не знала, что и сказать. Она не чувствовала тепла к нему и поняла, что что-то в ней, должно быть, не так, раз она не могла это чувствовать. Какая-то нота звенела в ее голове.

– Странно, – снова сказал он. – Вы – когда вы родились?

Ей было досадно, что он так пристально глядел на нее. На лестнице висел рисованный портрет мамы. Стелла знала, что она похожа на нее. Она не понимала, почему он пытался поставить под сомнение ее, ее роль в этом доме. Вероятно, с какой-то гнусной целью.

Но ведь он живой, он их сын, и дом... он может захотеть дом или его половину...

Всякие мысли крутились в ее голове, и ей сделалось дурно. Она кашлянула.

– Я родилась в 1918 году. В том году умер мой отец.

Последовало долгое молчание, и неожиданно Джон сказал:

– Но он не ваш отец, моя дорогая. Вы знаете это.

Он сказал это спокойно, а Стелла даже не сразу осмыслила его слова.

– Я думаю, что вы ошиблись, – сказала она. У нее потемнело в глазах. – Мне надо пойти и посмотреть хотя бы конец свадебной церемонии, моя внучка...

– Он не может быть вашим отцом, – сказал он. – У вас карие глаза.

– Вы очень наблюдательный, – ответила она. Неизвестно откуда налетевший порыв ветра с громким стуком захлопнул дверь. Стелла вздрогнула. – Да, у меня карие глаза, и что?

– Но у моей матери были голубые глаза. Самые голубые на свете. А у моего отца серые, темно-серые. Вы не можете быть их ребенком. Возможно, ребенком кого-то из них, но не их обоих. – Он сказал это медленно, терпеливо.

– Чушь какая!

– Это научный факт.

– Как вы смеете...

Джон грустно покачал головой:

– Мне не следовало бы говорить вам это. Но вы могли бы встретить меня более приветливо.

Стелла почувствовала, как в ее голове что-то взорвалось. Легкий, негромкий взрыв – *пуфф!* Она встала, моргая.

– *Уходите.*

– Что?

Она подняла руку и увидела, как она ужасно дрожала.

– Я не хочу видеть вас в этом доме.

Наступило тяжелое молчание.

– Кто вы такая? – тихо спросил он. – В этом доме всегда приветливо встречали всех. Вы просите меня уйти? Правда? А вы – вы вообще знали мою мать?

Кто вы такая.

– Уходите! – сказала она уже немного громче. – Н-не приходите сюда – н-н-н-никогда не приходите сюда! Вы задаете мне вопросы про мою маму, про меня... *меня...* Я ее дочь!

Она блокировала в своем сознании волну разговоров, сплетен, доносившихся до ее ушей, болтовню двух женщин на веранде, услышанную на лондонском чаепитии, когда она играла в куклы, фразы в доме священника после глинтвейна на Рождество, или в тот раз, когда она, молодая девушка, шла по Королевской Академии и остановилась перед отцовской картиной «Встреча», а за ее спиной громко, помпезно разговаривали два старика. Или то, что было в письме, которое она нашла вскоре после маминой смерти, – Стелла сложила его много раз и спрятала на полке за книгами – убрала подальше, словно оно могло пропасть там.

Она была такая худенькая, живой скелет. Я слышала, что она всех обманула. Что Лидди могла сделать?

Говорят, она просто появилась ниоткуда. Загадочный ребенок. Как будто она купила ее где-то. Непонятная история...

Говорят, умерла от горя. Да, я знаю. Он возвращался к ней.

Дорогая Лидди... пожалуйста, назови ее Стелла.

Громкое ликование донеслось из комнаты за холлом, и Стелла с Джоном посмотрели в ту сторону.

– Что там происходит? – хмуро поинтересовался он.

«И когда молодая пара шла назад через собор, Западная дверь распахнулась, и теперь мы слышим восторженный шум толпы на улице...»

– Грэнди! Иди! Иди скорее к нам!!!! – Джульет с развевающимися вокруг лица волосами, запыхавшаяся, появилась в дверях. – Ой, здравствуйте, – пробормотала она. – Грэнди, пойдем, посмотри!

Стелла увидела, как Джон Хорнер уставился на маленькую девочку, как он вздрогнул, жадно вглядываясь в ее черты. Улыбнулся и снова похлопал себя по карману, за которым билось его сердце.

– Привет, – сказал он. – Я Джон, а ты кто?

– Это Джульет, – сказала Стелла. – Моя внучка. – Она провела ладонью по лбу и сказала еле слышно и спокойно: – Пожалуйста,

уходите сейчас же! Я не хочу вас видеть. – Она увидела смущение на маленьком лице внучки.

– Джульет, – сказал Джон, повернувшись к ней. – У тебя есть кукольный домик? Он стоит в Голубятне?

– Да, – ответила она, улыбнувшись ему. – Есть. Вы знаете его?

– Я играл в него, когда был ребенком. Я должен что-то положить в домик, что принадлежит тебе. Я привез это назад. Ты покажешь мне, где домик?

Джульет сунула руки в кармашки сарафана.

– Конечно, – сказала она. – Только обращайтесь с ним осторожнее. Он очень *старый*.

– Конечно, милая. – Он встретился взглядом со Стеллой. – Извините. Мне жаль, что так получилось. Прощайте, Стелла, – сказал он, но она покачала головой.

– Я хочу, чтобы вы просто ушли, – сказала она. – Я хочу, чтобы вы ушли.

– Моя дорогая – мы не властны над прошлым. Мне очень жаль...

– Я хочу, чтобы вы ушли! – закричала Стелла, ее голос сорвался на последнем слове. Ее сын и его жена стояли за дверью с чашками чая. Они с тревогой смотрели, как маленькая Джульет повела старика к Голубятне. Стеллу захлестнула волна боли и ужаса. Все пропало, изменилось, рухнуло. Стелла снова вернулась в свой кабинет. Французские окна были открыты, сад в расцвете своей красоты. Она подошла к полкам, к дальнему углу, и достала потертую, красивую старинную книгу в твердом переплете – «Тысяча и одна ночь» – и сунула руку в освободившуюся нишу. Неловкими, сердитыми пальцами нащупала жесткий клинышек бумаги. Достала и увидела, какой ветхой стала эта бумага.

Дорогая Лидди.

Спасибо за твое письмо. На следующей неделе я забронировал место на «Валианте» и приеду, чтобы увидеть мою дочь и похоронить мою любимую. Больше я ничего не могу сказать. Но твоя доброта после всех этих лет молчания меня поразила.

Когда я вместе с Недом переделывал твой дом, я нарисовал на потолке в детской золотые звездочки. Они по-прежнему там? В детстве у меня висела под потолком мобильная конструкция со звездами – я запомнил ее на всю жизнь. Я любил лежать на спине и смотреть на звезды. Думаю, твои дети тоже любили это. Моя дочка тоже спит в той комнатке? Ты назвала ее Стеллой? Я представляю себе, как она лежит и смотрит на тот потолок. Ее мать была звездой; она ярко светила мне, ярче всех других. Она солгала мне – она поступила так из благих побуждений, – и почему только она верила в это? И почему я не смог разглядеть ее обман – ох, Лидди – ох, Лидди... мы остались с тобой вдвоем, и у меня так тяжело на сердце...

Дорогая Лидди, спасибо тебе – скоро я увижу тебя и это дитя, это чудо – ох, моя дорогая Мэри, как же она, должно быть, страдала и как много дала нам.

Я думаю только о тебе и малышке. Я буду рядом с тобой, как только смогу с Божьей помощью.

Снова: каштаны и цыплята,

ЛД.

Слезы капали из ее глаз на тонкую, сложенную много раз бумагу, капали между прорвавшимися сгибами на кожаную с позолотой тетрадь, на кресло, где мама сидела в тот день, когда папа рисовал ее... Стелла пошатнулась и схватилась за край стола. Зазвенели колокола. Свадьба закончилась, колокола звонили в телевизоре и в реальной жизни из церкви. Громкий, радостный перезвон. Слишком громкий.

Когда Стелла выглянула в окно, она увидела, что старик шел от дома по дороге. Там его ждали ее сын и его жена. Пускай они поговорят с ним, подумала она, успокаиваясь. Пускай познакомятся с

ним сами. Они не знают, как мама трудилась, спасала своими силами этот дом, чистила дымоход, затыкала щели, чтобы не было сквозняков, заклеивала трещины, чинила шторы, подушки, полировала дерево. Они не знают, сколько в этот дом вложено женского труда, всегда женского труда.

Эскиз к «Саду утрат и надежд» стоял, как всегда, на мольберте в углу кабинета, там, куда давным-давно, после смерти Неда, поставила его мама. Стелла взяла кисть и золотую краску из детского набора, который она купила к приезду Джульет, и подошла к холсту. Она колебалась – неужели посмеет? Она понимала, что совершит грех, если это сделает. Она может сейчас выйти к этому человеку, извиниться, позвать его в дом. Она может открыть прошлое, посмотреть правде в глаза, жить свободно. Продать дом, продать его и уехать. Ее руки замерли над эскизом...

Потом Стелла быстро добавила падающую звезду, падающий на землю каскад золотых искр. Отошла, посмотрела на двух детей и на добавленную деталь.

– Это я, – сказала она вслух. – Я на картине. Теперь я тоже там.

Но тут же нахмурилась. Ведь это был всего лишь эскиз.

Она не видела, что на улице, в Зарослях, Джульет и Эв играли в прятки, носились по саду, и солнечный свет мелькал на их юных телах, словно тени крыльев пролетающих над ними птиц.

Эпилог

1919. Февраль

Дорогой Далбитти.

У тебя есть дочь. Ее имя Стелла.

Я солгала, когда отправила тебя в Оттаву. В то время я уже носила твоего ребенка, наше маленькое чудо. Я знала, что ты лишишься заказа, если твое имя появится в прессе в связи с бракоразводным процессом. Я знала, что ты никуда бы не поехал без меня, ведь ты такой. Я знаю по печальному опыту, что мы с тобой не сможем жить так, как нам бы хотелось. Разве что когда-нибудь, не сейчас, и поэтому я, словно героиня мелодраматического романа, пожертвовала собой ради твоего счастья.

Я родила дочку, но боюсь, что занемогла. Короче говоря, в процессе родов что-то случилось, все прошло тяжелее, чем я предполагала. Далбитти, я должна сказать тебе, что они потребовали от меня значительно больше усилий, чем при уличных демонстрациях за избирательное право для женщин. Доктора уклонялись от правды, а это всегда плохой знак. Стелле уже шесть месяцев – они стали для меня главным делом жизни. Она очень походит на отца – огромные глаза, живой интерес ко всему. Она радостно пищит, когда я подхожу к ней утром. Она любит свои ножки и хватает их, когда лежит в колыбельке.

Мы вернулись в Хаммерсмит в мои маленькие комнатки. Я не могла оставаться в том доме без тебя, мой дорогой. Я знаю, что мои дни сочтены. Я кашляю ночами и мешаю спать Стелле. Хотя до прошлой недели я чувствовала себя вполне сносно, только изредка меня мучили боли. Я очень уютно устроилась, мой дорогой. Я сшила всю одежду для Стеллы. Кольцо, твой подарок, я продала, и благодаря этому мы с твоей дочкой продержались вполне комфортно последние месяцы. Ты оставил мне очень много денег, но их недостаточно для жизни с маленьким ребенком! Я наняла няньку, миссис Лефей, милую женщину, военную вдову. Ее муж погиб в сражении за Пашендаль. Он

был художником, учился в Академии, и мы с ней разговариваем о живописи, об искусстве и подобных предметах. У меня за окном блестит река, Стелла улыбается, когда слышит гудки пароходов, миссис Лефей заботится о нас, и я не могу сказать, что я несчастна. Мне с ней уютно. Она будет со мной до конца. Ты не волнуйся за меня.

Через месяц я отдам Стеллу. Я отвезу ее в Соловьиный Дом. Надеюсь там уговорить мою сестру, чтобы она вырастила ее как родную дочь. Как мне убедить Лидди это сделать, ведь она рвала мои письма, отказывалась встречаться со мной все эти десять, даже двадцать лет и обрушивала проклятья мне на голову? Я просто в растерянности. Она считает меня распутницей с черным сердцем, потерявшей всякие приличия. Я приложу все силы и устрою такую убедительную сцену, что она согласится взять себе ребенка.

Я уверена, что Лидди посмотрит в ее глазки и увидит то, что вижу я. Потому что Стелла так похожа на нашу мать, что у меня захватывает дух. К тому же она даст Лидди еще один шанс. Она дает всем нам еще один шанс, Далбитти. Возможно, для всех нас это наш последний ребенок; она сможет расти в Соловьином Доме, свободная и резвая, среди птиц и цветов, на свежем, свежем воздухе. У нее будет то, чего не было у Пертви, Лидди, у меня и дорогих Джона с Элайзой. Детство без забот и бед в том самом доме, который сделан твоими стараниями. Я прошу тебя, пойми, что ты не должен видеться с ней; ты – как и я – должен отказаться от всех прав на нее, чтобы она росла, не зная, кто она.

Я скоро уйду из жизни – но мне не грустно. Потому что я увижу тебя, мой любимый, в том большом саду, где мы все снова будем вместе когда-нибудь – ты, я и наша дочка. Прощай, мой самый дорогой на свете человек – спасибо, что ты любил меня.

1919. Март

Все утро она собиралась на кладбище, но тянула с этим. Она была простужена и страдала от ужасной зубной боли; почти всю неделю она ходила, закутав голову шарфом, прижав к больному зубу марлевый комок, смоченный в чесночном масле. Десна была воспалена, болела, Лидди не могла ничего есть; но больше всего ее беспокоила другая

боль, которая не покидала ее. Незримая боль, наполнявшая тебя до предела жалостью к себе, тоской по минувшим временам и упущенным возможностям. Но это был день рождения Джона, и ей надо пойти. Кроме того, несколько недель назад был установлен надгробный камень на могиле Неда, а она еще не видела его. Сама не знала почему. Стояла скверная погода, ледяной дождь превратил дорожки в каток и прибил на лужайке первые, робкие подснежники. Но это был день рождения Джона, и Лидди понимала, что не может и дальше откладывать задуманное, и в полдень, когда стало немного светлее, она надела поверх платка побитую молью шаль и осторожно вышла на улицу.

Все это время она старалась соблюдать осторожность; осторожно ходила, разжигала очаг, закрывала двери, вытаскивала занозы. Она осталась одна, совсем одна, и надо было жить дальше ради памяти об ушедших. Так много сожалений: она часто жалела, что не пошла на встречу с Мэри, сжигала ее письма. Что недостаточно заботилась о Неде, игнорировала его, и в результате случилось то, что случилось. Что зря поехала в Лондон в то лето... что не уговорила Джона пойти на работу подальше от фронта... Она жалела слишком о многом, и мрачные мысли порой так захлестывали ее, что у нее возникало желание разом покончить со страданиями. Но тогда никто не вспомнит, что они были здесь, дом будет продан – богачу, который *все переменит*, перестроит дом и превратит весь сад в лужайку, по которой будут бегать *его* дети... Нет, это было невысказано.

Холодный воздух ударил ей в лицо. На улице пахло влажной землей и чем-то еще – свежим, металлическим. Запах весны. Лидди ковыляла по дороге к кладбищенской калитке и видела, что на черных ветках сирени, растущей возле дома священника, уже проклюнулись крошечные, зеленовато-бурые почки. А кое-где уже цвели подснежники и нарциссы. Где-то за спиной на деревьях чирикала одинокая птица.

Лидди любила весну. Нед тоже, после их переезда сюда. Весенний пейзаж наполнял его идеями, словно вода, льющаяся из крана в кувшин. Лидди толкнула калитку и пересекла обледенелую, хрустящую под ногами лужайку, где летом цвели орхидеи, луговые травы, а над ними порхали пестрые бабочки. Лидди запахнула китель. Это был китель Неда, военный, отделанный ярко-красным; Нед

работал в нем в Голубятне. Он купил его у Пертви много лет назад – она подозревала, чтобы поддержать Пертви деньгами. Китель был превосходного качества – у ее брата был превосходный вкус к качественным вещам. Бедный Пертви. Его нет уже двадцать лет с лишним.

На серебристой березе, росшей за церковью, там, где отдельно от других могил стоял склеп семейства Кут, появились сережки. Подснежники... сережки... Лидди вздохнула, перебарывая зубную боль, и осторожно дотронулась до щеки. Она была слегка оглушена весной и пыталась вспомнить, когда в последний раз уходила далеко от дома. Пожалуй, несколько недель назад. Уже после Рождества, но ненадолго. Теперь, когда она осталась одна, дни сливались для нее в сплошную полосу. Пожалуй, сейчас, на свежем воздухе, она чувствовала себя лучше.

– Лидди?

Маленькая бесформенная фигурка в коричневой накидке из грубой шерсти появилась внезапно, как из-под земли, и Лидди вскрикнула от испуга и схватилась за щеку.

На нее смотрела маленькое белое лицо, покрытое толстым слоем пудры. Глаза, милые карие глаза, казались огромными, на пол-лица. Плащ на фигурке снова беспокойно пошевелился.

– Лидди?

– Мэри? – прошептала Лидди, и от этого имени у нее перехватило горло.

Мэри кивнула. На ее щеках горели красные пятна.

– Лидди, дорогая, давай присядем, – попросила она и похлопала по скамейке. Как в детстве, в комнате Лидди, когда она, младшая, просила о чем-то старшую сестру. – Тебе больно? Болит зуб?

Лидди кивнула и села. Она заметила со страхом, как медленно, осторожно ее сестра устраивалась рядом с ней, заметила жилы, выступившие на ее белой шее, и странный горб под накидкой.

– Почему ты здесь? – спросила она наконец.

– Ага, она что-то почувствовала. Лидди, дорогая. – Мэри тихонько засмеялась. – Я приехала, чтобы умолять тебя о помощи. В тот раз ты не захотела встретиться со мной.

Лидди тяжело вздохнула:

– Мне надо было возвращаться к Неду. Я тревожилась за Джона. Я не хотела...

– Я знаю, дорогая. Но мне нужно было повидать тебя. – Мэри похлопала ее по руке, и Лидди охватил восторг от этого прикосновения сестры. От ее спокойного, певучего голоса! От ее присутствия, от ее спокойной уверенности, – а потом она повернулась и взглянула на бледную кожу Мэри, туго обтянувшую ее скулы и лоб, на видневшиеся под ней кости... на длинные, как у скелета, пальцы, похожие на выбеленные веточки. Они нервно теребили грубую коричневую накидку, словно занавес на сцене, – а ужасно огромные глаза смотрели то на Лидди, то на то, что скрывалось под полами накидки.

Лидди проследила за ее взглядом.

Она обнаружила, что глядит на маленькую детскую головку, и растерянно заморгала. Что-то потянулось к ней. Пальчики, крошечные пальчики на маленькой ручке высунулись из колючего шерстяного рукава малинового цвета. Пальчики разжались и сжались. Ноготочки были неровные, тонкие, их надо было подстричь; ямочки на сгибах пальцев походили на черточки на маленькой, пухлой ручке.

Мэри, в белой блузке с кружевами, прижимала ребенка к своей груди. Лидди видела, как лихорадочно билось под тонкой тканью сердце ее сестры, трепетало, словно птичье крыло. Мэри снова запахла плащ и сказала:

– Это девочка. Ей шесть месяцев. Я уже не в силах...

Она замолчала и тяжело вздохнула, словно справившись с огромным волнением, и подняла глаза.

– Я уже не могу заботиться о ней. Я не могу это делать. Когда-то я не хотела ее, пыталась избавиться от нее. Но знаешь – она осталась. Сейчас она со мной, и ей нужно молоко, а я больше не хочу ее кормить. Я плохая мать. Материнство не для меня.

– Но раньше ты могла ее кормить? – с сомнением спросила Лидди.

– О да, какое-то время. – Она теребила завязку на плаще; полы разошлись, и Лидди впервые увидела всего ребенка и изможденную фигурку сестры. Ей пришлось прикусить ноготь, который она грызла, чтобы не заплакать от волнения и тревоги. Спеленутый ребенок лежал в шарфе, повязанном на теле Мэри. Развязав шарф, Мэри протянула дочку Лидди, руки которой немедленно вспомнили, как это делается, и

взяли ее. Лидди посмотрела на темно-карие глаза девочки и снова на Мэри. У сестры еще сильнее пылали щеки под толстым слоем пудры.

– Мне жарко.

– Сегодня морозный день, дорогая, – пожалуйста, запахнись.

– Нет, не заставляй меня, – она подняла руку. Лидди проследила за ее взглядом и увидела длинное зеленое авто, ждавшее на дороге с другой стороны от церкви. – Меня ждет Димчёрч, он чудесный.

– Димчёрч?

Мэри закашлялась, сглотнула, потом засмеялась.

– Да. Он друг Далбитти. Теперь послушай меня, моя дорогая сестра. Пароход отплывает вечером. Я прошу твоей помощи. Далбитти написал мне, что он устроился в Канаде. Он не может держать при себе в Канаде незаконнорожденного ребенка. Я хочу поехать к нему, вот почему я здесь. Ты должна взять мою дочку, чтобы она не попала в приют. Ее имя Стелла.

Лидди прижала ладонь к больной щеке и, чтобы вернуть себя к реальности, прибегла к реальности этой боли.

– Стелла?

– Да, маленькая звездочка. – У нее снова началась конвульсия и свистящий кашель, похожий на рыдания. Но она снова улыбалась какой-то маниакальной, полубезумной усмешкой. Лидди ничего не понимала. Она крепко держала ребенка, так похожего на Мэри, на Пертви выражением глаз и на их мать. Девочка уже пригрелась в руках Лидди и, медленно моргая, глядела на серое мартовское небо.

– Я не могу взять ребенка, – медленно ответила Лидди. – Люди спросят, откуда она у меня.

– Почему? – Мэри внезапно встала, вскрикнула и заглушила крик кулаком. – Все нормально – это просто судорога. Ты можешь придумать что-нибудь, если решишь ее взять, я в этом не сомневаюсь! Поезжай с ней завтра в Лондон и остановись у Галвестонов. Солги насчет ее возраста. Она может сойти и за трехмесячную. Скажи, что уже после смерти Неда ты неожиданно для себя обнаружила, что беременная. Скажи, что ты приехала в город, чтобы купить ей одежду. Поживи у них месяц. Потом вернешься домой и покажешь девочку всем в деревне. Она твой ребенок... – Мэри положила ладонь на грудь дочки и пошевелила большим пальцем. Стелла открыла

глазки. – Ты ведь совсем одна, Лидди. У тебя нет никого. Мне хочется, чтобы она росла у тебя. В доме.

Лидди вытаращила глаза на сестру:

– Мэри, как ты можешь просто отказаться от нее?

– Ей будет хорошо у тебя, правда? Лучше, чем со мной в моих крошечных комнатках. Там и для меня места мало, не то что для ребенка. И я так устала от этой жизни. Я хочу быть рядом с Далбитти. Теперь наша очередь стать счастливыми. – Она опять странно улыбнулась. Лидди увидела ее желтые зубы.

– Дорогая моя, – сказала Лидди. – Признайся честно. Что с тобой случилось? Ты очень худенькая.

– О, я переболела инфлюэнцией, вот и результат. Но доктор посоветовал мне морской воздух, отдых и фруктовые соли «Эно», и я потратила на эту поездку последние деньги. – Ее низкий мелодичный голос успокаивал Лидди. Она в самом деле здесь. *Я с ней после всех этих лет, и она лжет. Я знаю, когда она лжет.* – Далбитти обещает сделать для меня все, когда я приеду. У меня будет три новых платья и шляпка, подбитая мехом, чтобы мне было тепло. И я отрежу волосы, потому что теперь такая мода. Все должны поверить, что я его жена.

– А ты не вернешься потом за ней?

Мэри склонила голову набок и быстро посмотрела на дочку.

– Нет! Господи, нет, ей будет лучше у тебя, если ты ее возьмешь. – Ее костлявые пальцы схватили Лидди за запястье. – Возможно, у нас будут другие дети, но я, Лидди, уже старая. Когда я родила Стеллу, мне было сорок два года.

– А как же люди... – Лидди заморгала, настолько пораженная происходящим, что у нее закружилась голова. – Как я объясню это людям, когда мне сорок четыре года, почти сорок пять, что я вдруг родила ребенка?

– Лидди, милая, ты создала Соловьиный Дом. Ты создала свой собственный мир. Расскажи любую историю, какую сочтешь убедительной: люди поверят тому, чему захотят. Разве не ты изображена в центре картины? – Она беззаботно пожала плечами и выпятила нижнюю губу. В тот момент Лидди почти ей поверила.

Раздался громкий гудок клаксона, и сестры вздрогнули. Лидди схватилась ладонью за щеку – боль неожиданно вернулась. Мэри медленно встала.

– Если хочешь, я заберу ее назад. Найду кого-нибудь... – У нее горели глаза; она закрыла их, села на скамью и тихим, жалобным голосом сказала: – Ох, дорогая моя Лидди... Прошу тебя, возьми ее. Пожалуйста, удочери ее, вырасти ее здесь, пусть у нее будет счастливая жизнь. Подари счастье и себе. Счастье и надежду. *Пожалуйста.*

Сестры посмотрели друг на друга, и на секунду Лидди увидела, как изменилось выражение лица Мэри, увидела ее темные, пристальные глаза, нежный изгиб ее губ, сложившихся в О. Она увидела сестру такой, какой она была на самом деле. Самой доброй и лучшей из женщин, которая боролась за то, что считала правильным. Которая любила Лидди и Пертви, когда их не любил никто. Заботилась о них, когда никто больше не заботился. Которую она прогнала после смерти Элайзы, после чего она стала ей чужой почти на двадцать лет. И все же, когда они смотрели друг на друга, годы улетали куда-то прочь – они не имели значения, вообще никакого значения.

Лидди вздохнула и сказала спокойным голосом:

– Я возьму ее – но только ты нездорова и должна пойти со мной в дом. Ты выпьешь говяжьего бульона и отдохнешь...

– Нет! У меня все нормально, правда, только я ужасно худая – но Далбитти все знает и позаботится обо мне!

– Мэри, ты должна пойти со мной, – настойчиво повторила Лидди.

– Я убегу, если ты будешь заставлять меня. Ты ведь знаешь, что меня невозможно заставить против моей воли. – В ее глазах промелькнул слабый намек на улыбку. – Тем более после всех этих лет. Я напишу тебе – о да.

Она наклонилась над дочкой и поцеловала ее гладкий лобик, прижавшись к нему губами на секунду дольше обычного поцелуя. Горючие слезы потекли по щекам Лидди. У Мэри не было слез. Она выпрямилась и огляделась по сторонам.

– Как забавно, – сказала она. – Мы тоже выросли рядом с кладбищем.

Потом она снова завернулась в плащ и на секунду скрипнула зубами.

– Нет! – воскликнула Лидди, уже не в силах скрыть свое отчаяние. – Пожалуйста, пойдем со мной, дорогая моя. Пойдем...

Мэри побежала прочь по могилам, как бегали они в детстве, перепрыгивая через могилы на Хайгейтском кладбище. Лидди бросилась за ней, крепко держа Стеллу. Она снова сунула в руки Мэри ее дочку, сняла с себя толстый китель Пертви и набросила его на плечи сестры.

– Он принадлежал...

– Пертви. Я знаю. Я его помню. – Мэри стояла у ворот, завернувшись в теплый, уютный китель; при неярком свете дня ярко горела его красная подкладка. Урчал мотор авто. – Упокой, Господь, его душу. Мы – мы трое – были неплохими детьми, правда?

– Мы были хорошими детьми, и наша мама нас любила, мы тоже отвечали ей любовью, – сказала Лидди. Слезы лились и лились по ее щекам. Она взяла Стеллу у матери.

– Тебе действительно нужно уехать? – тихо спросила она еще раз. – Ты не можешь...

– Я не могу, – ответила Мэри дрогнувшим голосом. Она поправила пеструю шаль, в которую была завернута дочка, и провела согнутыми пальцами по ее щечке. – Дорогая моя... дорогая Лидди...

Она стала торопливо спускаться по ступенькам, крошечное, движущееся темно-синее облачко, и подошла к ждавшему ее авто. Это было такси. Лидди увидела ее озабоченное лицо за стеклом дверцы, увидела, как она, сгорбившись, подалась вперед и что-то сказала шоферу, и в каждом ее движении сквозила напряженность. Машина рванулась с места, и Мэри отбросило назад. Она терпеливо сложила на коленях свои крошечные руки – давняя привычка Мэри – и глядела вперед на дорогу. И она даже не оглянулась на сестру, державшую на руках ребенка.

Лидди стояла на краю кладбища и глядела на крошечную девочку. У нее были светлые, шелковистые волосы и пухлые щеки. Лидди наклонилась и вдохнула младенческий запах, ощутила персиковую прохладу детской кожи. Любопытные глазки Стеллы встретились с глазами Лидди. В белках ее глаз не было прожилок, на ручках царапин, а на лице пятнышек или морщинок. Она была само совершенство. Жизнь пока не оставила на ней своих отметин.

Ветер утих, пели птицы. Лидди зябко поежилась; ей стало холодно без кителя.

– Прощай, – крикнула она во всю мочь, не зная, что еще сделать. – Я буду любить ее. Ты не беспокойся.

Она повернулась и очень, очень медленно пошла к дому по скользкой дорожке. Осторожное, бледное как металл солнце пробилось сквозь жемчужные полосы облаков, окрасив мокрые камни в серебристые и золотые тона.

– Твой отец построил этот дом, и ты вырастешь в нем, – сказала она Стелле, прижав ее к груди; от малышки струилось тепло и проникало в истерзанное болью сердце Лидди. Ей показалось, будто она слишком долго стояла на холоде и вдруг оказалась перед жарким очагом. Задержавшись на секунду под перемычкой с соловьями, Лидия Дайзарт Хорнер шагнула через порог и на этот раз тщательно закрыла дверь, отгородившись от известных и неизвестных вещей.

Близилась весна. Она еще не пришла, но Лидди знала, что она уже в пути.

* * *

Дочитав письмо от своей прабабки к своему прадеду, Джульет какое-то время сидела неподвижно, потом дотронулась кончиками пальцев до строчек, написанных выцветшими чернилами. Прикоснулась к словам, которые были написаны почти сто лет назад и пересекли океан. Изменилось все и, по сути, не изменилось ничего. Все продолжалось и продолжалось. Когда в деревьях запел вечерний птичий хор, Джульет выглянула во французское окно на сад, пестревший коралловыми, пурпурными, павлинье-синими, бледно-розовыми красками. Она была в центре. Теперь она была женщиной с картины и видела то же самое, что и Лидди в тот золотистый предвечерний час столько лет назад.

Она сложила письмо и положила его в книгу «Тысяча и одна ночь». Ничего не изменилось, еще раз сказала она себе, встала и вышла из кабинета, чтобы найти Сэма.

В опустевшем кабинете снова стало тихо. Вид из окна не изменился. В конце концов, мы сами создаем нашу реальность.

Я начинаю тереть глаза, думая о будущем. Война заканчивается. Я подозреваю, что мирная жизнь потребует больше мужества, чем все, что происходило до этого. Человек понимает, как сильно кружится у него голова, только когда соскакивает с вращающегося круга. Одним придется научить прищуренные глаза видеть то, что вдали, а другим наконец признать, что мертвые – не только те, кто ушел из жизни во время войны.

Дневник Синтии Асквит, 7 октября 1918 г.

notes

Примечания

1

«Холлиокс» (англ. Hollyoaks) – британская мыльная опера, транслируемая на канале Channel 4 с 23 октября 1995 года. – (Прим. ред.).

2

«Мужчина в доме» (*итал.*).

3

Престижная английская стипендия для учебы в Оксфордском университете для выдающихся молодых людей из США.

Организации по охране исторических памятников. – *(Прим. пер.)*.

5

Традиционный символ трусости в странах бывшей Британской империи, и в особенности в Британской армии. – *(Прим. ред.)*.

Table of Contents

[Хэрриет Эванс Сад, утрат и надежд](#)

[Пролог](#)

[Часть первая](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Часть вторая](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Часть третья](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Часть четвертая](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

